

М. ДЖ.
РОУЗ

М. ДЖ. РОУЗ

МЕМОРИСТ

МЕМОРИСТ

ЭКМО

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

М. ДЖ. РОУЗ

МЕМОРИСТ

ЭКСМО
МОСКВА

2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(7СПА)
Р 79

M.J. Rose

THE MEMORIST

Copyright © 2008 by Melisse Shapiro.

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition is published by arrangement with Harlequin Books S.A. All characters in this book are fictitious. Any resemblance to actual persons. Living or dead, is purely coincidental.

Оформление серии *С. Шикина*

~~Иллюстрация на переплете А. Дубовика~~

Роуз М. Дж.

Р 79 Меморист / М. Дж. Роуз ; [пер. с англ. С.М. Саксина]. — М. : Эксмо, 2013. — 432 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-63683-9

С раннего детства Меер Логан преследовали странные воспоминания и образы, возникающие из ниоткуда. И тем не менее Меер чувствовала, что они — часть ее прошлого. А еще она слышала музыку, причудливую и тревожащую, но никак не могла запомнить ее... И вот теперь Меер получила известие от своего отца, историка и антиквара, о том, что в Вене найден ключ к местонахождению древнего артефакта — «флейты памяти». Говорят, если сыграть на ней определенную мелодию, в тебе оживут воспоминания обо всех твоих предыдущих жизнях. Желая раскрыть тайны своего подсознания, Меер приехала в Вену. Теперь осталось лишь отыскать эту флейту, некогда скрытую от людей великим Бетховеном, испугавшимся ее мистической силы. Но желание «вспомнить все» грозит девушке смертью. Потому что есть вещи, которые лучше не вспоминать...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7СПА)

© Саксин С., перевод на русский язык, 2009

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-63683-9

Память — это ключевое слово,
которое объединяет прошлое и настоящее,
прошлое и будущее.

Эли Визел

ГЛАВА 1

Человеческие души должны возвратиться в абсолют, из которого вышли. Они должны развить до совершенства все те способности, семена которых были в них заложены; а если им не удалось выполнить это условие в течение одной жизни, они должны начать другую... и так до тех пор, пока они не достигнут состояния, подходящего их воссоединению с Богом.

Книга Зогар

*Вена, Австрия
Четверг, 24 апреля, 17.00*

Под огромным куполом естественного происхождения, высеченным природой в толще известняка, Давид Ялом продвигался по самому краю подземного ущелья, даже не смотря в черную бездну. Ничто в его размеренной поступи не указывало на то, что он сознавал о той опасности, какую таил один неверный шаг, хотя когда всего несколько минут назад его проводник кинул в пропасть камень, они так и не услышали звук удара о дно. Наконец, после четырех часов карабкания по каменным стенам и блуждания по угрюмой паутине труб и каналов, переправы вброд через подземные ручьи, неподвижные заводы, утыканные сталагмитами, и кипящие озера Давид увидел то, ради чего пришел сюда. Впереди, вверху и справа, в точности все, как и описал Ганс Вассонг, была простая, но массивная арка, вырубленная в скале, и грубый крест, высеченный в камне.

— Значит, это место, о котором ты мне рассказывал, действительно существует.

Давид рассмеялся, но этот наполненный горечью звук, начисто лишенный веселья, наоборот, говорил о том, что в мире больше не осталось ничего веселого.

— Я же говорил, что мне можно верить. — Общаясь друг с другом, эти двое — израильский журналист и австрийский преступник — пользовались английским языком, на котором оба говорили с разными, но сильными акцентами. — Вся эта зона является частью одного большого телля¹, — продолжал Вассонг.

— Телля? — Давид не смог устоять перед неудержимым любопытством. Он находился здесь не как журналист, однако за долгие годы привычка копаться во всех аспектах любой истории стала его второй натурой.

— Телль, — объяснил Вассонг, обводя вокруг рукой, — это место, где со временем один слой накладывается на другой. Еврейское гетто поверх средневекового города, выросшего, в свою очередь, поверх древнеримского города. Для того чтобы составить план этого подземного мира сточных труб, подвалов и катакомб, необходимо снести все венские улицы.

Каменные стены впереди сияли в лучах света галогеновых фонарей, закрепленных на касках двух мужчин. Со всех остальных сторон подступали тени, переходящие в бесконечный мрак; каждый пройденный шаг бесследно исчезал позади. Последние несколько футов крутого гребня оказались особенно опасными, но, наконец, исследователи добрались до входа. Невысокий Вассонг свободно прошел под низко нависшей аркой, а Давиду пришлось пригнуться, чтобы проследовать за ним в подземное кладбище.

При звуках шагов здоровенная крыса, сверкнув красными глазами, выскочила из маленького черепа, судя по

¹ Телль — археологический памятник, холм из остатков древних построек. (Здесь и далее прим. пер.)

размерам, принадлежавшего ребенку, и метнулась в сторону, скрывшись среди груды выбеленных временем костей.

Услышав этот шум, Давид встrepенулся и выхватил пистолет.

Вассонг взял его за руку, опуская оружие.

— Не надо, это может вызвать обвал. Нас раздавит в лепешку, а я бы предпочел быть похороненным там, где меня смогут навещать мои родственники.

Повсюду вокруг в десятках ниш, вырубленных в стенах, лежали нетронутые человеческие скелеты. Оглядывая подземное кладбище, Давид изо всех сил старался не накладывать на эти останки лица своих родных, но тщетно. Уже несколько лет для него все мертвые превращались в его близких, ставших жертвами нескончаемых попыток врагов его родины стереть с лица земли целый народ. А те, кто был обязан защищать невинных, не справились со своей задачей.

— Только послушайте, какая здесь акустика, — сказал Вассонг, указывая на каменный свод, словно можно было увидеть просачивающуюся вниз музыку. — Просто поразительно, что музыка проникает так глубоко под землю, правда?

Тягучие ноты вспороли затхлый, сырой воздух, но Давид вместо звука настраиваемых скрипок услышал вой сирен, предупреждающих о воздушном налете, и лишь через какое-то мгновение его сознание определило, что на самом деле это только слуховой мираж. Давид готов был пойти на все, лишь бы унять эти воспоминания, постоянно накатывающие приливной волной; вот только если их не будет, что поможет ему продержаться столько времени, сколько понадобится для выполнения задуманного? Человеческая память является тайной. Почему он помнит одни моменты — больше того, они навязчиво его преследуют; однако другие — такие как, например, запах волос его жены, — от него ускользают, как отчаянно он ни пытается их оживить?

— Сейчас мы находимся прямо под самым большим концертным залом Вены, — объяснил Вассонг, снимая очки и вытирая их шейным платком.

Давид упомянул про этот характерный жест в самой первой статье, посвященной Гансу. Надев очки, Вассонг указал на северную стену, покрытую сетью трещин.

— Это место примыкает к древнему колодцу, ведущему к подвалам здания. Музыка распространяется через решетки, когда-то являвшиеся частью старой отопительной системы.

— И ты уверен, что эта область не нанесена на планы города?

Виолончели, рожки, флейты и гобои состязались между собой, но никак не могли сойтись на гармонии. Доминировал то один инструмент, то другой, то третий, но все вместе они образовывали диссонирующую какофонию, точно так же, как и сознание Давида выбрасывало отчетливые разрозненные воспоминания, подобные моментальным фотографиям. Лицо его жены Лислы — жуткая, неузнаваемая кровавая маска. И оно же, за несколько лет до этого, смеющееся над анекдотом, рассказанным Давидом, когда они вместе нежились на пляже. Его сын Исаак, в пять лет, требующий уложить вместе с ним в кровать новенький велосипед, подаренный на день рождения. Затем грубый обрубок на том месте, где была левая нога Исаака. И так далее, и так далее. Давид вел счет каждому воспоминанию, словно это что-то доказывало. Но что? То, что когда-то он был психически нормальным человеком и жизнь его имела смысл? Или то, что у него были веские и осязаемые причины выполнить то, что он замыслил?

Ганс Вассонг продолжал объяснения:

— Начиная со Средних веков эти пещеры использовались для захоронений. Так продолжалось до тех пор, пока они не стали таким рассадником всевозможной заразы, что в начале XVIII века император Иосиф Второй вынуж-

ден был их закрыть. А кому придет в голову составлять план гробниц?

— А вот этот предмет совсем не похож на артефакт XVIII века. — Давид указал на смятый алюминиевый котелок, выкрашенный защитной краской, который валялся в углу небольшого грота. Еще только начиная работать в журналистике, он выяснил, что предметы говорят правду, даже когда люди лгут.

— Во время Второй мировой войны правительство открыло несколько секций, для того чтобы использовать их в качестве бомбоубежищ. Но когда бомбы попали в здания наверху, некоторые пещеры обвалились. Сотни людей оказались раздавлены и погребены заживо, и наш подземный город был снова оставлен, поскольку его сочли источником опасности. Вот только кое для кого из нас здесь, внизу, безопаснее, чем там, наверху, не так ли?

Давид пропустил мимо ушей заговорщические нотки в голосе Вассонга.

— Но ведь *есть* те, кому известно про это место?

— Такие люди были, да, но, судя по знакам, сюда уже несколько десятилетий никто не спускался. В этом ты можешь положиться на меня, Давид. И еще ты можешь со мной расплатиться. Кажется, таков был наш уговор. Я доставляю тебя на место, ты выкладываешь денежки.

Десять лет назад, готовя материал про подпольный рынок оружия в Восточной Европе, Давид познакомился с Гансом Вассонгом, который к тому времени уже не один десяток лет числился в списках Интерпола по подозрению в похищении людей, убийстве и контрабанде оружием и взрывчаткой. С течением времени журналист завоевал полное доверие преступника, и тот поставлял ему информацию самого разного характера. Но теперь их роли поменялись; сейчас Давид не собирал материал для статьи, он собирался сам стать главным действующим лицом, и уже Вассонг был тем, кто мог его разоблачить.

Расстегнув «молнию» темно-зеленого рюкзака, Давид достал пухлый конверт и протянул его Вассонгу. Тот его открыл, пересчитал пачку банкнот по двести евро, затем, не говоря ни слова, убрал конверт во внутренний карман куртки и похлопал по нему.

— А теперь скажи, когда у тебя все будет готово?

— К понедельнику или вторнику.

— И тогда ты спустишься сюда? — Вопрос Вассонга прозвучал скорее как призыв.

— Что ты слышал? Появились какие-то новые слухи?

— Косвенные. Ахмеда Абдула видели в Сербии.

До Сербии отсюда было чуть больше пятисот километров. От Вены до нее на две тысячи километров ближе, чем до Палестины. Речь идет о случайности? Давид освещал работу конференций Международного агентства по системам безопасности начиная с 1995 года, и террористам не составило бы труда убедиться в том, что в этом году он снова пишет о МАСБ, и выследить его до Вены.

— Ты знаешь, что по-прежнему значишься в списках террористов, да? — спросил Вассонг, видя, что Давид не собирается отвечать.

— Разумеется. — Тон, которым Давид подтвердил, что за ним охотятся, не отличался от того, как если бы он согласился с тем, что его профессия — журналист.

Оркестр закончил настраиваться и заиграл бурное и героическое начало Пятой симфонии Бетховена.

— Судьба стучится в дверь, — пробормотал Вассонг.

— Что?

— Как-то раз Бетховен указал своему секретарю на начало первой части этой симфонии и сказал: «Вот так судьба стучится в дверь».

— Ганс, ты не перестаешь меня удивлять. Торговец оружием, топограф, спелеолог — и вот теперь выясняется, что ты еще и исследователь творчества Бетховена?

— Трудно жить в Вене и не пропитаться познаниями в области музыки.

На несколько минут холодные камни превратились в стулья, обитые красным плюшем, стены покрылись золоченым орнаментом, а склеп стал концертным залом: двое мужчин слушали музыку, полностью погружившись в божественные звуки. Жена Давида особенно любила Пятую симфонию Бетховена, и он, закрыв глаза, позволил себе предаться воспоминаниям.

— Что с тобой? — встревожился Вассонг.

Музыка выросла до крещендо, просачиваясь в недра земли, проникая в самые сокровенные уголки души Давида, и тот не услышал вопрос своего спутника. «По крайней мере, — думал он, — когда на следующей неделе они покинут этот мир, произойдет это на крыльях музыки, принадлежащей ангелам».

— Как глубоко под землей мы находимся? — наконец спросил Давид, возвращаясь к действительности.

— Метров двенадцать-четырнадцать, — сказал Вассонг. — Слишком глубоко, чтобы нас мог обнаружить зондирующий радар. Самое подходящее место для того, чтобы заложить взрывчатку. Прямо здесь, тут, где мы сейчас стоим. После взрыва не останется ничего — ни здания, ни слушателей. Согласись, место выбрано идеально, не правда ли?

ГЛАВА 2

Нью-Йорк

Четверг, 24 апреля, 11.00

Меер Логан сбежала по ступеням Американского музея естественной истории, расположенного на Централ Парк-Уэст, ища глазами такси, еще до того как добралась до тротуара. Не увидев ни одной желтой машины, она решила, что быстрее будет пройти шесть кварталов до фонда «Феникс» пешком. Напрасно она согласилась

уйти с работы в середине дня, но Малахай Самюэльс относился к тем людям, отказать которым очень трудно. Шаман, врач-психотерапевт и исповедник одновременно, даже когда он не мог найти ответы, он всегда был рядом, чтобы помочь Меер пережить темные ночи и одинокие дни, прогнать ее страхи, развеять печаль.

По телефону Малахай заверил Меер, что встреча займет не больше часа, и на самом деле только этим временем она и могла пожертвовать. Сегодняшняя акция по сбору средств имела слишком большое значение для проекта «Купола памяти»: место для проведения постоянных исследований и выставочное пространство, посвященное изучению проблем памяти. У Меер как заместителя куратора было очень много работы, и она с трудом смогла выкроить даже один час.

Через восемь минут Логан уже слушала тиканье бронзовых с позолотой часов XIX века на мраморной каминной полке; казалось, они постепенно замедляли свой ход до черепашьего, словно готовясь остановиться и затем двинуться в обратную сторону. Это невозможно; вот только Меер знала, что в кабинете Малахая Самюэльса время не всегда движется в том же направлении, что и во всем остальном мире.

— Это тебе, — сказал специалист по перевоплощениям, положив на стол выдавший виды конверт, мятый и весь покрытый почтовыми штемпелями.

Меер тотчас же узнала почерк своего отца.

— Значит, сейчас вы разыгрываете роль посланника? Мой отец объяснил, почему передает это послание для меня через вас?

— Для того чтобы рядом с тобой кто-то был, когда ты вскроешь конверт.

— Как будто я ребенок, — обреченно усмехнулась Логан.

— Сколько бы тебе ни было лет, он всегда останется твоим отцом.

Поставленный британский акцент Малахая превратил эту фразу в окончательный приговор. И внешне он соответствовал своему голосу: утонченный, костюм наглажен, ногти ухожены. Сто лет назад Самюэльс запросто сошел бы за аристократа.

— Вы знаете, что внутри?

— Твой отец меня в это не посвятил.

Взяв конверт, Меер разорвала его и достала содержимое.

Развернув лист плотной пожелтевшей бумаги, она увидела рисунок, выполненный маленькой девочкой желтым, оранжевым, красным и коричневым карандашами. Линиям не удавалось оставаться прямыми, они не встречались в углах, но не вызывало сомнений, что на рисунке изображен ящик. И не просто ящик, а прозрачная шкатулка с сокровищами, мысли о которой неотступно преследовали девочку в детстве. Когда родители спрашивали, почему та снова и снова рисует эту шкатулку, она ничего не могла им ответить. Когда же они захотели узнать, где она ее видела, девочка смогла лишь ответить, что видела шкатулку «раньше».

Тогда родители спросили, что еще она помнит из этого «раньше», и она им рассказала. Это было похоже на очень плохой сон, вот только являлся он ей, только когда она бодрствовала, и все время оставался одним и тем же. В нем она видела себя в лесу, в грозу, а за ней гнался какой-то мужчина, пытавшийся отнять у нее вот эту самую шкатулку. И все это происходило на фоне какой-то таинственной музыки, как это бывает в кино. Иногда, возвращаясь в «сейчас», как она это называла, девочка плакала.

Разноцветные линии на листе, присланном ее отцом, были лишь детскими каракулями, однако они изображали то, что она так отчетливо видела в своей памяти: темное

полированное дерево с затейливой серебряной отделкой и большой серебряный медальон с выгравированными на нем птицами, листьями, трубами, флейтами, арфами и завитушками. Как-то раз Меер объяснила отцу, что странная музыка, которую она слышит во снах наяву, живет внутри шкатулки, но ей никак не удается открыть крышку надолго, чтобы услышать мелодию до конца.

Отвергая то, в чем были уверены ее отец и Малахай — что гроза, музыка и погоня являются воспоминаниями из прошлой жизни, — Меер потратила годы, пытаясь разобраться в том, что сама считала психическим расстройством. Эти поиски в конечном счете сделали ее специалистом по проблемам мышления, и в первую очередь памяти, — и дали приемлемое объяснение. Меер убедила себя, что ее мучают ложные воспоминания: в раннем детстве в ее подсознании отложились искаженные реальные события, или же она просто спутала сон с действительностью.

— Это всего лишь один из моих детских рисунков, — с облегчением сказала Логан, протягивая пожелтевший лист Малахаю.

Широко раскрыв темные глаза, тот несколько мгновений изучал рисунок, затем убрал скрепку в правом верхнем углу и посмотрел на второй лист бумаги. Часы размеренно отсчитывали секунды, как это происходило уже более ста пятидесяти лет.

— Кажется, ты упустила из виду вот это, — наконец сказал Малахай, протягивая Меер второй лист.

Это была страница, вырванная из каталога аукциона. Под параграфом текста была фотография шкатулки из потемневшего дерева с затейливой серебряной отделкой и большим серебряным медальоном с выгравированными птицами, листьями, трубами, флейтами и арфами, а также буквой с округлыми очертаниями, старательно вплетенной в орнамент. Ребенок увидел бы в этом лишь завитушки, но теперь Меер без труда узнала латинскую букву «В».

— Итак, теперь нам известно, что шкатулка действительно существовала, — бесстрастным тоном быстро произнесла она, роняя лист на стол. — Это означает, что я где-то когда-то ее видела, до того как мое сознание зафиксировало воспоминание об этом. Быть может, моя мать рассматривала какую-то книгу, посвященную антиквариату, и там была фотография этой шкатулки. Или она была выставлена на аукционе. Мать постоянно брала меня с собой на всевозможные аукционы.

Меер откинулась на спинку стула, отодвигаясь подальше от своего рисунка. Подальше от Малахая.

В судьбе каждого человека есть четкие линии, разделяющие его жизнь на отдельные периоды. Меер Логан знала, что самые глубокие следы — это те, что определяют нас, но, подобно тому, как топографию земной поверхности лучше рассматривать сверху, эти линии отчетливее всего видны с расстояния прожитых лет. Лишь оглядываясь назад, можно точно определить тот момент, когда трещинка превратилась в расщелину, а расщелина — в непреодолимую пропасть. Меер было семь лет, когда она впервые услышала странную музыку и рассказала родителям про шкатулку и погоню в лесу. До этого у нее не было никаких страхов, а потом она стала бояться смотреть влево и вправо, опасаясь увидеть надвигающуюся катастрофу. До этого она не ставила под сомнение обещания родителей, а потом поняла, что в их произнесенных шепотом заверениях, что все будет в порядке, нет никакого веса.

— Неужели ты не понимаешь, что это, возможно, доказательство того, что все эти годы тебе являлись воспоминания о прошедшей жизни?

Глаза Малахая, словно вырезанные из черного дерева, горели. Он снова взял лист, вырванный из каталога аукциона, и Меер успела мельком заметить показавшуюся в рукаве сшитого-на заказ пиджака запонку с белым по белому монограммой «МС». Этот худой, утонченный эстет,

получивший образование в Оксфорде, цитировал Аристотеля, Эйнштейна и Карла Юнга, с наслаждением хвалился своей коллекцией игральных карт, в которой были колоды XVIII века, и написал обширную монографию о психологии викторианской Англии, одержимой оккультизмом. Когда Малахай обсуждал проблему регрессии памяти, в его рассуждениях не было ни намека на спиритические сеансы с хрустальными шарами; концепцию перемещения душ он излагал на языке научных терминов, и его слова воспринимались как абсолютная истина. И все же Логан не могла поверить в то, во что верил он. Во что верил ее отец. Когда она была моложе, она пробовала поверить, даже была готова стать подопытной морской свинкой, но им так и не удалось убедительно доказать свои теории. Слишком многое нужно было принять на веру, и этот последний шаг Меер совершить не могла. Как и ее мать, она была прагматиком.

— В описании говорится, что этот предмет — шкатулка с играми начала XVIII века, принадлежавшая женщине по имени Антония Brentano, близкой подруге Бетховена, — зачитал вслух Малахай.

Рот Меер наполнился металлическим привкусом, резко заныли зубы. У нее напряглись плечи, сжались челюсти. По всему телу разлилась дрожь. Она что-то услышала, где-то далеко. Очень далеко, но отчетливо. В спине, в том месте, где Логан в возрасте девяти лет сломала позвоночник, заныл сращенный позвонок. И даже несмотря на то что она уже давно была не ребенком, а тридцатиоднолетней женщиной, ей захотелось вскочить и убежать прочь.

В тот день она бегала, стараясь спастись от назойливой музыки, которая ее так пугала, потому что всегда предшествовала воспоминанию об этой жуткой погоне в лесу. Проблемы Меер не давали покоя ее родителям, превратив их в двух чужих людей, постоянно споривших о том, какая ей нужна помощь. Бесконечные посещения всевозможных

врачей не давали ей учиться в школе, делали ее другой и рушили все планы семьи.

В тот день Меер с отцом гуляли в Центральном парке, запускали воздушного змея. Змей поднялся высоко в небо, гораздо выше, чем она считала возможным, как вдруг набежали черные тучи, и вместе с ними пришла эта жуткая, прекрасная музыка.

Отпустив змея, девочка бросилась бежать со всех ног, пытаясь спастись.

Отец окликнул ее, умоляя остановиться, затем бросился следом, даже догнал ее и был всего в одном мгновении от того, чтобы увести ее в безопасное место, но тут из-за поворота выскочил на большой скорости велосипедист, не успевший затормозить. От удара Логан подлетела в воздух и упала спиной на камни рядом с дорожкой...

— Меер? Что с тобой? — склонившийся над ней Малахай вывел ее из транс.

— Маленькой девочкой я сидела здесь и думала обо всех тех детишках, которые, как говорил мне отец, приходят к вам за помощью, и о том, как они, наверное, сидят в этом самом кресле и слушают тиканье этих же самых часов и как всем им, должно быть, становится лучше, потому что я не видела никого из них в приемной. Я думала, что вы их всех вылечили. Я была уверена, что и мне тоже станет лучше.

Она увидела у Малахая на лице сочувствие. Логан гораздо больше нравилось обычное нейтральное выражение: поднятые брови, отрешенный взгляд объективного наблюдателя. Она не хотела сострадания, она его не заслуживала, ибо не устояла перед своим старым недугом. Меер научилась сражаться с накатывающимися воспоминаниями, не пускать их в сознание. Она знала все то, что их вызывало, и старательно этого избегала. И, тем не менее, сейчас Меер снова слышала где-то вдалеке ту старинную мелодию... приглушенную и неразборчивую, доносящуюся

из-за пределов этой комнаты, здания, улицы, города, из-за пределов этого времени. Она испытывала леденящую душу тревогу, перехватывающую дыхание, и страшную печаль, такую, что ей хотелось плакать по кому-то или чему-то, что она только что потеряла. Вот уже много лет ее не посещал этот дьявол.

Стиснув подлокотник кресла, Меер попыталась сосредоточиться на том, чтобы дышать ровно и глубоко и держаться за настоящее, но тайна снова и снова накатывалась на нее с яростью, к которой она оказалась не готова. Все эти годы работы с Малахаем, многочисленные сеансы гипноза и научные теории о псевдовоспоминаниях, ставшие для Меер чем-то вроде веры, не могли устоять перед силой этой загадки.

— Что с тобой?

— Со мной все в порядке, — сказала Логан, не желая признавать, особенно самой себе, что поднялся призрак ее самой, какой она была в детстве, что тайны этого ребенка высасывают из воздуха настоящее, затрудняя дыхание, и что навязчивые страхи, когда-то обступавшие ее со всех сторон, тянувшие к ней свои острые когти, хватавшие ее и уносившие в совершенно незнакомое измерение, набросились на нее снова.

Малахай вставил ей в руку стакан. Только выпив всю воду, Меер осознала, как же сильно хотела пить, но теперь она не могла утолить жажду. Наконец она поставила пустой стакан рядом с конвертом из плотной бумаги и рисунком.

— Реальность — это то, что сейчас, — произнес психиатр знакомую фразу, — Реальность — это то, что сейчас.

Кивнув, Меер постаралась сосредоточиться на ней. Это было одно из тех напоминаний, которым ее учили в детстве. «Реальность — это то, что сейчас. Реальность — это то, что сейчас». Тряхнув головой, словно это движение могло прогнать воспоминание, Логан с силой ткнула кулаком в ладонь.

— Я даже не подхожу к пианино. Я не сочиняю музыки. Не сочиняю вот уже двенадцать лет. Почему этого недостаточно?

— Меер, ты слишком строга к себе, твоей вины тут нет. Мы возвращаемся в настоящую жизнь, чтобы довести до конца то, что не закончили в прошлых жизнях, как бы нам ни хотелось уклониться от своего кармического долга...

Помимо всего прочего, Самюэльс был фокусником-любителем, умеющим превратить платок в белого голубя или проблему — в букет возможных ответов, однако сейчас Меер была не в том настроении, чтобы выслушивать эти немислимые объяснения.

Она его не слушала.

— Что бы ни случилось, я больше не сяду на лекарства, чтобы жить в этом тумане. — Ее голос был таким же твердым, как и напряженные мышцы длинной шеи.

— В чем дело? Что случилось?

— Страшилки вернулись, — прошептала Логан, используя то слово, которым называла в детстве всепроникающую тревогу и страх, а также диссонансирующие аккорды, терзавшие ее слух.

ГЛАВА 3

Вена, Австрия

Четверг, 24 апреля, 17.15

На протяжении вот уже почти трехсот лет эксперты заходили в одну и ту же комнату, доступ куда был открыт только для избранных, чтобы изучить сокровища, которым в самое ближайшее время предстояло быть выставленными на торги. Но у многих ли из них сердце колотилось так сильно, как сейчас у Джереми Логана? Закрыв за собой дверь, он повернул в замке бронзовый ключ и услышал,

как встали на место сувальды. Дубовый паркет был недавно отреставрирован, а старинный стол, за который уселся Логан, уже много раз чинили и полировали заново, однако времени не удалось стереть память о важных открытиях, совершенных здесь. Войдет ли в историю и та работа, которую ему предстоит выполнить сегодня?

В свои шестьдесят пять Логан, возглавлявший в художественном салоне отдел иудейской истории, считался еврейским Индианой Джонсом. В течение последних тридцати пяти лет он разыскал сотни тысяч экземпляров Торы и других религиозных реликвий, пропавших или потерянных в годы Второй мировой войны. Что-то он в буквальном смысле раскопал, как запрященный клад, что-то тайком переправил через границы коммунистических стран или получил из рук головорезов, интересовавшихся только деньгами, щедро обещанными Логаном. Но, несмотря на такой солидный послужной список, одно сокровище, разыскиваемое дольше всех, по-прежнему никак не давалось ему в руки: средство понять недуг, терзающий его дочь.

И вот сейчас, наконец, появилась надежда на то, что ему удалось найти ключ к этой загадке. В шкатулке из красного дерева лежал обычный набор игр: маркеры для виста, доска для криббеджа¹, шашки, шахматы, две колоды игральных карт. Однако рентгеновский анализ показал, что под двойным дном шкатулки имеется потайное отделение, в котором спрятан квадрат или тонкой ткани, или плотной бумаги — техники не смогли определить это даже с помощью самого совершенного оборудования. И вот теперь, уединившись за запертой дверью, Джереми Логан собирался выяснить, что это.

Сняв с себя бежевый свитер, он бросил его на стул и закатал рукава темно-синей водолазки. Выудив в спутанных

¹ Английская карточная игра XVII века.

черных волосах, обильно тронутых сединой, свои очки, Логан водрузил их на переносицу и осмотрел шкатулку. Теперь ему уже было известно, что искать. В мощную лупу он разглядел, что под буквой «В» изображено созвездие. Эту единственную подробность Меер никогда не включала в свои рисунки. Вглядевшись в изображение, Джереми с изумлением понял, что видит перед собой созвездие Феникса, названное в честь мифической птицы, олицетворявшей в древности перевоплощение. Как и Малахай Самюэльс, он никогда не сомневался, что в сердце страданий его дочери лежит проблема переселения душ: ее терзают видения из предыдущей, трагической жизни.

Джереми Логан страстно верил в перевоплощение и в то, что души, принадлежащие некоему общему кругу, остаются объединены между собой и после переселения. Это, с одной стороны, затрудняет контакт с теми, с кем у нас в прошлой жизни были проблемы, но с другой — способствует сближению с теми, кого мы прежде любили. Родители, друзья, возлюбленные, коллеги по работе раз за разом входят в круг близких душ; Джереми переживал, что ему никак не удастся убедить дочь довериться тем, кто ее окружает, опереться на него, на Малахая и других близких людей, дать им возможность помочь ей найти свой кармический путь. Но Меер оставалась упрямой, как это бывает со всеми неверующими, в то время как сам он был верующим.

Джереми взял шкатулку, подобно капризному ребенку — она упрямо не желала расставаться со своими тайнами все эти недели, — и положил ее крышкой вниз на фетровую подстилку. На днище случайным узором располагались инкрустированные круги разных размеров, вырезанные из различных пород дерева.

Эксперт, с которым Джереми встречался вчера в Праге, показал ему похожий ларец, изготовленный тем же мастером в 1802 году. Та шкатулка выглядела такой же

таинственной загадкой без решения, до тех пор пока эксперт не показал на созвездие Тельца, выгравированное на медальоне на крышке, и не продемонстрировал, как, расположив круги на днище в соответствии с расположением звезд в созвездии, можно открыть потайное отделение. Словно по волшебству.

Джереми принялся старательно передвигать круги на днище «шкатулки Брентано», как она была обозначена в каталоге аукциона. Первый легко скользнул на место. От природы нетерпеливый, Джереми вынужден был делать над собой усилие, чтобы не торопиться, перемещая круги один за другим. На протяжении последних двадцати лет он изучал Каббалу, и один из самых важных уроков, усвоенный им, заключался в том, что его нетерпение объясняется неспособностью вынести то, что предлагает настоящее. В Каббале каждая буква еврейского алфавита обладает несколькими слоями значений. Джереми убедился, что в жизни все то же самое. Как и во всех прошлых жизнях.

Собравшись с духом, Джереми переместил последний круг на место. Послышался тихий механический щелчок, и двойное дно шкатулки поднялось. То, что прежде было недоступно, теперь само без борьбы предлагало себя. Увидев перед собой сложенный листок бумаги, судя по всему, пролежавший в тайнике без малого двести лет, скрытый от людских глаз, Джереми ощутил восторг — и, совершенно неожиданно, страх.

ГЛАВА 4

Нью-Йорк

Четверг, 24 апреля, 11.34

Зазвонил домофон, и специальный агент Люсиан Гласс поморщился, недовольный тем, что его оторвали от дела. Он взглянул на монитор камеры наружного наблюдения.

Люди без зазрения совести звонят наугад в первую попавшуюся квартиру, чтобы попасть в дом, потому что им лень искать свои ключи, потому что они собираются оставить рекламные листовки на коврике перед каждой дверью или в надежде проникнуть внутрь, чтобы пройтись по всем этажам в поисках незапертой двери. Поразительно, что даже в Нью-Йорке многие становятся жертвами воров-домашников из-за собственной небрежности. Однако на этот раз Люсиан узнал грузного мужчину, стоящего в подъезде, подняв лицо к видеокамере.

Вся обстановка крошечной квартирки на четвертом этаже, снятой на длительный срок, состояла из выдавшего вида журнального столика и четырех стульев, зато аппаратуры для наблюдения и подслушивания здесь было с лихвой. Пока Гласс протискивался между стойками с оборудованием, чтобы добраться до домофона, Дуглас Коумли, его начальник, глава отдела Отряда по борьбе с преступлениями в сфере искусства, или БПИ, как называли его сами сотрудники, еще раз нетерпеливо нажал на кнопку вызова.

Как только сработала система дистанционного открытия замка, назойливый звон прекратился, и Люсиан вернулся к тому, чем занимался до этого: к прослушиванию поставленного голоса Малахая Самюэlsa, улавливающегося чувствительным микрофоном и передававшегося из здания фонда «Феникс», расположенного напротив. Начиная с прошлого лета ФБР, Интерпол и итальянские карабинеры наблюдали за этим так называемым «специалистом по переселению душ», стараясь доказать, что именно он организовал кражу древних реликвий, повлекшую за собой смерть троих взрослых и похищение одного ребенка. Похищенные реликвии — комплект драгоценных камней — предположительно были легендарными «инструментами памяти», ведущими свою историю со II тысячелетия до нашей эры, времени расцвета харапп-

ской культуры долины Инда¹. Не вызывало сомнений, что Малахай Самюэльс до фанатизма одержим стремлением найти неопровержимые доказательства перевоплощения, и, возможно, он верил, что такое доказательство дадут ему эти самые «камни памяти». Однако до сих пор ни отделу Люсиана, ни Интерполу не удалось убедительно привязать его к преступлению. Нью-йоркская полиция обнаружила половину камней и возвратила их итальянскому правительству, однако вторая половина до сих пор числилась пропавшей. Гласс не сомневался в том, что Малахай или получил в свои руки шесть рубинов, сапфиров и изумрудов размером с грецкий орех, или знает, где они находятся. Было бы достаточно, если бы он поскользнулся один раз, всего один раз.

«Вижу, зрительный образ фотографии вызвал у тебя в памяти эту музыку, — говорил Малахай. — Ну, а насчет того, что происходит дальше, — выбор за тобой. Ты можешь переступить порог, а можешь развернуться прочь».

«Вы имеете в виду, я должна отправиться в Вену и увидеть все собственными глазами?» — испуганным голосом спросила женщина.

Люсиан успел увидеть ее лишь мельком: джинсы, кожаная куртка — даже издали видно, что дорогая, — стройная фигура, волнистые золотисто-каштановые волосы, обрамляющие лицо, — прежде чем она открыла дверь и скрылась в здании, но он ощутил и ее силу, и одиночество. Если бы ему предложили нарисовать ветер, он бы использовал для олицетворения невидимой стихии образ этой женщины.

Вот уже девять месяцев Люсиан прослушивал разговоры Малахая, его телефонные звонки, читал его электронную почту. Он слышал, как десятки детей пускались

---

¹ Одна из древних цивилизаций человечества наряду с древнеегипетской и шумерской.

в невиданные путешествия, так и не покидая особняк XIX века в Верхнем Вест-Сайде. Поразительно, они приходили в страданиях, а уходили, обретя спокойствие. Но женщина, находившаяся в кабинете Малахая, не была ребенком, и разговор отличался от всего того, что Люсиан слышал до этого.

«Я принимаю тайну своих воспоминаний», — прошептала Меер Логан, и высококачественная электронная аппаратура многократно усилила ее дрожащий голос.

Гласс всегда обладал способностью быстро оценивать эмоциональное и психологическое состояние окружающих, но обучение в центре подготовки ФБР в Куантико подвело под это интуитивное умение строгую научную базу. Слушая голос этой женщины, он, сам не зная почему, тревожился за нее.

«Ты так думаешь, но только посмотри, от чего тебе пришлось отказаться — от честолюбия, от страсти, от самой жизни... Тебя словно держали взаперти; твой талант до сих пор остается в заложниках тех страхов и тревог, которые ты носишь с собой», — взволнованно произнес Малахай.

Непроизвольно схватив альбом, Люсиан набросал уже третий или четвертый рисунок за час, на этот раз изобразив Меер в детстве. Карандаш быстро двигался по бумаге, и на ней появилась маленькая девочка, темноволосая, с широко раскрытыми от ужаса глазами, вся в слезах, и...

Раздался звонок в дверь, и Гласс, отложив альбом, впустил своего начальника. Как раз в этот момент из динамика послышался голос Меер:

«Почему вы искренне верите, что, если я увижу шкапулку, это заставит меня переменить свое мнение?»

«Ты должна понять, что определенные воспоминания вызываются соответствующим толчком, и неважно, идет речь о воспоминаниях о прошлой жизни или о галлюцинациях. Вот, возьми, я хочу, чтобы ты кое-что прочитала...»

Пройдя в квартиру, Дуглас Коумли услышал голос Малахая, кивнул на стойки с оборудованием и спросил:

— Я подросел к чему-то важному?

— Не думаю, что это имеет какое-то отношение к нашему делу.

Оглянувшись вокруг, Дуглас усмехнулся.

— Что ты сделал с этой комнатой с тех пор, как я был здесь в последний раз?

— У меня есть содовая и еще кофе — вас чем-нибудь угостить?

— Приятно заглянуть к такому радушному хозяину. Да, от содовой я не откажусь.

Сев за столик, Коумли увидел раскрытый альбом. Он взглянул на портрет девочки. Люсиан поставил перед ним банку содовой.

— А это еще кто, художник ты наш? Один из клиентов нашего объекта?

Все сотрудники БПИ имели за плечами опыт работы в правоохранительных ведомствах, но Люсиан также окончил еще и художественное училище: он привык к насмешкам подобного рода.

— Бывшая пациентка, судя по тому, что мне удалось разобрать.

— А ты никогда не задумываешься о том, что тебе не нужно было бросать вот это? — спросил Дуглас, продолжая разглядывать рисунок.

— Моя мать тоже время от времени задает этот вопрос.

— И ты так же ловко уходишь от ответа?

Люсиан не любил распространяться о своем прошлом, но он и не старался его скрыть. Художественное образование помогало ему в работе, а в своей униформе из черных джинсов, черной футболки и черного свитера он по-прежнему на открытии какой-нибудь выставки запросто мог сойти за представителя нью-йоркского мира искусств.

Однако это не означало, что Гласс много говорил о своей жизни до работы в Бюро.

Ему было девятнадцать лет, он учился в художественном училище Купера по классу живописи, когда его будущее круто сменило свое направление. Музей Метрополитен по пятницам работал допоздна, и Люсиан вместе со своей подружкой, тоже студенткой художественного колледжа, решили посмотреть новую выставку. Он договорился встретиться с Соланж в багетной мастерской ее отца, расположенной недалеко от музея, в шесть часов вечера, после закрытия мастерской, и оттуда они направились бы в музей пешком.

Экспресс в тот день отменили, поэтому Глассу пришлось добираться обычным пригородным поездом, и он опоздал на пятнадцать минут, но когда он подошел к мастерской, та еще была открыта. В магазине никого не оказалось, что было необычно, а когда Люсиан окликнул свою подружку, никто не отозвался. Не задумываясь, разумно ли он поступает, молодой человек открыл дверь в цех и шагнул внутрь.

Тело Соланж лежало на полу, внутри большой пустой серебристой рамы, забрызганной ее кровью. Люсиан не мог оторвать взор от этого жуткого зрелища, но тут его внимание привлекло какое-то мелькнувшее движение, отразившееся в полированном металле, запоздало предупредая о том, что у него за спиной кто-то находится, подкрадывается к нему, — но он не успел ничего предпринять. Люсиан был тогда тощим подростком, учившимся на художника. Он не умел постоять за себя.

К тому времени, как Гласса нашли, он потерял шесть пинт крови от четырех ножевых ранений, и убийца бросил его на полу, посчитав мертвым. Но только он был еще жив. Точнее, был жив до тех пор, пока не умер в машине «Скорой помощи» по дороге в больницу.

Врачам потребовалось девяносто две секунды, чтобы вернуть Люсиана Гласса к жизни, и хотя он никому не рассказывал про эти полторы минуты, сам он их отчетливо прочувствовал. Люсиан отказывался признаться даже самому себе, что эта близкая встреча со смертью кардинально изменила его жизнь и вообще хотя бы как-то на него повлияла, — если после этого нападения мир для него стал другим, то виной всему была насильственная смерть Соланж. Однако за несколько месяцев он превратился из мальчика, который никогда не дрался, в мужчину, сосредоточенного на возмездии и отмщении, и ФБР оказалось тем спасительным убежищем, где он смог сделать это страстное желание делом своей жизни. Раньше Люсиан Гласс хотел творить сам, теперь же он думал о том, как оберегать и спасать творения других. Да, его альбомы были полны неоконченными портретами тех, с кем он сталкивался при расследовании дел, но чем это отличалось от того, что другие агенты делали записи в блокнотах?

— Вы ведь пришли сюда, не для того чтобы обсуждать мои способности, ведь так? — спросил Люсиан.

Коумли перевернул альбом, чтобы оторваться от грустного детского лица на портрете.

— Не хочу быть гонцом, приносящим дурные вести, но мы закрываем дело. Мы больше не можем...

«Почему вы и мой отец пытаетесь убедить меня в том, что все это является частью какого-то великого внеземного плана, что это моя проклятая судьба?» — слышался снятый чувствительным микрофоном натянутый голос Меер, и Дуглас умолк, не в силах вынести этот проникнутый мольбой тон.

«Судьба лишь открывает нам дорогу, которая ведет к разным возможностям, — ответил Малахай. — А вот как мы используем эти возможности, зависит уже от нас самих».

«Да, знаю, вы думаете так, но лично я полагаю, что у меня сейчас слишком много работы в музее, и я не могу отправиться в Вену».

Люсиан уловил в решительном голосе женщины детское упрямство. Серdito крутанув ручку громкости, он обрезал разговор, доносившийся с противоположной стороны улицы.

— До сих пор у твоих ребят здесь нет никаких результатов, и я больше не вижу целесообразности продолжать наблюдение. Ты же знаешь, какой у нас маленький отдел.

— В таком случае разрешите мне продолжать работать одному. — Это была просьба, но Люсиан произнес ее как приказание.

— Ты уже не *работаешь*, друг мой, это стало для тебя наваждением, а тут уже нет ничего хорошего. Нет. Извини. Я закрываю это дело.

Подойдя к окну, Гласс уставился на здание фонда «Феникс». Он десять лет проработал в ФБР, начав в отделе по борьбе с хищениями произведений искусства, а затем получив назначение в БПИ, когда отдел был образован в 2004 году, после того как в Ираке вслед за падением режима Саддама Хусейна началось массовое разграбление древних ценностей. С тех пор Люсиан со своей группой разыскал двенадцать произведений искусства на общую сумму свыше тридцати пяти миллионов долларов, в том числе рисунок работы Микеланджело и несколько редких монет из Древней Греции. Раз за разом ему сопутствовал успех, и он понимал, что рано или поздно его постигнет неудача. Но Гласс не хотел, чтобы такое произошло именно в *этом* деле.

У него на глазах входная дверь в здание фонда открылась, и вышла Меер Логан. Подняв воротник, она выпрямилась, расправляя плечи, повернувшись лицом к ветру, дувшему со стороны парка, словно черпая силы в потоках

быстронесущегося воздуха, а затем спустилась по лестнице и торопливо направилась прочь.

— Когда мне отсюда выселяться?

— Через две недели, начиная с сегодняшнего дня, — ответил Коумли.

— Через две недели, — решительно повторил Люсиан, словно заключая соглашение и в то же время давая обещание.

ГЛАВА 5

Вам не приходило в голову, что перевоплощение одновременно и объясняет, и оправдывает земное зло? Если зло, от которого мы страдаем, — следствие грехов, совершенных в предыдущих жизнях, мы можем сносить его с покорностью и надеяться, что, если в этой жизни мы будем стремиться к праведности, наши будущие жизни будут не так несчастны.

*У. Сомерсет Моэм
«Острие бритвы»¹*

Вена, Австрия

Четверг, 24 апреля, 18.20

Если бы случайный прохожий, идущий по узким булыжным улочкам Леопольдштадта, увидел, как Джереми Логан торопливо поднимается на крыльцо дома 122 по Энгертштрассе, он не задержал бы взгляд ни на пожилom мужчине, ни на невзрачном здании, в котором размещалось Археологическое общество Толлера. Не привлекла бы его внимания даже входная дверь с декоративным замком в виде павлина. В Вене более заметным было бы отсутствие украшений.

¹ Перевод М. Лорие.

Джереми позвонил и уже через мгновение скрылся внутри. Там он прошел через вторую дверь, невидимую с улицы, под буквами, высеченными под сводами, открывающими истинную сущность братства. Переход от ничем не примечательного наружного облика здания к экстравагантному интерьеру был разительным.

Общество памяти, членом правления которого состоял Джереми, было тайно основано в 1809 году для изучения работ австрийского востоковеда Йозефа фон Гаммер-Пургшталя¹, одного из тех, кто принес в конце XVIII века в Европу семена познаний Востока. Особый интерес для основателей общества представляла проблема перевоплощения — верования, следы которого можно было найти и в недавно обнаруженных древнеиндийских ведических текстах, и в учении Каббалы, и в мистических школах Древнего Египта, и в трудах древнегреческих философов, и даже в христианской доктрине до V века нашей эры.

Общество обосновалось неподалеку от парка Пратер, в самом центре еврейского гетто, для того чтобы быть ближе к своим многочисленным членам-иудеям, а также чтобы быть подальше от любопытных глаз. Перед архитектором были поставлены два условия: здание не должно было привлекать к себе ненужного внимания, и при этом у него должен был быть по крайней мере один потайной выход.

Войдя в святая святых, Джереми прошел мимо суровых колонн-часовых в просторный зал встреч. На стене фреска с изображением древнеегипетского мифа об Изиде и Осирисе, пол застелен богатым ковром. Куполообразный свод выкрашен кобальтом ночного неба и усыпан мерцающими звездами — крошечными зеркалами, отражающими свет внизу. Во всех углах стояли сияющие реликвии и

¹ Гаммер-Пургшталь, Йозеф фон — австрийский востоковед и дипломат, автор работ по истории Османской империи.

артефакты, но Джереми, не замечая их, направился прямо в библиотеку, где его уже ждали двое других членов правления.

— Guten abend¹, — сказал Фремонт Брехт, откладывая газету.

Бывший министр обороны Австрии, глава Общества памяти, он восседал в кресле с высокой спинкой, словно правитель на троне, окруженный тысячами фолиантов в кожаных переплетах.

Немногие могли позволить себе приветствовать Фремонта так тепло и непринужденно, как это делал Джереми; но последний никогда не робел перед людьми, его пугали только тайны, которые он не мог постичь.

— Успеем ли мы попасть на концерт, или же встреча продлится слишком долго? — спросил Фремонт.

— Должны успеть. И у меня здесь машина.

— Хорошо, потому что я отменил одну важную встречу, имеющую отношение к начинающейся на следующей неделе конференции по проблемам безопасности, только для того, чтобы послушать сегодня вечером этот концерт, и мне бы не хотелось, чтобы все это было напрасно. — Фремонт махнул в противоположный угол вытянутого помещения, где за столиком сидела женщина средних лет с золотисто-каштановыми волосами и что-то быстро писала. — Эрика нас ждет.

Несмотря на свои семьдесят восемь лет и почти триста фунтов веса, Фремонт на удивление проворно встал и направился через комнату. Лишь некоторая вялость в движениях выдавала его возраст и пристрастие к обильной еде.

В нише на постаменте стояла древняя коптская ваза из кварца, сияющая в ярком луче направленного света. В церкви подобная ценная реликвия хранилась бы в сокровищнице, однако для членов Общества памяти ваза не

¹ Добрый вечер (нем.).

обладала никакой силой и не таила в себе ничего сверхъестественного, поэтому они воспринимали ее как нечто само собой разумеющееся. Но сегодня Джереми пристально посмотрел на нее так, словно мог разглядеть сквозь тонкую белую стенку рассыпавшийся пепел и угли, лежащие на дне.

— Имеет ли эта встреча какое-то отношение к нашему шпиону? — спросила Эрика, когда мужчины подошли к ней.

Ее янтарно-золотистые глаза пытливо прошлись по помещению, словно выискивая в нем посторонних.

— Нет, но, полагаю, вас все равно заинтересует то, что я расскажу, — ответил Джереми. — Очень заинтересует.

Один из ведущих специалистов по проблемам ощущений, вызванных клинической смертью (ОКС), доктор Эрика Алдерман стремилась к тому, чтобы научное сообщество отнеслось серьезно к ее исследованиям связи ОКС и перевоплощения, финансируемым Обществом памяти. И неважно, что шестьдесят процентов населения Земли верят в воспоминания о прошлой жизни; официальная наука относится к этому не просто подозрительно, а с полным презрением. В последнее время Эрике удалось добиться определенных успехов, но она опасалась, что кто-то из членов общества шпионит за ней, поскольку недавно, уже второй раз за год, в прессу просочились слухи о ее работах. С тех самых пор Эрика настоятельно требовала от Фремонта Брехта нанять частного детектива.

— Что у вас там, Джереми? — нетерпеливо постучал пальцем по обтянутому кожей столу Фремонт. — Право, мне бы очень не хотелось пропустить концерт.

— Три месяца назад ко мне обратилась одна женщина, попросившая оценить экземпляр Торы, найденный в тайнике квартиры своей бабушки, в надежде на то, что им заинтересуется наше отделение иудейского искусства.

Далее Джереми рассказал, как он вошел в гостиную покойной бабушки Хелен Хоффман, чтобы взглянуть на одно сокровище, и едва устоял на ногах, увидев другое, запыленное, забытое на столике. Несмотря на то что он никогда раньше не видел эту резную деревянную шкатулку, он сразу же ее узнал. На протяжении многих лет, ночами, долгими и пустыми ночами, и днями, наполненными бесцельными блужданиями, Джереми гонялся за этим призраком, повинуюсь зову навечно засевших в памяти образов того, как его дочь, тогда еще маленькая девочка с шелковистыми кудрями и печальными бледно-зелеными глазами, снова и снова рисует его, не жалея ни себя, ни карандаши, с мучительным старанием воспроизводя все детали, а по щекам у нее тянутся серебристые полосы от слез.

Джереми был поражен тем, что в конце концов наткнулся на реликвию, абсолютно идентичную той шкатулке, которую рисовала его дочь, но все же в это совпадение он еще мог поверить. Однако то, что содержалось в письме, обнаруженном в ларце сегодня утром, оказалось настолько непостижимым, что Логан помчался к своим коллегам, спеша поделиться с ними своей находкой.

— Шкатулка принадлежала Антонии Brentano... — начал он.

Увидев, что это имя для Эрики ничего не значит, Фремонт объяснил, что речь идет об одной из близких подруг Бетховена, возможно, его «бессмертной возлюбленной».

— Среди друзей Бетховена имелись также двое основателей нашего общества; он был знаком с Каспаром Нидермайером и Рудольфом Толлером, — добавил Джереми. Изучая историю общества, он исследовал все документы, хранящиеся в подземном архиве. — Подготавливая шкатулку к торгам на предстоящем аукционе, я установил, что ее передал Антонии сам Бетховен.

— Хоть меня и восторгают рассказы о тех запутанных дорогах, которыми вам приходится бродить в своих расследованиях, честное слово, мне бы не хотелось опоздать. Вы говорили, в шкатулке было что-то спрятано? — спросил Брехт. — Что именно?

— Письмо, написанное Людвигом ван Бетховеном.

В камине треснул и зашипел уголь. Джереми посмотрел в ту сторону, затем перевел взгляд на нишу с коптской вазой. Всем присутствующим было известно, что в 1813 году Каспар Нидермайер вскоре умер, после того как получил в свои руки древнюю флейту, вырезанную из кости и привезенную из Индии. В 1814 году его друг Рудольф Толлер передал эту флейту Людвигу ван Бетховену, попросив его восстановить мелодию, якобы записанную таинственными знаками, вырезанными на поверхности музыкального инструмента.

— Согласно нашим документам, в этой урне хранятся истолченные в порошок куски, возвращенные Бетховеном... все, что осталось от «флейты памяти» после того, как он ее уничтожил.

— Но в письме говорится о другом? — нетерпеливо спросил Фремонт.

— Бетховен написал, что он только *сказал* обществу, будто уничтожил инструмент. На самом деле он вернул нам кость животного, высушенную и раздробленную молотком. Настоящую же флейту Бетховен сохранил, посчитав ее слишком ценной, чтобы уничтожить, и в то же время слишком опасной, чтобы доверить кому бы то ни было. Он написал, что спрятал флейту. «Ради того чтобы защитить всех нас и всех тех, кто придет после нас» — вот его точные слова.

— Письмо подлинное? — бросил Фремонт.

— Заключение эксперта-графолога будет готово в понедельник.

— Бетховен сказал, где спрятал флейту? — спросила Эрика.

— Точное место он не назвал.

— Ничто и никогда не бывает просто, — заметил Фремонт.

— Если не брать некоторые виды смерти, — печально усмехнулась Эрика.

— Бетховен написал, что разослал своим близким друзьям по одной части ответа, по одному ключу, если хотите, так, что если в этом когда-либо возникнет необходимость, они смогли бы объединить свои знания и найти и флейту, и мелодию.

— Вы хотите сказать, Бетховен восстановил музыку? — затаив дыхание, спросила Эрика.

— Он пишет, что восстановил, и, упреждая ваш вопрос, — да, я проверил у двух специалистов-музыковедов, не сказав им ничего определенного, нет ли каких-нибудь законченных и незаконченных произведений для флейты, относящихся к нужному периоду. Ничего такого нет.

— Предпринять столько усилий... — задумчиво промолвила Эрика. — Судя по всему, Бетховена здорово напугало то, что он обнаружил... или же... а может быть, он просто страдал манией преследования?

— Бетховен был осторожен, вспыльчив, но нет, в иррациональной подозрительности его никто никогда не обвинял, — объяснил Фремонт, ценитель музыки, из троих лучше всех разбирающийся в подобных вопросах. — Хотя можно предположить, что до герра Бетховена доходили слухи, взбудоражившие музыкальный мир, когда Моцарт умер всего через шесть недель после первой постановки его «Волшебной флейты». Сторонники теории заговора утверждают, что молодого композитора отравили, поскольку он в своей опере раскрыл секреты масонов. Возможно, Бетховен предположил, что если Моцарта отравили за приглашение тайны легенды о флейте, обладающей необыч-

ными свойствами, связанными с циклом жизни и смерти, то и ему следует держаться от такой флейты подальше.

Он отпил глоток бренди.

Эрика снова наморщила лоб, но теперь ее глаза зажглись огнем.

— А что, если Бетховен выяснил, как действовала эта «флейта памяти»? Что, если те, кто слушал ее мелодию, ощущал ее вибрацию, вспоминал свои прошлые жизни? Возможно, именно это он подразумевал, говоря об опасности, — задыхаясь от волнения, закончила она.

Фремонт с такой силой опустил стопку на мраморную столешницу, что от ножки откололся кусок. Отголоски зловещего звона разнеслись по всей библиотеке.

— До тех пор пока мы не узнаем наверняка, что это письмо написал сам Бетховен, все это лишь досужие рассуждения.

— И время тоже полностью соответствует. — Эрика уже настолько была увлечена своей гипотезой, что не могла остановиться.

— Соответствует чему? — уточнил Джереми.

— Гениальному открытию бинауральных ритмов, совершенному Генрихом Вильгельмом Дове¹ в 1839 году...

— Эрика! — со смехом вмешался Фремонт. — Это же одни предположения!

Но Джереми думал иначе. Когда Меер начала слышать музыку, которую не мог разобрать никто, кроме нее, он первым делом вспомнил о том, что бинауральные ритмы — низкочастотные звуки, воздействующие на волновую активность головного мозга, — возможно, вызывают регрессии воспоминаний из прошлой жизни. И вот теперь последние работы Эрики позволяли сделать вывод, что эта возможность перерастает в вероятность. Более половины испытавших ОКС, с кем ей довелось поработать, слышали

¹ Дове, Генрих Вильгельм — немецкий физик, метеоролог.

во время путешествия в иной мир музыку, и на предложение выбрать из десятка отрывков мелодию, больше всего напоминающую эту музыку, все сто процентов выбрали отрывок, наполненный бинауральными ритмами.

— Это не предположения. Имеется большое количество научных данных, доказывающих воздействие религиозных песнопений, музыки, барабанного ритма и других звуков на рассудок и тело.

Эрика говорила быстрее, неслась вперед, опьяненная все новыми предположениями. Она не сомневалась в том, что частоты, схожие с теми, которые слышали люди, испытывавшие ОКС, способны открыть канал и перейти на уровень сознания, необходимый для того, чтобы вспомнить прошлые жизни.

— Если мы бы нашли флейту и доказали, что воспоминания о прошлой жизни можно вызвать каким-то воздействием на слух, это стало бы революционным переворотом в теории перевоплощения. И не только в ней, — настаивала Эрика, — но и в теории взаимосвязи пространства и времени тоже. Это явилось бы грандиозным прорывом в науке.

— И все благодаря нашему несгибаемому герою-еврею, — указал на Джереми Фремонт.

— Еврею? — удивился Джереми. — А это тут при чем?

— Вас будут поносить как Понтия Пилата XXI века за доказательство того, что человек один несет ответственность за свое вечное упокоение, и в руках каждого обеспечить себе дорогу на небеса. Каббалу снова предадут проклятию. Повсюду опять начнутся гонения на еврейских мистиков. — Уставившись в рюмку, Фремонт крутанул ее раз, другой, затем поднес ко рту и залпом допил бренди, словно это был фруктовый сок.

— Каббала ни в коей мере не является единственной религиозной доктриной, выступающей в поддержку пере-

селения душ, — возразил Джереми. — Почему евреи должны взять на себя всю вину только потому...

— Фремонт, — вмешалась Эрика, — вы действительно предлагаете отказаться от расследования из-за возможных религиозных последствий? — Ученая была в ужасе.

— Разумеется, нет, — успокоил ее Фремонт. — Я просто хочу сказать, что на карту поставлено слишком много, и мы должны двигаться медленно, осторожно, не привлекая лишнего внимания.

— Что ж, если письмо окажется подлинным... — Голос Эрики снова наполнился надеждой и воодушевлением. — Тогда сама шкатулка может быть указанием на то, где спрятана флейта. Не следует ли нам приготовиться выкупить ее и письмо на аукционе, намеченном на следующую неделю?

— Но письмо было спрятано, — возразил Фремонт. — О нем никому не известно. Вы же не сообщили о его существовании, ведь так?

— Конечно, не сообщил. И не собираюсь сообщать, — ответил Джереми. — Хелен Хоффман дала свое согласие на то, чтобы я проверил подлинность шкатулки, но дальше этого речь пока не шла.

Но Эрика их больше не слушала; мысленно она уже шагнула за аукцион к тому, что будет потом.

— Если в письме говорится правда и флейта не была уничтожена, возможно, здесь, в Вене, спрятан инструмент воздействия на память. Мы должны его найти. Инструмент памяти... — В ее голосе прозвучало благоговейное почтение. — Это невозможно представить.

Однако на самом деле все трое отчетливо представляли себе, что это может значить. Как и еще один член общества; не замеченный никем, он сидел, затаившись, в темном углу библиотеки с самого начала встречи, жадно ловя каждое слово.

ГЛАВА 6

Вена, Австрия

Четверг, 24 апреля, 18.30

Давид Ялом вытащил серую надувную лодку из-за сталагмита, где спрятал ее два часа назад, после того как переправился через подземное озеро. Что-то было не так. Лодка определенно была сдута. Перевернув ее, Давид увидел на днище четыре коротких параллельных разреза.

— Черт побери, как такое могло случиться? — указал он на испорченную лодку.

Нагнувшись, Ганс Вассонг изучил дыры.

— Скалы здесь острые. Наверное, ты распорол днище, когда вытаскивал лодку на берег.

— Нет, я хорошо помню, что поднимал лодку. Именно по этой причине я и не тащил ее волоком. — Давид снова посмотрел на изуродованное днище. — К тому же разрезы слишком ровные, чтобы их могли оставить острые камни. — Он лихорадочно осмотрел пещеру. Луч его галогенного фонаря судорожно заплесал на каменных сводах. — Это сделал человек. Здесь кто-то есть, Ганс.

— Это невозможно.

— Ты уверен? За тобой никто не следил?

— За мной никто не следил, — настаивал Ганс. — За мной? Ты сам подумай, что говоришь!

— В таком случае, что тут произошло?

— Быть может, это крысы.

Давид направил луч фонаря прямо в светло-карие глаза Вассонга. В своей статье он как-то назвал их поразительно добрыми, и вот сейчас вспомнил об этом.

— Говоришь, крысы, Ганс?

— В этих катакомбах обитают тысячи грызунов, ты сам их видел. Определенно, эти следы могли оставить своими когтями крысы. Причин для беспокойства нет. Ты напрасно тревожишься — пойми, я тебя ни в чем не виню, на

твоим месте любой другой вел бы себя ничуть не лучше. Но у нас по-прежнему остается моя лодка. Если бы речь шла о чем-то подозрительном, мою лодку тоже испортили бы. Веревка у нас длинная, так что мы привяжем лодку, я переправлюсь через озеро, а потом ты притянешь лодку к себе и переправишься следом.

Другого выхода не было. Из-за геотермальной активности под дном озера вода была на тридцать процентов теплее температуры человеческого тела. В такой горячей воде можно было свариться заживо.

— Ты проверил? Твоя лодка точно не испорчена?

Но вторая лодка была цела.

Вассонг достал из рюкзака моток веревки и привязал один конец к литому пластмассовому кольцу, закрепленному на резиновом борту.

— Все будет замечательно, — сказал он, дергая за веревку, чтобы проверить, прочно ли затянут узел.

Покончив с этим, Ганс снял очки, вытер их о бандану, затем вытер лоб и, наконец, снова надел очки.

— Как только я переправлюсь на ту сторону, я подам тебе сигнал, и ты потянешь лодку обратно. — Взяв веревку, он бросил ее Давиду.

Провожая взглядом Вассонга, гребущего по водной глади в окружении облака пара, Давид размышлял о том, может ли крыса когтем раздрать толстый полихлорвинил. Словно реконструируя события, для того чтобы написать газетную статью, он мысленно повторил все свои действия, когда они с Гансом достигли берега и вытащили лодки из воды. Было ли у Ганса время, чтобы распороть днище? И если это действительно сделал он, то с какой целью? У Давида спина взмокла от пота. Он уже снял куртку. Теперь он расстегнул рубашку и промокнул рукавом лоб. Раскрыв рюкзачок, схватил последнюю бутылку воды и допил то небольшое, что в ней оставалось. Они захватили припасы только на один день, и этот день подходил к концу.

Давид прислушался к равномерному плеску весел.

Подойдя к подземному озеру, они с Вассонгом не тережили ни минуты. Быстро надули лодки, собрали весла, переплыли на противоположный берег, спрятали лодки и двинулись дальше. Нет, вдруг вспомнил Давид, они *останавливались*. Ему нужно было записать на диктофон указания, чтобы он смог найти дорогу, когда вернется сюда один на следующей неделе. А чем в это время занимался его товарищ?

Давид напряг память. Он думал о том, что произошло несколько часов назад, но ему вспомнилась другая ночь. Перед сегодняшним днем он последний раз пользовался диктофоном почти год назад. Давид прослушивал записанное интервью, спеша закончить статью о беспорядках в секторе Газа. Он то и дело пользовался ускоренной перемоткой вперед, пытаясь найти последнюю цитату. Давид посмотрел на часы — времени было уже 18.02, и он подумал: «Я опаздываю. Мне нужно поторопиться», даже не подозревая о том, что к этому времени вся его семья уже была мертва. Погибла при взрыве бомбы, брошенной в дом во время празднования дня рождения сына. Подарок от Ахмеда Абдула за то, что Давид просто выполнял свою проклятую работу.

За две недели до этого он подготовил материал о ФНОП — Фронте национального освобождения Палестины, первым предав огласке информацию о том, что эта террористическая организация находится на грани краха и что глава группировки, Надир Абдул, брат Ахмеда, будет в самом ближайшем времени смещен со своего поста. Через двадцать четыре часа после того, как статья вышла в свет, Надир покончил с собой. Через двенадцать часов после его похорон Давиду пригрозили смертью. Не желая рисковать, газета, в которой он работал, наняла лучшую частную охранную фирму для защиты своего сотрудника и его семьи.

В живых остался только Давид, в тот вечер опоздавший на праздничный ужин. Бог, в которого он больше не верил, сыграл с ним садистскую шутку, сохранив ему жизнь. Но что это была за жизнь, когда каждую минуту каждого дня у Давида перед глазами в замедленном темпе, раз за разом прокручивались образы того, как он находит на месте взрыва изуродованные останки близких, с каждым новым повтором становясь все более жуткими? Считалось, что время воздействует на память совсем не так. Оно должно было сглаживать острые края, смягчать все самое страшное.

И дело было не только в личной трагедии Давида. Бесконечный цикл насилия, ответных ударов и нового насилия продолжался. Багдад, Могадишу, Тель-Авив, Кербела...

Ялом писал о терроризме, начиная с середины девяностых. Проникая в ячейки боевиков, встречаясь с террористами-смертниками и их родными, составляя летопись их методов и безумия, он также описывал меры, принимавшиеся для поимки террористов и разрушения их замыслов. За многие годы Давид насмотрелся на сотни новых мышеловок, наслушался заверений в том, насколько каждая следующая лучше всех предыдущих. Но это была неправда. И смерть его жены, двух сыновей, дочери, родителей, теток, дядьев, сестер и братьев была лишь малой крупницей в доказательстве этого страшного факта.

Коллега-журналист по имени Луис Рене Берес однажды написал, что Израилю, столкнувшемуся с угрозой самому своему выживанию, следует перестать быть жертвой. «Вместо этого, — продолжал он, — Израиль имеет печальное, но совершенно законное право стать палачом. И с точки зрения обеспечения безопасности своих граждан, — завершалась статья, — это право теперь превратилось в четкую обязанность».

И для Давида Ялома это тоже стало обязанностью. Причем не только как журналиста. Он видел письма

на стене, выведенные кровью его родных: время создавать более совершенную мышеловку давно прошло. Всегда найдется способ перехитрить новую систему. Теперь речь шла уже не о мышеловках, а о том, чтобы изменить сам образ мышления и мышшей, и тех, кто их ловит. И о том, чтобы наказать тех, кто создает эти системы, которые не смогли защитить родных Давида. Через пять дней все эти люди соберутся вместе, усядутся в каких-нибудь десяти метрах над этими пещерами, чтобы насладиться выступлением Венского филармонического оркестра, отметив тем самым окончание ежегодной конференции Международного агентства по системам безопасности. Они лишь принесли израильскому журналисту извинение, а этого было слишком мало.

Плеск весел прекратился. Вассонг доплыл до противоположного берега и выбрался из лодки на твердую землю. Он наклонился, и луч фонаря, закрепленного на каске, образовал вокруг него пятно яркого света. В руке у Ганса сверкнуло что-то холодное. Как и каждый гражданин Израиля, Давид прослужил два года в армии, так что он был обучен и прекрасно умел просчитывать опасные ситуации. Как только у него в голове возникли вопросы, он сразу же стал искать ответы. Ялом сразу же понял, что у Вассонга в руке нож, и он догадался, что тот собирается перерезать веревку и бросить его под землей одного.

Ганс с самого начала не собирался отправить свою лодку обратно Давиду, ведь так? Все это было подстроено. Но зачем разыгрывать этот спектакль, вести его сюда и показывать ему склеп? Ради денег? Несомненно. Сначала деньги Давида, затем — Ахмеда Абдула.

Вступил в действие инстинкт, выплеснувшийся с такой силой, породить которую способна только бесконечная ярость. Ялом дернул веревку и начал как мог быстро вытягивать ее к себе. Ганс, не ожидавший этого, разжал ладонь. Выронив нож, он протянул обе руки, стараясь

схватить лодку. Вассонг тоже был закаленным бойцом, ему пришлось сражаться всю свою жизнь; однако Давид был моложе и сильнее, и лодка уже оторвалась от берега и теперь двигалась к нему.

Ганс недооценил ее скорость и, раскинув руки, полетел вперед, громко крича еще до того, как упасть в воду. Реагируя на боль, его тело тотчас же сжалось, дернувшись вверх, выгибаясь назад. Он продолжал кричать.

Какое-то мгновение Давиду казалось, что его бывшему другу чудом удастся выбраться на берег. Нет, он знал, что это невозможно. Знал, потому что его предупредил Вассонг: никто не сможет выжить в огненной воде. Вассонг судорожно барахтался, поднимая брызги. Так продолжалось пятнадцать секунд, тридцать, сорок, затем все движения стихли. Ганс Вассонг застыл, плавая лицом вниз в кипящем озере. Его очки, вынырнув, покачивались на воде рядом с ним.

ГЛАВА 7

Нью-Йорк

Четверг, 24 апреля, 18.00

Начинал моросить промозглый дождь, но Малахай Самюэльс решил все равно вернуться в фонд пешком. Он только что встречался со своим адвокатом, заверившим его в том, что полиция вот-вот снимет против него все обвинения — просто не было никаких доказательств того, что он имел какое-то отношение к краже «каменной памяти» летом прошлого года, хотя никто не мог сказать, когда дело будет официально закрыто. Подходящий к концу день выдался трудным, но прогулка через Центральный парк должна была стать отдыхом. Заставить ублюдков, установивших за ним слежку, мокнуть под дождем — это

была одна из немногих маленьких радостей, позволяемых Малахаем в своем постыдном положении.

Неспешная прогулка пешком по этому относительно-му спокойствию, предлагавшемуся семьястами акрами, окруженными стенами из грубо отесанного камня, была неотъемлемой частью ежедневного ритуала. Центральный парк, хоть и располагался в центре города, практически не изменился с середины XIX века, когда был устроен. И в это же самое время всего в нескольких кварталах отсюда предки Самюэляса основали фонд «Феникс» для изучения проблем перевоплощения и переселения душ. Когда Малахай находился в творении Олмстеда¹, ему казалось, что он живет в другой эпохе.

В те редкие моменты, когда он позволял себе думать об этом, Малахай мучился сознанием того, что ему недоступно собственное прошлое. Всю свою взрослую жизнь он имел дело с детьми, несущими бремя непрошенных воспоминаний, однако какие бы усилия он ни прилагал, ему самому не удавалось нащупать ни одной забытой ниточки. Но он был близок к этому, когда были обнаружены «камни памяти». Проклятие, как же близок он к этому был!

Выйдя из Охотничьих ворот на Восемьдесят первую улицу, Малахай продолжал идти на север. Конечная цель его пути находилась совсем близко — особняк в стиле королевы Анны с коньками на крыше, коваными чугунными решетками и десятком химер-горгулий. В косых лучах вечернего солнца фонд «Феникс», по-прежнему расположенный в том же здании, что и его предшественник, основанный в XIX веке клуб, выглядел мрачно, словно придавленный весом всего того, что происходило в его стенах. Здесь раскрывались тайны рождения, смерти и убийств,

---

¹ Олмстед, Фредерик Ло — американский ландшафтный архитектор, писатель, в 1857 году был назначен смотрителем Центрального парка Нью-Йорка, разработал полный проект его обустройства.

изучались и сопоставлялись параллели жизней, прожитых и загубленных, исследовались всевозможные запутанные последствия, порожденные ими.

По дороге к себе в кабинет Малахай заглянул в пустую комнату ожидания и с облегчением отметил, что его секретарше удалось расчистить график приема посетителей. Он не смог бы отправить домой ребенка в беде, не оказав ему помощь. К настоящему времени Самюэльс вместе со своей теткой доктором Берил Талмэдж, директором фонда, приняли свыше трех тысяч детей, страдающих болезненными воспоминаниями о прошлой жизни, и в какой-то степени помогли почти всем. Оба квалифицированные психологи, они верили в то, что поиски ДНК, отвечающей за человеческую психику, заслуживают более серьезного внимания, и изо всех сил старались оградить свою работу от популистских капризов. На протяжении многих лет Малахай и доктор Талмэдж были свидетелями того, как целительная терапия регрессий прошлой жизни излечивает тех, кому не помогли никакие другие методы. Семьдесят пять процентов детей, обратившихся в фонд, спустя шесть месяцев уходили, разрешив все свои внутренние конфликты. Но Самюэльсу не давали покоя те, кому он не смог помочь. Такие, как Меер, — один из самых интересных случаев в его практике, и одна из самых досадных неудач.

Малахай просто сел за стол и стал просматривать сообщения, проверяя, звонил ли Джереми Логан, как вдруг в дверях появилась Берил Талмэдж.

— Значит, ты вернулся, — сказала она. — Ну, как прошла встреча?

Страдающая рассеянным склерозом, тетка последние два года вынуждена была то и дело усаживаться в инвалидное кресло, однако сегодня вечером единственным указанием на ее болезнь была палочка с набалдашником из слоновой кости.

— А вы сегодня хорошо выглядите, — заметил Малахай.

— По-прежнему никаких новостей? Неужели это исследование будет продолжаться вечно?

Постороннему ее замечание могло бы показаться выражением сочувствия, но Малахай распознал в нем осуждение, каковым оно и было на самом деле. Несмотря на то что Берил была абсолютно уверена в непричастности племянника, она обвиняла его в том, что он ввязался в поиски «каменной памяти» и тем самым принес скандал прямо к дверям фонда. Подозрение в краже и убийстве, павшее на заместителя директора, запятнало репутацию фонда, бережно охраняемую Берил на протяжении многих лет.

— Не вашу жизнь разглядывают под микроскопом. Не вам приходится...

Талмэдж стиснула трость так, что побелели костяшки пальцев.

— Ты хочешь, чтобы я тебя пожалела?

— Я отдал свой паспорт, открыл все свои архивы, корреспонденцию, банковские счета, буквально всю свою личную жизнь — людям в плохо сшитых костюмах и рубашках из синтетических тканей, которые получают огромное наслаждение, прижимая меня к ногтю.

Встав, Малахай прошел к окну и приподнял угол тяжелой шелковой шторы, проверяя, сидит ли сейчас один из этих людей в припаркованной на улице машине, наблюдая за ним.

— Когда за тобой следят, возникает такое чувство, будто кто-то хирургическим скальпелем ковыряется в душе.

— Не надо мелодрамы.

— Тетя Берил, мне не нужно ваше одобрение, но из этого еще не следует, что я не буду признателен поддержке с вашей стороны.

— Моя поддержка у тебя есть. И ты это знаешь. Она будет у тебя столько, сколько понадобится. Как открытая, так и неявная. Но не жди, что я буду притворяться, будто...

Зазвонил телефон, не дав ей договорить.

Взглянув на дисплей, Самюэльс узнал номер Джереми Логана.

— Извините, но этого звонка я ждал весь день.

Печально попрощавшись с племянником, Берил вышла, тяжело опираясь на палочку. Малахаю показалось, что тетка обрадовалась возможности уйти, и он не мог ее в этом винить.

— Ты виделся с Меер? Как она отреагировала, увидев фотографию шкатулки? — выпалил Джереми, после того как друзья обменялись приветствиями.

Самюэльс описал ему реакцию молодой женщины.

— Она очень расстроилась? — спросил Логан.

— Ты же знаешь, как хорошо твоя дочь умеет скрывать свои чувства.

Подобно многим детям, чьи родители развелись, Меер была в очень натянутых отношениях с тем из родителей, кого она сама больше винила в разрушении семьи, — с отцом; и Малахай уловил в голосе Джереми тень вины, как это было всегда, когда он говорил о своей дочери.

— Она отказалась от музыки, занялась изучением проблем памяти, взялась за этот проект создания Купола памяти — и зачем? — спросил Логан. — Всю свою жизнь Меер пыталась доказать, что ее воспоминания о музыке и шкатулке — не что иное, как обычные галлюцинации, и чем упорнее она старается отрицать...

— Джереми, это не лучший способ разобраться в том...

— Я надеялся, что если она убедится в существовании шкатулки, то, наконец, позволит нам ей помочь. Разве это не стало бы лучшим исцелением, если бы Меер приехала сюда и своими глазами увидела ее?

— Разумеется. Возможно, это стало бы тем самым толчком, который нам так и не удалось найти. Но твоя дочь хочет сначала во всем разобраться, а время для этого давно прошло. К тому же у нее есть отговорка: на следующей неделе начинается ее выставка.

— Она всегда приводила в качестве оправдания свою работу.

— Я думаю, надо дать ей какое-то время. Фотография шкатулки явилась для нее самым настоящим шоком.

— Как и для меня то, что я ее нашел. Шкатулку, а также все остальное.

После этого Джереми сообщил Малахай поразительную новость о письме, связывающем шкатулку, Бетховена и один из утерянных «инструментов памяти».

— Ты хочешь сказать, что флейта до сих пор существует? — спросил Малахай, выслушав рассказ Логана. — Что она может быть по-прежнему там, где ее спрятал Бетховен?

Он постарался скрыть волнение, не желая показывать никому, даже старому другу, как много значит для него это известие.

— Невероятно, не так ли? Я получаю информацию о музыкальном инструменте, якобы способном вызывать воспоминания о прошлой жизни, из письма, спрятанного в ларце с играми XVIII века. В шкатулке, полностью идентичной той воображаемой, которую моя дочь рисовала, начиная с семи лет.

— Это интуитивная прозорливость... — по привычке произнес Самюэльс.

Так он начинал свою обычную лекцию сбитым с толку родителям ребенка, измученного воспоминаниями о прошлой жизни, однако сейчас он сам был оглушен тем, что только что выложил ему Джереми.

Достав из ящика стола старинную колоду французских игральных карт с золотым обрезом, Малахай перетасовал ее раз, затем другой, третий. Эти карты стоили многие тысячи долларов, большинство коллекционеров запрятало бы их в стеклянную витрину, но Самюэльсу нравилось играть со своими безделушками. Как правило, это позволяло ему расслабиться. Когда он тасовал карты, они шлепались друг о друга, издавая звук, который его успокаивал. Затем,

задавая Джереми вопросы и внимательно слушая ответы, Малахай выполнил маленький фокус для невидимых зрителей: он спрятал бубнового короля в середине колоды, а следующим движением открыл его наверху.

Но хотя технически уловка была выполнена безукоризненно, она не произвела на психиатра должного действия. Напряжение оставалось. Один «инструмент памяти» он упустил. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы и второй также выскользнул у него из рук. И Меер будет в этом гарантией успеха.

ГЛАВА 8

Вена, Австрия

Пятница, 25 апреля, 10.30

Через два часа, после того как Пауль Пертцлер получил задание по телефону, номер которого был известен лишь немногим избранным, он направлялся к одному из двух свободных столиков в кафе «Моцарт» на Альбертинаплатц. Проходя мимо молодой женщины, сидящей в одиночестве за чашечкой кофе, он задержал взгляд на ее восхитительной фигуре. По крайней мере, на той ее части, которая была ему видна от талии и выше. Сам Пертцлер отличался неказистой внешностью: среднего роста, жидкие русые волосы, темно-карие глаза и кожа в красных пятнах, — и женщина даже не подняла на него взгляд, что было просто замечательно, поскольку это дало ему возможность подольше полюбоваться ложбинкой между грудями, видневшейся в вырезе черного свитера. Он был настолько поглощен созерцанием этих прелестей, что не заметил, как у него из-под мышки выскользнула газета.

— Прощу прощения... — Мужчина, подобравший газету, был в синей джинсовой куртке и солнцезащитных очках с зеркальными стеклами. — Вы выронили газету.

Пертцлер с огорчением поблагодарил его, взял газету и продолжил путь к свободному столику. Заказав пиво, он закурил и устался в окно. Рингштрассе всегда запружена народом независимо от сезона, времени суток и погоды. И сегодняшний день не был исключением. На противоположной стороне улицы находилось здание городской ратуши, занимающее целый квартал. Это был замечательный образчик старой архитектуры, поражающий своим величием до тех пор, пока глаз не замечал, какой же он грязный. Целое столетие сажи и копоти. Вена отчаянно стремится цепляться за прошлое, даже когда оно оказывается токсичным. Вторая мировая война завершилась больше шестидесяти лет назад, однако до сих пор то и дело всплывают тайны о причастности Вены к тем страшным событиям, обнажающие все новые преступления нацистов.

Когда из кафе выходил мужчина в джинсовой куртке, Пертцлер лишь мельком взглянул на него, но когда из-за столика поднялась молодая женщина в свитере с глубоким вырезом, он проследил за каждым ее шагом. Через несколько минут после ее ухода Пауль взглянул на часы, бросил на стол несколько монет и встал.

Войдя в парк Ратхаус, он не спеша прогулялся по ухоженному саду, в котором были представлены самые разнообразные виды растений. Пертцлер задержался, чтобы полюбоваться японской пагодой, а затем очень старым китайским гинкго, изобразив большой интерес, хотя на самом деле для него это дерево было самым обыкновенным кленом. Но перед тем как развернуть зажатую под мышкой газету, ему нужно было убедиться в том, что за ним не следят.

К проводным линиям связи слишком просто подключиться, разговоры по сотовому телефону слишком легко перехватить, электронная почта достаточно надежна, но оставляет следы, доски объявлений действуют неплохо,

но Пертцлер предпочитал старые, проверенные способы. Он проработал в своем ремесле вот уже двадцать пять лет только по одной причине — он был необычайно осторожен и никогда не давал никому повода обратить на него внимание. Именно так ему удавалось добиваться успеха. И это дело не станет исключением. Заказчик платит тройной гонорар за то, чтобы все было сделано быстро и как нужно. А тройной гонорар — это в три раза лучше.

Удостоверившись в том, что за ним никто не следит, Пертцлер сел на скамейку, развернул свежий номер «Интернэшнл геральд трибьюн» и пробежал взглядом первую страницу.

РЕДКОЕ ПИСЬМО БЕТХОВЕНА ОБНАРУЖЕНО ЧЕРЕЗ ДВЕСТИ ЛЕТ

Сюзен Эссекс — Вена, Австрия

Эксперт художественного салона «Доротеум» обнаружил в потайном отделении антикварной шкапулки письмо на двух страницах, предположительно написанное Людвигом ван Бетховеном. Если подлинность письма будет установлена, стоимость находки может составить свыше семисот пятидесяти тысяч евро.

Информация поступила в корпункт от источника, пожелавшего не называть себя. Нам не удалось связаться с Джереми Логаном, куратором отдела иудейского искусства, обнаружившим реликвию, но представитель художественного салона подтвердил факт ее существования.

Эксперты сходятся в том, что поскольку шкапулка принадлежала Антонии Брентано, близкой подруге Бетховена и, возможно, его «бессмертной возлюбленной», письмо с большой долей вероятности является подлинным.

Шкатулка с играми, подаренная великим композитором Брентано, будет выставлена на торги на следующей неделе, однако она будет продаваться без письма. По оценкам, стоимость шкатулки предположительно составит сто тысяч евро.

Миллионы тех, кто прочитает эту статью, почерпнут из нее одну и ту же информацию, однако в том варианте, который сейчас держал перед собой Пауль, было подчеркнуто несколько десятков букв. Расшифровав это закодированное послание, он узнает все необходимое о новом задании, полученном от неизвестного заказчика. Правда, заказчик назвал свое имя, но Пертцлер не сомневался, что оно не настоящее, в отличие от древнего письма, которое ему поручили выкрасть.

ГЛАВА 9

Я начался не тогда, когда родился, и не тогда, когда был зачат. Я рос, развиваясь, на протяжении бесчисленных мириад тысячелетий. Все опыты всех этих жизней и бесчисленное множество других жизней пошли на созидание душевного и духовного содержания моего «я»... О, сколько еще раз мне предстоит родиться заново!

Джек Лондон
«Смирительная рубашка»
(«Межзвездный скиталец»)

*Вена, Австрия
Суббота, 26 апреля, 07.30*

У самого начала ленты транспортера в ожидании багажа застыли мужчина и женщина, поглощенные напряженным разговором.

— Что ж, в таком случае, когда мы получим доступ в концертный зал?

Говорившим был очень высокий мужчина с золотыми часами «Ролекс» на руке, в синей куртке с блестящими золотыми пуговицами, белой рубашке, джинсах и ковбойских сапогах под крокодилью кожу. Его голос с протяжным тexasским акцентом был наполнен беспокойством, а взгляд постоянно метался вокруг, словно оценивая всех, кто находился рядом, как потенциальную угрозу.

— Мы условились отправиться туда завтра...

Акцент женщины был не таким выраженным, как у ее спутника, и хотя она также была одета буднично, ее наряд был далеко не такой дорогой, как одежда ее спутника. Не договорив, она шагнула к транспортеру, чтобы взять чемодан. Вывалившийся вперед серебряный крестик на тонкой цепочке качнулся, поймав на себе луч света. К тому времени, как Том Пакстон, опомнившись, поспешил на помощь, женщина уже сняла тяжелый чемодан с ленты и поставила его на пол.

На багажной бирке вокруг стилизованного земного шара было выведено золотыми буквами «Глобальная служба безопасности». А ниже — имя женщины, Керри Нельсон, название странички в Интернете, номер телефона и адрес в Хьюстоне, штат Техас.

— Завтра? Ты это серьезно? — Том провел рукой по выгоревшим на солнце волосам, еще раз оглядываясь вокруг. — Чем вызвана такая задержка? Концерт состоится через пять дней. Ты же читала отчеты об этом здании. Для службы безопасности это же суший кошмар! Мы не можем ждать.

— Наша команда живет там последние четыре недели, так что не осталось никаких сюрпризов...

— Да если бы у нас было сто человек и сто дней, этого все равно не было бы достаточно! И мне сейчас наплевать на нашу команду. Я хочу побывать на месте сам. — Его

голос стал резким. — К нам прикованы взгляды всех, кто занимается нашим ремеслом... за нами внимательно следят инвесторы. Террористы пускают слюнки по поводу этого концерта. Главы государственных служб безопасности со всего мира, сотни важных персон и экспертов...

— Что вы от меня хотите? Вы думаете, я собираюсь повести вас в венский зоопарк? — Керри говорила как мать, пытающаяся унять истерику двухлетнего ребенка. — Сегодня мы работаем. Просто мы не поедem в концертный зал. Нас уже ждет водитель. Он отвезет нас в гостиницу, где мы встретимся с главой службы безопасности конференции, затем с сотрудниками службы безопасности концертного холла, которые приедут к нам, и, наконец, мы встретимся с главой управления полиции...

Она увидела, как на ленту вывалился чемодан Тома.

На этот раз он заметил движение своей спутницы и опередил ее, первым схватив свой багаж.

— Ну, хорошо, пошли.

Они направились к таможне, и Том продолжал всматриваться в толпу, хотя он и понимал, что им следует опасаться только самых умных и хитрых — а умные и хитрые никогда не выделяются в толпе.

ГЛАВА 10

Суббота, 26 апреля, 08.17

Устроившись на заднем сиденье такси, которое везло ее в гостиницу, Меер испытывала одновременно усталость и нервное возбуждение. Перелет через океан прошел без происшествий, но она так и не смогла заснуть. Несмотря на серьезные опасения, Меер внезапно собралась отправиться в Вену, не потому что верила, как полагал Малахай, что вид шкатулки с играми пробудит воспоминания из прошлой жизни, а потому что надеялась, что ее вид прольет луч света

на воспоминания из жизни настоящей. Быть может, прикоснувшись к этой реликвии, осмотрев ее, она получит хоть какое-то представление о том, где и когда могла ее видеть.

За окном не было ничего достойного внимания до тех пор, пока машина не въехала в центральную часть города, и там справа потянулись сплошные ряды старинных зданий, а слева заблестела буро-зеленоватая лента Дуная.

Приехав в гостиницу, Меер выяснила, что ее номер будет готов только к официальному расчетному часу — к часу дня. Оставив вещи в вестибюле, она вышла на улицу и попросила швейцара вызвать такси. Назвав водителю адрес своего отца, Меер поймала себя на том, как по-чужому прозвучало это название. Отец жил в Вене вот уже двадцать лет, но она никогда не навещала его здесь, встречаясь с ним в Нью-Йорке один-два раза в год, когда он приезжал туда по делам. За ужином отец расспрашивал ее о личной жизни, пытаясь выяснить ее внутреннее состояние, а она ограничивалась общими словами о работе и знакомых, торопясь сменить тему и заставить отца рассказать о последних приключениях в охоте за сокровищами. Меер обожала эти рассказы. Она слушала их с самого детства. Маленькой девочкой Меер Логан больше всего на свете хотела отправиться вместе с отцом на поиски сокровищ, пугаясь и в то же время восторгаясь мыслью о том, что в нее будут стрелять, за ней будут гоняться сторожевые собаки и ее арестуют за контрабанду.

Всего через несколько минут после того, как такси отъехало от гостиницы «Захер», дорога стала тряской, и Меер выглянула в окно.

— Бульжник, — на сносом английском объяснил водитель. — Я сразу узнаю туристов. Как только мы начинаем прыгать на этих улицах, они удивляются. Мы въехали в Шпиттльберг, самую древнюю часть города.

Как ни странно, этот неровный ритм подействовал на Меер успокаивающе, как и двух- и трехэтажные дома,

обступившие вплотную узкие улочки. Все выкрашенные в яркие цвета, почти на всех подоконниках горшки с цветами. Этот квартал напомнил Меер более старый, более облагороженный вариант нью-йоркского Гринвич-Вилледж. Проехав еще несколько ярдов, водитель остановил машину на левой стороне улицы у дома номер 83 по Киртхенгассе, бледно-голубого трехэтажного здания с темно-зелеными ставнями. Именно здесь жил отец Меер.

Логан позвонила. На двери висел венок из высушенных лавровых листьев, и девушка, дожидаясь, когда отец ей откроет, принялась их считать. Дойдя до двенадцати, она позвонила снова. На двадцати двух она заключила, что его нет дома.

Поскольку Меер решила лететь в Вену только вчера и заказала билет в самую последнюю минуту, у нее не было времени, чтобы предупредить о своем приезде. Вчера вечером в ожидании посадки она позвонила отцу домой, попала на автоответчик и оставила сообщение, что если самолет приземлится по расписанию, она сначала отправится в гостиницу и только потом часов в одиннадцать заглянет к нему в гости. Конечно, она приехала слишком рано, но неужели отец отлучился из дома перед самым ее предполагаемым визитом? Впрочем, у него могло быть какое-то неотложное дело, которое он не успел перенести, потому что получил ее сообщение в самый последний момент. Но разве в этом случае отец не оставил бы ей записку... или не позвонил бы на сотовый? Вот только в спешке Меер забыла подключить европейский роуминг, так что проверить это было нельзя.

Быть может, отец не услышал звонок, потому что был в душе и вышел оттуда только что. Твердо решив, что это будет последний раз, молодая женщина снова нажала кнопку, слушая фальшивую мелодию — вот здесь вместо бемоля должен быть диез.

В детстве Меер изобрела язык, состоящий из музыкальных звуков; целые мысли и предложения можно было вы-

разить последовательностью нот. Живя внутри звуков, она привыкла к тому, что все окружающие остаются снаружи, но ее отец научился говорить на этом языке, установившем между ними особую связь. «Теперь мне придется переводить ему мелодию звонка», — мысленно улыбнулась Меер.

Когда трель закончилась, девушка приложила ухо к двери. Где-то в глубине дома играла музыка, но звука шагов по-прежнему не было. Меер взглянула на часы: без десяти девять.

Ее внимание отвлекло жужжание пчелы. Неторопливое и обстоятельное, оно было по-своему мелодичным. Пчела покружила вокруг красной бегонии, на мгновение присела на цветок лаванды и, наконец, залетела в дом в открытое окно.

Окно открыто? Почему она это не заметила? Перегнувшись через горшки с цветами, Меер просунула голову внутрь и крикнула.

Ответа не последовало.

Меер устала, ее терпение было на исходе. «В конце концов, это ведь дом моего отца, так что я не вторгаюсь в чужое жилище», — подумала она, забираясь на подоконник и спрыгивая на пол. После яркого солнечного света ее глазам потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть к полумраку внутри. На полу рядом с диваном возвышалась груда книг, дверь шкафа была распахнута настежь. Разрываясь между звуками музыки и запахом кофе, Меер остановилась на музыке и в конце концов оказалась в отцовской библиотеке. Полки от пола до потолка были заставлены таким огромным количеством книг, что у девушки мелькнула мысль: если они свалятся на нее все сразу, то раздавят своим весом.

На письменном столе была рассыпана большая стопка бумаг, выдвинутый ящик зиял широко раскрытым в крике ртом. Отец всегда отличался неаккуратностью, но это было уже слишком. К этому времени звучащая на за-

днем плане музыка уже проникла в сознание Меер, и она правой рукой машинально нажимала нужные ноты. Быть может, ничего плохого не случилось, и ее лишь заворожили печальные звуки симфонии. Просто поразительно, как человек откликается на мажоры и миноры на уровне, выходящем за границы сознания. В Куполе памяти один из разделов был посвящен теории Юнга о коллективном подсознании применительно к музыкальной памяти. Почему племя африканских бушменов, никогда не слышавших звуки скрипки, начинает плакать, услышав симфонию, призванную навевать грусть? Почему пятнадцатилетняя французская девушка, ни разу в жизни не бывавшая в Индии, без каких-либо дополнительных разъяснений впадает в состояние глубокой медитации, впервые услышав ситар? Или почему ребенок слышит призрачную музыку, которую, кроме него, больше никто не слышит, и ему становится так страшно, что он пытается от нее убежать? Снова и снова. Пытается убежать до сих пор.

«Трагическая увертюра» Иоганна Брамса зазвучала самыми зловещими нотами.

— Папа? — громко окликнула Меер, удивленная тем, что в ее голосе прозвучало столько страха.

Ответом ей стала только музыка. Меланхоличные кларнеты уступили место быстрому и громкому финалу.

— ...Wien Philharmonics geleitet von Simon Posner¹.

Меер стремительно обернулась, но у нее за спиной никого не было.

— Die Zeit ist neun dreißig...²

Только теперь до нее дошло, что это голос диктора радио, доносящийся из колонок стереосистемы, примостившихся на книжных полках. Но почему радио включено,

¹ Венский филармонический оркестр под руководством Симона Познера (нем.).

² Местное время девять часов тридцать минут... (нем.).

когда дома никого нет? Должен же быть кто-нибудь, кому можно позвонить и узнать, где отец. Или, быть может, лучше просто вернуться в гостиницу и дожждаться, когда он сам позвонит.

Выйдя в коридор, Меер повернула не вправо, а влево. За распахнутой дверью открылась спальня, где на первый взгляд все было в порядке. Быть может, она напрасно встревожилась. Теперь по радио передавали сюиту из балета «Жар-птица» Стравинского. Задержавшись, Меер слушала жизнерадостную мелодию двадцать секунд, минуту, и тут, когда она, наконец, несколько успокоилась, до нее дошел аромат. Вербена. Сколько себя помнила Меер, таким одеколоном пользовался ее отец. Причем сейчас это было не тонкое дуновение, а плотное облако запаха. Переступив через порог, Меер увидела на туалетном столике лужицу золотистой жидкости и осколки флакона. Определенно, здесь что-то случилось.

Развернувшись, Меер направилась, как она полагала, в сторону гостиной и входной двери, но вместо этого оказалась на кухне, где ее внимание привлек звук равномерно падающих капель. Меер не могла объяснить, почему ей показалось так важно закрыть кран, перед тем как выйти из дома. По пути к раковине она споткнулась и опустила взгляд, ожидая увидеть ножку стула, но это была туфля. Меер наклонилась, чтобы убрать туфлю с дороги. Вот только туфля оказалась надетой на ногу. Под столом кто-то лежал. Отец?

Девушка сглотнула готовый сорваться крик. Ее дыхание выплескивалось судорожным хрипом. Опустившись на четвереньки, она заглянула под стол.

Нет, это был не отец, а какая-то незнакомая женщина. Лет шестидесяти. Коротко остриженные седые вьющиеся волосы, обрамляющие миловидное лицо. Одним взглядом Меер вобрала так много: большой багровый кровоподтек на правой щеке женщины, зигзаг засохшей крови, начинаю-

щийся в уголке губ, левая нога, судя по всему, сломанная, вывернутая под неестественным углом. Неужели эта женщина неловко упала? Но тогда почему она заползла под стол? Нет. Судя по тому, как у женщины были задраны рубашка и брюки, ее сюда затащили. На руке блеснули золотые часы.

— Не волнуйтесь, сейчас я вызову помощь... — сказала незнакомке Меер, в то же время мысленно обрабатывая безжизненную бледность лица, немигающие глаза и застывшую позу.

Быстро протянув руку, Меер схватила женщину за запястье. Ее кожа оказалась холодной. Такой же закоченевшей, какой несколько минут назад была сама Меер. Нет, холоднее. Неужели женщина мертва?

Раздался звонок в дверь, и в сознание Меер ворвалась фальшивая мелодия. Затем послышался крик: «Эй, есть кто-нибудь дома?» Мужской голос, низкий, с немецким акцентом.

Это был голос не ее отца.

ГЛАВА 11

Женева, Швейцария

Суббота, 26 апреля, 10.00

— Я очень признателен вам за то, что вы принесли оригинал письма, — сказал доктор Карл Сметтеринг, склоняясь над столом и всматриваясь в корявые, неразборчивые буквы, выведенные слегка выцветшими черными чернилами на пергаменте.

— Качество копии было близким к идеалу, — с сожалением промолвил Джереми Логан.

— Но все же это была копия. Раньше вас это никогда не беспокоило, что же произошло на этот раз?

— А вы разве не слышали о том, как месяц назад на аукционе «Сотбис» в Лондоне всего за несколько дней до торгов оригинал был подменен копией? Поддельный автограф был продан за несколько тысяч. Так и не удалось установить, как такое могло произойти, но с тех пор все мы стали более осторожны. А тут еще вчера информация об этом письме просочилась в «Трибьюн»...

— Можете не говорить. Как это могло случиться?

— Конфиденциальная информация, способная стать газетной сенсацией, продается за очень хорошие деньги. Я занес данные в компьютер нашего салона, защищенный паролем, но, по-видимому, кому-то удалось взломать защиту и получить доступ к моему заключению. Такое уже случалось прежде, но я рассчитывал, что с новой системой защиты такого больше не произойдет.

— Технологии... — Карл буквально выплюнул это слово.

— Да, но неприкосновенность наших тайн является священной. Мы обязаны ценить доверие, оказанное нам клиентами.

— Что ж, я очень сожалею, но работать с копией — это все равно что смотреть на репродукцию, а не на саму картину. Ответы, разыскиваемые мной, таятся в нюансах, — поместив письмо под микроскоп, эксперт стал рассматривать букву за буквой. — Мне нужно увидеть не только почерк, но и то, как чернила держат линию, как впитываются в бумагу, какой нажим оказывало перо, есть ли на бумаге царапины, подтеки. Это ключи, Джереми, ключи к разгадке.

— Я понимаю. Но все же везти оригинал было большим риском.

Вот почему Джереми поехал на машине, а не полетел самолетом; он не повез бы документ, не имея оружия.

— Для ученого вы всегда отличались завидным мужеством. Но в чем тут дело? Определенно, письмо Бетховена к Антонии Brentano является волнующей находкой, и все

же одним только этим вашу реакцию не объяснить. Тут есть нечто большее.

— Вы сами все поймете, когда прочтаете письмо.

— Ради него можно пойти на убийство?

— Мы с вами знаем, ради каких пустяков люди идут на убийство.

Отодвинув микроскоп, Сметтеринг прочитал текст письма. Закончив, он бросил взгляд на Джереми, покачал головой и вздохнул, словно ему на плечи возложили тяжкую ношу. Ничего не сказав, эксперт снова склонился над текстом, теперь читая его не слева направо, как оно было написано, а справа налево, и не сверху вниз, а снизу вверх. Для него было очень важно взглянуть на слова, вырванные из контекста, потому что иногда какие-то особенности становятся более заметны, если увидеть их в новом ракурсе.

Джереми принялся расхаживать по комнате, оглядывая обстановку. За все те годы, что он навещал «мастера», как он называл Карла Сметтеринга, в этом чистом и просторном помещении ничего не изменилось. Ни новой картины, ни цветка. На письменном столе из светлого дерева были всего два предмета: черный микроскоп и стройная черная настольная лампа, обеспечивающая шесть уровней яркости; все остальные инструменты, необходимые в ремесле, лежали в ящиках.

Сметтеринг работал уже полчаса, но до сих пор не выдал заключения. Джереми в который раз поражался, какое же терпение требуется эксперту. Он взглянул на часы. Наверное, Меер уже пришла к нему домой, и Рут готовит ей поесть. Может быть, ему следует выйти в коридор и позвонить домой, чтобы...

— Это выдающаяся находка, поздравляю, — прервал его мысли Сметтеринг.

Подойдя к Джереми, он похлопал его по спине, увлекая от письменного стола к дивану.

— Письмо подлинное? — спросил Джереми.

— У меня нет в этом никаких сомнений, — взяв со столика две рюмки, Карл щедро плеснул в них бренди и передал одну Логану. — Понимаю, что сейчас еще утро, но мы должны отметить этот успех.

Взяв рюмку, Джереми поблагодарил друга.

— Хотя на самом деле все не так просто, да? — продолжал Сметтеринг. — Бетховен открыто признается в своей причастности к краже и мошенничеству.

— То есть я стану тем человеком, кто всему миру представит Бетховена преступником.

— Конечно, найдутся истовые поклонники композитора, готовые уничтожить вас, лишь бы не дать вам осквернить репутацию их кумира.

Джереми пожал плечами.

— Вас это ничуть не беспокоит? А напрасно. Мы имеем дело с Бетховеном, обожествленным гением. Ваши откровения станут пороховой бочкой.

За окном на лужайке малиновка села на поилку для птиц, и это движение отвлекло Логана. Наблюдая за тем, как птичка опускает клюв и пьет, оставляя на поверхности воды расходящиеся круги, он увидел в стекле отражение человека, вошедшего в комнату, и тотчас же услышал сердитый крик Сметтеринга.

Джереми резко обернулся.

Неизвестный в черной маске направлял Карлу в грудь револьвер с коротким стволом.

— Стой на месте! — рявкнул он, обращаясь к Джереми. — Не отходи от окна!

Охотясь за старинными книгами, Джереми всегда носил с собой «глок-17А» австрийского производства, но тот сейчас остался в бардачке его запертой машины, стоящей на улице. Ну почему он не захватил пистолет с собой? Ему нужно было что-то предпринять. И срочно. Джереми оценил расстояние до стола, прикидывая, успеет ли он добе-

жать до нападавшего и выбить револьвер у него из руки, не ставя под угрозу жизнь Сметтеринга.

И тут — о чудо! — он услышал в коридоре приближающиеся шаги. Они звучали уже совсем близко. Незнакомец, державший Карла под прицелом, похоже, этого не замечал. Быть может, это станет тем отвлекающим действием, которое было так нужно Джереми. Как только нападающий повернется, чтобы увидеть вошедшего, можно будет наброситься на него и выбить револьвер.

— Здесь нет ничего ценного, — запинаясь, пробормотал Сметтеринг. Как показалось Джереми, лгал он совсем неубедительно. — Разве что вот эти книги... вон там... та стопка... первые издания. Можете их взять.

Человек в маске взглянул на пергамент, лежащий на столе.

— А это что?

Сметтеринг молчал.

С силой воткнув дуло револьвера пожилому ученому в грудь, нападавший повторил:

— А это что такое?

Не обращая внимания на револьвер, Сметтеринг накрыл письмо Бетховена рукой.

Шаги раздавались уже совсем близко. Кто бы это ни был, он был уже у самой двери.

— Карл, отдайте ему письмо, — сказал Джереми.

Его друг был стар и слаб, и он за него боялся.

Ученый не убирал руку с письма.

— Карл! Пусть берет!

Но Сметтеринг не отдавал письмо.

Наконец шаги подошли к двери. Затаив дыхание, Джереми ждал, готовый выкрикнуть предостережение; хотелось надеяться, что оно окажется также призывом о помощи. У него бешено колотилось сердце. Открылась дверь... проклятие! Джереми выругал себя за то, что не предусмотрел такую возможность. Второй мужчина так-

же был в маске и держал в руке пистолет, направленный на Джереми. Тем временем тот нападавший, что стоял у стола, надавив револьвером, заставил Карла поднять руку. Последним, что успел увидеть Джереми, было письмо Бетховена, зигзагом молнии мелькнувшее по столу.

ГЛАВА 12

Вена, Австрия

Суббота, 26 апреля, 10.36

Следователь Фиске, мужчина с печальными, как у басета, глазами и пышными усами задавал Меер все новые вопросы, на которые у нее не было ответа. Один за другим. Нет, она не знает, где ее отец; нет, она не знает эту женщину, обнаруженную на кухне. Нет, она не может сказать, пропало ли что-нибудь. Нет, она никогда раньше не бывала в доме; она вообще впервые в Вене.

Наконец следователь сдался и оставил Меер одну в гостиной отцовского дома. Некоторое время она оставалась там, не зная, что делать дальше, наблюдая за суетящимися полицейскими, заполнившими все помещение; они фотографировали, снимали отпечатки пальцев, заглядывали во все углы, шкафы, двери. Меер казалось, что отец не потерпел бы подобного вторжения, но она не могла ничего поделать.

— Я только что переговорил со следователем. Он сказал, что вы свободны.

Девушка подняла взгляд. Это был тот самый мужчина, кому она открыла входную дверь, после того как обнаружила на кухне мертвую женщину.

— Пульс у нее не прощупывается, — только и сказала ему Меер. — Я не знаю, что делать.

После чего мужчина взял все в свои руки. Он вызвал «Скорую помощь», начал делать искусственное дыхание с

непрямым массажем сердца и продолжал его делать вплоть до самого прибытия медиков. Быть может, женщина умерла по вине Меер. Если бы она не потеряла те несколько решающих секунд и начала делать искусственное дыхание сразу же, как только обнаружила ее, возможно, та была бы сейчас жива.

— Когда вы ее обнаружили, ей уже ничем нельзя было помочь, — заверил ее мужчина.

Неуютный парадокс: он казался Меер знакомым незнакомцем. Она не узнавала в нем ничего — ни мягкий голос, ни высокий лоб, ни темно-русые вьющиеся волосы, ниспадающие на воротник бледно-желтой рубашки, ни холодные серо-голубые глаза, ни рот, намекающий или на какую-то тайну, или на способность быть жестоким. Меер была убеждена в том, что до сегодняшнего дня ни разу не встречалась с ним и нигде его не видела, — но только она его знала. И он ее знал. Не ответил ли он только что на вопрос, так и не произнесенный вслух?

Двое полицейских с носилками прошли в сторону кухни, и мужчина переместился, загоразживая собой дверь.

— Вам незачем оставаться здесь. Куда вас отвезти? В гостиницу?

— Спасибо... — начала было Меер, но тотчас же осеклась. — Я даже не знаю, как вас зовут. И как вы здесь оказались, — она подняла руки и беспомощно уронила их. — Я вообще ничего не знаю.

— Извините, — уголки губ поднялись в улыбке, и тайна исчезла. — Себастьян Отто. Я друг вашего отца. Он позвонил мне сегодня утром и сказал, что не успеет вернуться домой к вашему приезду. Он добавил, что домработница будет дома и, разумеется, вас впустит, но поскольку она не говорит по-английски, Джереми попросил меня встретить вас, проследить, чтобы все было в порядке, и объяснить его отсутствие.

— Проследить за тем, чтобы все было в порядке? Это его слова?

Себастьян кивнул.

— Следователь мне ничего не сказал. А вы не знаете, разобралась ли полиция в том, что здесь произошло? Обычный грабёж с непредвиденными последствиями? Или что-то более серьезное?

— Я бы с радостью вам ответил, но ничего не знаю. Могу только сказать, что ваш отец очень умный и осторожный — определенно, он знает, как защитить себя... Не сомневаюсь, что с ним все в порядке, где бы он ни был.

— У вас есть дети?

Себастьян кивнул, и Меер показалось, что она заметила у него в глазах мелькнувшую боль.

— Почему вы спросили об этом?

— Вы так меня утешаете — должно быть, вы заботливый отец.

— Наверное, я просто пытаюсь утешить самого себя.

— Мой отец — у него все в порядке. С ним ничего не может случиться.

Это была реакция ребенка. Таким Меер видела отца в детстве: бесстрашным искателем приключений, побеждающим драконов, отчаянным пиратом, похищающим украденные сокровища. И вот сейчас ей пришлось напомнить себе, что отцу уже шестьдесят пять лет, что он очень религиозный, несколько эксцентричный ученый, развращенный постоянным везением. Ее охватило беспокойство.

Из кухни в гостиную вошли двое полицейских с носилками. Даже за спиной Себастьяна Меер разглядела под простыней очертания женщины, обнаруженной на кухонном полу. Ее передернуло.

— У меня тут машина. Я могу вас куда-нибудь подвезти?

— Следователь сказал, что, закончив здесь, он отправится в художественный салон, чтобы выяснить, сможет

ли ему кто-нибудь сказать, где мой отец. Вы не могли бы отвезти меня туда?

Узкая улочка перед домом Джереми Логана была забита полицейскими машинами, и Себастьяну потребовалось несколько минут, чтобы вывести свой «Мини-Купер» из этого столпотворения.

Когда они доехали до конца квартала, Меер оглянулась назад.

— Вы ее знали?

— Только здоровался, когда она открывала дверь. И говорил спасибо, когда она приносила чай или прислуживала за ужином.

— Как ее звали?

— Рут... — Себастьян замялся. — Фамилии я не знаю.

Меер посмотрела на редкие светлые волосы на тыльной стороне его рук, сжимающих рулевое колесо, обратив внимание на длинные пальцы и рельефно выделяющиеся крупные вены, и в который раз задалась вопросом, почему так быстро прониклась полным доверием к этому мужчине, хотя познакомилась с ним только сегодня. Она всегда трудно сходилась с людьми, никогда не умела вести разговоры ни о чем, и вдруг эта мгновенная симпатия к совершенно незнакомому человеку... И в то же время, если бы ее попросили описать свое отношение к Себастьяну, Меер ответила бы, что у нее такое чувство, будто им уже пришлось пройти через одни и те же коварные тени.

— Вы уже бывали дома у моего отца. Вы не заметили, пропало ли что-либо ценное? — Она тотчас же поспешила исправиться. — Конечно, ничто не сравнится с жизнью этой женщины. Я хотела сказать...

— Все в порядке. Я вовсе не считаю вас бессердечной.

Акцент у Себастьяна был не такой уж и сильный, но все же он делал его речь не слишком разборчивой.

— Почему вы так думаете?

— Я вижу это по вашим глазам.

— Это невозможно, — сказала Меер, потому что в противном случае ей было бы трудно вынести боль в глазах Себастьяна.

Оторвав взгляд от дороги, он посмотрел на нее, и Меер испугалась той связи, что образовалась между ними благодаря встрече их глаз.

— Извините, — пробормотал Себастьян.

Меер не поняла, за что он извиняется. За то неуютное чувство, только что вызванное его словами? За полную открытость в поведении? Те, кто только что познакомился, так не ведут себя друг с другом, даже при подобных обстоятельствах, оправдывающих многое.

Себастьян сосредоточился на дороге, а Меер стала смотреть по сторонам. Старинный жилой квартал, в котором находился дом ее отца, перешел в современную часть города, где к прошлому подмешивалась значительная доля настоящего. И все же неоновые вывески и знакомые логотипы на рекламных щитах не портили общее ощущение того, что здесь жива сама история.

Тишину в салоне машины наполнили напряженные аккорды Шестой симфонии Бетховена, выплеснувшиеся из стереоколонок, но в этих звуках что-то было не так, словно две отдельные дорожки накладывались друг на друга, причем одна чуть отставала от другой. Эти нестыковки порождали режущий слух диссонанс, портивший мелодию.

— Вы не могли бы выключить музыку? — попросила девушка.

Открыв окно, она подставила лицо прохладному ветру.

Себастьян выключил радио.

— Вам плохо?

— Нет, со мной все в порядке.

Поколебавшись, он проговорил:

— Ваш отец мне рассказывал.

— О чем?

— О вашем детстве. О воспоминаниях. О той музыке, которую вы слышите, но никак не можете вспомнить. О несчастном случае. О том, как перелом позвоночника едва не привел к полному параличу и как вам тогда пришлось тяжело.

Меер почувствовала себя полностью обнаженной, к чему она не привыкла. И не знала, как себя вести.

И снова, словно прочитав ее мысли, Себастьян извинился:

— Пожалуйста, поймите, ваш отец рассказал мне все это только потому, что мой сын Николас переживает нечто подобное.

— Сколько ему лет?

— Почти десять.

— И что с ним?

— Вначале... — Себастьян пожал плечами. — Никто не знает. Десятки самых разных врачей подтвердили, что никаких проблем со здоровьем у него нет. Моя бывшая жена психиатр, и она считает, что речь идет о психотическом срыве, но я с ней не согласен. Больше я так не думаю.

Меер почувствовала, что будет дальше, и ей захотелось остановить его. У нее не было никакого желания выслушивать рассказ еще об одном заблудившемся ребенке, так же, как заблудилась она сама, страдающем от тех же самых непонятных тайн, но Себастьян уже начал рассказывать.

— Мои исследования привели меня к проблемам травм прошлой жизни и в Общество памяти. Когда я описал то, что происходит с моим сыном, ваш отец рассказал мне о ваших проблемах.

Не привыкшая обсуждать свой личный ад с кем бы то ни было, Меер молчала. На минуту забыв тревогу об отце, она вместо этого разозлилась на него. Кто для него этот Себастьян Отто, чтобы выкладывать ему все?

Или не заметив ее растерянность, или решив не обращать на нее внимания, Себастьян продолжал:

— Сейчас состояние Николаса очень плохое. Он находится в психиатрической клинике, в которой работает моя бывшая жена. Я теперь не могу даже поговорить со своим сыном.

Его голос был словно стянут шрамами горя.

— Я вас понимаю. — Меер прониклась сочувствием к нему, но в еще большей степени к его ребенку.

— Спасибо. Это просто ужасно. Я имею в виду не себя — а Николаса, каждый потерянный день его жизни. И что хуже, мы с Ребеккой никак не можем прийти к согласию относительно того, какие следующие шаги нужно предпринять... она женщина рациональная, привыкла видеть все только в одном ракурсе. Какое-то время я уступал ей и другим врачам, но вот уже столько времени нет никаких улучшений... существуют и другие методы, и я хочу использовать их все. Мы *должны* попробовать всё.

— Вы имеете в виду терапию регрессий памяти?

Кивнув, Себастьян свернул направо на широкую улицу. От этого резкого маневра протестующе завизжали покрышки. Он снова включил музыку. Машина наполнилась переливами «Пражской» симфонии Моцарта.

— Извините. У вас сейчас и своих забот хватает. Мне следовало бы вас отвлечь, а не нагружать еще больше своими проблемами. Давайте я вам лучше расскажу о том, где мы сейчас находимся. — Несколько натянутым, но решительным голосом Себастьян начал подробное описание района, по которому они сейчас проезжали: — Это Рингштрассе, бульвар, опоясывающий кольцом центр города. Он был разбит в 1857 году, когда император распорядился снести крепостные стены XIII века.

Странно, но, несмотря ни на что, Меер испытала облегчение, внимательно елушая его рассказ о больших зданиях-близнецах двух музеев, художественного и естественной истории, и о дворце императора Фердинанда.

— Персональная экскурсия, — весело заметила она. — Как это здорово!

— Моя мать руководила туристическим агентством и устраивала экскурсии по городу. Летом, когда туристов бывало особенно много, меня нередко призывали на помощь. Так что все это получается естественно.

— А я все лето торчала в антикварном магазине матери. Похоже, у вас в жизни было больше радости. По крайней мере, вы не были заточены в четырех стенах. — Меер выглянула в окно. — Все это очень напоминает какой-то другой город, где я уже бывала. Может быть, Париж?

— Да, императорская Вена во многом повторяла архитектуру Парижа. Большая часть того, что вы сейчас видите, для европейского города относительно новые здания, построенные в XIX веке. Именно эти бесконечные перестройки, а также то, какие огромные средства тратил на них император, привели к тому, что он потерял популярность в народе. А сейчас мы въезжаем в самый центр города, — объявил Себастьян, сворачивая еще на одну извилистую улочку.

— Вот это здание выглядит здесь не к месту. — Меер указала на здание банка на углу, выстроенное в стиле модерн. — Оно слишком новое.

— Странно. Оно построено в тридцатых... не такое уж и новое. В городе с многовековой историей очень трудно найти равновесие и сохранить архитектурную целостность...

Но Меер уже его не слушала. Впереди показалось кафе с большими окнами с резными переплетами из потемневшего от времени дерева.

— Я знаю, где мы сейчас проезжаем. Я уже видела эту улицу. Художественный салон находится в конце квартала.

— Откуда вам известно, где он?

— Должно быть, видела в каком-то кино. Здесь снималось столько фильмов. Разве это не один из самых знаменитых районов Вены?

Остановив машину, Себастьян обошел вокруг нее, открыл правую дверь и предложил руку, помогая своей пассажирке выйти. Эта старомодная галантность приятно удивила девушку, отчего охватившая ее дрожь и предчувствие чего-то трагического показались тем более странными. В считанные мгновения прохожие, машина, реальность происходящего задрожали, расплываясь, становясь прозрачными. Меер ощутила во рту металлический привкус, у нее заболели зубы. Плечи ее напряглись, мышцы челюстей сжались. Она содрогнулась от волны боли. Где-то в спине, там, где она в девятилетнем возрасте сломала позвоночник, заныл поврежденный позвонок. И тут Меер услышала прекрасную и пугающую музыку и провалилась в воспоминания.

ГЛАВА 13

Вена, Австрия

22 сентября 1814 года

Как только зазвучала музыка, майор Арчер Уэллс, в новеньком парадном голубом мундире, украшенном золотыми галунами и несколькими рядами медалей, предложил руку Марго, и та послушно последовала за ним в запруженный народом танцевальный зал. На самом деле в настоящий момент ей меньше всего на свете хотелось танцевать вальс, но Каспар расстроился бы, если бы она осталась дома, умирая от беспокойства. «Ты сможешь, — мысленно услышала Марго его голос, который неизменно словно обволакивал, обнимал ее. — Ты сможешь все».

Оглядывая зал, можно было вообразить, что вся Европа собралась в Вене на этот конгресс, и почти все его

участники приехали на этот званый вечер, устроенный австрийским министром иностранных дел князем Клеменсом Лотаром Венцелем фон Меттернихом. Раздел Европы после опустошительных Наполеоновских войн оказался непростой задачей, однако это дало возможность Вене показать себя в полной красе шестнадцати тысячам высокопоставленных сановников, которые поселились в городе, захватив с собой не только своих жен, любовниц и слуг, но даже и личных шпионов. Марго подумала, что среди такого обилия народа можно будет собрать необходимые средства и снарядить на них экспедицию, чтобы найти и спасти ее мужа. Должен же быть какой-то выход. До самого вчерашнего дня сердце Марго оставалось застывшим ледяным комком, но теперь появилась надежда. И благодаря этой надежде она снова жила.

— Рад видеть, что ваш траур закончился, — заметил британский офицер, умело кружась с ней в вальсе.

Сегодня вечером впервые за девять месяцев Марго Нидермайер надела изумрудно-зеленое вечернее платье. Пришедшие вчера известия позволили, наконец, снять все черное и убрать его подальше.

— У вас ошибочные сведения, майор Уэллс. Я не вдова.

— Прошу меня простить, но даже в Англии мы внимательно следили за путешествиями вашего супруга. Нам известно о его трагической гибели в Гималаях.

Марго колебалась, пытаясь решить, есть ли какой-нибудь смысл сохранять обнадеживающие известия в тайне.

— Я сама тоже так считала, но вчера я получила письмо, убедившее меня в том, что Каспар жив и поправляется в горах у монахов. Я намереваюсь собрать средства, чтобы снарядить экспедицию и привезти мужа домой. Вот почему я сегодня здесь.

— Как это замечательно, мадам. Примите мои поздравления. Что ж, пока вы будете так напряженно трудиться, вам понадобится отдых. Позвольте вас соблазнить.

— Боюсь, у меня слишком старомодные представления о преданности.

— Преданность в наши дни ценится не больше тех монет, что отчеканены Наполеоном.

Марго не смогла удержать улыбку; бесспорно, Арчер был очаровательным кавалером, но для Марго ни о каком увлечении не было и речи. Впрочем, майор прав; завести себе любовника — сейчас это было все равно что сыграть партию в вист, и, разумеется, она была вольна поступать как ей вздумается. Так было всегда. Каспар научил ее свободе выбора: женщина не является собственностью. Его идеи были революционными — хотя это слово несколько потускнело в наше послевоенное время. Когда они в самый разгар войн после свадьбы отправились путешествовать по континенту, Каспар из соображений безопасности настоял на том, чтобы его молодая жена переоделась в юношу, состоящего у него в услужении, и он очень обрадовался, увидев, с каким восторгом Марго встретила новообретенную свободу. К сожалению, она слишком сильно любила своего мужа. Вот почему Марго сейчас несколько не интересовал импозантный британский майор, крепко прижимавший ее к себе в вихре вальса. И если с каждым раз-два-три, раз-два-три к ней и возвращались воспоминания о том, каково быть женщиной в объятиях мужчины, то только потому, что Марго представляла, будто у нее на талии лежит рука ее супруга.

«Каспар, держись, я иду».

Марго вынуждена была закрыть глаза, чтобы майор не увидел наворачнувшиеся в них слезы.

— Если вы не хотите, чтобы я вас соблазнил, быть может, вы позволите мне помочь собрать необходимые средства? Если то, что я слышал, соответствует правде, кое-что из ваших вещей представляет интерес для моих друзей. Говорят, путешествуя по Индии, ваш супруг нашел какую-то старинную флейту, это так?

— Меер!

Кого это зовут? Чей это голос?

— Меер?

Всмотревшись в дрожащий и сияющий воздух, она увидела лицо. Другое лицо, другая эпоха. Металлический привкус во рту исчез. Ей уже не было холодно. Но тоска... тоска была невыносимой.

— Меер?

Меер понимала, что с ней только что произошло: она испытала подробное, но ложное воспоминание, состряпанное ее сознанием, чтобы справиться со стрессом, вызванным исчезновением отца. Приблизительно так же во сне подсознательно реальные события переводятся в символы и воображаемые действия. Но только сейчас она не спала. И в этом единственное отличие. Так же в точности и в детстве ей наяву грезились сны. Вот только если все на самом деле обстоит именно так, почему горе и страсть какой-то незнакомой женщины засели так глубоко в сердце самой Меер?

ГЛАВА 14

Вена, Австрия

Суббота, 26 апреля, 22.45

Черный седан мчался на Давида, и на какое-то мгновение у него мелькнула мысль шагнуть вперед, прямо под колеса. Однако инстинкт самосохранения взял свое, и он в самый последний момент отпрыгнул назад. Журналист проводил взглядом скрывающуюся в темноте машину, запоминая ее номер. Что это было, водитель-лихач? Или умышленное покушение? Как далеко зашел Вассонг, продав его? Давида пугала не смерть, а мысль оказаться в тюрьме наедине со своими воспоминаниями. За двадцать лет в журналистике он повидал достаточно много заклю-

ченных, чтобы понять, что только дышать, есть, справлять естественную нужду и спать — это еще не значит жить. Ялом решил, вернувшись в гостиницу, связаться по электронной почте со своими знакомыми в Интерполе и попросить их проверить по номеру машину. Он понимал, что если за рулем сидел один из людей Абдула, вряд ли удастся привязать машину к ФНОП. И все же можно будет исключить некоторые другие варианты.

Перейдя на противоположную сторону улицы, журналист оказался на территории музея Марии-Терезии, в чопорном саду, разбитом со строгой геометрической определенностью. В этот момент у него зазвонил сотовый телефон. Взглянув на номер звонившего, он принял вызов. Помощница Тома Пакстона подтвердила, что интервью с главой «Глобальной службы безопасности» состоится завтра днем, как и было назначено. Давид заверил ее в том, что обязательно придет.

Оставшись в журналистике после случившейся с ним трагедии, он без труда получал все необходимые сведения, не вызывая подозрений. На самом деле это оказалось пугающе легко. Когда после его смерти будет опубликована статья, над которой он сейчас работал, раскрывающая злоупотребление своим положением и двойной подход к источникам информации, скорее всего, пострадают другие журналисты, но для Давида Ялома впервые в жизни что-то было важнее укрепления «четвертой власти». Лишив себя семейных радостей, работая по выходным, отодвигая все остальное на второй план, когда нужно было идти по горячему следу, он отдал своему ремеслу все — и что получил взамен?

Долгие годы освещения проблем терроризма и глобальной безопасности научили Ялома: ни одна новая и более совершенная ловушка никогда не сможет избавить мир от стоящих перед ним проблем, и такие люди, как Пакстон, должны перестать делать вид, что это им по силам.

Вот почему Давида беспокоило то, кто управлял тем черным седаном. Он скрывался не только от Абдула и его головорезов, но и от полиции и таких охранных фирм, как «Глобальная служба безопасности», обеспечивающих безопасность конгресса МАСБ. Его ищут — не Давида Ялома, а безымянную, безликую угрозу, маячащую в тени, нацеленную на срыв конгресса. Давиду было хорошо известно, как руководят своими фирмами такие люди, как Пакстон: они не ждут, когда опасность даст о себе знать, а изобретают сотни гипотетических сценариев нападения и заранее обдумывают, как от них защититься. В ближайшие пять дней его будут искать, даже не зная его имени и не имея его фотографии, и он должен подготовиться лучше своих противников. Вот почему Давид сейчас находился в музее.

Проходя к величественной лестнице, он с трудом подавил желание оглянуться и проверить, не следят ли за ним. Если за ним действительно следят, ему ни в коем случае нельзя показать, что он обнаружил слежку. Вместо этого Давид смотрел себе под ноги, сосредоточив взгляд на едва заметных углублениях в середине каждой ступени, вытертых миллионами посетителей, поднявшихся по этой лестнице.

В вестибюле Давид сверился с планом музея и направился в библиотеку, где у него была назначена встреча. Там он предъявил свои документы более молодой из двух библиотекарей. Внимательно изучив все бумаги, та подняла взгляд и улыбнулась.

— Значит, вы работаете над статьей об авторе, Германе Брохе, — сказала она, и хранилище раскрылось перед Давидом, словно пещера Али-Бабы.

— Да, — солгал он. — В своих письмах он упоминал о том, что работал в этой библиотеке, и мне бы хотелось взглянуть на те материалы, на которые он ссылается... вот список... в основном это старые гравюры, книги и карты.

На самом деле никаких таких писем не существовало, но обман удался, и через пятнадцать минут Давиду уже принесли из хранилища все запрошенные материалы. Следующий час он просидел в конце длинного деревянного стола, изучая документы и делая пометки в толстой тетради. Наконец Давид дошел до того, ради чего все и было затеяно: до старинного плана города Вены, составленного около 1750 года, с подробным указанием места раскопок древнеримских развалин. Вассонг утверждал, что не существует никаких рисунков и схем подземных лабиринтов, но вот сейчас Давид с мрачным удовлетворением держал перед собой именно такой документ, найденный по одной лишь туманной ссылке в Городском картографическом архиве Вены.

Рисунок выцвел, бумага протерлась на месте сгибов и обтрепалась по краям; однако план определенно создавал ненужные проблемы, поскольку на нем были отчетливо изображены подземные пустоты под тем самым местом, где теперь на Бёзендорферштрассе, дом 12, находился концертный зал. Если кто-либо из «Глобальной службы безопасности» уже видел этот план, существование подземного лабиринта, превращенного Давидом в эпицентр будущего взрыва, будет раскрыто, и он потерпит неудачу.

Встав, Давид прошел по узкому проходу между столами и стульями к столику регистратуры.

— Прошу прощения, — обратился он к той же библиотекарше, совсем недавно проверявшей у него документы и выдавшей ему необходимые материалы. Теперь она оставалась здесь одна.

— Да, герр Ялом, чем могу вам помочь?

— У вас есть данные о том, как часто запрашивались эти бумаги и книги? Мне бы очень хотелось узнать, много ли людей с ними ознакомились.

Это была та самая охота за сокровищем, о которой мечтала библиотекарша. Вместо того чтобы просто про-

верить по компьютеру и выдать самые последние данные, она пригласила Давида в пыльное хранилище без окон, заставленное десятками деревянных шкафов с узкими ящичками картотек.

— Можем начать здесь, — библиотекарьша указала на секцию у стены. — И двигаться вперед. С какого года вы хотите начать? Наши архивы ведутся больше двухсот лет.

— С 1930 года. С того самого времени, когда эти документы изучал Брех.

Конечно, заглядывать так далеко назад не было необходимости. Давида интересовало лишь то, запрашивали ли карту в течение последних двух лет, однако подобная просьба никак не вязалась бы с темой его предполагаемого исследования.

Как выяснилось, план никто не запрашивал начиная с 1939 года. А в период с 1930 до 1939 года его посмотрел лишь один человек. Так что он действительно был практически никому не известен.

Теперь у Давида оставалось всего двадцать пять минут до закрытия библиотеки — в субботу был укороченный рабочий день. Ему обязательно нужно было сделать так, чтобы больше никто не нашел этот план, даже после целенаправленных поисков. Он понимал, что не может быть и речи о том, чтобы просто потихоньку стащить лист пожелтевшей бумаги. Охрана в библиотеке поставлена на высоком уровне; на выходе посетители обязаны предъявлять все свои сумки и портфели.

Вернувшись за стол, Давид продолжал картинно рыться в разложенных перед собой книгах, делая совершенно ненужные записи, пока, наконец, служащая не объявила, что читальный зал закрывается через десять минут. Он не двинулся с места, когда остальные посетители устремились к регистрационному столику, возвращая взятые материалы. Вместо этого Давид взял план, отображавший катакомбы под концертным залом. Взглянув на регистра-

ционный номер, он сверился с номером на ближайшем ящичке архивов, убрал листок с планом в этот ящик, убрал следующий листок и взял третий...

— Was tun sie?¹

Давид не понял слов, но тон, которым они были произнесены, был резким, обвиняющим. Подняв взгляд, он увидел вторую служащую библиотеки, с которой до сих пор еще не сталкивался. Она указывала на документ, который Давид собирался положить в ящик. Кроме того, он заметил, что стоявший в дверях охранник насторожился.

— Я не говорю по-немецки, — неуверенно промолвил он.

— Вы не должны были убирать документы. Этим занимаемся мы сами.

Охранник шагнул к ним, и Давид ощутил резкий прилив адреналина. Библиотекарша протянула руку, и он отдал ей последний план. Она взяла ящик архивов, проверила его номер и, убедившись, что он соответствует номеру документа, убрала план внутрь.

— Извините, я вовсе не хотел... — виновато произнес Давид.

— Я сама займусь остальными документами, — остановила его библиотекарша. — Библиотека закрывается.

Охранник ждал Давида у двери.

— Будьте добры, мне нужно проверить ваши бумаги. Простая предосторожность.

Давид протянул ему свою толстую тетрадь. Охранник тщательно ее проверил. Ничего. Кивнув, он вернул ее Давиду.

— Надеюсь, вы понимаете, что нам нужно быть очень осторожными. У нас в библиотеке хранится много ценных документов.

— Да-да. Разумеется.

Взяв свою тетрадь, Давид ушел, даже не оглянувшись.

¹ Что вы делаете? (нем.)

Спускаясь по мраморной лестнице, он снова сосредоточенно разглядывал стертые ступени, гадая, окажется ли успешной его маленькая уловка. Во-первых, все будет зависеть от того, станет ли служащая библиотеки проверять, что он правильно убрал первые два плана в соответствующие ящики. Давид рассчитывал на то, что в погожий субботний вечер в конце рабочей недели она поспешит поскорее уйти с работы. Если этот барьер будет преодолен, дальше все определится. Запросит кто-либо ли в ближайшие пять дней один из этих двух документов? Потому что в ящике, в котором должен был лежать план пещер под концертным залом, теперь находился план Лургроттской пещеры, расположенной под сосновым лесом неподалеку от Граца, в двух часах езды от Вены. А в том ящике, где должен был храниться составленный в 1894 году план Лургроттской пещеры, теперь лежал план подземелий под домом 12 по Бёзендорферштрассе.

Снова проходя через вестибюль, Давид обратил внимание на восхитительные картины на стенах, делая мысленную пометку упомянуть об этом в своей последней заметке. Эту статью ему никто не заказывал, но она обязательно будет опубликована.

Выйдя на улицу, журналист уловил в воздухе легкий цветочный аромат и сразу же понял, что где-то неподалеку распустилась сирень. Возвращаясь обратно и разглядывая густые кусты, он усиленно гнал прочь воспоминания о том, как его жена когда-то в пику ему украшала спальню свежесрезанной сиренью. Вместо этого Давид вспоминал все то, что сделал за последние несколько часов, гадая, не окажутся ли все эти труды напрасными. Если у «Глобальной службы безопасности» есть новейшая система радиолокационного зондирования земной поверхности, то не нужно даже будет рыться в каких-то старых чертежах. Что ж, в любом случае, вряд ли кто-нибудь обнаружит только что спрятанный план подземе-

лий раньше ближайшего четверга, когда Ялом собирался превратить Третью симфонию Бетховена в референдум, предостерегающее обращение и в свой собственный рекевием.

Скорее, поймают его самого.

ГЛАВА 15

Суббота, 26 апреля, 11.20

Когда они приехали в художественный салон «Доротеум», Себастьян указал на лестницу.

— Кабинеты наверху.

Все еще не пришедшая в себя от грез наяву, Меер послушно протянула ему руку. Отец и Малахай стали бы настаивать на том, что случившееся было самым настоящим провалом в прошлое — фрагментом воспоминаний из предыдущей жизни, всплывшим на поверхность ее сознания. Чем, по их убеждению, были и видения о шкатулке и погоне в лесу. Однако сама Меер на основе собственных исследований считала, что речь идет просто о еще одном псевдовоспоминании — на этот раз уже не мгновенном, а достаточно продолжительном.

Меер достаточно много читала о Европе XVIII и XIX веков, и ее воображение могло запросто воссоздать этот маленький эпизод, — точно так же, как и ее детские видения, не сомневалась она, были порождены каким-то давним рассказом, прочитанным родителями, сказкой, выросшей в кошмарный сон. Ученые называют это избыточным воображением. И можно было объяснить, почему ее рассудок выдал этот обманчивый образ именно сейчас. В самолете она почти не спала... усталость, потрясение, вызванное жуткой находкой, тревога за отца...

Дойдя до кабинетов, они застали там всеобщее возбуждение. Несколько человек — как поняла Меер, со-

трудников салона — толпились в тесной приемной вместе с полицейскими, которых она уже видела в доме своего отца.

Тщательно одетая молодая женщина с жемчугом на шее и темными волосами, забранными в пучок, сидящая за внушительным письменным столом, похожим на крепость, остановила Себастьяна и Меер, спросив их что-то по-немецки. Услышав ответ Себастьяна, она встала и вышла к Меер.

— Пожалуйста, проходите. У нас тут сейчас кое-какие затруднения. Только что приехали полицейские, они хотят видеть вашего отца.

— Он здесь?

— В субботу утром герр Логан всегда ходит в синагогу — но вам это, разумеется, известно. Наверное, он все еще там...

Меер не знала, что ее отец по субботам ходит в синагогу, но это ее несколько не удивило.

— Может быть, отец позвонил вам по дороге в синагогу? — спросила она Себастьяна.

— Нет, он сказал, что у него неотложные дела...

— Из синагоги отец обычно приходит сюда? — не дав ему закончить, спросила Меер секретаршу.

— По субботам перед крупными торгами, вроде тех, которые намечены на следующую среду, герр Логан, как правило, появляется здесь, но, полагаю, вам следует переговорить с Энид, она знает больше. — Секретарша исчезла.

И тотчас же властная женщина в безукоризненных черных брюках и бежевом жакете, с волосами, уложенными в гладкий золотистый шлем, протянула Меер холеную ухоженную руку, называя себя.

— Я Энид Парнелл, заместитель куратора отдела, — с характерным британским акцентом произнесла она. — Я узнала вас по фотографии в кабинете вашего отца.

Прежде чем Меер успела ответить, к ним подошел следователь Фиске и, кивнув Меер и Себастьяну, о чем-то спросил Энид по-немецки.

— Sprechen sie Englisch?¹ — спросила его та.

— Да, говорю.

— В таком случае, если вы ничего не имеете против, я бы предпочла говорить по-английски — это даст возможность дочери мистера Логана понять, о чем идет речь.

— Да, хорошо. Дома у мистера Логана произошел несчастный случай, и мы его сейчас ищем. Вы можете сказать, где он находится?

— Несчастный случай?

— Мистер Логан направляется сюда? Похоже, никто этого не знает. — Фиске хотел получать ответы, а не давать их сам.

— Да. Мы ждем его появления здесь.

— Вам известно, где мистер Логан сейчас?

Энид замаялась.

— Что за несчастный случай?

— Мисс Парнелл, все это очень серьезно. Если вам известно, где сейчас мистер Логан, пожалуйста, скажите мне. Нам нужно срочно с ним связаться.

— Я могу дать вам номер его сотового телефона.

— Он у нас уже есть. Мистер Отто дал нам его дома у мистера Логана. По этому телефону никто не отвечает. Поэтому мы вернулись к тому, с чего начали. Получился замкнутый круг — кажется, по-английски это называется так. Мисс Парнелл, где Джереми Логан?

— Ему угрожает опасность?

— А у вас есть основания так думать?

— Такая возможность существует всегда, это вызвано характером тех предметов, с которыми работает Джереми. Все, кто работает здесь, уязвимы. — Энид нервно теребила браслет часов, открывая и закрывая золотой замочек.

¹ Вы говорите по-английски? (нем.)

— Вы мешаете проводить расследование.

Металлические щелчки стали более частыми.

— Джереми в Женеве. Он встречается с доктором Карлом Сметтерингом, специалистом-графологом.

— В Женеве? — Меер удивленно посмотрела на Себастьяна, но тот лишь пожал плечами.

Следователь расспросил Энид о докторе Сметтеринге, и та по памяти продиктовала телефон и адрес. В тот же самый момент один из полицейских, стоявших в приемной, отошел в сторону и раскрыл сотовый телефон.

Энид обратилась к Меер:

— Почему бы нам не подождать в кабинете вашего отца? Это сюда. — Спohватившись, она снова повернулась к Фиске: — Вы не будете возражать, если мы пройдем туда?

Хотя это был вопрос, тон Энид не оставлял сомнений, что она не спрашивает, а лишь ставит в известность, и следователь не стал возражать.

Как и библиотека дома, кабинет Джереми был битком забит книгами и каталогами, громоздившимися на всех мыслимых поверхностях. Три стены были завешаны фотографиями религиозных артефактов и картами Европы. На письменном столе был относительный порядок, но свободного пространства среди стопок пухлых папок, каталогов, компьютера, экзотических стеклянных пресс-папье и стакана с карандашами почти не оставалось. Себастьян взял фотографию в серебряной рамке, изображавшую темно-волосую женщину, склонившуюся к пятилетней девочке, которая подняла руку к щеке матери. Поза была обратной ожидаемому: ребенок утешал мать.

Себастьян протянул фотографию Меер. Та непроизвольно прикоснулась рукой к щеке матери. Снимок не мог показать, как уже в следующее мгновение Полина Логан

отдернула руку дочери от своего лица, не в силах принять жест сочувствия от собственного ребенка. Несмотря ни на что, Меер так и не оставила попыток прогнать эту тоску из глаз матери. Но когда она, наконец, выросла, чтобы испробовать другой подход, было уже слишком поздно.

Меер Логан было восемнадцать лет, она училась на первом курсе школы Джульярда¹, когда как-то раз после занятий отец повел ее гулять в парк. Они уселись на скамейке напротив детской площадки, где когда-то играла Меер, и в золотистых лучах заходящего солнца отец рассказал о болезни матери. Даже несмотря на то что родители вот уже как шесть лет были разведены, он специально вернулся из Вены, чтобы взять на себя эту ношу, раскрыть оглушенной горем дочери свои объятия, вытереть ей слезы. Полина скрывала от дочери то, что больна лейкемией, и предоставила своему бывшему мужу открыть Меер всю правду. Это явилось тяжелым ударом, однако по-настоящему Меер не удивилась. И потом, все эти последние месяцы жизни Полина отдавала все свои силы, все внимание фарфору и стеклу, зеркалам, коврам, стульям, шкафам и этажеркам своего антикварного магазина, отменяя все попытки дочери сблизиться с ней. Она ни разу не призналась, что ей больно, что она страдает и боится. Затем без предупреждения она вдруг впала в кому, и через две недели ее не стало. Мать и дочь так и не успели поговорить друг с другом по душам.

— Вы похожи на мать, — сказал Себастьян. — Очень похожи.

— Да нет. Мать была красивая...

Себастьян начал было возражать, но тут в кабинет вошел следователь Фиске.

---

¹ Школа Джульярда — крупнейшее высшее учебное заведение США в сфере музыкального, хореографического и сценического искусства, находится в Нью-Йорке.

— Произошли серьезные неприятности, — объявил он, глядя Меер в лицо.

Та крепче стиснула фотографию в рамке, приготовившись услышать что-то ужасное.

ГЛАВА 16

Киберпространство *Суббота, 12.25*

Заставка экрана представляла собой бесконечную вселенную, заполненную точками звезд, кружащихся в медленном хороводе. Неподвижным было лишь окно электронной почты. И это вызывало тревогу. Согласно плану, информация должна уже была поступить, пропетляв по оптоволоконным кабелям, — и вот, наконец, появился долгожданный значок. Двойной щелчок по клавише мыши — и сообщение открылось. Быстрый взгляд на текст: банальное описание семейного отпуска. Читать его подробно нет смысла. Вместо этого текст был скопирован и помещен в программу расшифровки, и через сорок пять секунд повествование о неделе на берегу моря превратилось в письмо, написанное герром Бетховеном Антонии Brentano.

Первое прочтение.

Второе.

Слова были завораживающими, но неубедительными. Правильно ли составлено это предложение? А что означает вот это? Бетховен назвал Стефана фон Брейнинга и эрцгерцога Рудольфа и сказал, что передал им ключи к тайне, но какие именно ключи? Является ли шкатулка сама по себе ключом? Это была карта, ведущая к сокровищам. Письмо нужно было перечитать еще раз. Теперь уже медленно. Начиная с приветствия, которое уже само по себе было огромной находкой. Недавно обнаруженное письмо, написанное

Бетховеном женщине, которую многие историки считают единственной любовью всей его жизни, стоит сотни тысяч евро. Может быть, даже миллион. Однако денежная стоимость письма несущественна по сравнению с информацией, содержащейся в нем, потому что в конечном счете речь идет о могуществе и вере. И о том, что возможно и что невозможно. Речь идет о пяти тысячелетиях оживших легенд и мифов, предположений и гипотез. И о флейте, которая, возможно, была предшественником устройства, использующего альфа- и тета-гармоники, созданного в семидесятых годах XX века Робертом Алланом Монро¹. А что, если этот музыкальный инструмент действительно способен издавать бинауральные ритмы, помогающие людям проникнуть в воспоминания из прошлой жизни? Что это может означать?

Всему свое время. Всему свое время. Всему свое время. Сейчас нужно снова перечитать все слова, пытаюсь разгадать тайну, скрытую от человечества вот уже многие сотни — нет, *тысячи* лет.

ГЛАВА 17

Вена, Австрия

25 октября 1814 года

Дорогая моя, любимая!

Возможно, ты никогда не найдешь это письмо, моя Антония, но я пишу его, представляя себе, как ты навещаешь своих кузин в их сельском домике в лесах под Веной и твое удивление, когда мальчишка-посыльный доставит тебе мой подарок. Представляя себе, как ты откроешь шкатулку и увидишь ноты, написанные моей рукой, и улыбнешь-

¹ Монро, Роберт Аллан — американский бизнесмен, занимался также изучением проблем альтернативного сознания.

ся, вспоминая то прекрасное время, проведенное вместе, слова, сказанные нами, музыку, которую я исполнял, те глубокие чувства, объединявшие нас.

Я представляю себе, как подбегает один из твоих детей, отвлекая тебя, и ты откладываешь шкатулку на столик в гостиной и поворачиваешься к своей семье — быть может, даже показываешь мой подарок и предлагаешь всем вместе сыграть в какие-нибудь игры.

У тебя не возникнет никаких мыслей по поводу моего странного подарка, потому что ты от природы не подозрительна. Ты берешь настоящее, влюбляешься в него, живешь им, как я живу своей музыкой. Но задавать вопросы? Проявлять любопытство? Ничего этого нет. Вот почему я выбрал тебя в качестве получателя. Поэтому, а также потому, что я доверяю тебе больше, чем кому бы то ни было, и не сомневаюсь, что если настанет такой день, ты правильно распорядишься моей самой главной тайной.

Пробовала ли ты играть в игры, лежащие в шкатулке? Они не дадут тебе ни минуты отдыха. Все, кроме одной. Что ты подумала? Что мой подарок оказался неудачным? И как ты отнеслась к моей просьбе сохранить его в память обо мне, даже если он тебе не понравится? Романтичной ты была, романтичной, надеюсь, остаешься, и я уверен, что ты выполнила то, о чем я просил.

Теперь ты поймешь истинную причину моей просьбы.

Если ты читаешь это письмо, значит, я скоростижно скончался.

У моего давнишнего друга и покровителя архиепископа Рудольфа хранится запечатанный конверт, который он поклялся вскрыть только в том случае, если моя смерть будет подозрительной. В конверте письмо, в котором я прошу Рудольфа обратиться к тебе и попросить показать шкатулку с играми. У другого моего самого благородного и преданного друга, Стефана, также есть письмо со схожими распоряжениями — прочитать его только в том случае,

если обстоятельства моей смерти будут крайне подозрительны. В его послании содержатся инструкции того, как открыть двойное дно шкатулки; в этом тайнике спрятано письмо, но не говорится, где эта шкатулка. Он должен лишь отправиться к Рудольфу и довериться ему.

И вот, мои друзья, теперь, когда вы собрались все вместе, когда вы открыли шкатулку, я расскажу вам, что я сделал.

Я спрятал флейту и ее музыку. Эту флейту мне дали члены Общества памяти в надежде на то, что я разгадаю тайну мелодии, которая, по их убеждению, открывает дверь в прошлое и показывает человеку его предыдущие воплощения. Восстановив мелодию и исполнив ее, я первым делом увидел, какими последствиями это чревато. Такой инструмент слишком опасен, чтобы отдавать его в руки тех, кто может использовать флейту в своих корыстных целях. В то же время он слишком ценен для человечества, чтобы просто его уничтожить. Поэтому я решил поведать эту тайну вам троим, чтобы она не была утеряна навеки.

Вот ключи; они помогут узнать, где спрятана флейта.

Сердце загадки хранится в шкатулке с играми, и этот ключ предстоит найти вам, Рудольф.

Как только ключ будет найден, ты, Стефан, сможешь открыть сокровище, потому что оно уже в твоих руках.

Что же касается музыки, ты единственная, Антония, сможешь ее понять. Я поступил так, как только мог поступить, и вручил музыку нашему повелителю и спасителю. Тому, кто освятил и благословил нашу любовь.

И еще одно замечание. Антония, если ты случайно найдешь это письмо, пожалуйста, убери его, забудь о том, что прочла его, и ни в коем случае не пытайся его расшифровать и начать охоту за сокровищами.

Знай, что я нахожу уладу в воспоминаниях обо всем том, что было между нами. Эти воспоминания приносят

мне утешение. Мне тебя по-прежнему не хватает. Я постоянно думаю о тебе всем сердцем и душой. И я верю в душу. Теперь больше, чем прежде представлял возможным. Я заглянул в свою душу и увидел там многое: радость и печаль, возможности, использованные и упущенные, но самый величайший дар состоит в том, что я увидел там и твою душу. Теперь я понимаю, что мы, люди, еще даже не начали постигать то, что нам известно, но когда это произойдет, на нас ляжет такое невыносимое бремя, что под угрозой окажется само будущее человечества.

Л. В. Б.

ГЛАВА 18

Вена, Австрия

Суббота, 26 апреля, 13.08

— С вашим отцом все в порядке, — успокоил Меер следователь Фиске.

— Где он?

— В травматологической клинике, в Женеве. Произошло вооруженное ограбление. Из того, что ваш отец рассказал швейцарской полиции, а та сообщила нам, следует, что нападавшие использовали хлороформ, чтобы вывести из строя вашего отца и доктора Сметтеринга.

— Но с папой все в порядке?

— Да, пожалуйста, не волнуйтесь. Его отвезли в клинику только в качестве дополнительной предосторожности, он уже полностью пришел в себя. Чего, к сожалению, нельзя сказать о докторе Сметтеринге. Его состояние очень тяжелое.

— Что с ним? — спросил Себастьян.

Фиске покачал головой.

— Сначала мы должны предупредить его родных.

— Что было украдено? — спросила Меер.

Следователь снова покачал головой.

— Сожалею, но я не могу обсуждать с вами подробности дела.

— Вы общались с моим отцом?

— Нет, я разговаривал только с тем сотрудником полиции, который сопровождал его в машине «Скорой помощи». Если хотите ему позвонить, у меня есть номер телефона. Мой швейцарский коллега передаст трубку вашему отцу.

— Да, спасибо. — Меер взяла у Фиске листок бумаги.

— И еще один момент, который мы упустили дома у вашего отца. Мне нужен ваш адрес в Вене, а также номер телефона, по которому можно будет с вами связаться, — следователь раскрыл блокнот.

— Неужели вы подозреваете ее... — начал было Себастьян.

— Нет, мистер Отто, — оборвал его Фиске, — как не подозреваю и вас, однако и к вам у меня будет та же самая просьба.

Он протянул Меер блокнот и ручку и подождал, пока та запишет название гостиницы и последовательность цифр.

— Мой сотовый телефон еще не включен, но это его номер, — объяснила она.

— Все в порядке. А теперь, мистер Отто, давайте мы с вами продолжим в коридоре, дав мисс Логан возможность позвонить своему отцу.

После второго звонка ответил мужской голос. Меер попросила позвать своего отца, и в течение долгой паузы она попыталась, но тщетно, представить себе его на больничной койке...

— Меер, я очень сожалею, что именно ты обнаружила Рут. Милая моя, у тебя все хорошо?

Девушка тотчас же интуитивно откликнулась на отцовский голос — он был подобен сильному ветру, прогнавшему все остальные звуки, — и прикусила губу, чтобы сдержать свои чувства. Она уже давно не плакала и не собиралась расплакаться сейчас, когда за дверью ее ждали полиция, Себастьян и коллеги отца.

— У меня? Да, все в порядке. А как у тебя дела? Что произошло? Полиция говорит, это было ограбление?

— Да, но ты обо мне не беспокойся. Врач сказал, что грабители усыпили нас хлороформом. У меня немного побаливает голова... но ничего страшного не произошло.

По голосу отца Меер слышала, что он старается скрыть от нее свою усталость. Представив, как он сейчас выглядит, она решила, что у него на лице должна быть «маска» — так она сама называла непроницаемое, безразличное выражение, которому его научил его отец. Наследие гитлеровского режима. «Никогда не показывай глубину своих чувств. Не раскрывай себя. Не давай этим врагу оружие против себя».

Общаясь с дочерью, Джереми часто надевал эту маску. Меер понимала, что делает он это, чтобы избавить ее от ненужной боли. Отец старался скрыть от нее так много — свою тревогу относительно ее страхов, беспокойство по поводу тщетных усилий врачей принести ей облегчение, затем мучительное переживание на протяжении всех тех долгих недель, когда она лежала в больнице, вызванное неопределенностью относительно того, сможет ли она двигаться, когда срастется сломанный позвоночник. Позднее отец прилагал все усилия, чтобы скрыть охлаждение отношений с матерью, а затем развод. Но Меер знала, что разбило семью. То же самое, что сломало ей позвоночник.

— Дорогая, у моего друга доктора Сметтеринга сердечный приступ. Он... по-видимому, его сердце не выдержало резкого скачка давления, вызванного стрессом... Сейчас врачи разыскивают его сына, он отправился в путеше-

ствии. До тех пор пока его не найдут, мне лучше оставаться здесь, но только я очень беспокоюсь о тебе и не хочу, чтобы ты оставалась там одна.

Мать всегда думала только о том, как оградить себя от дочери; отец же старался оградить Меер от опасностей.

— Обо мне беспокоиться не надо, — неестественно спокойным голосом произнесла Меер, повторяя те самые слова, которые уже не одну сотню раз говорила отцу.

— Я все равно ничего не могу с собой поделать.

— Ну, пожалуйста! Я остановилась в прекрасной гостинице, там очень хорошее обслуживание. Со мной все будет в порядке.

— Я очень жалею о том, что меня нет рядом. Больше, чем о чем бы то ни было, сожалею о том, что это тебе выпало обнаружить Рут. Бедняжка Рут...

Меер услышала в голосе отца скорбь и чувство вины. Уставившись на фотографию себя в детстве с матерью, она поймала себя на том, что, сколько она ни старалась, ей никогда не удавалось облегчить боль близких.

— Извини, что все так получилось.

— Себастьян тебя нашел? — спросил отец.

— Да, нашел. Он приехал через несколько минут после меня. Он по-прежнему рядом со мной.

— Рад это слышать. Если тебе что-нибудь понадобится, пожалуйста, спрашивай у него, хорошо?

— Ладно, но у меня все в порядке.

— Меер, меня зовет врач, я должен идти.

— Подожди. Почему убили Рут? Имеет ли это какое-то отношение к тому, что произошло с тобой в Швейцарии? Папа, что ищут эти люди?

Она услышала в трубке шумный вздох.

— Я все расскажу тебе завтра... завтра, когда мы с тобой встретимся, — сказал отец. — Будем надеяться, завтра я вернусь домой. А сейчас я должен поговорить с врачом. Я перезвоню тебе позже.

— Еще один только вопрос... — Меер должна была узнать правду.

— Какой, дорогая?

— Это ведь как-то связано со шкатулкой, правда?

ГЛАВА 19

Нью-Йорк

Суббота, 26 апреля, 09.45

Люсиан Гласс и его начальник, глава БПИ Дуглас Коумли, сидели за однонаправленным зеркалом и наблюдали за тем, как следователь нью-йоркского управления полиции Барри Брэнч беседует с Малахаем Самюэльсом. На потертом столике между ними лежала тонкая темно-синяя книжечка размером приблизительно пять квадратных дюймов. На обложке тиснение золотом: слово «Паспорт», изображение орла и более мелким шрифтом «Соединенные Штаты Америки».

Малахай не протягивал к книжечке руку, даже не смотрел на нее. Люсиан это знал, потому что успел зарисовать в альбоме мириады выражений, сменяющих друг друга на лице специалиста по переселению душ.

На протяжении нескольких месяцев он почти ежедневно видел Самюэльса, однако ему редко предоставлялась возможность внимательно исследовать его лицо. И вот сейчас Люсиана завораживали его непроницаемый взгляд и бесконечное самообладание. Малахай был слишком спокоен. Даже невинные нервничают, когда их допрашивает полиция. Возможно ли, что Самюэльс загипнотизировал себя, заставив погрузиться в это состояние полного безразличия? В конце концов, он мастер гипноза и регулярно использует эту технику, исцеляя своих юных пациентов.

Перевернув лист, Люсиан начал набрасывать новый портрет.

— Поэтому мы официально закрываем наше расследование, — раздраженно произнес следователь Брэнч, словно винил в этом Малахая.

Яростным движением он переместил паспорт через невидимую границу, проходящую посередине столика.

Малахай не спеша взял книжечку, даже не взглянув на нее.

— Итак, вы наконец нашли этого злодея. И кто же это?

На протяжении нескольких месяцев Гласс слушал медоточивый голос Самюэlsa, однако неторопливая, размеренная речь доктора по-прежнему выводила его из себя. Она была слишком обдуманной. Подобно расслабленным манерам Малахая, его голос что-то скрывал. Вот и сейчас он сидел перед следователем Брэнчем, словно испанский дворянин XVII века, позирующий Ван Дейку, излучая властную самоуверенность и аристократизм. Люсиан был убежден, что все поведение Малахая — это сознательная, тщательно спланированная дымовая завеса. Окружающие видят только то, что он сам хочет им показать: целеустремленного психолога, самоотверженного исследователя-иконоборца. Но за самоуверенным, претенциозным фасадом Гласс видел несчастного, испуганного человека, отчаянно жаждавшего... чего? Люсиан видел только само страстное желание, но не его объект.

— Я ничего не могу вам сообщить до тех пор, пока подозреваемому не будет предъявлено официальное обвинение, — сказал следователь Брэнч.

— Этот человек заслуживает самого сурового наказания. На его совести несколько зверских преступлений.

Взгляд Люсиана заметил сострадание, сверкнувшее в черных глазах Малахая, такое искреннее, что никто даже не заподозрил бы, что этот психолог с мировым именем, потомок старинного, влиятельного нью-йоркского семейства способен приказать отнять человеческую жизнь.

Брэнч, мужчина лет под шестьдесят, судя по виду, последние несколько лет просидевший на кабинетной работе, поставил руки на стол и рывком поднялся на ноги.

— Позвольте вас проводить, мистер Самюэльс.

За однонаправленным зеркалом Дуглас Коумли тоже встал.

— Надеюсь, художник, чутье тебя не подводит. Я должен через десять дней свернуть твою лавочку, а не выделять дополнительное финансирование. Из-за тебя я рискую собственной задницей. Уже в который раз.

— И часто чутье меня подводило? — спросил Люсиан.

— Однако раньше у тебя всегда находилось для меня что-нибудь еще. Что-нибудь такое... можно ли назвать это доказательствами?

— Я хорошо знаю этого человека. Несколько месяцев я наблюдал за ним, слушал его разговоры. Малахай Самюэльс не сможет устоять перед соблазном выследить второй «инструмент памяти».

— Он не сможет? — скептически спросил Коумли. — Или ты не сможешь?

Времени для споров не было. Малахай получил пропуск на выход и в самое ближайшее время покинет здание, и Гласс последует за ним, куда бы он ни направился. По крайней мере, в течение ближайших десяти дней. А в настоящий момент, хотелось надеяться, это означало посадку на самолет, вылетающий в Вену.

ГЛАВА 20

Вена, Австрия

Суббота, 26 апреля, 15.03

— Наверное, вы с ног валитесь от усталости. Позвольте подвезти вас до гостиницы, — предложил Себастьян, когда они вышли на улицу.

— Не думаю, что я смогу заснуть. Наверное, я лучше немного погуляю по городу.

— Когда вы в последний раз чего-нибудь ели? — Себастьян указал на кафе неподалеку, на которое Меер обратила внимание, еще когда они только приехали сюда.

— Спасибо, но вы и так сделали для меня слишком много. Я больше не могу злоупотреблять вашим временем.

— Ваш отец ни за что не простит мне, если я брошу вас одну в ваш первый день в Вене. Позвольте хотя бы угостить вас чашкой кофе. Вам станет лучше.

Мысль о кофе пришла к Меер по душе, и, сказать по правде, ей совсем не хотелось возвращаться в пустой гостиничный номер.

Они направились к перекрестку, и Себастьян стал рассказывать о венских кафе, поддерживая непрерывный монолог, призванный, не сомневалась Меер, развеять ее тоску.

— У каждого жителя Вены есть свое любимое кафе, рядом с домом или с работой. И его посещение — ежедневный ритуал. Кажется, человек часами может сидеть за столиком, нянча одну чашку кофе и кусок штруделя.

Себастьян открыл перед ней дверь, и Меер вошла в кафе «У Гавелки». И тотчас же ее со всех сторон окружили аппетитные ароматы. Казалось, это была сцена из другой эпохи. Бесшумно сновали официанты в черных сюртуках и белых фартуках, многократно отражаясь в больших зеркалах во всю стену, расширявших зрительно пространство небольшого зала. Тяжелые ржаво-бурые бархатные шторы с белыми кружевными ламбрекенами придавали помещению ощущение интимности и в то же время роскоши.

Они сели за столик с мраморной столешницей, и Меер, оглядев рыжевато-коричневый потолок и закопченные стены, прониклась тоской по ушедшей эпохе, которую ей не довелось застать.

— Что вы хотите? — спросил Себастьян.

— Черный кофе, без сахара.

— А поесть ничего? Ну, мы, по крайней мере, закажем домашние *buchteln* фрау Гавелки. Это восхитительные булочки с повидлом, а вам обязательно нужно что-нибудь съесть.

— Вы произведете очень хорошее впечатление на моего отца.

Улыбнувшись, Себастьян кивком подозвал официанта. Тот торжественно подошел к столику и принял заказ.

— Как он строго держится, — заметила Меер, когда официант удалился.

— Здесь так вышколены все официанты. Им приходится учиться по нескольку лет, прежде чем они удостоиваются титула «герр обер», господин официант, — объяснил Себастьян. — На самом деле необходимо выполнить двадцать семь определенных движений руками, чтобы правильно подготовить поднос со стаканом воды, чашкой кофе, сахаром, салфетками, ложкой и так далее.

Меер провела кончиками пальцев по бархатной обивке стула.

— Сколько лет этому кафе?

— Как правило, историю заведения и список знаменательных личностей, посещавших его, можно найти на обороте меню. — Взяв меню, Себастьян прочитал вслух: — Кафе находится по этому адресу начиная с восьмидесятых годов XVIII века.

Пока он читал, вернулся официант, принесший кофе, два стакана с водой и булочки. Он разыграл целый спектакль, выставляя все это на стол. Поблагодарив его, Себастьян дочитал историю кафе. Потягивая кофе, Меер слушала его, наблюдая за движениями официантов, напоминающих балетных танцоров. В воздухе висели обрывки разговоров, однако незнакомый язык, вместо того чтобы

напоминать девушке, что она иностранка, чужой человек вдали от дома, ласкал ей слух.

— Здесь есть ощущение какой-то вечности, — заметила она, когда Себастьян закончил. — И не только в этом кафе, а вообще во всей Вене.

— По работе мне много приходится разъезжать, и Вена выделяется среди прочих городов. Быть может, все дело в том, что здесь жива любовь к музыке, театру, искусству и философии, чего больше нет нигде.

— Когда я слушаю вас, мне кажется, что я снова оказалась за школьной партой.

Себастьян вопросительно поднял брови.

— Это комплимент или замечание?

— Комплимент, — как-то неуверенно призналась Меер. Что в этом человеке ее так смущает? — Вы упомянули о своей работе. Чем вы занимаетесь? — спросила она, стараясь найти нейтральную тему для продолжения беседы.

— Я первый гобой Венского филармонического оркестра.

«Он музыкант?» Прежде чем Меер успела произнести хоть слово, Себастьян высказал вслух именно то, о чем она подумала.

— Ваш отец говорил, что вы играли на фортепиано и собирались стать композитором, но потом ушли из школы Джульярда. Он сказал, что вы уже много лет не сочиняете музыку.

— А осталось хоть что-нибудь, о чем он вам еще не говорил? — Отодвинув стул, Меер встала из-за стола. — Знаете, пожалуй, я все же прогуляюсь. Спасибо за все, что вы для меня сегодня сделали. Можно, я отдам вам деньги за кофе? — Она раскрыла сумочку.

— Нет, — достав бумажник, мужчина вынул из него несколько купюр и положил их на стол. — Вы заблудитесь. Я вас провожу.

— Не заблужусь. — Меер ни о чем не думала, а просто стремилась сбежать от него. — Со мной все в порядке, и мне известно, где я нахожусь.

— Вот как?

Женщина была сбита с толку своими собственными словами.

— Мы на той же улице, где и художественный салон, а поскольку я знаю по карте, где это, у меня есть отправной ориентир. Честное слово, не надо за меня волноваться. Вы не мой надзиратель.

— Нет, разумеется. И вы определенно не в тюрьме.

И все же Себастьян пошел следом за ней. Одному богу известно, о чем его попросил ее отец, но не вызывало сомнений, что она избавится от его общества только тогда, когда вернется в гостиницу.

Себастьян Отто дошел вместе с ней до угла, и когда они повернули на Грабен, объяснил, что этот широкий проспект на протяжении многих столетий остается главной торговой артерией Вены. Увидев ряды бутиков и магазинов, Меер пришла в ужас. Прищурившись, она стала искать взглядом то, чего здесь не было.

— Вы разочарованы? Все дело в том, что те же самые магазины есть у вас в Нью-Йорке?

— Нет, просто здесь все выглядит таким новым.

— Вы предпочитаете, чтобы я показал вам более старые достопримечательности? Их здесь предостаточно. Особенно для любителя музыки. Мемориальная квартира Моцарта, мемориальная квартира Бетховена. А также Штраусса, Малера...

— Квартира Бетховена до сих пор сохранилась?

Когда Меер было семь лет, она как-то раз играла в антикварной лавке матери, когда пожилым мужчиной, говорившим с акцентом, принес старинные часы с боем, исполнявшие отрывок из Бетховена, и Меер влюбилась в эту мелодию. Однако, как ни странно, когда она сама стала

заниматься музыкой, ей не давались как раз произведения Бетховена. Едва она брала первые несколько аккордов великого композитора, ее начинали мучить кошмары.

— Да, сохранилась. Вы хотите ее увидеть?

Внезапно Логан поймала себя на том, что ей сейчас хочется поскорее уйти с этой улицы, запруженной покупателями, подальше от навязчивой любезности Себастьяна, вернуться в гостиницу и лечь спать.

— Хочу, но не сегодня. Кажется, наконец, дала себя знать смена часовых поясов.

— И шок, наверное. Позвольте отвезти вас до гостиницы.

ГЛАВА 21

Суббота, 26 апреля, 15.36

Давид Ялом зашел в большую, современную, вычурную гостиницу, где он остановился вместе со многими делегатами конгресса МАСБ и журналистами, освещающими его работу. Поскольку агентство полностью забронировало гостиницу, Давид, проходя по оживленному вестибюлю к лифту, встретил нескольких своих знакомых. Он приветствовал их кивком, но не стал замедлять шаг, чтобы не напрашиваться на нежелательный разговор. Войдя в пустую кабину лифта, Давид тотчас же нажал кнопку закрытия дверей, уменьшая вероятность того, что соберет с собой попутчиков.

Поднявшись на пятнадцатый этаж, он убедился в том, что в коридоре никого нет, прошел к лестнице, открыл дверь и прислушался. Не услышав звука шагов, Давид быстро спустился на четырнадцатый этаж, где повторил те же самые действия, проверяя коридор, и лишь после этого прошел к своему номеру. Еще раз оглянувшись, убеждаясь, что у него за спиной никого нет, он вставил

ключ в замок, открыл дверь, шагнув вперед, выхватил из кобуры под мышкой маленький пистолет и, держа его перед собой, быстро осмотрел номер.

По счастливой случайности — нет, просто он поступил осмотрительно, потому что ни о каком счастье в его жизни больше говорить не приходилось, — он достал пистолет не через Ганса Вассонга. В противном случае оружие могло быть неисправным. Но Давид тщательно продумал все детали предстоящей операции, отделяя одно от другого. Тем самым он обеспечил, что все, кто имел к ней какое-то отношение, знали только самое необходимое. С Вассонгом журналист допустил ошибку — доверился тому, кому нельзя было верить, — однако сейчас уже не было смысла заострять на этом внимание. Бесполезно размышлять о прошлом. В воспоминаниях нет никакого смысла. Они порождают боль, только и всего.

Шторы были наполовину раздвинуты, и света, проникающего сквозь тюлевые занавески, было вполне достаточно, но Давид все равно включил ночник. И хотя у него не было никакого желания смотреть телевизор, он все равно его включил и напел выпуск новостей. Сняв трубку, Ялом заказал еду в номер и попросил, чтобы его обслужили как можно быстрее. Он не испытывал чувства голода. Еда его больше нисколько не интересовала. Однако машине нужен бензин, даже если она и не способна ощутить его вкус.

Рывком сдернув с кровати покрывало, Давид примял подушки, присел на край постели и тотчас же встал. Открыл холодильник, схватил бутылку с водой, свернул крышку и осторожно положил на столик у кровати. Выпив одним большим глотком половину содержимого, поставил бутылку рядом с крышечкой. Затем взял детективный роман английского писателя Дэвида Хьюсона, купленный в аэропорту, из которого он еще не прочитал ни строчки. Книга лежала переплетом вверх, раскрытая на странице 120. Давид раскрыл ее на странице 144 и снова поло-

жил на столик переплетом вверх. Убедившись в том, что в спальне создано некое подобие беспорядка, как будто он провел здесь какое-то время, журналист снова присел на край кровати и стал ждать, когда принесут еду.

Через пятнадцать минут, услышав стук в дверь, он посмотрел в глазок, убрал пистолет за пояс, вытащил рубашку из брюк, скрывая оружие, и встретил служащего отеля в дверях. Расписавшись за сэндвич и банку содовой, Давид добавил щедрые чаевые и выпроводил официанта за дверь. Поставив поднос на комод, он взял сэндвич с ветчиной и сыром и завернул его в кусок газеты. Откупорив банку, вылил половину содержимого в стакан, выпил все одним залпом, повторил и вытер губы салфеткой.

Затем он набрал номер наугад, и пока в трубке звучали длинные гудки, громко произнес:

— Говорит Давид Ялом. Если вы хотите ко мне зайти, я буду у себя в номере в течение ближайших полутора часов. У меня есть кое-какая работа. Я не уйду до тех пор, пока не получу от вас известий.

И, наконец, он сменил синюю спортивную куртку на светло-коричневую ветровку, позаботившись о том, чтобы перевесить в шкафу все вешалки, засунул зеленый рюкзачок в красную с черным спортивную сумку, бросил туда же завернутый в газету сэндвич, застегнул «молнию» и тщательно осмотрел номер. Лишь после этого журналист очень медленно открыл дверь и выглянул в коридор. Там никого не было.

Вместо лифта Давид снова воспользовался лестницей, но на этот раз он прошел пешком на десятый этаж. Там он сел в лифт и спустился на самый нижний уровень гостиницы, откуда был выход прямо на оживленную станцию метро. Подняться на лифте на нужный этаж было нельзя без ключа от номера, но спуститься вниз и войти в метро не представляло никаких проблем. Сделано это было для удобства бизнесменов, живущих в гостинице.

Станция, как всегда, была заполнена народом, и Давид поспешно затерялся в толпе. Если люди Ахмеда Абдула за ним следят, высока вероятность того, что они также прослушивают его номер; и в этом случае звонок по телефону и заказанная еда должны были дать ему время, чтобы покинуть гостиницу незамеченным.

Ялом доехал на метро до станции «Карлсплатц», где пересел на другой поезд до станции «Шведенплатц», расположенной в противоположном конце города, в районе, заполненном захудалыми джаз-клубами, недорогими магазинами и ресторанами, протянувшимся вдоль реки, где всегда было много молодежи и туристов.

Через двадцать минут после того как Давид покинул большую первоклассную гостиницу, где с самого приезда в Вену он еще ни разу не находился больше двух часов подряд, он зашел в обшарпанный однозвездочный пансион. Мужчина в потертых джинсах и грязном белом свитере, сидевший за стойкой, даже не поднял взгляд, когда постоялец, зарегистрированный как Михаэль Бергман, вошел в дверь, уронив голову и опустив плечи, и поднялся в крошечном лифте, пахнущем потом и чесноком, в свой номер, где ему предстояло провести еще одну бессонную ночь.

ГЛАВА 22

Суббота, 26 апреля, 17.35

Заселившись в номер и разобрав свои вещи, Меер легла на кровать и попыталась расслабиться, но у нее перед глазами стоял образ Рут, распростертой на полу кухни, а рукой она ощущала прикосновение к холодной безжизненной коже. Дома Логан, когда ее охватывало беспокойство, отправлялась гулять пешком. Поэтому она спустилась вниз, взяла у консьержа план города и вышла на улицу.

В лучах заходящего солнца сверкало огромное колесо обозрения, и толстые стальные тросы, способные выдерживать нагрузку в тысячи фунтов, казались тонкими золотыми ниточками: хороший ориентир, видный отовсюду, с таким не заблудишься.

Вена, подобно многим другим европейским городам, в которых приходилось бывать Меер, представляла собой пестрое сочетание всевозможных архитектурных стилей, изредка диссонирующих, но чаще гармонирующих друг с другом. Купол собора в стиле итальянского барокко мирно расположился между двумя простыми особняками стиля бидермайер¹, а неподалеку от них стояло причудливое жилое здание конца XIX века, все в бронзе и позолоте. Но теперь молодая женщина дошла до той части города, которая была обозначена на плане как Леопольдштадт. Здесь общее впечатление было уже более цельным: узкие улочки, вымощенные булыжником, жилые здания, театры и магазины, лезущие друг на друга. Большинство надписей было на немецком, но время от времени на вывесках встречались буквы еврейского алфавита. Даже несмотря на то что Меер, как и ее мать, не была религиозной, иудаизм был у нее в крови, и вид знакомых букв действовал успокаивающе.

Вдруг Логан услышала крики — сначала женский голос, затем мужской. Она обернулась, но на улицу спустились сумерки, и она ничего не смогла разглядеть в темноте. Меер всматривалась в трех- и четырехэтажные здания, прилепившиеся друг к другу, стараясь найти открытое окно, откуда мог доноситься этот шум. Одно строение привлекло ее внимание как раз тем, что у него вообще не было окон. Ничем не примечательное за исключением двух ко-

---

¹ Бидермайер — стилевое направление в немецком и австрийском искусстве в 1814–1848 годах, отражало вкусы аполитичного обывателя-бюргера, озабоченного лишь личным благополучием.

лонн по обе стороны от входной двери, оно отстояло от улицы чуть дальше и потому было окутано еще более плотным покрывалом темноты. Крики возобновились, и Логан прониклась уверенностью, что их источник находится именно в этом доме. Стоя и слушая, она почувствовала холод, наползающий изнутри, а не со стороны вечернего воздуха. Ее охватила дрожь; воздух озарился сиянием, а окружающие предметы стали прозрачными. Плечи у Меер напряглись, челюсти стиснулись, рот наполнился металлическим привкусом. Поврежденная спина заныла. Страхи вернулись, а вместе с ними музыка и новые воспоминания.

ГЛАВА 23

Вена, Австрия

26 сентября 1814 года

В сгущающихся сумерках Марго прошла полквартила до неприметного серого здания, поднялась по широким ступеням, обрамленным двумя колоннами, подняла кольцо дверного молотка и отпустила его.

Дверь приоткрылась, и в щель на крыльцо упал свет от свечи. Слуга с удивлением всмотрелся в лицо неожиданной гостьи.

— Простите, фрау Нидермайер, но я не могу вас впустить, — сказал он, узнав, кто перед ним. — Правила запрещают женщинам заходить в дом.

Отстранив его, Марго с деланой бравадой шагнула в прихожую.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросил окончательно растерявшийся слуга, не зная, как реагировать на это вторжение.

— Я бы хотела встретиться с Рудольфом Толлером, — сказала Марго, называя делового партнера своего мужа.

Ей хотелось надеяться, что ее голос звучит более сильным и храбрым, чем она чувствовала себя на самом деле. От этой встречи зависело так много.

Подняв взгляд на затейливый куполообразный свод, Марго постаралась успокоить нервы, сосредоточившись на сотнях крошечных зеркал, мерцавших, словно звезды. Каспар говорил ей, что второго такого здания нет во всей Вене, и теперь она видела, что это действительно так. Какую же красоту сотворил ее супруг со своими товарищами! Какую же сокровищницу! Столы, инкрустированные ляпис-лазурью, сердоликом, тигровым глазом, ониксом и малахитом. В свете свечей сверкали золото и позолота. Просторное помещение еще больше расширялось зрительно за счет лакированных живописных полотен, изображающих сцены Древнего Египта. А запах! Курильницы по всем четырем углам ублажали воздух тем же самым ароматом, привезенным ее супругом, когда он вернулся из своего последнего путешествия. Находясь здесь, Марго чувствовала себя так, словно проникла к нему в сознание, увидела все его глазами. Почувствовав, как у нее самой защипало глаза, женщина заморгала, прогоняя слезы.

— Если бы Каспар сейчас был здесь, он бы напомнил мне, какая это ошибка — недооценивать вас, — сказал Толлер, выходя к ней навстречу. — Он любил говорить, что вы подобны мистралю вашей родины — неумолимому ветру. И он был прав. Вы нарушили все мыслимые правила, Марго, придя сюда. В свое время я обязательно ответил бы на ваше письмо.

Несмотря на то что Каспар доверял Толлеру настолько, что включил его в состав своей экспедиции в Индию, внешность этого тощего человека, похожего на скелет, вселяла в Марго страх. Когда он наклонился, чтобы поцеловать ее руку, ей в ноздри пахнуло исходящим от него затхлым зловонием — казалось, Толлер гнил изнутри.

— Но у меня нет времени.

— Вы приехали сюда в своем экипаже? — подозрительно спросил Толлер.

В свете огня в камине сверкнули три золотых ключа, висящих на цепочке у него на шее. Хотя Марго и знала, что Толлер сменил ее супруга на посту Анубиса¹, ей было больно видеть на нем это ожерелье. Как глава общества Каспар, сколько она была с ним знакома, постоянно носил эти золотые ключи под рубашкой. Когда Толлер сообщил ей, что вернулся из Индии один и Марго увидела у него на шее ключи, она с трудом сдержалась, чтобы не сорвать их.

Расправив плечи, Марго добавила еще один дюйм к своей стройной фигуре.

— Да, я приехала в своем экипаже. — Ей пришлось сделать над собой усилие, но ее голос не дрогнул.

— Карета ждет на улице? — испуганно спросил Толлер.

— Нет. Разумеется, нет. Кучер остановился в парке, дальше по дороге. Уж это-то я понимаю.

— Вы никому не говорили о том, что едете сюда?

— Чем вызван этот допрос?

— Прошу меня простить, но сейчас, когда вся Европа собралась в Вену на конгресс, нам особенно не хотелось бы привлекать внимание к нашему обществу. Здесь собрались тысячи сановников и делегатов, и каждый привез с собой своих шпионов. Несмотря на наши якобы просвещенные времена, императорский декрет объявил наше существование преступлением, которое карается по всей строгости закона.

— Это мне известно. Каспар мне все объяснил давным-давно. Я бы ни за что...

— Идемте, Марго, — взял ее за руку Толлер. — Позвольте проводить вас до вашего экипажа.

---

¹ А н у б и с — у древних египтян бог с головой шакала, сын Изиды и Осириса, провожавший души умерших в загробный мир.

Молодая женщина решительно высвободила руку.

— Я законная супруга Каспара, и, согласно законам Австро-Венгрии, все то, что принадлежало ему, теперь принадлежит мне. Я приехала сюда, чтобы потребовать то, что он обнаружил во время последнего путешествия.

— Все эти находки принадлежат обществу.

— Нет, на самом деле это не так. Все до одной экспедиции моего супруга финансировались за мой счет, герр Толлер. Итак, будьте добры, пожалуйста, отдайте мне то, ради чего я сюда пришла.

— Какого черта! — Толлер начинал терять терпение. — Я вам ничего не отдам!

Марго и майор Арчер Уэллс заранее обсудили, как ей быть, если Толлер будет упорствовать, поэтому сейчас она не колебалась ни минуты. Не дав Толлеру опомниться, молодая женщина быстро пересекла фойе и вошла во внутреннее святилище так, словно уже бывала там десятки раз и знала, куда идти. Она испытывала пьянящий восторг, наконец оказавшись в самом помещении после тех долгих часов, что она изучала строительные чертежи вместе с Каспаром.

— Вам сюда нельзя! — окликнул Марго Толлер, торопливо входя следом за ней в библиотеку.

Открыв дверь в противоположном конце, Марго вошла в маленький шкаф. Каспар так гордился загадками этого здания, что рассказал ей все — да, вот она, ручка, невидимая, если не знать, где искать. Марго нажала на нее, и целая секция стены повернулась, открывая потайной проход. Молодую женщину обдало холодным сырým воздухом.

— Он и об этом вам рассказал? — Голос Толлера был наполнен яростью.

Тяжело дыша, он набросился на Марго сзади и снова схватил ее за руку, пытаясь остановить. Удивив себя саму, но еще больше Толлера, женщина сильно ударила его но-

гой, причинив сильную боль. Каспар научил ее защищаться любимыми средствами: кулаками, каблуками, пистолетом или шпагой. Они жили в опасное время, и он хотел, чтобы жена в его отсутствие могла постоять за себя.

Выиграв какое-то время, Марго устремилась вниз по тускло освещенной винтовой лестнице, спускающейся в катакомбы. Когда она оказалась на площадке, перед ней открылась пещера. В стенах были высечены десятки ниш, и в каждой лежало по скелету. С уст молодой женщины сорвался испуганный крик. Хотя супруг и рассказывал ей про древнеримское захоронение, столкновение с давно умершими потрясло Марго. На сырых каменных стенах плясали злоеющие тени. Тяжелый запах плесени и гниения наполнял воздух.

У Марго за спиной показался Толлер с фонарем в руке.

— Ну, в чем дело? — злорадно спросил он.

Делая глубокие вдохи и выдохи, Марго прошла к противоположному концу подземного помещения, где находилась грубая клетка, сделанная из железных прутьев: тайное хранилище Общества памяти. Именно здесь молодая женщина надеялась найти сокровище, обнаруженное ее супругом в Индии, сокровище, за которое майор Арчер Уэллс предложил деньги, более чем достаточные, чтобы снарядить экспедицию на поиски Каспара. Только вот клетка была заперта.

— Что вы собирались найти здесь, кроме пыльных архивов? — спросил Толлер.

— Индийскую флейту с выгравированными письменами, об этом инструменте Каспар написал в своем последнем письме.

Отвратительный хохот Толлера вызвал у Марго приступ тошноты, заставив на мгновение забыть зловоние подземного склепа. Подойдя к ржавой железной двери, Толлер открыл замок одним из ключей, висящих на шее.

— Ее здесь нет. Можете сами убедиться.

ГЛАВА 24

Вена, Австрия

Воскресенье, 27 апреля, 10.05

Здоровенный техасец ростом шесть футов три дюйма налил себе, наверное, уже шестой стаканчик кофе. Он не дул на него, не пробовал губами. Если напиток был обжигающим, он это никак не показал. На столе перед ним стояло фарфоровое блюдо с фруктами, рядом — еще одно, с сыром, и корзина с хлебом, однако все это оставалось нетронутым. Единственным горючим, необходимым Тому Пакстону, был кофе, даже если он и был чересчур горячим.

Напротив него в гостинной номера люкс, превращенной в импровизированный кабинет, сидели архитекторы плана, благодаря которому «Глобальной службе безопасности» и достался этот контракт. Керри, личная секретарша Пакстона, как всегда, сидела рядом с ним за раскрытым ноутбуком, и ее пальцы летали по клавиатуре. Непрерывный стук клавиш действовал на Пакстона успокаивающе.

Билл Вайн вместе со своими двумя помощниками вот уже целый месяц находился в Вене, наблюдая за этой «симфонией», как они прозвали свою работу, вводил босса в курс дела, когда Пакстон его прервал.

— Если я по последнему пункту понял тебя правильно, ты хочешь сказать, что *до сих пор* остаются проблемы с установлением контроля над доступом? И ты их еще не решил? Неужели я должен тебе напоминать, что концерт состоится через четыре дня? Черт побери, что здесь происходит?

— Остался всего лишь один вопрос, с которым мы еще не разобрались. И только. И мы уже близки к тому, чтобы его решить.

Бывший военный, Вайн никогда не терял самообладание. Ему пришлось повидать достаточно смерти, а плохих

воспоминаний, являющихся в кошмарных снах, должно было хватить до конца жизни. Хотя он и знал, что речь идет о вопросах жизни и смерти, вывести его из себя было очень непросто. И уж определенно это не мог сделать требовательный босс — вот почему Билл до сих пор работал на своем месте.

— Давай сначала пройдемся по тому, с чем мы уже разобрались, — продолжал он. — Проблема транспорта решена. Городская администрация дала согласие вечером в день концерта перекрыть движение на всех улицах, прилегающих к концертному залу. Даже самым важным персонам придется высаживаться за квартал и идти дальше пешком. Доступ в закрытую зону будет осуществляться только через специальные контрольно-пропускные пункты по биометрическим картам допуска «Зенит», и тут остались лишь последние мелочи. Все оборудование работает исправно, и мы подготовили многоуровневую систему страховки на случай каких-либо непредвиденных срывов. К счастью, местные власти во всем идут нам навстречу.

Вайн работал в «Глобальной службе безопасности» после первой войны в Персидском заливе. Ранения, полученные во время боевых действий, менее целеустремленного человека выбили бы из колеи, но Билл держал своих демонов под контролем. И все же Пакстон время от времени, как, например, сегодня, просто чтобы быть совершенно спокойным, всматривался ему в глаза, ища в самых потаенных глубинах следы этих демонов. Он их, как всегда, не нашел. Но если это когда-нибудь произойдет, Вайну придется уйти, как бы близки с Томом Пакстоном они ни были, как бы много он ни сделал для компании.

— Ты можешь продемонстрировать, как работает карточка допуска? — спросил Пакстон.

— А то как же.

Пока Вайн набирал с клавиатуры команду, вызывая нужную программу, Билл обвел взглядом остальных чле-

нов группы, ища признаки излишнего возбуждения, напряжения, усталости. На конгрессе МАСБ компания находилась в привилегированном положении, и нельзя было допустить ни одной ошибки. Путь сюда оказался очень долгим и трудным.

Каждый год представители этой влиятельной международной организации собирались в какой-нибудь стране, чтобы поделиться самыми последними достижениями в области средств безопасности, посмотреть демонстрацию новейшего оборудования, обсудить стоящие перед ними задачи и наметить пути их решения. Ежегодная конференция Международного агентства по системам безопасности, на которую съезжались все руководители крупнейших компаний, работающих в сфере безопасности, сотни аналитиков и высшие чиновники правоохранительных структур ведущих государств, являлась заветной целью для показательного удара террористов всех мастей. И вечером в следующий четверг задача Пакстона будет заключаться как раз в том, чтобы это не допустить.

С самого основания МАСБ в 1958 году отдельные фирмы каждый год соперничали за право обеспечивать безопасность конференции. Как правило, отбиралось несколько компаний, в зависимости от числа объектов, связанных с работой конгресса. В этом году таких объектов было шесть. Одна фирма обслуживала деловой центр, в котором проводились все заседания, встречи и выставки; по одной были выделены на четыре гостиницы, где остановились делегаты и гости. Но всем этим пяти фирмам требовалось обеспечить лишь дополнительные меры защиты объектов, выбранных в первую очередь как раз за их высокий уровень безопасности.

Но вот объект, доставшийся шестой компании, похвастаться этим не мог. Существующие системы безопасности концертного зала в статридцатидевятилетнем здании по адресу Бёзендорферштрассе, 12, недалеко от кольца

Карнерринг, в лучшем случае были посредственными, поэтому компании, получившей контракт, досталась самая большая ответственность, но при этом перед ней открылись самые большие перспективы. И этой компанией была «Глобальная служба безопасности».

— Ты хочешь услышать все скучные подробности? — спросил босса Вайн.

— Ты можешь думать, что все детали системы известны тебе как свои пять пальцев, но...

Вайн не дал ему договорить. Ни у кого другого на это не хватило бы духа, но Билл Пакстон даже едва заметно улыбнулся, когда Вайн, подражая его голосу, повторил слова, давно ставшие лейтмотивом всей деятельности компании:

— Но повторение — это маленькая цена, которую нужно заплатить за то, чтобы все прошло гладко.

После чего Вайн пустился в пространный монолог, подкрепляя свои слова многочисленными трехмерными изображениями на экране компьютера.

— Владелец карточки активирует ее, прижав большой палец правой руки к левому верхнему углу. Отпечаток пальца должен будет соответствовать эталону, хранящемуся в памяти микропроцессора карты. Кроме того, в микропроцессоре будет содержаться и другая информация относительно владельца карты... — Оторвавшись от компьютера, Вайн перевел взгляд на Пакстона. — Ты знаешь алгоритм, ты сам его составил. Прав ли я, полагая, что ты все равно ждешь продолжения?

— Да, мне нравится слушать твой голос.

Вайн удостоил Пакстона слабым подобием улыбки: правый уголок рта чуть поднялся вверх. На большее он не был способен. При беглом знакомстве с Билли Вайном это не бросалось в глаза. Квадратный волевой подбородок, густая копна темно-русых волос — он был привлекательным мужчиной, уже не первой молодости, но держащим себя

в форме. И только потом становилось заметно, как мало двигается лицо, практически все время сохраняя одно и то же выражение. Потребовалось двадцать две пластические операции, чтобы собрать Шалтай-Болтая целиком. Ну, почти целиком.

— В память вводится имя и фамилия владельца карточки, название организации, которую он представляет, его возраст и вес, а также фотография и данные из паспорта и водительского удостоверения. Все сотрудники концертного зала, обслуживающий персонал дали согласие сотрудничать с нами. Мы уже практически завершили сбор данных.

— Много вам еще осталось? — спросил Пакстон.

— Около двенадцати часов работы.

— Хорошо. Продолжай.

Сидящие за столом начинали нетерпеливо ерзать, но Тому Пакстону было наплевать на то, что он уже надоел им хуже горькой редьки. Он хотел выслушивать все подробности снова и снова. Будто слова любимой женщины, повторяющей, как ей хорошо. Хотя Пакстон и не мог уже вспомнить, каково это было, но сейчас было не время вспоминать то иссушенное, враждебное поле боя, которое он когда-то называл супружеской жизнью.

— Карточка допуска активизируется только в том случае, если отпечаток большого пальца совпадет с эталоном, хранящимся в памяти микропроцессора. Устройства считывания работают на расстоянии. Их достаточное количество, чтобы не создавать у входов очереди, что можно было бы использовать для отвлечения внимания. Если информация, считанная с карточки, совпадает с тем, что хранится в базе данных компьютера допуска, ворота открываются, позволяя войти в здание. Если информация не совпадет, ворота блокируются, закрывая как вход, так и выход. Разумеется, предусмотрена система экстренного открытия ворот, чтобы охранники, дежурящие на пропускных пунктах, могли войти в здание в случае чрезвычайной

ситуации. Администрация концертного зала недовольна этими воротами.

— Почему? — спросил Том. Встав, он налил себе седьмой стаканчик кофе.

— По эстетическим соображениям.

— Но мы же используем пуленепробиваемый плексиглас. Пусть скажут спасибо, что мы не притащили стальные решетки.

— Здание является исторической достопримечательностью и...

— Пошли их к такой-то матери, — решительно поставил точку Пакстон. — Какие границы вы установили для сенсорных панелей, измеряющих вес? Я не хочу повторения того, что произошло в прошлом месяце в Вашингтоне.

Член Верховного суда поправился на шесть фунтов после того, как данные о его весе были зашиты в карточку допуска, и его блокировало в воротах.

— Плюс-минус десять фунтов. Этого должно хватить.

Вернувшись за стол, Том снова мысленно прошелся по всем пунктам, затем поднял взгляд на Вайна.

— Значит, остался только оркестр. Вот из-за чего все проблемы? Из-за этих долбанных музыкантов?

— Я как раз перехожу к этому.

— Или стараешься от этого уклониться.

— Я жду телефонный звонок. Я надеялся, мне позвонят, пока я буду докладывать. Том, мы наткнулись на глухую стену.

— Почему они так упорствуют?

— Руководитель оркестра не желает подвергать своих музыкантов «хождению по мукам», как он это называет. Он говорит, что это исполнители с мировой известностью, и он не допустит, чтобы с ними обращались как с преступниками.

— Необходимо срочно решить этот вопрос. — Пакстон собирался добавить еще что-то, но остановился. Читать

Вайну нотации нет смысла. Вместо этого он повернулся к его помощнику. — Алана, пришел черед тебе петь и плясать.

Алана Грин, гений математики и других точных наук, в восемнадцать лет окончила Массачусетский технологический институт и с тех пор работала в «Глобальной службе безопасности». И сейчас, в свои двадцать четыре года, она оставалась самым молодым сотрудником компании. Она была всего на год старше дочери Тома. Алана начала было говорить, но тут у Керри зазвонил сотовый телефон. Взглянув на дисплей, секретарша Пакстона ответила на звонок.

— К нам поднимается Давид Ялом, — сказала она, закончив разговор.

— Давайте подождем, — обратился к Грин Пакстон. — Устроим небольшое представление для прессы.

— И еще одно, — продолжала Керри.

Том вопросительно посмотрел на нее.

— Я только что получила информацию, что, если позволит график, к нам на концерт пожалуют дополнительные гости.

Пакстон поднял брови.

— Говори, не тяни.

— В конце следующей недели вице-президент и министр обороны Соединенных Штатов будут находиться в Восточной Европе. Похоже, оба они — поклонники Бетховена.

ГЛАВА 25

Воскресенье, 27 апреля, 10.15

Давид Ялом уже несколько раз брал интервью у руководителя «Глобальной службы безопасности», и Пакстон встретил его тепло, хотя и несколько смущенно. Он еще не

видел Ялома после того, как при взрыве погибла вся семья израильского журналиста. И хотя ему еще никогда не приходилось встречаться с приговоренным к смерти, именно об этом подумал Том, пожимая руку Давиду и глядя в его мертвые глаза. Ялом побледнел и осунулся. Он здорово похудел; казалось, его терзает смертельная болезнь.

— Не желаете кофе? — предложила Керри. — Чего-нибудь выпить?

— Кофе, — сказал Ялом, а затем, словно спохватившись, добавил: — С большим удовольствием.

Достав из кармана темно-зеленого рюкзака блокнот, он раскрыл его на чистой странице и начал, обращаясь к Пакстону:

— Первым делом, примите поздравления с тем, что вы одержали верх в этом конкурсе. Вам предстоит большая работа.

— А большая работа требует тщательного планирования. Вы готовы?

Рассказывая о проделанной работе, Том внимательно наблюдал за Давидом. Было в журналисте что-то странное: казалось, реакция на мысль отстает от самой мысли на одну-две секунды. Но, слушая, как Пакстон перечислял все основные направления работы своей компании по обеспечению безопасности концертного зала, Ялом без труда следил за его словами, время от времени прерывая его умными и пытливыми вопросами.

Пакстон уже в пятый или в шестой раз работал вместе с этим израильским медийщиком. Ялом вот уже несколько лет освещал конференции МАСБ. За ним закрепилась репутация честного публициста, привыкшего добираться до самой сути. Его дотошные вопросы несколько не беспокоили Тома; его компания выполнила свою задачу безукоризненно, и он был уверен, что израильчанин не сможет найти какой-либо компрометирующий материал.

— Первым делом мы продемонстрируем вам главную программу безопасности. К сожалению, жареной кукурузы у нас нет, — пошутил Пакстон.

Ялом усмехнулся, как показалось Тому, через силу. Грин нажала кнопку, и, как она и обещала, картинка на экране компьютера превзошла захватывающий остросюжетный боевик. Черные тени, изображающие террористов, пытались проникнуть в концертный зал самыми разными путями, в том числе через грузовой лифт, высаживаясь на крышу здания и пробивая отверстие в стене примыкающего строения. Но во всех случаях охранники и системы сигнализации поднимали тревогу, и боевики неизменно оказывались обезврежены.

— А теперь посмотрим, что произойдет, если уже не посторонний, а человек, имеющий ограниченный доступ в концертный зал, постарается проникнуть в ложи для высокопоставленных гостей...

За исключением Давида Ялома, сидящие за столом прекрасно знали работу всех систем, однако никто не мог оторвать взгляд от программы моделирования, с пугающей правдоподобностью воспроизводящей на экране внутренние интерьеры концертного зала. Для полноты ощущений на заднем плане играла музыка.

— Черт побери, это покруче фильма про Джеймса Бонда, правда, Ялом? — спросил Пакстон, не в силах сдержать переполняющую его гордость.

— Так и хочется послать кого-нибудь по-настоящему и увидеть все в действии, — с тоской в голосе промолвила Грин.

— Ты меня так не пугай, — рассмеялся Том. — Особенно в присутствии прессы. — Повернувшись к Таккеру Дэвису, другому ветерану «Глобальной службы безопасности», входящему в тройку первых заместителей руководителя компании, он сказал: — Теперь твоя очередь, главный инженер. Расскажи нам об особенностях конструкции самого здания.

— Оно старое. Оно запутанное, — начал Таккер. — В нем полно закоулков, в которых полно своих закоулков, но мы работали по двадцать четыре часа семь дней в неделю, и я уверен, что теперь нам известно всё. Мы даже знаем поименно крыс, ползающих по трубам.

— Что-то ты чересчур веселый, — озадаченно заметил Пакстон. Обычно Таккер в присутствии журналистов держался молчаливо и смущенно, не желая раньше времени посвящать прессу в особенности своей работы. — В чем дело?

— Вчера вечером звонила Анджела. — Пауза. — Она беременна.

Чета Дэвисов уже несколько лет хотела завести ребенка, и это известие было встречено всеобщей радостью. Дошло даже до того, что Керри прослезилась. Пакстон поразился, увидев, что она украдкой вытирает глаза. Керри работала у него уже пять лет, и он еще ни разу не видел, чтобы она так расчувствовалась. Что еще удивительнее, ее эмоции затронули что-то в душе у него самого, что было совершенно неожиданным, нежелательным и не к месту. Том Пакстон не смеивал работу и удовольствия. Никогда этого не делал и не собирался делать впредь. Внезапно охваченный нетерпением вернуться к концертному залу, он встал.

— Мне бы хотелось прямо сейчас отправиться на место и увидеть все своими глазами. Давид, не желаете присоединиться к нам?

— С удовольствием. Это будет очень полезно.

— Керри? — спросил Пакстон, заглянув ей через плечо на экран компьютера. — Остались ли еще какие-нибудь нерешенные вопросы, прежде чем мы отправимся в концертный зал?

Это была его фирменная завершающая строка. Вопрос, который он неизменно задавал, заканчивая каждое совещание, и Пакстон знал, что для этой женщины,

гордившейся тем, что она никогда не упускает никаких мелочей, — больше того, для всей его команды — эти слова были все равно что скрежет ногтем по грифельной доске.

— Нет, никаких.

Том не ставил под сомнение слова Керри, но он никогда ей полностью не доверял. Ни ей, ни кому бы то ни было. Каждый человек может отвлечься или ошибиться. А когда имеешь дело с безопасностью, с вопросами жизни и смерти, нельзя ничего забывать. Нигде не должно возникнуть никаких проблем. Никогда. И особенно в этом деле.

Всю свою взрослую жизнь Пакстон проводил отпуск, занимаясь альпинизмом, каждый раз успешно покоряя все более сложную вершину. Он никому не доверял проверять свое снаряжение, и в то же время ему приходилось полагаться на тех, с кем он шел в одной связке. Неразрешимая дилемма.

И свою компанию Пакстон также поднял на самую вершину. Но в горах рядом с ним находилось лишь несколько других альпинистов. А здесь, в Вене, за каждым его шагом будет следить все сообщество, правительственные ведомства, высокопоставленные чиновники и потенциальные клиенты. Если все пройдет хорошо, «Глобальная служба безопасности» засияет так ярко, что тем, кто захочет иметь с ней дело, придется надевать темные очки. Заказы хлынут потоками ледяных ручьев, сбегающих с заснеженных пиков. И Тому были нужны эти заказы. Он влез в долги, заложил все свое имущество, вкладывая деньги в компанию; к тому же в самом разгаре был отвратительный бракоразводный процесс, грозивший вылиться в деньги, которых у него не было и которым неоткуда было взяться, если только эта конференция не поднимет его репутацию на новую высоту, на что он рассчитывал.

Еще никогда Пакстон не находился в лучшем положении — или в худшем. Это был его личный долбаный Эве-

рест. До сих пор «Глобальной службе безопасности» никак не удавалось раскрыть в полной мере свой потенциал. Но после того как в четверг вечером завершится гала-концертом 50-я конференция МАСБ, Пакстон или окажется на коне, или, черт побери, потеряет последнюю рубашку. И, чтобы жизнь не казалась ему сладким медом, все до одного влиятельные представители МАСБ втайне надеялись на сценарий с потерей рубашки. Им до смерти хотелось увидеть, как оплошает блудный сын сообщества. Но Том был полон решимости отпраздновать победу.

— Машины ждут внизу. Мы встречаемся с инженерами в концертном зале. Я сгораю от нетерпения проверить в деле новую систему радиолокационного зондирования земной поверхности.

— Новую систему? — спросил журналист. — И чем она отличается от предыдущих?

Казалось, Ялом, наконец, полностью сосредоточился на интервью.

— Большинство систем РЗЗП¹ рассчитано на работу в условиях открытой местности. В этих условиях глубина сканирования может составлять до тридцати метров. Однако при использовании их для зондирования в глубь поверхности это значение уменьшается до девяти, максимум десяти метров. Но нам удалось раздобыть опытный образец устройства, находящегося еще на стадии испытаний. Так вот, оно способно проникать в землю, по крайней мере, на целый метр глубже, — хвастливо заявил Пакстон.

— Всего один лишний метр. Конечно, Давид, со стороны может показаться, что это очень немного, — подхватил Вайн. — Однако этого пространства достаточно, чтобы там смог затаиться сжавшийся в комок человек, выжидающий возможность нанести удар.

---

¹ РЗЗП — система радиолокационного зондирования земной поверхности.

— Надеюсь, вы продемонстрируете мне работу этого чуда техники? — спросил Ялом.

— А то как же, — подтвердил Том, продолжая бахвалиться. — Надо было бы также рассказать вам о том, что мы в нашей работе делаем впервые. Мы потратили сто тысяч долларов на наблюдение за террористической деятельностью в данном регионе.

— Но ведь этим обыкновенно занимаются местные власти, разве не так? — спросил Давид.

— В данном деле мы ничего не доверяем местным властям.

Зажатая в руке Давида ручка застыла над блокнотом.

— О каком роде деятельности идет речь? Насколько большой регион? Какими системами вы пользуетесь?

— Если мы раскроем все это сейчас, каждый, кто прочтет вашу статью, поймет, как избежать наших ловушек. — Пакстон рассмеялся.

— Эмбарго на разглашение этой информации до окончания концерта, — предложил Давид.

— Только не сейчас, — ответил Пакстон. — Только не в этой работе. Вот когда концерт закончится, я с удовольствием расскажу вам о некоторых наших инициативах. А сейчас давайте поедем в концертный зал.

Выйдя из номера, они направились к лифту, но тут Керри вдруг остановилась и повернула обратно.

— Что-нибудь случилось? — спросил Том.

— Нет, ничего. — Она покачала головой. — Просто я кое-что забыла.

— Хорошо, потому что ничего не должно случиться. Только не на этой неделе. Только не в этом деле. — Пакстон повернулся к Давиду. — Я заставил вас нервничать?

— Нервничать? — озадаченно переспросил журналист.

— Когда система безопасности работает исправно, — усмехнулся Том, тыча пальцем в клавишу вызова лифта, — писать особенно не о чем. Я просто подумал, не боитесь ли вы, что вам не удастся набрать материал на статью.

ГЛАВА 26

Подобно тому, как мы проходим через тысячи снов в этой жизни, наша нынешняя жизнь является лишь одной из многих тысяч подобных, в которые мы приходим из другой, более реальной жизни. Наша жизнь — это лишь один из снов той более реальной жизни. И эти сны длятся целую вечность, до тех пор, пока мы не пробуждаемся в нашей последней и самой реальной жизни — жизни с Богом.

Лев Толстой

*Пригород Вены, Австрия
Воскресенье, 27 апреля, 12.05*

Луч солнечного света, пробившийся сквозь синевато-зеленые деревья, выплеснулся на лицо и руки Меер Логан. Последнюю четверть часа, проведенного в беседе о музыке, они ехали через густой лес. Дорога оставалась пустынной, разговор был непринужденный, и Себастьян включил симфонию Малера, под звуки которой они сейчас и катили.

Дорога вильнула, и Меер мельком заметила стены из красного кирпича, покрытые белой штукатуркой; впереди сверкнул позолотой купол. Но тут Себастьян повернул направо, и видение исчезло. Наконец девушка почувствовала усталость; ей показалось, что если она закроет глаза, то тотчас же провалится в сон.

Вчера вечером после странного происшествия на улице в еврейском квартале Меер возвратилась в гостиницу в транс. Почему вымышленная история оказала на нее такое глубокое воздействие? Логан казалось, что она впитала в себя все страхи и заботы той воображаемой женщины... а также чувство огромной ответственности, словно любимый человек находился в опасности, и она должна была его спасти. Меер жалела о том, что не может выключить

рассудок, запретив ему подсознательно раскручивать новые истории.

Она мучилась с обедом из супа и салата, заказанным в номер, когда позвонил Малахай и сказал, что он больше не находится под следствием и прилетает в понедельник. Поскольку шкатулка с играми предположительно была связана с одним из «инструментов памяти», Самюэльс хотел лично ее посмотреть, а может быть, и принять участие в торгах, назначенных на среду.

Меер сказала, как она за него рада. И пусть полиция отчаянно жаждет любой ценой найти виновного, но как можно было заподозрить Малахая в том, что он имеет какое-то отношение к похищению ребенка? Он *помогает* детям! Занимается этим всю свою сознательную жизнь.

Из-за смены часовых поясов Логан смогла заснуть только в два с лишним часа ночи, и, как ей показалось, почти сразу же ее разбудил новый звонок, раздавшийся в семь утра. Голос отца был проникнут болью: ночью состояние его друга ухудшилось. Днем должен будет приехать сын Сметтеринга, и Джереми намеревался вечером двинуться в обратный путь. К сожалению, в Женеву он приехал на своей машине, поэтому и сейчас ему придется снова садиться за руль. Ничего страшного, если Меер проведет еще целый день одна?

Ей захотелось сказать, что она привыкла все время быть одна, однако сдержалась. Вместо этого Логан попросила отца ни о чем не беспокоиться, сказала, что у нее все хорошо. И ведь у нее действительно все было хорошо, разве не так? Чтобы доказать это себе самой, Меер попросила принести в номер кофе, сок и фруктовый йогурт и стала листать журнал, пытаясь решить, чем себя занять на целый день. В десять часов, как и было обещано, позвонил Себастьян, чтобы узнать, как у нее дела. Меер поблагодарила его, сказав, что ей ничего не нужно. Он рассказал, что отправляется навестить своего сына в клинике,

и предложил ей поехать вместе с ним и познакомиться с Николасом. Девушка понимала, что не сможет ничем помочь мальчику; но Себастьян был так любезен к ней с самой первой встречи, что это было меньшее, чем она могла ему отплатить.

Судя по всему, Меер задремала, потому что когда она проснулась, машина уже была на стоянке перед клиникой.

— Если в божьих чертогах есть карта, это место обозначено кровью, — заметил Себастьян.

— Что вы хотите сказать? — спросила Логан, всем своим естеством откликнувшись на это пугающее заявление.

— Это проклятое место. Плохо было уже то, что здесь работала Ребекка. Затем она убедила меня разрешить Николасу посещать детский сад и летний лагерь для детей сотрудников. И вот теперь он постоянно живет здесь.

— Выглядит все очень красиво, — сказала Меер. — Что тут не так?

Себастьян снова взял на себя роль гида, но теперь в его голосе звучала отчетливая дрожь.

— Именно здесь, в клинике Штейнхофа, начиная с 1938 года претворялась в жизнь доктрина расовой гигиены Третьего рейха. Программа «Акция Т-4» выявляла среди пациентов тех, кто был недостоин жить, а затем их отправляли в газовые камеры концлагеря «Линц». Там погибло больше трех тысяч восьмисот человек только из одной этой клиники.

В паузах между словами Меер слышала пение птиц, доносящееся в открытое окно, и она вдруг поразились, что они не прекратили петь, услышав эти страшные слова.

— В одном корпусе врачи проводили ужасно болезненные эксперименты с детьми, потом их отправляли в другой корпус умирать от недоедания и болезней. Так погибли больше семисот детей, а их головной и спинной мозг со-

хранялись для дальнейших исследований... — Себастьян умолк, не в силах или не желая продолжать, и когда он, наконец, снова заговорил, Меер ощутила тень сожаления. — Но дело не только в том, что происходило здесь во время войны. Не менее ужасно то, что после ее окончания все это продолжалось. Не зверства, не жестокости. Но останки этих детей, их органы... головной, спинной мозг использовались в клинике вплоть до 1978 года. Их даже демонстрировали приезжавшим сюда ученым. До сих пор обслуживающий персонал время от времени обнаруживает в укромных закутках старых корпусов какие-нибудь жуткие находки. Когда Николас во время школьных каникул был здесь в лагере, садовник выкопал детский череп. Кто может сказать, видели ли это дети, игравшие в тот момент на улице? Шесть месяцев назад город, наконец, захоронил останки последнего человека, погибшего в те страшные времена... но как знать, что может раскопать какой-нибудь другой садовник?

— Ваш брак распался из-за проблем с Николасом?
Себастьян покачал головой.

— Это случилось за два года до этого. Боюсь, тут довольно грязная история. — Его голос наполнился горечью. — У Ребекки был роман с другим врачом. — Горечь сменилась печалью. — Это стало концом.

— Простите, — тихо промолвила Меер.

Ей было жалко Себастьяна, и она сожалела о том, что задала этот вопрос.

Девятилетний мальчик с золотисто-соломенными волосами, как у Себастьяна, и зеленовато-серыми глазами сидел за столом, поглощенный работой. Он лепил из тусклой серой глины шар, что-то бормоча себе под нос. Слов Меер разобрать не могла; они сливались для нее в один сплошной гул.

Оторвавшись от работы, мальчик уставился на Логан невидящим взглядом. Казалось, он смотрит сквозь нее. Что он увидел? Незнакомую женщину в длинной черной юбке и сапогах, стоящую в дверях? Призрака? Вообще ничего?

— Шесть месяцев назад он был нормальным мальчиком, ходил в школу, занимался спортом, катался на велосипеде, играл с друзьями... а теперь с ним вот что. — Себастьян открыто говорил в присутствии Николаса, словно тот или не слышал, или не понимал его. — Николас живет в непроницаемой оболочке, целый день напролет напевает этот мотив и снова и снова лепит или рисует одно и то же... — Он указал на стопку листов с рисунками. — Он прерывается, только чтобы поесть, попить и поспать, когда его кормят или укладывают в постель.

Меер вспомнила, как она сама часами просиживала за пианино, пытаясь подобрать на клавиатуре одну и ту же неуловимую последовательность музыкальных звуков. Упорно перебирая всевозможные сочетания нот, она порой засыпала так и просыпалась спустя несколько часов, лежа щекой на клавишах.

Посмотрев на мальчишку, Меер узнала пустой взгляд его глаз, который видела, глядя на себя в зеркало. Она без труда вспомнила, что это такое, когда тебя охватывают пугающие воспоминания, не принадлежащие тебе...

— Was tun Sie hier?¹

Услышав голос, Логан обернулась. Слова были произнесены по-немецки, но она уловила раздражение.

— Меер, познакомься, это доктор Ребекка Кутхер, мать Николаса. Ребекка, это дочь Джереми Логана, — сказал по-английски Себастьян, обращаясь к своей бывшей жене.

Несмотря на гнев, плотно сжавший губы и сверкнувший в глазах, Ребекка была очень красивой. Она покачала головой, тряхнув светлыми кудрями.

¹ Что вы здесь делаете? (нем.)

— Себастьян, мне казалось, я все сказала по телефону. — Она говорила с британским акцентом. — Извините, — обратилась она к Меер, — но посторонние мешают тому курсу лечения, который проходит мой сын.

Логан не могла смотреть на боль, искажившую ее лицо и напомнившую ей чувства, что испытывала ее собственная мать.

— Я вовсе не хотела мешать вам и вашему сыну, — поспешно промолвила Меер. — Позвольте мне подождать в коридоре. — Она повернулась к Себастьяну: — Я не хочу портить вашу встречу с сыном.

— Нет, Меер, пожалуйста, я хочу, чтобы ты немного побыла с Николасом. — Затем Отто обратился к Ребекке: — Все остальное не помогло. Почему бы не разрешить ей провести с ним несколько минут? Быть может, ее осенит какая-то мысль. Она сама побывала там, где сейчас Николас.

Бормотание мальчика стало громче, превратилось в монотонный гул. Повернувшись к сыну, Ребекка долго смотрела на него, затем заговорила с бывшим мужем:

— Нечестно давить на меня в этом вопросе. Пожалуйста, не задерживайтесь долго.

Как только за бывшей женой бесшумно закрылась дверь, Себастьян присел на корточки перед сыном и принялся что-то ему нашептывать. Николас никак не отреагировал на отца, но Себастьян не сдавался, гладил сына по голове, улыбался — у него на лице застыла смесь любви и отчаяния. При виде этой картины у Меер разрывалось сердце.

Большие глаза Николаса были наполнены тревогой и болью, словно он видел жестокие сражения, кровопролитные войны. Словно был свидетелем ужасов, потрясших его до глубины души. Мальчик не смотрел прямо на отца, но все-таки подался к нему; на каком-то подсознательном уровне он жаждал того, что предлагал ему Себастьян.

— Вот так сейчас живет мой сын.

Меер не могла сказать, что Себастьян имел в виду: окружающую обстановку или психическое состояние ребенка.

— И как долго это продолжается?

— Около двух месяцев. Сначала Ребекка занималась с ним дома, хотя это было очень трудно, потом... — Скривившись в ярости, рот Себастьяна затем выпрямился в тонкую гневную линию. — Но Николас погружался в это все глубже и глубже, и в конце концов стало очевидно, что ему нужен постоянный уход. — Себастьян осекся, потом вздохнул и продолжал: — Я был готов забрать его к себе домой и обеспечить необходимый уход, но Ребекка настаивала на том, что правильным решением будет клиника, и остальные врачи, разумеется, ее поддержали. Поскольку она состоит здесь в штате, ей удалось договориться, что Николас останется здесь до тех пор, пока не понадобится место, а поскольку в настоящее время восемьдесят процентов пациентов психиатрического отделения лечатся амбулаторно, маловероятно, что ему когда-нибудь придется освободить палату.

При упоминании о палате Меер оторвала взгляд от сына Себастьяна и осмотрелась вокруг. Ее взгляд остановился на стопке рисунков, про которые говорил Себастьян, и только теперь до нее дошел весь ужас того, что они собой представляли. На всех листах было одно и то же одноцветное изображение, выполненное рукой ребенка черным, серым или коричневым карандашом. Ни разу не был использован ни один яркий цвет. А рядом с этими бумагами стояли три глиняных бюста. Все рисунки и скульптуры изображали одно и то же: лицо маленького мальчика, не Николаса, совершенно другое, с живыми, округлившимися от ужаса глазами и ртом, широко раскрытым в беззвучном крике.

— Николас, тебе грустно быть весь день с этим мальчиком? — спросила Меер.

Мальчик ничего не ответил.

— Он говорит по-английски? — спросила она у Себастьяна.

— Да, по крайней мере, говорил до всего этого. Мать Ребекки — англичанка, а отец — немец. Раньше Николас проводил каждое лето у ее родителей в графстве Суррей.

— Николас, я считаю, что ты очень хорошо рисуешь, — снова попробовала Меер.

Теперь мальчик раскачивался на стуле взад и вперед, продолжая бормотать слова, разобрать которые Меер не могла.

— Вы знаете, что он говорит?

Себастьян угрюмо кивнул.

— Да. Ребекка приглашала одну женщину, умеющую читать по губам. На идише это называется «давнен». Наш сын читает иудейскую молитву по умершим.

— А вы...

Он понял, что она хочет спросить, не дослушав до конца.

— Нет, ни я, ни Ребекка не иудеи. Насколько нам известно, Николас ни разу в жизни не был в синагоге. В Вене не такая уж многочисленная еврейская община.

Меер знала Себастьяна не настолько хорошо, но по тому, как он поджал губы, она догадалась, что он о чем-то умалчивает.

— Николас? — подсела к мальчику Меер. — Я знаю, что это такое — вспоминать людей, с которыми никогда не встречался, и места, где никогда не бывал. Тебе все это кажется таким настоящим, но никто, кроме тебя, их не слышит и не видит. И с тобой происходит то же самое?

Она подождала ответ, но Николас не обращал на нее внимания, продолжая напевать себе под нос. Молодая женщина была тронута тем, сколько горя звучало в проносимых им звуках.

— Если хочешь, я могу рассказать про маленькую девочку, существовавшую у меня в голове... так же, как

у тебя — живет этот мальчик. Вот только я не могла ее нарисовать. Она играла на пианино, и я все пыталась воспроизвести ту мелодию. Я ее почти слышала. Почти. Но повторить так и не смогла.

Меер удивилась, насколько просто ей рассказывать о своем прошлом этому молчаливому мальчику, чье сознание, похоже, застряло в другом времени и месте. Эйнштейн сказал: «Действительность — это лишь иллюзия, хотя и очень навязчивая». Логан всегда считала себя живым доказательством обратного. Иллюзия уже давно стала для нее реальностью. То же самое, судя по всему, происходило и с Николасом. Меер еще несколько минут рассказывала ему, как она боялась этих видений, как не могла найти пределы терзавшего ее ужаса.

— Мои родители тоже не знали, как быть. — Постаравшись придать своему голосу легкость, она шепотом добавила: — Ты думаешь, когда-нибудь они поймут, как сильно на тебя давили, да?

По-прежнему никакого ответа.

— Я могла бы тебе подпевать, если бы ты пел чуть громче, чтобы я уловила мелодию.

Наконец, осознав, что даже если мальчик ее слышит, то все равно не слушает, Меер встала, провела ладонью ему по голове, приглаживая волосы, и тихо попрощалась:

— Если хочешь, чтобы я вернулась, я обязательно приду еще раз. Мне было бы гораздо легче, если бы рядом был человек, понимающий мои чувства и то, как это ужасно.

Она отошла в сторону, и Себастьян, подойдя к сыну, обнял его и поцеловал в лоб. Он задержался, и Логан отвернулась, не желая вмешиваться в сокровенное. Ей хотелось бы заверить Себастьяна в том, что Николасу лучше в объятиях отца, но только на собственном опыте она знала, что в такие минуты ничего не помогает. Ничьи руки не могли вытащить ее из ледяной преисподней, когда она туда проваливалась.

Перед тем как выйти из палаты, Отто подошел к полке над кроватью и включил стоящий на ней радиоприемник. Палата наполнилась звуками симфонии Сибелиуса.

— Уходим, — сказал он Меер.

Когда они вышли на улицу, Себастьян свернул на дорожку.

— Вы не возражаете, если мы немного прогуляемся?

Меер с готовностью согласилась, в основном потому что он этого хотел, а она всем сердцем стремилась хоть как-то облегчить боль, наполнявшую его глаза.

— Я обратила внимание, что вы включили в палате радио, — начала Меер, возвращаясь к теме его сына, единственной, была она уверена, на которой в настоящий момент мог сосредоточиться Себастьян.

— Николас всегда очень любил музыку. Даже еще когда был совсем маленьким. Наверное, именно тогда я был самым счастливым человеком на свете... когда мой сын сидел и слушал музыку, которую я для него исполнял.

— Вы по-прежнему играете для него?

Себастьян кивнул.

— Николас меня вроде бы не слышит, но все же его пение подстраивается под ритм моей музыки. Я договорился с медсестрами, чтобы у него в палате установили приемник, настроенный на станцию, передающую классическую музыку, и когда мое выступление транслируется по радио, они любезно включают приемник и говорят Николасу, что это играю я. Надеюсь, когда-нибудь музыка проникнет к нему в сознание.

— Сила музыки...

— Вы не заметили в Николасе ничего подобного тому, что испытывали сами?

— Я никогда настолько не теряла связь с окружающей действительностью.

— Ваш отец считает, что у него то, что Малахай Самюэльс называет «провалом в прошлое».

Меер кивнула.

— Он описывает это как прорыв плотины. Обилие хлынувших воспоминаний затапливает сознание.

— И то же самое происходило с вами?

— Нет. Я имела дело лишь с тонким ручейком фальшивых воспоминаний, выдуманных только мной.

— Ваш отец познакомил меня через электронную почту с Малахаем Самюэльсом, и я дважды разговаривал с ним по телефону. Я хотел заплатить ему, чтобы он приехал сюда и занялся Николасом, но он ответил, что в настоящий момент не может покинуть Соединенные Штаты.

— Все это осталось в прошлом. Больше того, Малахай завтра приедет в Вену, чтобы в среду принять участие в аукционе. Быть может, вам удастся убедить свою жену допустить к Николасу еще одного, последнего постороннего.

Они подошли к маленькому пруду, окруженному высокими соснами, наполнившими воздух ароматом ментола и отбрасывающими холодные синие тени. Подобрал шишку, Себастьян с удивительной жестокостью швырнул ее в пруд, разбивая серебристую спокойную гладь сердитым всплеском. От места падения разошлись концентрические круги; они все увеличивались и увеличивались до тех пор, пока, наконец, не исчезали.

— Малахай вам помог?

— Если вы имеете в виду, помог ли он разобраться в происходящем, то нет. Но Малахай научил меня справляться с приступами. А ведь до встречи с ним они буквально парализовали меня.

Вдруг Меер споткнулась о ветку, и Себастьян подхватил ее, не давая упасть. Она успела почувствовать мимолетное прикосновение его пальцев на своей руке.

— Куда мы направляемся? — спросила молодая женщина.

— Я думал, что раз уж мы здесь, я покажу вам церковь, построенную Вагнером. Она очень красива. Наверное, единственная стоящая вещь во всем этом отвратительном месте.

Они двинулись дальше, и Меер старалась, как могла, отвечать на расспросы о том, что она чувствовала в детстве.

— Наверное, вам было очень страшно, — наконец сказал Себастьян, и в его голосе прозвучало столько сочувствия, что у Меер запершило в горле.

«Мне и сейчас страшно», — едва не вырвалось у нее. Однако это означало бы высказать вслух то, в чем она не хотела признаваться. Ни Себастьяну, ни даже себе самой.

ГЛАВА 27

Кельты — бесстрашные воины, так как одна из их основополагающих догм гласит, что человеческая душа не прекращает существовать, а после смерти переходит из одного тела в другое...

Юлий Цезарь

Вена, Австрия

Воскресенье, 27 апреля, 15.00

Остановившись на небольшой площади, Себастьян указал на каменную лестницу и начинающуюся за ней улочку.

— Это Мелькер-Бастей, где какое-то время жил герр Бетховен.

По дороге назад в город Отто, все еще подавленный встречей с сыном, спросил Меер, хочет ли она посмотреть мемориальную квартиру Бетховена, о чем они говорили вчера. Молодой женщине было стыдно и дальше отнимать у него время, но Себастьян проявил настойчивость, заверив ее в том, что развеяться нужно не только ей, но и ему.

И вот теперь, когда они практически приехали, музыкант снова взял на себя роль гида.

— В Вене Бетховен в разное время успел пожить больше чем в сорока квартирах. Ему приходилось часто менять жилье, потому что он очень шумел и хозяева его выселяли. Это одна из немногих его квартир, открытая для широкой публики. Остальные находятся за городом.

Как и полагается человеку, серьезно занимавшемуся музыкой, Меер была знакома с основными фактами: Бетховен, родившийся в Германии, большую часть своей взрослой жизни прожил в Вене. Заболевание органов слуха, что в конечном счете привело к полной глухоте, несколько не сказалось на его гениальном творчестве; он написал свои величайшие симфонии, не имея возможности их услышать.

Обведя взглядом длинный ряд примыкающих друг к другу похожих зданий одинакового кремового цвета, Меер остановилась на доме номер восемь, украшенном австрийским флагом. Она осмотрела свежеразкрашенный фасад, ища те места, где проступала история. Ее внимание привлекли окна в причудливых переплетах на шестом этаже.

— Вот что мне больше всего нравится в Вене, — заметил Себастьян, когда они двинулись дальше вверх по переулку. — Улицы, где ничего не менялось на протяжении вот уже двухсот лет. Здесь практически все выглядит так, как выглядело во времена Бетховена.

На остроконечную крышу здания сел голубь. Затем еще один. Вскоре за Отто и Меер уже наблюдала целая воркующая аудитория.

— В своем дневнике, — продолжал Себастьян, — Бетховен записал, что каждый день совершает длительные пешие прогулки, потому что, как ему кажется, когда он двигается, ему становится лучше. Я отчетливо представляю себе, как он выходит из двери в долгополом сюрту-

ке и скрывается, спустившись по этим ступеням. К тому времени как музыкант поселился здесь, он уже был достаточно знаменитым, прохожие на улице узнавали его, провожали взглядом. «Это герр Бетховен, наш композитор», — перешептывались они у него за спиной.

Надпись на мемориальной табличке на фасаде была на немецком языке, но Меер узнала фамилию Бетховен и даты, когда он здесь жил.

— Многие поднимают громкую шумиху вокруг Моцарта, — сказал Отто. — Вена сделала из него своего героя. Выпускаются даже шоколадные конфеты с его портретом. Я понимаю, что Моцарт — как бы это сказать — родной сын, он родился в Зальцбурге, это почти что в Вене. Но, как и вам, мне больше по душе Бетховен.

Говорила ли Меер ему об этом, или же он догадался сам, потому что она решила посетить его мемориальный дом?

— Почему? — спросила молодая женщина.

— У него были все основания оставить надежду и отказать от музыки, но он проявил упорство. Бетховен столкнулся с худшим, что только может ожидать композитора, однако это только сделало его сильнее. Он пошел дальше всех своих предшественников и оказал огромное влияние на всех, кто пришел после него. Бетховен писал музыку, отображавшую человеческую душу.

— Отображала человеческую душу, — повторила Меер, стараясь запомнить это выражение.

Себастьян открыл перед ней дверь, и она вошла в дом. Вестибюль оказался тесным и темным, и из него можно было пройти только на лестницу. Меер стала подниматься наверх. «Двадцать одна, двадцать две, двадцать три». Поймав себя на том, что считает ступеньки, Логан остановилась, но уже через несколько мгновений незаметно для себя начала снова. «Пятьдесят четыре, пятьдесят пять, пятьдесят шесть». На шестидесятой, лестничной площадке Меер остановилась.

— Как вы узнали, что нам нужно сюда? — спросил у нее за спиной Себастьян.

— Но вы ведь сами сказали, что квартира на шестом этаже?

— Разве я это говорил?

Крайняя левая дверь была выкрашена белой краской, как и все остальные, но только рядом с ней была табличка с фамилией Бетховен и двумя датами. Себастьян открыл эту дверь, пропуская Меер.

Ослепительная яркость побеленных стен испугала ее, но тут навстречу радушно полились чарующие звуки «Лунной» сонаты. Неуверенно остановившись на пороге, Меер тщательно вытерла ноги и только после этого шагнула вперед.

Отто не пошел за ней. Он остался стоять в коридоре со странным выражением на лице. Девушка проследила за его взглядом. Себастьян смотрел на то место, где она вытерла ноги о коврик.

Но только никакого коврика не было.

Воздух в квартире Бетховена был каким-то не таким; он пах дезинфицирующим средством с ароматом сосновой хвои, а не воском, вином и свежесдобленным хлебом, как в соседней квартире. И цвет стен был не тот — вместо белоснежных они должны были быть более желтоватыми.

Меер переходила из комнаты в комнату, рассматривая витрины с личными вещами Бетховена, вглядываясь в портреты его современников, в рисунки с изображением улиц Вены начала XIX века, в написанные от руки партитуры, в афиши музыкальных событий. Здесь были выставлены даже чашка для бритья и слуховая трубка великого композитора. Дойдя до последнего ящика, она увидела гипсовый слепок с посмертной маски Бетховена — лицо нельзя было назвать красивым, но оно излучало власть и силу: широкие скулы, волевой подбородок и высокий лоб. Меер рассматривала это лицо так долго, что ей

стало стыдно, и она обернулась, проверяя, не следит ли Себастьян за ней; но она была совершенно одна, застывшая в ожидании, словно была возможна связь через столетия.

В соседней комнате девушка остановилась перед роялем Бетховена. Она без труда представила его склонившимся над клавиатурой; клавиши из черного дерева и слоновой кости танцуют под пальцами композитора, извлекающими из них восхитительную мелодию. Вдруг Меер начало трести; по всему ее телу пробежала холодная дрожь, в голове появилась пульсирующая боль. Комната вокруг озарилась сиянием, расплылась, стала прозрачной. Рот заполнился знакомым металлическим привкусом, от которого заныли зубы. Затылок налился свинцом. Голова закружилась, наполненная звуками музыки, Меер испустила долгий выдох и почувствовала, как из потаенных глубин сознания поднимаются неустойчивые ощущения, отнимающие у нее последние силы.

ГЛАВА 28

Вена, Австрия

14 октября 1814 года

— Пальцы у вас работают слишком медленно. Попробуйте еще раз. Двигайтесь быстрее, словно вас подгоняет ветер. — Голос Бетховена звучал чересчур громко — композитор слышал себя слишком плохо и не мог его модулировать.

Марго постаралась сосредоточиться... однако она теперь постоянно думала о том, чем занималась — насколько это ужасно и насколько необходимо. Удался ли ее замысел? Доверяет ли ей Бетховен? Как дела у Каспара — ему лучше или хуже? Марго казалось, что она ни разу не дышала полной грудью с тех пор, как Каспар уехал, вот уже девять месяцев назад.

— Вот так гораздо лучше. Но попробуйте снова. Еще быстрее. Почувствуйте больше ветра.

Марго начала перебирать пальцами быстрее. Еще быстрее. И, наконец, стала творить музыку. Не было ничего хорошего в том, что она обнаружила страсть к роялю в процессе коварного обмана.

Закончив, Марго оторвала взгляд от клавиатуры и увидела, что Бетховен одобрительно кивает.

— Да, да. Просто поразительно, как быстро вы все схватываете. Красота и талант. Вы счастливы вдвойне — как и я, имея такую ученицу.

Его заигрывания были настолько чистосердечными, что Марго была обезоружена.

— Благодарю вас, — сказала она, памятуя смотреть Бетховену в лицо, чтобы он мог читать по губам.

— А ваш супруг... ему выпало еще большее счастье.

Тронутая и искренне признательная, Марго накрыла руку композитора ладонью.

— Я часто размышлял о том, чего лишился, так никогда и не женившись. Но, от каких бы удовольствий я ни отказался, это дало мне больше времени на более благородные деяния. — В голосе Бетховена прозвучала гордость, но также эхо одиночества, и Марго не стала убирать руку.

После того как Рудольф Толлер признался, что отдал Бетховену флейту, по закону принадлежащую Марго, в надежде, что композитор раскроет тайну древней музыки, спрятанную в инструменте, майор Арчер Уэллс разработал хитроумный план.

Марго предстояло брать уроки фортепиано у маэстро, что позволило бы ей бывать у него дома и дало бы возможность похитить флейту, как только Бетховен разгадает ее тайну. После этого Арчер должен выкупить инструмент для семейства Ротшильдов, с которым он уже связался. Ротшильды так жаждали получить в свои руки эту музейную редкость, что предложили за него сумму, способную

покрыть все расходы на снаряжение экспедиции по поискам Каспара.

Но все зависело от того, согласится ли Бетховен взять Марго в ученицы, и это ее очень беспокоило.

— Марго, ну разве он сможет вам отказать? Разве вам сможет отказать хотя бы один мужчина? — заигрывая, спрашивал Арчер.

Этот комплимент заставил женщину вспомнить о Каспаре, снова ощутить щекочущее прикосновение его дыхания, когда он нашептывал ей на ухо во время того последнего раза, когда они вместе были в опере: «Ты здесь самая красивая женщина, тебе это известно?»

Вожделенно задержав взгляд на откровенном вырезе платья, британский майор продолжал:

— Бетховен обожает очаровательных учениц. Особенно если те приходят с деньгами. С июля он потерял двух из трех своих благодетелей. Сначала князя Лобковитца, у которого начались финансовые трудности, а затем князя Кински, умершего после падения с лошади.

Протянув руку, Арчер провел в воздухе линию, повторяющую изгибы тела Марго вдоль линии декольте.

Она могла вытерпеть и это. Ради Каспара. Ради Каспара — все, что угодно. В то время как другие женщины меняли мужчин как наряды, Марго могла думать только о том, как передвинуть все горы Индии, чтобы разыскать своего супруга и вернуть его домой. А для этого ей были нужны майор Арчер и деньги, предложенные Ротшильдами за флейту и скрытую в ней музыку.

Часовой урок закончился, и Марго предложила перекусить — она поваялась приносить на занятия любимые лакомства композитора: хорошее вино, сыр, фрукты и свежий хлеб.

— Сначала вино, — сказал Бетховен. — И принесите его сюда, я хочу исполнить для вас отрывок из своей новой симфонии.

Марго поставила на рояль полный бокал. Ее не переставала поражать неряшливость композитора, который ел и пил где угодно, только не за столом, оставляя стаканы и тарелки на скамье, под ней и даже на крышке рояля. Даже ночной горшок иногда стоял у всех на виду. Но каким бы неприличным ни было поведение Бетховена, его музыка заставляла забывать все то низменное и приземленное, чем он страдал. Она поднимала его над всеми людьми.

Взяв бокал с вином в левую руку, Бетховен правой прошелся по клавишам. Жадно осушив бокал, он поставил его на рояль и стал играть обеими руками. Его музыка одновременно парила ввысь и опускалась к земле, ласкала, утешала и возбуждала, и Марго зачарованно слушала.

Закончив играть, композитор уставился на свои руки, лежащие на клавиатуре, и заговорил, не глядя на Марго:

— Жизнь для меня стала чуточку ярче с тех пор, как я соприкоснулся с вами. Полагаю, вы понятия не имеете, каким печальным, каким бесконечно унылым было мое существование на протяжении последних двух лет. Моя глухота, подобно привидению, везде появляется впереди меня, поэтому мне приходится чураться общества и изображать из себя мизантропа, хотя, надеюсь, вы уже имели возможность убедиться, что от природы я совсем другой.

— Ваши слова для меня большая честь. Я даже не могу вам это передать...

Бетховен ее не услышал, поэтому Марго взяла его за подбородок и подняла лицо к себе, чтобы он видел ее губы, и повторила свои слова. Маэстро улыбнулся, и Марго почувствовала, что ее план увенчается успехом.

— Быть может, нам чего-нибудь поесть? — спросил Бетховен, внезапно наполняясь энергией.

Направляясь к столу, Марго остановилась у окна и, выглянув на улицу, заметила человека, стоявшего в тени дверного проема дома напротив. Даже в профиль острый нос и покатые плечи показались знакомыми. Отступив на

шаг назад, чтобы человек не заметил ее, даже если поднимет взгляд, молодая женщина всмотрелась в сгущающиеся сумерки. Неужели это действительно партнер ее супруга? Тут мужчина повернулся, и Марго увидела ввалившиеся щеки и мертвые глаза Толлера. Каким образом он проведет о ее плане?

На самом деле выяснить это было не так уж и трудно. Министры иностранных дел пяти великих держав со своими подручными собрались в Вене, чтобы определить будущее Европы; каждый из них панически боялся остальных, и шпионаж стал таким же национальным видом времяпровождения, как и вальс. Следили все: лакеи, дворецкие, горничные и кучера. Мусор продавался за бешеные деньги ради обрывков бумаги, которые можно было обнаружить среди картофельной шелухи и обглоданных костей. За список закупок съестных припасов для русской делегации выкладывали больше, чем за серебряный столовый сервиз, в надежде на то, что на самом деле это зашифрованное послание.

Толлер без труда мог нанять соглядатая, наблюдавшего за всеми передвижениями Марго так, что она даже не подозревала бы о его существовании. Улицы города запружены толпами. По вечерам у нее в салоне собирается столько народа. Но сможет ли она выполнить свою задачу под бдительным оком Толлера? Или же ее план обречен на провал?

Когда Марго накрывала на стол, руки у нее так тряслись, что она выронила нож. Она подняла взгляд. В последнее время со слухом у Бетховена стало немного лучше, и он все заметил. Композитор вопросительно посмотрел на женщину, но она лишь пожала плечами. Быть может, ей следовало бы просто открыть ему всю правду и предложить заплатить больше, чем обещал за разгадку мелодии Толлер? Согласятся ли Ротшильды выложить за флейту столько, что этого хватило бы на выплату суммы, обещан-

ной Обществом памяти, и еще осталось бы на снаряжение экспедиции в Индию?

Марго освободила стул для себя, а затем для Бетховена. Снимая со спинки второго стула сюртук композитора, она прикоснулась к грубой шерстяной ткани и заметила, как же он изношен: протертые манжеты, оторванные пуговицы.

— Вам нужно купить себе новый сюртук.

— У меня есть другой. Но когда я выхожу гулять и не хочу, чтобы меня тревожили, я надеваю старый сюртук и шляпу с широкими полями, чтобы скрыть лицо. Переодевшись бедняком, я могу наблюдать сам, не опасаясь чужих взглядов, и передо мной открывается весь мир.

Быть может, ей следует сегодня на вечер одолжить сюртук и шляпу, чтобы Толлер не заметил, как она выйдет из дома. Попробовать стоило. Во время полных опасностей путешествий Каспар заставлял ее переодеваться юношей, и Марго научилась хорошо копировать мужскую походку.

Последним предметом, лежавшим на стуле, была бежевая замшевая рубашка. Когда женщина прикоснулась к тонкой коже, ее взгляду открылось сокровище, как она надеялась, оно должно было стать ключом к спасению ее супруга, ее личной «чашей Грааля».

Выйдя замуж за Каспара, Марго обнаружила, что перед ней открылась редчайшая возможность прикоснуться к тем знаниям, доступ к которым имели одни только мужчины. Обучаясь вместе с Каспаром, читая книги, изучаемые мужем, Марго заразилась его интересом к культуре других стран, их легендам и мифологии. Вместе с супругом она мечтала о поисках сокровищ, погребенных в заброшенных городах, об ушедших цивилизациях, но больше всего ей хотелось найти один из легендарных утерянных «инструментов памяти».

За двенадцать лет супружеской жизни Каспар совершил семь путешествий в Индию, вылившихся ему в кругленькую сумму: на это ушло все приданое Марго и все

наследство самого Каспара, и они остались чуть ли не нищими. Но ее муж был уверен, что каждая следующая экспедиция подводит его все ближе к цели. Он жил ради того, чтобы разыскать один из «инструментов памяти»; а теперь он или погиб, добывая эту флейту, или погибнет, если его жена не сможет воспользоваться ею, чтобы его спасти.

Бетховен приблизился к Марго, чтобы посмотреть, что так сильно привлекло ее внимание.

— А, я должен хранить это подальше от пытливых глаз, — сказал он, беря флейту.

— Нет, пожалуйста! Я знаю, что это такое... — прошептала Марго, давая выход благоговейному восхищению, облегчению и восторгу, забыв о том, что Бетховен не сможет ее услышать.

— Что? Что вы сказали?

Какой хрупкой и простой выглядела эта флейта! Она была на вид такой старой и хлипкой, что, казалось, могла рассыпаться от одного только случайного дуновения воздуха. Всего шесть дюймов в длину и меньше двух дюймов в поперечнике, грубо обработанная, чуть изогнутая, с семью отверстиями посередине, расположенными на равном расстоянии друг от друга. И всю ее поверхность покрывала резьба. Каспар упомянул в своем последнем письме об этих странных узорах, даже срисовал некоторые из них, но Марго не ожидала увидеть такую затейливую вязь.

— Что вы сказали? — снова повторил Бетховен.

Марго подняла взгляд.

— Каспар сказал, что этой флейте тысячи лет... возможно, она даже старше Библии... Ее находка стала зенитом его карьеры. Вам известно, для какой цели предположительно использовался этот инструмент?

— Да, герр Толлер объяснил, что музыка флейты якобы вызывает воспоминания из прошлой жизни. — Покачивая головой, Бетховен провел указательным пальцем по запутанным линиям и завиткам. — Только представьте себе!

Эта мысль уже давно захватила меня, и я читал переводы древних рукописей, привезенных из Индии.

— И вы раскрыли, какая мелодия спрятана в этой флейте?

Если Бетховен ответит «да», всему ее притворству наступит конец, и можно будет снаряжать экспедицию на поиски Каспара. Наконец.

— Почему-то считается, что это должно у меня получиться. — Нахмурившись, Бетховен посмотрел на флейту, и у него на лице появилось выражение недовольства. — Но я еще даже не нашел отправной точки, от которой можно было бы начинать разбирать эти надписи. Вы даже представить себе не можете, сколько раз меня охватывало непреодолимое желание схватить эту чертову штуковину и швырнуть ее о стену — она такая хрупкая, что, можно не сомневаться, разлетится на мелкие куски, но, по крайней мере, перестанет меня терзать, насмехаться надо мной. Делать из меня дурака.

Арчер дал ясно понять, что Ротшильды заплатят за флейту только в том случае, если вместе с ней получат и мелодию. Сам по себе инструмент не имел для них никакой цены. Прилежные последователи Каббалы, они горели желанием заглянуть в свои прошлые жизни. От Марго не укрылась горькая ирония происходящего: поставив эту задачу, Ротшильды толкали ее нарушить одну из десяти заповедей, чтобы самим еще больше укрепиться в своих религиозных убеждениях.

— Ваш супруг верил во все это?

— Однажды он сказал мне, что, быть может, в прошлой жизни сам спрятал «инструменты памяти», и теперь ему нужно лишь вспомнить, куда он их положил. Не знаю, смеялся он надо мной или нет, но он, безусловно, верил в то, что найти их определено ему судьбой. — Марго со стыдом поймала себя на том, что у нее на глазах навернулись непрошеные слезы.

Шагнув к ней, маэстро неловко прикоснулся к ее плечу.
— Это ужасно — потерять любимого человека.

Марго молча кивнула.

— Флейта по праву принадлежит вам, не так ли?

«Да! — захотелось крикнуть ей. — Да, и было бы гораздо проще, если бы вы, когда придет время, сами отдали мне флейту, не вынуждая красть ее». Однако она снова промолчала, ограничившись кивком.

— Наверное, вам хочется подержать ее в руках. Это позволит вам почувствовать себя ближе к человеку, чье сердце по-прежнему находится в вашем сердце.

Бетховен протянул инструмент.

Подобно многим женщинам своего круга, в детстве Марго обучалась игре на фортепиано, однако она не испытывала склонности к музыке, и занятия были для нее мучительной обязанностью. Но только сейчас, обвив пальцами трубочку из побелевшей от времени кости, Марго почувствовала, как ее охватила дрожь. Впервые за тридцать пять лет своей жизни у нее в голове зазвучала музыка, исходящая откуда-то изнутри, по своей собственной воле, никогда она не смогла бы сочинить такую, но каким-то образом эта мелодия уже звучала в самых потаенных глубинах ее сознания. Эти звуки были одновременно прекрасны и зловещи. Марго хотелось выделить их, запомнить, рассказать о них Бетховену, но когда она попыталась ухватить мелодию и ритм, музыка исчезла.

— Вы выглядите так, словно увидели призрака, — заметил Бетховен.

Взяв бутылку, он, как это с ним бывало, приложился прямо к горлышку.

— Нет, не увидела.

Заметив выражение ее лица, композитор застыл, полностью переключив на нее свое внимание.

— Я услышала призрака.

ГЛАВА 29

Вена, Австрия

Понедельник, 28 апреля, 10.15

На следующее утро перед художественным салоном «Доротеум» выстроилась длинная извивающаяся очередь из потенциальных покупателей и просто любопытных, желающих увидеть своими глазами «Бетховенскую шкатулку с играми», как окрестила ее пресса. Вооруженным охранникам в форме с трудом удавалось поддерживать порядок. Меер назвала себя одному из охранников, и ее пропустили прямо внутрь, не заставляя ждать в очереди, что явилось большим облегчением, потому что после второй бессонной ночи подряд накопившаяся усталость давала себя знать. Меер чувствовала себя плохо. Чувствовала себя кем-то чужим. Одеваясь, она взглянула в зеркало и увидела совершенно незнакомого человека. Ее ничего не связывало с той женщиной, которая смотрела на нее затравленным, проникнутым болью взглядом. Но только Логан знала, что нельзя чувствовать отчаяние и скорбь женщины, жившей больше двухсот лет назад.

В вестибюле было полно народа, и Меер пришлось проталкиваться сквозь толпу.

— Охранникам на улице сообщат твое имя, а я буду ждать тебя в главном демонстрационном зале, — сказал ей вчера вечером по телефону отец, позвонивший из Швейцарии.

Ему пришлось задержаться в Женеве, потому что, к его прискорбию, доктор Сметтеринг скончался в больнице. Теперь полиция расследовала уже два убийства.

Меер обходила вокруг кресел, кушеток, комодов и столов, заставленных мелкими произведениями искусства, сиюсья разглядеть над толпой голову отца. В детстве его внушительные габариты были гарантией того, что она никогда не потеряется. По крайней мере, не потеряется

в реальной жизни; даже со своим ростом отец не мог вызвать ее из той пучины, куда она регулярно проваливалась.

Наконец девушка нашла Джереми Логана. Он стоял перед витриной и, изящно жестикулируя, рассказывал что-то обступившим его людям, жадно ловившим каждое его слово. Волосы у него поседели еще больше по сравнению с тем, что помнила Меер, а под глазами темнели черные мешки. Ей пришлось вспоминать, сколько же ему лет. Шестьдесят шесть? Нет, отец был на год старше. Меер ощутила в глубине груди комок тревоги. Ее мать умерла, не дожив и до шестидесяти. Но у отца отменное здоровье. Естественно, он выглядит уставшим... последние сорок восемь часов явились для него одним сплошным испытанием.

Меер отошла к стене, не желая подходить к отцу, когда вокруг него толпились люди, и впервые смотреть на шкатулку в присутствии десятков посторонних. Но впервые ли?

Эйнштейн как-то сказал, что, на его взгляд, возможно одновременно находиться в двух пространствах, но в различных измерениях. Эти слова приводил отец Меер в качестве ее возражений относительно перевоплощения. Тогда это ее несколько не поколебало, несмотря на то что великий ученый, любивший музыку, игравший на скрипке и тонко воспринимавший чудеса вселенной, был одним из ее кумиров.

Однако сейчас Меер заново задумалась над этой концепцией. С тех самых пор как она вытерла ноги о несуществующий коврик, но который она видела так же отчетливо, как и свои собственные ноги, в ее представлениях о ложных воспоминаниях появилась первая трещина. Всех знаний Меер о человеческой памяти и действительности не хватало, чтобы объяснить одно это простое действие.

Следует ли из теории Эйнштейна также и то, что возможна передача сознания от одного материального объекта к другому? От человека, находящегося в одной временной зоне, к человеку в другой временной зоне?

— Привет. — Приблизившись к Меер сзади, Себастьян кивнул на витрину, перед которой читал лекцию Джереми Логан. — Вы ее уже видели?

— Я не знала, что вы сегодня будете здесь, — сказала Меер, испытывая странную смесь радости и беспокойства.

— Репетиция у нас только вечером, и я не мог упустить возможность воочию увидеть реликвию, принадлежавшую Бетховену.

— Судя по всему, вы в этом не одиноки, — улыбнулась Меер, указывая на толпу.

— Это очень значительная находка. Так что всем любопытно. Особенно если учесть, что тут замешана Антония Брентано. Речь идет уже не только о музыке, но и о любви. — Он одарил Меер теплой улыбкой, которая, как это ни странно, ее встревожила.

— Пока я не забыл... — Сунув руку в карман, Себастьян достал маленький белый конверт. — Это приглашительные билеты на закрытый концерт, который состоится в четверг вечером. Мне бы хотелось, чтобы вы с отцом пришли. Раз уж вы здесь, вам нужно хотя бы раз увидеть Вену во всей ее красе. Это поразительное зрелище.

— Благодарю вас за приглашение. А что это за событие?

— Гала-концерт по случаю завершения работы конференции международной ассоциации фирм, занимающихся проблемами безопасности. На нем будут также присутствовать высшие государственные служащие со всего мира.

Взяв конверт, Меер убрала его в сумочку.

— Вам с отцом надо будет предварительно заехать в концертный зал, чтобы сфотографироваться и предъявить паспорта. Это необходимо для активации билетов. Меры безопасности на концерте просто неслыханные.

— Что вы будете исполнять?

— «Героическую» симфонию Бетховена.

— Значит, в третьей части у вас будет соло?

Себастьян кивнул.

— Мой отец очень любит эту симфонию, он будет в восторге.

— Он уже знает о том, что вы здесь?

Меер собиралась было сказать, что ей хотелось бы увидеть шкатулку без толпы вокруг, но промолчала, побоявшись, что Себастьян ее не поймет. Потом она испугалась, что он, наоборот, поймет ее слишком хорошо, а эта мысль вселила в нее еще большую тревогу. Вдруг она услышала, как ее окликают по имени.

— Меер, дорогая моя, извини!

Отец сгреб ее в объятия. Она ощутила щекой знакомое прикосновение кашемирового свитера, почувствовала неизменный запах одеколона с ароматом вербены. Прижимаясь к отцу, Меер подумала: он утешает ее или ищет утешения сам?

Повернувшись к Себастьяну, отец сердечно пожал ему руку.

— Какое же это было утешение — сознавать, что вы позаботились о моей дочери. Огромное вам спасибо!

— Ну что вы. Примите мои сочувствия в связи со смертью вашего друга и вашей домработницы.

— Две совершенно бессмысленные смерти. — Джереми покачал головой. — Похороны Рут сегодня днем. Карла кремируют. — Взглянув на часы, он нахмурился. — Уже кремировали. Обоих нет в живых, и ради чего все это?

Джереми умолк, не обращая внимания на царящую вокруг какофонию. У Меер мелькнула мысль, что он мысленно читает молитву. Как и ее мать, она всегда поражалась, когда ей на мгновение открывалась вся глубина религиозности отца. Это никак не стыковалось с образом бесстрашного искателя приключений, отправлявшегося

в далекие страны, проникавшего через подземный ход за «железный занавес», когда тот еще существовал, бывавшего под пулями и разыскивающего пропавшие сокровища. Однако сегодня отец выглядел самым обыкновенным человеком, даже слабым. Человеком, которому нужно поперпнуть силы в вере.

— Я хочу быть на похоронах Рут вместе с тобой, — сказала Меер.

Джереми печально улыбнулся.

— Спасибо, моя милая, но в этом нет необходимости.

— У нас сегодня вечером репетиция, а то и я бы...

Джереми не дал ему договорить.

— Не надо ничего объяснять, Себастьян. Вы и так уже сделали более чем достаточно. — Выпрямившись, он расправил плечи, словно стряхивая с себя меланхолию, и Меер снова увидела перед собой того сильного человека, которого помнила. — А теперь, — повернулся Джереми к дочери, — готова ли ты увидеть свою шкатулку?

Проводя дочь через толпу, Джереми объяснил, что предстоящий аукцион считался второстепенным, однако после находки письма Бетховена и ограбления средства массовой информации раздули его в сенсацию.

— Я распорядился усилить меры безопасности и перенес сами торги в более просторное помещение. Аукцион должен состояться послезавтра. Надо было бы и предварительный просмотр устроить в другом месте.

Обнаружив, что перед витриной собралась небольшая группа, Джереми быстро расчистил свободное место для Меер и Себастьяна, пропуская их к самому столу.

Выставленная за стеклом сверкающая деревянная шкатулка была открыта, и внутри были видны покрытые бархатом отделения с наборами для различных игр и колодами карт. Зеркало также позволяло рассмотреть резную крышку. Меер сосредоточила взгляд на том, что увидела

в зеркале: на серебряном овале с затейливыми узорами, цветами, птицами и инициалом «В».

Да, она видела все это в кабинете Малахая на фотографии из каталога, но тогда это была плоская копия, а не трехмерное воплощение ее фантазий. Меер пристально смотрела на настоящую шкатулку, надеясь вспомнить, когда она ее уже видела. Не в какой-то прошлой жизни, как утверждали ее отец и Малахай, а в некий предыдущий момент своей собственной жизни.

Однако у нее в памяти ничего не всплывало. Девушка лишь обратила внимание на то, что игральные карты похожи на колоду из коллекции Малахая. В детстве она, придя на прием, сразу же просила карты и играла с ними на протяжении всего сеанса. Она даже придумала какую-то особую игру. Но какую?

Достав кольцо, увешенное ключами, Джереми отпер одним из них витрину.

— Давай отнесем шкатулку в индивидуальную просмотровую комнату, чтобы ты могла полюбоваться ей в одиночестве.

Когда отец достал шкатулку, Меер шагнула к нему и, словно в трансе, взяла колоду карт и начала их перебирать. Не обращая внимания на окружающих, она сосредоточилась на твердых прямоугольных кусках картона в руках, считая карты червовой масти, убеждаясь, что все они на месте и ни одна карта не повторяется. Это была та самая игра, в которую она забавлялась с картами Малахая.

— Меер, подожди, сейчас мы пройдем в отдельную комнату, — попытался остановить ее отец.

Вдруг замороженное мгновение разорвал громкий, настойчивый звонок.

— Was ist das?¹ — спросила Меер отца, напуганная шумом, даже не сознавая, что говорит на незнакомом языке.

¹ Что это такое? (нем.)

— Пожарная сигнализация, — перекрывая шум, прокричал Джереми. — Вероятно, какой-то сбой. Такое бывает...

Внезапно быстро повалил дым: клубящиеся облака, поднимавшиеся вверх, расходились в стороны, тянулись к Меер. Ко всем троем. Сигнализация продолжала пронзительно звенеть. Джереми закашлял. Меер почувствовала резь в глазах. Затем и она закашляла. Совершенно неожиданно на глаза навернулись слезы, хлынувшие по щекам. Люди кричали, сигнализация звенела без умолка. В наступившем хаосе кто-то пробежал мимо Меер, оттолкнув ее. Не удержав равновесие, молодая женщина вытянула перед собой руки, пытаясь найти, за что ухватиться, но точки опоры не оказалось, и она упала, ударившись плечом об угол витрины. Острая боль разлилась по всему ее телу, и в сочетании с едким густым дымом это заставило Меер поперхнуться.

Понимая, что ей может достаться, она сейчас больше не думала об этом... нужно спасти шкатулку... нужно встать, найти ее и спасти от огня. Пошарив вслепую, Меер нащупала край стола и схватилась за него, ожидая почувствовать обжигающий жар, однако он оказался холодным. Как такое может быть, если здесь бушует пожар?

Только тут до Меер дошло, что никакого жара нет, как нет и запаха горелого. У нее не было времени, чтобы попытаться в этом разобраться. Сейчас главным было спасти шкатулку, поскольку Меер была уверена, что в ней хранится ключ к разгадке того, где находится «флейта памяти», а она ей нужна, чтобы спасти своего супруга. Где-то далеко Каспар, больной и одинокий, надеется на нее. Сунув руки в витрину, она попробовала нащупать ларец. Справа. Затем слева. Стекланный ящик не такой уж и большой. Но в нем ничего не было.

Ветер и дождь шумели так сильно, но она слышала, как ей кричит какой-то мужчина, просит ее остановиться. Одна-

ко она не могла. Ее лошадь откликнулась на поводья и пустилась галопом. Лес здесь очень густой, и мужчине будет нелегко ее преследовать. Он блестящий наездник, но у нее было одно преимущество: несмотря на грозу, она знала этот лес, а он не знал. Но тут прогремел раскатистый выстрел.

Нет, это не выстрел, а только пожарная сигнализация. Что происходит? Дым начинал рассеиваться, но глаза у нее по-прежнему горели, и она не могла отчетливо видеть. Затем, наконец, контуры и формы стали превращаться в людей и предметы обстановки. Предметы обстановки? Люди? Но где же лес? Она ведь мчалась верхом по лесу, пытаюсь уйти от жуткой, неминуемой опасности, пытаюсь спасти шкатулку.

— С тобой все в порядке?

Это был ее отец, помогающий ей встать. Его лицо было мокрым от слез.

— Шкатулка у тебя? — крикнула она, перекрывая шум.

Прежде чем отец успел ответить, один из охранников с громким криком бросился к двери. Лицо у него тоже было багрово-красным, по щекам ручьями текли слезы. С каждой секундой дым все больше редел, открывая других охранников, которые помогали подняться на ноги тем, кто упал, и выводили их из помещения. Повсюду валялись опрокинутые предметы мебели, на полу были разбросаны сломанные произведения искусства.

— Что они говорят? — крикнула Меер, обращаясь к Себастьяну, находившемуся справа от ее отца. Даже ей самой собственный голос показался истеричным.

— Никакого пожара не было, это слезоточивый газ, — ответил Джереми. — Это... все это... несомненно, это было сделано, чтобы отвлечь внимание.

Меер схватила отца за руку.

— Что случилось со шкатулкой?

— Она исчезла.

ГЛАВА 30

*Полянка, Чешская Республика
Понедельник, 28 апреля, 11.14*

Через частые промежутки вдоль обсаженной деревьями дороги, по которой ехал Давид Ялом, встречались часовни, посвященные Христу, Богородице или другим святым. Увы, если бы только раскрашенные гипсовые изваяния действительно могли защитить от опасности или облегчить боль, как верили многие... Когда-то сам Давид был довольно прилежным иудеем, но теперь он верил только в торжествующее зло.

Прибыв к месту назначения через четыре часа после отъезда из Вены, Ялом оставил взятую напрокат машину на стоянке, вышел, размял свои длинные ноги и огляделся по сторонам. Унылое серое небо навевало тоску. Пышная растительность уступила место тощим деревьям, остаткам давно заброшенных садов и угрюмому замку, отчаянно нуждающемуся в ремонте. Должно быть, когда-то он выглядел внушительно, но теперь желтая краска фасада облупилась, а на черепичной крыше недоставало пары десятков красно-бурых плиток.

Спрятанный в самом центре лесов Южной Моравии, в часе езды на машине от ближайшего населенного пункта, Моравски-Крумлов был неподходящим местом для хранения самого ценного произведения искусства во всей Чешской Республике и еще более неподходящим местом встречи со связником подпольной террористической ячейки.

Внутри замка оказалось еще более сыро, чем снаружи, стены и пол были еще в более плачевном состоянии, чем фасад. Купив за пятьдесят крон входной билет, Давид направился по стрелке к лестнице, недовольно заскрипевшей под его шагами. Прежде чем он успел шагнуть в первую галерею, женщина в красном платке вручила ему два темно-коричневых фетровых мешочка. Не говоря ни слова,

она показала, что эти мешочки надо надеть поверх обуви, что журналист и сделал. Ходить в них стало скользко. В первой галерее группа детей сидела на полу разувшись, в одних носках и слушала молодую женщину, которая объясняла им что-то по-чешски. Поразительно, дети не ерзали, не перешептывались, а молча смотрели на живописное полотно во всю стену, изображающее героический сюжет. Восемилетнему сыну Давида Бену обязательно захотелось бы попробовать прокатиться, как на коньках, по этим широким деревянным половицам.

Раскрыв английскую версию путеводителя, захваченную в билетной кассе, Давид прочитал сведения о картине, созерцанием которой были так поглощены дети.

Этот холст, имеющий двадцать футов в длину и тридцать два фута в высоту, иллюстрирует первую главу тысячелетней истории славянского народа.

Посередине полотна под звездным небом жались друг к другу Адам и Ева, прячась от призрачных зловещих фигур верхом на лошадях, несущихся на них во весь опор, размахивая мечами. Вдалеке на заднем плане горела деревня, и оранжево-красное зарево поднималось над горизонтом утренней зарей. Согласно путеводителю, всего таких героических полотен было выставлено двадцать, и все они принадлежали кисти художника-модерниста Альфонса Мухи.

Как и было условлено со связником, Давид прогуливался по галереям, рассматривая картины так, как будто они действительно его интересовали. Сам он ни к кому не обращался. В нужный момент к нему подойдут. Ялом дошел уже до предпоследнего зала, так ни с кем и не встретившись, и уже собирался покинуть его, но тут свет, мигнув, погас. И тотчас же загорелся снова.

Давид прошел в последний выставочный зал и там, подавленный его размерами, увидел последнее полотно: торжествующее, полное ощущения победы. Его старший сын Исаак обязательно захотел бы разложить по полочкам символизм, обсудить то, как художник отдельными красками создал ощущение надежды, разобрать с отцом каждый квадратный дюйм картины. А Бен по-прежнему скользил бы где-то далеко по начищенному полу.

Израильтянину захотелось ударить по холсту кулаком, словно именно он был виноват в том, что он подумал о своих детях. На самом деле перед ним было лишь романтическое изображение войны, мира, смерти и торжествующей жизни.

Почувствовав, что кто-то вошел в зал у него за спиной, Давид обернулся и увидел, как к нему приближается молодой парень с черным нейлоновым рюкзачком.

— Кажется, вы забыли вот это в предыдущем зале. — Парень говорил по-английски с сильным акцентом, но все же достаточно понятно.

— Какой я растяпа! — громко произнес Ялом. Наверное, именно такой должна была быть реакция человека, забывшего свои вещи. — Свет?.. — Он начал это как оправдание, но получился вопрос.

— Да, свет. — Парню было лет двадцать: прыщавое лицо, жесткие черные волосы до плеч. На нем были рваные джинсы и мятая серая футболка, но кроссовки у него были чистые. — Говорят, перегорел предохранитель. Наверное, вы так испугались, что забыли свою сумку.

— Да.

Протянув руку, журналист взял предложенный рюкзачок. Тот оказался легким. Давид занимался этим вопросом и знал, каким мощным взрывчатым веществом является семтекс и как мало его нужно. Для того чтобы взорвать «Боинг-747» рейса «Пан-Американ-103» потребовалось все-

го двести граммов¹. Это было символом всего мирового зла. По крайней мере, на картинах здесь, в замке, враги были в черных одеждах и в открытую мчались на тебя, размахивая мечами, так что не составляло труда определить, кто есть кто. Давид закинул рюкзачок на правое плечо. Все зло в мире весило меньше фунта и находилось в этом рюкзачке.

— Вам следует быть более осторожным, — предупредил его посланец.

Был ли в его словах какой-то скрытый смысл? Предостережение? Давид не мог прочитать непроницаемое выражение на лице парня. Тот ждал, с вызовом смотря на журналиста. «Наивный дилетант», — красноречиво говорила его снисходительная усмешка. До Давида вдруг дошло, что сделка еще не завершена.

— Мне бы хотелось вас отблагодарить. За то, что вы нашли мою сумку.

— Отказываться не буду. — Парень искренне улыбнулся, словно речь шла о чем-то совершенно естественном.

Ялом подготовил купюры так, как и было предписано: четыре по сто евро, с обеих сторон прикрытые бумажками по десять евро. Камер видеонаблюдения не было, но если кто-то и обратит внимание на передачу денег, то увидит только десятки. Такие маленькие деньги за то, чтобы уничтожить так много...

— Пожалуйста, примите это в знак моей благодарности.

Пока парень убирал деньги в карман перед последним из героических творений Мухи, Давид вышел из галереи, размышляя о том, как гигантское полотно отбрасывает тень на посланника смерти, и о том, что этот образ можно

---

¹ 21 декабря 1988 года над шотландским городком Локерби ливийские террористы взорвали самолет «Боинг-747» американской компании «Пан-Американ». Погибли 270 человек — весь экипаж, все пассажиры и 11 жителей Локерби. По числу погибших американцев (180) этот террористический акт оставался крупнейшим против США до событий 11 сентября 2001 года.

будет использовать в статье, посвященной этой саге. Он даже знал, куда его вставить: в начало конца.

На улице моросило, и Ялом с тоской подумал о долгой обратной дороге под дождем на взятой напрокат машине, которой пора было отправиться на покой еще сто тысяч километров назад. Открыв дверь, он сел за руль и осторожно положил рюкзачок на сиденье рядом. Если за ним следили, сейчас было не время заглядывать внутрь, но Давид не мог удержаться.

Он сам не мог сказать, что он ожидал увидеть. Коричневую оберточную бумагу? Плотный конверт? Все, что угодно, кроме веселой блестящей фольги, украшенной изображениями праздничного торта с белыми свечами. Журналист горько усмехнулся. Это путешествие началось с праздничных именин, и завершится оно бомбой, завернутой как подарок на день рождения.

ГЛАВА 31

Вена, Австрия

Понедельник, 28 апреля, 12.48

Общество памяти было открыто всего пятнадцать минут, когда доктор Эрика Алдерман, приехавшая, чтобы пообедать с Фремонтом Брехтом, застала его в салоне прикованным к экрану телевизора.

— Вы должны это посмотреть, — даже не поздоровавшись с ней, сказал он. — Шкатулку с играми только что украли.

На экране Джереми Логан, стоя перед художественным салоном «Доротеум», объяснял журналисту, как грабители, используя для отвлечения внимания дымовую шашку, похитили антикварную шкатулку с играми. У него за спиной полицейские и пожарные машины продолжали нагнетать обстановку мигающими огнями и завыванием

сирен. В стороне стояла Меер; ее волосы до плеч были рас-трепаны, а в широко раскрытых глазах застыло затравлен-ное выражение. Воротник ее белой блузки был испачкан, а на пиджаке болталась на ниточке черная пуговица.

— Проклятие, Фремонт! — взорвалась Эрика. — Ну, сколько еще нужно звонков, чтобы вы, наконец, сделали хоть что-нибудь! Кто-то шпионит за нами, подслушивает каждое наше слово...

— Вы забыли про газетную статью. Связь с Бетховеном превратила и шкатулку, и письмо в желанную добычу для воров.

— Три попытки ограбления и двое убитых ради бетховенских реликвий? Я так не думаю. Кто-то действует безжалостно и решительно, что, на мой взгляд, объясняется тем, что этому человеку что-то известно.

— Нам надо будет просто быть более безжалостными и более решительными, — сказал Фремонт. — Не беспокойтесь. У меня нет ни малейшего желания отдавать шкатулку кому бы то ни было. Я говорил об этом с самого начала.

— Но как нам ее получить, если она больше не продается? — озадаченно спросила Эрика.

— Мы найдем того, кто украл шкатулку, — небрежно промолвил Фремонт. — И в свою очередь украдем ее.

ГЛАВА 32

Понедельник, 28 апреля, 12.54

Во временной штаб-квартире «Глобальной службы безопасности», развернутой на втором этаже Венского концертного зала, Билл Вайн следил за маленьким красным кружком, который медленно передвигался по карте Чешской Моравии на экране одного из шести компьютеров. На втором экране такая же красная точка остановилась у западной границы Сербии. На третьем еще одна застыла в центральной части Словакии.

— Нет, у нас до сих пор нет никакой информации относительно того, какое именно взрывчатое вещество было приобретено во время этих трех сделок, — доложил Вайн Тому Пакстону. — Эта информация должна поступить позже, и я сразу же дам тебе знать.

— Но мы видим всех покупателей? — нетерпеливо спросил Том.

— Да. И следим за ними, без проблем.

— Какой вывод ты делаешь из того, что шесть дней царилла полная тишина — и вдруг эти три сделки, практически одновременно? — спросил Пакстон.

— Ну, скорее всего, пришла крупная партия. А может быть, это просто случайное совпадение.

— Я не верю в случайные совпадения.

— И я тоже не верю. Кроме тех случаев, когда это действительно случайные совпадения.

— Когда ты сможешь доставить людей на место и организовать наружное наблюдение за этими плохими ребятами?

— Наши люди уже в пути, и все трое террористов будут взяты под контроль через два, максимум через три часа.

— Слишком долго.

Вайн никак не отреагировал на замечание.

— Том, у нас не было точных адресов мест встречи.

— За такие деньги наши осведомители должны были сообщить и это.

— Тогда им нужно было бы постоянно находиться с нами на связи. Том, не надо недооценивать то, что тебе удалось повернуть. Подкупить врага — это серьезный успех. Даже если мы еще не знаем, направляется ли какая-нибудь из трех партий взрывчатки в нашу сторону, это чертовски хорошая страховка.

— Ты точно уверен, что больше трех часов ждать не придется? Я хочу, чтобы за этими подонками следили люди, а не одни только машины.

— Да, я уверен.

— Остались ли еще какие-нибудь нерешенные вопросы, прежде чем двинемся дальше?

— Нет, никаких, — ответил Вайн, ничем не показывая, что он уже тысячу раз слышал этот же самый вопрос.

ГЛАВА 33

Понедельник, 28 апреля, 13.16

Джереми отвез дочь к врачу, чей кабинет находился недалеко от художественного салона. Пока они сидели в приемной, Меер листала журнал, не понимая, что видит перед собой. У нее в сознании смешалось слишком много образов, мгновенно преобразовывающихся, как в детском калейдоскопе, и для новых просто не оставалось места. Последние сорок восемь часов были наполнены сплошными потрясениями и воспоминаниями, которые не могли принадлежать Меер, однако она воспринимала их как свои собственные. Девушка понимала, что именно поэтому выдуманные галлюцинации такие коварные; они выдают себя за подлинные события, якобы случившиеся в ее жизни.

Наконец врач принял Меер, и осмотр оказался кратким. Врач заверил ее — а затем, выйдя в приемную, и Джереми, — в том, что синяки, распустившиеся на левой руке и бедре, не представляют ничего серьезного.

— А теперь, Джереми, почему бы мне не осмотреть и вас? — предложил доктор Крайсгольд.

— Вы напрасно волнуетесь. Со мной все в порядке.

— Джереми, позвольте мне просто взглянуть на вас... — продолжал настаивать медик.

— Обещаю, если у меня что-нибудь заболит, я приду к вам на перевязку, — не дал ему договорить Джереми.

— Ну же, папа, ты тоже должен показаться врачу, — присоединилась к доктору Крайсгольду Меер.

Джереми поцеловал дочь в лоб.

— Со мной все в порядке — ты обо мне не беспокойся, моя милая. После того нападения меня осмотрели в клинике в Швейцарии. У меня все отлично.

Когда они вышли из кабинета в полумрак коридора, Джереми сказал дочери, что пока та была у врача, позволила секретарша Малахая.

— Она забронировала для него номер в твоей гостинице. Если ты не слишком устала, в шесть часов вечера он встретится с тобой в вестибюле, и вы приедете ко мне домой, где мы спокойно поужинаем. Так что сейчас тебе нужно немного отдохнуть, — добавил он.

— А разве мы сейчас не поедем на похороны Рут? — не обращая внимания на отцовскую заботу, спросила Меер.

— Я же говорил — тебе не обязательно быть там.

— Но я хочу, ради тебя. — Она помолчала. — Рут ведь погибла из-за меня, правда?

Джереми раздраженно ткнул кнопку вызова лифта, затем еще раз.

— Нет, разумеется, с чего ты...

— Если бы я не имела никакого отношения к этой шкатулке, разве она заинтересовала бы тебя так сильно? Ты разыскиваешь старинные издания Торы, меноры, книги Агады, киддуши¹. Но что это за иудейская реликвия — шкатулка с играми 1814 года?

Со стоном подъехала кабина лифта, и открылись двери.

— Ты не знаешь всего, милая моя.

— Но как я могу узнать, если ты ничего не говоришь? Кивнув, отец отвел взгляд.

— Тут ты права.

¹ Менора — золотой семиствольный подсвечник, один из древнейших символов иудаизма. А га да (Хаггада) — область талмудической литературы, содержащая афоризмы, легенды и предания религиозно-этического характера. К и д д у ш — субботняя еврейская молитва, а также кубок для вина, над которым она читается.

Пока они шли к машине, Джереми начал с самого начала и рассказал про звонок Хелен Хоффман. Меер забыла свое раздражение. Повествование отца, полное подробностей и любопытных отступлений, было таким же захватывающим, как и прежде, и девушка вдруг вспомнила, как вечерами он подсаживался к ее кровати, рассказывая о своих последних приключениях. Его голос наполнял тишину — тишину, которую она в детстве боялась и ненавидела, потому что именно в эти паузы между словами и приходили те воспоминания и неуловимые обрывки мелодии, пугавшие ее своей навязчивой силой.

Меер понимала, какое огромное значение имеют эти находки для ее отца. Люди, занимающиеся тем, чем занимался Джереми Логан, не просто охотились за сокровищами, чтобы найти и сохранить их; они сражались за свое прошлое.

— Мы в долгу перед памятью тех, кто был до нас; нам предстоит найти все то, что они оставили, — как-то сказал ей отец, и она услышала в его голосе гордость.

Меер любила в своем отце все, но больше всего она любила, когда он рассказывает о своей работе.

Джереми выехал со стоянки и влился в плотный поток машин. Пока они медленно ползли вперед, Меер любовалась очередным районом Вены, открывающимся ее взору, слушая, как отец впервые рассказывает ей про шкатулку.

— Я испытал самый настоящий шок. Не сомневаюсь, ты можешь себе представить, что это такое — войти в незнакомый дом, для того чтобы взглянуть на святую реликвию, и вдруг увидеть нечто такое, что имеет огромное значение для нас с тобой. У судьбы не бывает случайностей, — сказал он. — Каждое действие откликается в других жизнях, во времени. Парамнезия и случайные совпадения — это нечто иное, как рука Господа, похло-

пывающая человека по плечу; бог просит его обратить внимание, показывает, что тот ступает по следам своих собственных предыдущих воплощений.

— Ты никогда не сомневался...

Отец кивнул.

— Почему?

— Вера.

Меер покачала головой; для нее этот ответ был недостаточным.

— А теперь, совсем как Малахай, ты убежден в том, что эта мелодия — моя мелодия — имеет какое-то отношение к той флейте, упомянутой Бетховеном в письме?

Джерери был удивлен.

— Откуда тебе известно содержание письма? — Затем, спохватившись, он покачал головой. — Тебе рассказал Малахай, да? Извини. Передавая ему содержимое письма, я должен был бы попросить его ни о чем тебе не рассказывать. Я хотел сам показать тебе все, когда ты сюда приедешь.

Девушка была удовлетворена этим объяснением.

— Но что именно говорилось в письме?

— То, что в шкатулке хранится ключ, который поможет узнать, где спрятана флейта. — В голосе Джерери прозвучала покорность, словно ему не хотелось говорить на эту тему.

Меер вздрогнула. Образ Бетховена, держащего флейту, был невыносимо отчетливым, и ей на плечи давило бремя необходимости найти этот инструмент. Вот только это было *чужое* бремя. Ее супруг не потерялся, заболев в горах Индии. Растущая паника и настойчивое стремление его найти — чувства искусственные, сфабрикованные. Но тут Меер увидела нечто осязаемое, что действительно было очень важно.

— Ты полагаешь, тот, кто похитил письмо у вас с доктором Сметтерингом, также похитил шкатулку и теперь ищет флейту?

— Да. В прошлую пятницу в местной газете появилась заметка о том, что в шкатулке с играми было обнаружено письмо Бетховена. Одно это уже достаточное основание для того, чтобы похитить оба этих предмета. Но я считаю, что воры охотятся за флейтой.

— В заметке содержались какие-либо подробности?

— Нет. И я ни о чем не говорил никому, кроме своих коллег из правления Общества памяти и Малахая.

— Но тогда как...

— В мире есть сотни исследователей, изучающих проблемы перевоплощения, музыковедов, археологов, не говоря про членов нашего общества, знающих про «инструменты памяти» и связь Бетховена с предполагаемой «флейтой памяти». — Джереми крепче стиснул рулевое колесо. — Или тот, кто похитил письмо, также украл и шкатулку, или содержимое письма попало к кому-то еще, кто организовал утреннее нападение.

Они остановились на красный свет. Справа возвышалась каменная церковь со шпилями, устремившимися в безоблачное голубое небо. Вдруг на колокольне зазвонили колокола, и их звон отозвался у Меер внутри.

— Почему ты прислал мне каталог и рисунок через Малахая? Почему не позвонил и не предупредил о том, во что ввязался, не предостерег меня?

Отец молчал.

— Ты звонил Малахаю после того, как я от него ушла, чтобы узнать мою реакцию?

— Разумеется, потому что я хотел убедиться в том, что с тобой все в порядке. Я понимал, что это станет потрясением.

— Я не хочу быть твоей подопытной морской свинкой.

— Ты моя дочь. Я думаю только о том, как тебе помочь, как защитить тебя. Того же самого хочет и Малахай.

— И, помогая мне, заодно проверить свои теории.

— Перевоплощение — это не моя теория.

— Однако ведешь ты себя именно так.

— Это часть системы моих верований.

— Часть системы твоих верований, которую ты хочешь доказать через меня.

Так резко Меер еще никогда не говорила с отцом — ни на эту, ни на какую-либо другую тему. Причиной тому стали события последних двух суток.

— Меер, милая моя, ты всегда воспринимала это шиворот-навыворот. До того как ты начала слышать эту музыку, я не был особо религиозным. Да, я искал утраченные иудейские реликвии, но в первую очередь я был антикваром. По большим религиозным праздникам ходил в синагогу, но в основном потому что так принято, из уважения к своему прошлому. Я и не думал изучать Каббалу. Даже не знал, какое большое значение имеет концепция перевоплощения для иудаизма. Все это я узнал только после того, как у тебя начались проблемы.

— Значит, все это ты делал ради меня? — В голосе Меер прозвучал неприкрытый сарказм, о чем она тотчас же пожалела.

— Для того, чтобы понять, как тебе помочь.

— Не сомневаюсь, что ты успокаиваешь себя такими доводами.

— Ты случайно не видела фильм «Вспомнить все» с Арнольдом Шварценеггером?

Меер удивленно посмотрела на отца.

— Нет.

— Герой Шварценеггера не может доверять своим воспоминаниям — не может определить, что в них правда, а что ложь. Когда его спрашивают, что он хочет, он отвечает: «Вспомнить», а на вопрос «зачем» говорит: «Чтобы снова стать самим собой». Только этого я и хочу для тебя. Чтобы ты вспомнила, чтобы снова стала самой собой, во всех своих воплощениях.

Несколько минут они ехали молча, затем Джереми свернул на Пратерштрассе, и Меер обратила внимание на знакомые надписи на иврите на некоторых зданиях. Именно сюда она забрела в субботу вечером.

— Куда мы попали?

— Это старое еврейское гетто. Его восстановили евреи, вернувшиеся в Вену, — сказал Джереми, сворачивая с главной улицы в узкий переулок. Взглянув на дочь, он спросил: — А что?

— Ничего, все в порядке.

Джереми въехал на стоянку. Не дожидаясь отца, Меер вышла из машины, повернула направо и уверенно направилась вперед.

— Ты же не знаешь, куда... — начал было Джереми, торопясь следом за ней.

Он нагнал дочь как раз в тот момент, когда она остановилась перед невзрачным зданием по адресу Энгертштрассе, 122.

— Откуда тебе известно, что мы шли именно сюда?

ГЛАВА 34

Живи, чтобы у тебя возникло желание жить снова, — это твой долг — ибо в любом случае ты будешь жить снова!

Фридрих Ницше

Понедельник, 28 апреля, 13.25

— Именно здесь собираются члены Общества памяти с тех самых пор, как оно было основано в конце 1809 года, — сказал Джереми.

Зазвонил домофон, и он открыл массивную входную дверь, приглашая Меер войти. Но та не тронулась с места. Охваченная дрожью, чувствуя во рту металлический при-

вкус, она увидела, как соседние здания начинают становиться прозрачными.

— Что с тобой?

— Ничего, все хорошо. — Меер постаралась говорить как можно более спокойным голосом, при этом отчаянно сражаясь с надвигающимися кошмарами.

— В чем дело?

Собрав все силы, девушка перешагнула через порог и оказалась в прихожей. У нее за спиной закрылась дверь, и громкий щелчок наполнил тесное помещение гулкими отголосками. Ноги Меер налились свинцовой тяжестью, и каждый шаг давался ей с трудом, но она прошла следом за отцом по полу, выложенному белыми и черными мраморными плитами, через дверь под средним сводом в главный зал общества.

Вчера вечером, стоя на улице, она отчетливо представила себе все это: затейливый потолок с крошечными зеркалами, которые, казалось, подмигивали, пышную отделку, каменные изваяния Будды.

Несмотря на то что всю свою жизнь она старалась вспомнить, несмотря на то что ее десятки раз гипнотизировали и обучали различным техникам медитации, Меер не могла понять, как она могла проникнуть сквозь годы внутрь этого здания, в давно ушедшее время.

Ей навстречу вышел, слегка прихрамывая, импозантный мужчина с серебристой головой. Отец представил его как Фреонта Брехта.

— Примите мои сочувствия по поводу того, что с самого приезда в Вену вас преследуют сплошные неприятности, — произнес Фреонт поставленным голосом с едва заметным акцентом.

Несмотря на солидное брюшко, он держался с достоинством. Брехт указал на удобные кожаные кресла, и они сели.

— У вас было время изучить шкатулку с играми до того, как она была похищена? — перешел прямо к делу Фремонт.

— Всего несколько минут.

— В ее внешнем виде вам ничего не показалось необычным?

— Что вы хотите сказать?

— Увидев шкатулку, вы ничего не почувствовали?

Скольким людям отец уже успел рассказать про ее тесную связь со шкатулкой? Кому еще помимо Себастьяна и Фремонта? Интересно, они что, сидели все вместе и строили догадки, откроет ли шкатулка ей воспоминания из прошлой жизни? Меер посмотрела на отца, но тот или не увидел в ее взгляде осуждения, или просто не захотел увидеть.

— Все произошло так быстро, — сказала она, обращаясь к Фремонту.

Тот задал ей еще какой-то вопрос, но Меер его уже не слушала. Чем дольше она здесь сидела, тем хуже ей становилось. Заметив ее беспокойство, Брехт осекся на середине предложения и извинился.

— Что это на меня нашло? Вам сегодня пришлось столько пережить, а я вытащил вас на скамью свидетелей и заставляю давать показания! Не хотите чего-нибудь перекусить?

— Нет, благодарю вас...

— Может быть, кофе или чай?

— Да, чай, — ухватилась Меер. Быть может, горячий напиток поможет ей сосредоточиться.

— И вам тоже, Джереми, да? — продолжал Фремонт.

— Ты выглядишь полностью опустошенной, — обратился к дочери Джереми, когда Фремонт ушел на кухню.

Меер горько усмехнулась.

— Как будто на то нет причин? Пожалуйста, папа, перестань непрерывно мерить мне эмоциональную температуру.

Находясь здесь, она чувствовала какое-то необъяснимое беспокойство... комната была ей знакома, но в то же время многие вещи выглядели не так, как должны были бы. Как и в мемориальной квартире Бетховена, освещение было чересчур ярким. И она не могла уловить запах парафина и благоухание кассии. Но хуже всего были печаль и невыразимая тоска, захлестнувшие ее. Это был мир Каспара.

— Меер, скажи, что с тобой?

Она не знала, как это объяснить, поэтому промолчала.

— Забудь о чае, тебе сейчас надо выпить воды.

Меер протянула руку, собираясь попросить отца не оставлять ее одну, но понимала при этом, что это лишь породит новые вопросы, а ответов у нее не было. Она бесильно уронила руку на колени. Что бы с ней ни происходило, Малахай научил ее, как с этим бороться. Передвигая пальцы по невидимой клавиатуре у себя на коленях, Меер попыталась исполнить сложный отрывок из «Рапсодии на тему из Паганини» Рахманинова, в этой музыке для нее не было никаких эмоциональных воспоминаний. Как правило, это упражнение требовало такой высокой сосредоточенности, что о нее, как об утес, разбивались волны тревоги. Однако сегодня этого не произошло. Меер не могла сосредоточиться на Рахманинове, потому что другая музыка требовала ее внимания, усиливая скорбь. Старинная мелодия... знакомая мелодия... и когда уже казалось, что она, наконец, ее ухватит... мелодия упорхнула прочь, неуловимая.

— Вот ваш чай, — сказал Фремонт, протягивая Меер чашку, над которой поднимался пар.

ГЛАВА 35

*Пашохлявки, Чешская Республика
Понедельник, 28 апреля, 14.00*

Заправив бак взятой напрокат машины бензином, Давид запер двери и зашел в небольшое кафе, чтобы выпить кофе. Ему тоже нужно было заправиться горючим. Стресс не давал ему заснуть ночью — стресс кошмаров, — и к середине дня он уже с ног валился от усталости. Кофе оказался горячим и горьким, и Давид, сидя в машине на обочине шоссе, выпил его, словно лекарство. Еще что-то такое, что раньше доставляло удовольствие... теперь потерявшее всякий смысл. Когда он в последний раз по-настоящему радовался? До того дня рождения. Почувствовав во рту вкус крови, Давид поймал себя на том, что прикусил изнутри щеку.

Допив кофе, он раскрыл рюкзачок, вытащил пакет, завернутый в фольгу, украшенную тортами со свечами, положил его на пол машины и принялся медленно и методично осматривать рюкзачок.

Давид был предельно осторожен, подготавливая эту сделку, однако террористы никогда не отличались особой честностью, а Пакстон слишком хитер. Ему потребовалось всего пять минут, чтобы обнаружить радиомаячок, затаившийся под полоской резины на конце застежки «молнии» подобно маленькому злобному насекомому.

На протяжении многих лет Давид поддерживал отношения с преступниками, бандитами и членами всевозможных экстремистских группировок. Он всеми правдами и неправдами вытягивал из них тайны; одними секретами он делился со всем миром, другие придерживал до поры до времени. Во время выполнения очередного задания, собравшись за кружкой пива в каком-нибудь баре, коллеги-журналисты, усталые и оторванные от дома, неизменно начинали спорить о том, поддерживает ли свободная пресса

терроризм, рассказывая о нем широким массам. Так или иначе, их задача состояла в том, чтобы открывать правду, и Давид справлялся с ней достаточно хорошо, свидетельством чего были три Пулитцеровские премии. Добывая материал для своих статей, он часто рисковал. Но еще ни разу ему не приходилось сталкиваться ни с чем подобным.

Хорошо хоть, переговоры о покупке семтекса были проведены анонимно. Поэтому Пакстон и его команда из «Глобальной службы безопасности» искали не Давида Ялома, а некоего получателя взрывчатки, назвавшегося чужим именем. Так что, по крайней мере, с этой стороны он может ничего не опасаться. Но нельзя было также забывать об Ахмеде Абдуле. Что рассказал палестинцу Ганс Вассонг — или же он действовал по собственной инициативе, собираясь сорвать куш, когда дело будет сделано? Давид предполагал, что во время этого путешествия у него могут возникнуть какие-то трудности, однако пока что он не мог определить, кто из его противников окажется наиболее опасным.

Сгущающиеся сумерки постепенно размазывали линию, отделявшую горные вершины от неба. Наличие радиомаяка в рюкзаке позволяло предположить, что в непосредственной близости никого нет. В такой безлюдной местности обнаружить слежку было бы слишком просто; гораздо хитрее было положиться на электронику.

Оставив рюкзак на сиденье, журналист взял пустой стаканчик, вышел из машины и направился к урне. Проходя мимо темно-синего седана с раскрытой на приборной панели дорожной картой, он споткнулся и выронил стаканчик, проливая остатки кофе. Нагнувшись, Давид на какое-то мгновение оказался скрыт из вида. Подобрал стаканчик, он выпрямился и выбросил его в железную урну.

Через две минуты Давид уже повернул ключ в замке зажигания, тронулся со стоянки и выехал на шоссе. Направляясь в сторону Вены, он представлял себе, как люди

Пакстона прильнули к экрану системы слежения, на котором мигает красная точка. Пусть они радуются, уверенные в том, что видят цель.

Всю обратную дорогу Ялом постоянно поглядывал в зеркало заднего вида, проверяя, что никто за ним не следит, чуть ли не желая того, чтобы его остановили и избавили от комка черной ярости, прежде чем та сама найдет себе выход.

ГЛАВА 36

Вена, Австрия

Понедельник, 28 апреля, 16.05

— Не случайно Зигмунд Фрейд впервые произнес свои знаменитые слова «мания смерти», когда жил в Вене, — сказал дочери Джереми, когда они подошли к воротам кладбища Центральфридхоф и он остановился на мгновение, чтобы собраться с духом, перед тем как войти в город мертвых. — Еврейская часть кладбища вот в эту сторону.

Он указал вдаль. Они пришли сюда с похорон; во время церемонии было многолюдно и очень печально.

Дорожка, по которой они направились, была по обе стороны обсажена пятнадцатифутовыми туями, похожими на покрытые перьями пирамиды, а позади них виднелись ухоженные лужайки, скульптурные памятники и крыши мавзолеев. Воздух был наполнен пением птиц и запахом вечнозеленых растений.

— Здесь красиво, — удивленно прошептала Меер.

— Да, совсем не похоже на кладбища в других городах, правда? Вена всегда уделяла чересчур много внимания смерти — одевалась для нее, писала для нее музыку, изображала ее в произведениях искусства... здесь есть даже целый музей, посвященный ей.

— И что представлено в музее, посвященном смерти?

— Инструменты могильщиков, гробы, траурные венки, урны. Искусство похорон на протяжении веков. Один из моих самых любимых экспонатов — спасательный колокольчик, который клали в гроб вместе с покойником. Обнаружив, что его погребли живым, человек с помощью этого колокольчика мог дать о себе знать участникам похоронной процессии. Ну, вот мы и пришли, — сказал Джереми, открывая ржавые ворота, и Меер прошла следом за ним в заброшенную, заросшую часть кладбища.

Многие надгробия упали, разбились на куски. На месте ухоженных клумб буйствовали сорняки. По сравнению с остальной частью кладбища здесь были самые настоящие трущобы.

— Почему здесь все так запущено?

— Одно общее центральное пространство делят между собой несколько отдельных кладбищ — католическое, протестантское, православное и еврейское. За всеми, кроме еврейского, постоянно ухаживают дети детей тех, кто на них похоронен. — Джереми шагнул с дорожки, чтобы обойти осколок упавшего надгробия. — Всего лишь трем тысячам австрийских евреев удалось пережить войну, — продолжал он, — и после нее никто не возвратился в Вену. Так что вот уже больше шестидесяти лет никто не платит аренду за могилы и не ухаживает за ними. Однако недавно правительство дало обещание привести кладбище в порядок, отчасти благодаря усилиям Фремонта Брехта. Он поразительно много сделал для австрийских евреев. Пятнадцать лет назад Фремонт был известным общественным деятелем из католической семьи. И вдруг он написал книгу мемуаров, озаглавленную «Наша тайная история», посвященную скрытому австрийскому антисемитизму, уходящему корнями в прошлое. И в этой книге Брехт признался в том, что скрывал свое еврейское происхождение.

— Но каким же образом ему удавалось так долго скрывать то, что он еврей?

— Он сам узнал об этом только после смерти своего отца, когда выяснил, что его родная мать, еврейка, умерла во время родов, а через четыре месяца после этого его отец женился на вдове-католичке. И если бы второй брак так кстати не скрыл его происхождение, возможно, маленького Фремонта отправили бы в лагерь смерти.

— Как встретили его книгу?

— Она вызвала настоящий скандал. Всколыхнула все общество. Как и опасался Фремонт, он столкнулся с волной антисемитизма, но это лишь подкрепило его решимость бороться за признание евреев и возвращение их в общественно-политическую жизнь. И на этом поприще Фремонт трудится без устали.

— Но?..

Джереми вопросительно посмотрел на дочь.

— Ты ведь что-то недоговариваешь, папа. Я чувствую это по твоему голосу.

Джереми снова пожал плечами.

— Это стало яблоком раздора между нами. Фремонт считает, что для страны, по-прежнему имеющей склонность к антисемитизму, важно придать современному иудаизму новое, прогрессивное лицо.

— А ты?

— На мой взгляд, тем самым он оказывает медвежью услугу. Мистицизм является важной и уважаемой частью нашей религии.

Они подошли к отгороженному участку, на котором была вырыта свежая могила, но, кроме могильщиков, куривших поодаль и ожидавших окончания еще не начавшейся церемонии, больше там никого не было. Джереми заговорил с ними, а Меер тем временем стала изучать имена и даты жизни и смерти на полуразвалившихся надгробиях по соседству.

— Мы пришли слишком рано, — сказал Джереми, возвращаясь к дочери. — Я всегда прихожу на похороны слишком рано. Наверное, боюсь заставить покойника ждать. — Он огляделся вокруг. — Пойдем, у нас есть время, чтобы показать тебе, где похоронены великие композиторы, а по пути посмотреть кое-какие замечательные скульптуры. А может быть, еще и понаблюдать за птицами. Здесь обитают представители более чем двадцати пяти разных видов.

Вскоре они покинули заросшую бурьяном часть кладбища и вернулись к ухоженным лужайкам и кустам.

— Один художник по имени Андре Геллер назвал это место возбуждающим средством для некрофилов. И даже несмотря на такое повышенное внимание к этой зловещей теме, лично я считаю, что в Вене подход к смерти более здоровый, чем у нас в Америке, — продолжал Джереми. — Мы стараемся очистить, дезинфицировать смерть. Похоронить ее, прости за невольную игру слов, как нечто настолько мрачное и таинственное, что к этому ни в коем случае нельзя возвращаться. Здесь же, в Вене, все обстоит наоборот. Здесь есть даже особое выражение для красивого трупа — «Schöne Leich». Эта одержимая мания восходит к временам правления Габсбургов и их безумного представления о погребении... Боюсь, я говорю о слишком мрачных темах.

— Это так, но при чем тут Габсбурги?

Взглянув на дочь, Джереми грустно усмехнулся.

— В каком-то смысле это можно назвать принципом «разделяй и властвуй» применительно к похоронам. Тела членов императорской семьи погребались в имперском склепе в церкви Капуцинергруфт. Внутренние органы находятся в урнах в соборе Святого Стефана. А сердца захоронены в маленьких серебряных капсулах в склепе Хертцгруфт.

— На кладбище сердец?

— Ты о нем слышала?

— И там похоронены мумифицированные сердца?

— Да. Склеп является туристической достопримечательностью. Конечно, не главной, но любопытных он привлекает. Ты о нем читала?

— Наверное. А почему внутренние органы и сердце отделялись от остального тела?

— Все это началось в начале XVII века, с одного императора, кажется, Фердинанда IV, захотевшего положить свое сердце в ногах Богоматери...

— Мне бы хотелось посмотреть на кладбище сердец, — перебила отца Меер. — Все это кажется таким странным.

— Наверное, я смогу провести тебя туда завтра утром, до того как оно откроется для широкой публики, но сам я не смогу пойти с тобой.

— Я и одна схожу, ничего страшного. Знаешь, я уже давно выросла и могу обойтись без няньки.

— На самом деле не можешь — два человека погибли, — резко прошептал Джереми. — У следователя Фиске пока что нет ни одной ниточки. Здесь работают серьезные профессионалы, и они не совершают ошибок. По крайней мере, таких, которые обнаружила бы полиция. Ты должна мне обещать, что никуда не будешь ходить одна.

Меер собиралась было оспорить это утверждение, но сдержалась.

— Может быть, с тобой сходит Себастьян. А может быть, мне удастся перенести встречу на другое время и отправиться с тобой. Я с ним переговорю. Может быть, и Малахай тоже захочет составить нам компанию. Особенно если я устрою частную экскурсию.

— Так сколько же няnek мне нужно? — улыбнулась девушка.

— Нет, я просто подумал, что он тоже захочет посмотреть.

Растущие по обе стороны от дороги вечнозеленые туи отбрасывали темные длинные тени.

— А я и не знал, что ты владеешь немецким, — после долгого молчания сказал Джереми.

— Что? Я не знаю немецкий.

— Сегодня утром, когда сработала сигнализация, ты говорила по-немецки.

Меер пожала плечами.

— Наверное, нахваталась несколько слов, с тех пор как в Вене.

— И в квартале из нескольких домов ты безошибочно определила тот, в котором находится Общество.

— Но как? Я там никогда раньше не бывала.

— В этой жизни.

— Папа, — тихо промолвила Меер, стараясь сдерживать в голосе враждебность, но безуспешно, — давай не будем заводить этот разговор. Не здесь и не сейчас.

— Милая моя, ну почему ты так упорно пытаешься убедить себя...

— Ни в чем я себя не убеждаю. Я для себя решила, как хочу прожить свою жизнь, так что ты можешь избавить меня от этой лекции про колесо душ, ангела забвения, божественные искры света и все остальные мистические теории перевоплощения из Каббалы. Можешь говорить об этом с Малахаем, когда меня нет рядом. — Даже хотя сейчас у нее не было полной уверенности, как раньше, Меер говорила так, как всегда отвечала на эти аргументы, используя наполовину свои собственные слова, наполовину слова своей матери. За этой же самой борьбой она втайне следила в детстве, когда родители думали, что она спит и ничего не слышит. У нее мелькнула мысль, насколько точно она повторяет доводы матери, потому что отец заметно встревожился.

— Мать оказала на тебя сильное влияние, да? — сказал он. — Мне очень хочется убедить тебя в том, что, поверив, ты обрешь великое спокойствие.

Меер собиралась было возразить, но отец ее остановил.

— Нет, ты права. Не сейчас. Нам нужно вернуться на похороны. Если мы пойдем по этой аллее, я все-таки успею показать то, ради чего привел тебя сюда.

Звук их шагов, таких несхожих, подчеркивал физическое и эмоциональное расстояние между ними. Отец и дочь молча прошли еще несколько сотен метров до небольшого зеленого островка, отгороженного чугунной решеткой. К небу вздымался белый обелиск, окруженный коническими туями, простой, но в то же время величественный. На лицевой стороне было высечено черными готическими буквами одно слово — фамилия. Молодая женщина ощутила прилив скорби, поняв, что перед ней могила Бетховена. Во рту у нее пересохло, глаза тоже оставались сухими, но в груди она чувствовала бесконечную тоску и пустоту.

Подождав немного, отец сказал:

— Нам пора идти.

На обратной дороге Джереми указал дочери места вечного успокоения Иоганна Брамса и Франца Шуберта.

Проходя мимо прекрасных памятников прожитым жизням и ушедшим людям, Меер обратила внимание на то, что перед некоторыми надгробиями лежали свежие цветы — как правило, на могилах людей известных. Ее мать как-то сказала, что человек на самом деле не умирает, пока его кто-то помнит и любит.

— Здесь похоронены все великие австрийцы. Архитекторы, политики, художники, писатели — и несколько членов Общества памяти. Кажется, если мы продолжим путь по этой аллее, нам встретится... — Джереми остановился перед изваянием ангела с детально проработанными крыльями. — Да, вот она.

Скорбь на лице статуи была такой искренней, что Меер застыла перед ней как прикованная. Ангел положил руку на могильный камень, который охранял, словно это было любимое живое существо, а не неодушевленный предмет.

— Чья это могила? — спросила Меер.

— Жены одного из основателей нашего общества, — ответил отец, читая вслух надпись на надгробии: — «Марго Нидермайер, 1779–1814. Целый мир воспоминаний будет вечно звучать в этом печальном, золотом аккорде».

ГЛАВА 37

Вена, Австрия

Понедельник, 28 апреля, 18.08

— Будьте осторожны, — в третий раз предупредил его по телефону клиент.

Пауль Пертцлер едва сдерживал свое раздражение. Клиент с самого начала постоянно читал ему нотации, словно он был неуклюжим тугодумом. Пертцлер успешно похитил письмо Бетховена и антикварную шкатулку с играми, но ему нельзя прикасаться к этим драгоценным вещам. Передвинув видеокамеру, он направил ее в сторону от шкатулки, на пустой участок стены, тщательно следя за тем, чтобы в кадр не попало ничего компрометирующего.

— Я потерял картинку. — Голос в трубке оставался сдержанным, но в нем сквозило нетерпение.

Мысленно усмехнувшись, Пауль молча ждал.

— Вы меня слышите? Я сказал, что потерял картинку!

Пертцлер подумал было о том, чтобы разорвать компьютерное соединение, посредством которого он разговаривал с заказчиком и одновременно показывал ему предмет.

— Чем вы там занимаетесь? — Покупатель не скрывал свое недовольство.

Но даже за большие деньги клиент не купил себе право быть грубым.

— Где камера?

Развернув видеокамеру, Пауль снова направил ее на шкатулку.

— Извините, сбой компьютера.

— Снаружи я ее уже осмотрел, теперь давайте заглянем внутрь, — сказал заказчик. — Нам нужно проверить, что все на месте. Сначала, будьте добры, дайте общий план.

Раскрыв шкатулку, Пертцлер медленно провел камерой по всем маленьким отделениям.

— А теперь, пожалуйста, покажите нам крупным планом маркеры для виста.

Пауль недоуменно уставился на принадлежности для различных игр, понятия не имея, где маркеры для виста. Ему не нравилось поведение покупателя, и он предпочел бы не спрашивать, как выглядят маркеры для виста.

— Вот эти фишки из перламутра. Справа от вас. Они использовались, для того чтобы отмечать, кто выигрывает в игре под названием «вист».

Передвинув камеру вправо, Пертцлер навел ее на фишки, гадая, является ли слово «нам», использованное покупателем, просто образным выражением, или же это уловка, призванная показать, что заказчиком выступает не один человек, а группа лиц. Однако Пауль знал, что лучше не заострять внимание на таких вопросах. Он преуспел в своем ремесле именно потому, что не отвлекался, ломая голову над несущественными мелочами. Вот только в этом деле он допустил ошибки. Два человека умерли. Это плохо по нескольким причинам, но в первую очередь потому, что мертвые привлекают внимание правоохранительных органов так, как это не сделает никакая кража.

— А теперь покажите нам доску для криббеджа, это устройство ведения счета для карточной игры, изобретенной в начале XVII века. Мы не увидели ее на общем плане, но она должна быть там. Это доска, вероятно, из кости или дерева со множеством отверстий.

— Наверное, это она, нет? — Пертцлер повернул лампу так, чтобы та осветила левый угол шкатулки, а затем на-

правил камеру на доску из слоновой кости, пожелтевшую от времени.

— Замечательно. Далее, здесь четыре колоды играль-ных карт с золотым обрезом. Можно показать нам каждую в отдельности крупным планом?

Пауль поочередно навел камеру на колоды карт.

— Боюсь, это покажется вам нудным, но мне нужно, чтобы вы перебрали для нас все четыре колоды. Показывайте сначала лицевую сторону, затем рубашку каждой карты. А мы будем их фотографировать и сохранять статические изображения в памяти.

— Это ваше время. Вы за него заплатили.

Развеселившись, покупатель хихикнул.

— Да, мы за него заплатили, мы за него заплатили...

Этот процесс занял почти два часа и оказался, как и предупреждал заказчик, очень трудоемким.

— Так, хорошо, — наконец удовлетворенно произнес клиент. — Вот мы и закончили.

— Когда вам прислать эти предметы?

— Нам бы хотелось, чтобы вы пока что оставили шка-тулку и письмо, обнаруженное в Женеве, у себя. Это воз-можно? Мы надеемся, что у вас они будут в полной без-опасности.

Пертцлер специализировался на возвращении имуще-ства супругов. Как правило, под этим понималась кража драгоценностей и произведений искусства у мужей, не за-хотевших оставлять своим бывшим супругам целиком все трофеи, и у жен, пожелавших после развода сохранить ка-кую-нибудь фамильную реликвию. Ему никогда не прихо-дилось сталкиваться с тем, чтобы заказчик — или группа заказчиков — просила его сохранить похищенное у себя.

— И надолго?

— На неделю. Не больше. Нам также хотелось узнать, занимаетесь ли вы слезкой.

— Да, занимаюсь.

— Нам нужно, чтобы вы приступили к заданию прямо сейчас.

Они обсудили денежную сторону вопроса, договорились о цене, после чего заказчик описал, за кем нужно следить и как и когда он будет ждать свежую информацию, а также назвал номер телефона, предназначенный для связи в экстренном случае.

— Что будет пониматься под экстренным случаем?

— Это решать вам самим.

Закончив марафонский разговор этой загадочной фразой, заказчик положил трубку. Встав из-за стола, Пертцлер потянулся, как это делала его кошка после долгого сна на солнышке. Сейчас она наблюдала за хозяином с кушетки. Черная кошка с белыми пятнами. В квартире было душно от сигарет, которые Пертцлер выкурил, пока разговаривал с заказчиком. Он открыл окно и какое-то время постоял, глядя на солнце, опускающееся за горизонт. Это время дня неизменно действовало на него угнетающе, и он отправился на кухню и отрезал себе щедрый кусок шоколадного торта, купленного накануне. Но не успел он откусить и разок, как у него зазвонил сотовый телефон.

У Пертцлера было два телефона: на один он принимал входящие звонки, но сам с него никогда не звонил, а со второго, наоборот, звонил, но его номер никому не давал.

— Алло?

— Привет. Ты не забыл о том, что мы сегодня вечером идем в кино?

Пертцлер узнал голос Клемпта. Приветствия были не нужны. Так было безопаснее для обоих. Последовало короткое обсуждение того, какие фильмы сейчас показывают в кинотеатрах. В конце концов они остановились на семичасовом сеансе «Веревки» Альфреда Хичкока и договорились встретиться у входа в кинотеатр за полчаса до начала, чтобы выпить пива в соседнем кафе.

Посторонний человек, случайно услышавший этот разговор, не придал бы ему никакого значения, но если бы кто-то, подслушав двух приятелей, решил бы проверить репертуар, то он обнаружил бы, что во всей Вене сегодня вечером не крутят ни один фильм Хичкока. Так что не было никакой возможности узнать, перед каким кинотеатром они встречаются, если они вообще встречаются перед кинотеатром.

А они действительно встречались не перед кинотеатром, а в баре «Хуммер». Если бы они договорились идти смотреть фильм Жан-Люка Годара, то встреча была бы в баре «Гесс-клуб». А если бы они выбрали фильм Феллини, это был бы «Фледермаус», и так далее. Всего закодированных баров было восемь, так что они не появлялись слишком часто в одном и том же месте.

Когда Пертцлер вошел в «Хуммер», Клемпт уже нянчил кружку пива.

— Мне тут позвонил один человек насчет кое-какой работы, — после обмена приветствиями начал Клемпт. Компьютерный хакер и мастер промышленного шпионажа, он часто работал в паре с Паулем, и они ценили специфические таланты друг друга.

— И какие за этим стоят деньги?

— Очень неплохие.

— Хочешь повторить? — спросил Пертцлер, заметив, что кружка Клемпта пуста.

Тот взглянул на часы.

— Понимаешь, моя жена... лучше я остановлюсь.

Пертцлер пошутил насчет того, что его приятель у жены под каблуком, и оба рассмеялись.

Но только никакой жены не было. Это была еще одна условная фраза из кода, отточенного до совершенства за пятнадцать лет совместной работы. И пусть кому-то могло показаться, что они чрезмерно осторожничают; до сих пор это служило им хорошую службу.

Выйдя на улицу, они направились к станции метро, и только тогда, убедившись в том, что за ними не следят, Пертцлер спросил, что это за работа.

— У меня есть один клиент, желающий нанять тебя, чтобы найти одну потерянную вещь, — сказал Клемпт.

— Потерянную?

На переходе зажегся красный свет, и хотя машин было мало, приятели остановились на тротуаре.

— Любопытное слово, ты не находишь? Клиент сказал, что эта вещь была потеряна. Я уточнил, не была ли она похищена. Он ответил, что предпочитает говорить «потеряна».

— Похоже, это какой-то псих.

Клемпт пожал плечами.

— Потеряна. Украдена. Это не имеет значения. Мне нужно, чтобы ты выкрал ее обратно.

— Сколько?

Клемпт назвал хорошую пятизначную цифру.

Пертцлер кивнул.

— У тебя есть фотография?

Клемпт достал из кармана конверт.

— Всего хорошего, — сказал Пертцлер и, взяв конверт, направился в противоположную сторону.

Пятнадцать минут спустя, вернувшись к себе на кухню, Пауль открыл конверт и нашел внутри страницу 16 из каталога художественного салона «Доротеум». Вся необходимая информация была написана на полях, но он не прочел ни слова, а смотрел, уставившись на фотографию.

На странице 16 была представлена антикварная шкатулка с играми, изготовленная около 1790 года. Та самая, которую ему поручили украсть на прошлой неделе. Которую он украл. И которая в настоящий момент лежала у него в гостиной.

ГЛАВА 38

Вена, Австрия

Понедельник, 28 апреля, 20.10

Серебристо-серый «Смарт» мчался по Грабенштрассе. Следователь Алекс Калфус, одетый в штаны защитного цвета, белую рубашку и выдавшую виды голубую ветровку, управлял машиной одной правой рукой, держа в левой сигарету. Люсиан Гласс подумал, что в Амстердаме в каком-то музее есть портрет крестьянина кисти Ван Гога, на его лице такое же странное выражение. Поразительно, как человеческую душу можно передать несколькими грубыми мазками и наложенными красками. У Калфуса на шее был страшный шрам, от уха до самой ключицы. Значит, австрийский полицейский путешествовал по той же самой ухабистой дороге, на которой сам Гласс торчал большую часть своей взрослой жизни.

Заложив крутой левый вираж, Калфус влился в поток машин, громко ругаясь и выпуская дым от сигареты в открытое окно, но ветер загонял сизое марево обратно в салон, заставляя Люсиана вдыхать никотин. Глассу хотелось отобрать у австрийца сигарету; он явственно представлял себе, какой сладостной окажется первая затяжка... вот только достаточно будет всего одной сигареты, чтобы снова стать заядлым курильщиком.

— Заворачиваю за угол, — предупредил Калфус.

Сверившись с монитором, вмонтированным в крышку открытого чемоданчика, лежащего у него на коленях, Люсиан распорядился на следующем светофоре повернуть направо.

— Если только это оборудование работает исправно, — добавил он.

Прилетев в Вену, Гласс первым делом встретился с Калфусом, а затем они вместе прождали час прибытия из Нью-Йорка самолета, на котором прилетел Малахай Самюэльс.

Как только специалист по перевоплощениям спустился по трапу, двое служителей закона установили за ним наблюдение. Люсиан предпочел бы работать со своими людьми, но правительство Австрии предупредило, что разрешит ФБР действовать на австрийской земле только таким образом.

— А теперь налево, — продолжал Люсиан.

Калфус сделал поворот. Через несколько кварталов снова поворот налево, а затем направо.

— Теперь я знаю, куда он направляется. Это дорога к дому Джереми Логана, что стыкуется с вашими словами о том, что Малахай прилетел в Вену посмотреть на то, что нашел Логан.

— И потерял, — уточнил Люсиан.

В течение последнего часа Люсиан и Алекс рассказывали друг другу о том, что вывело каждого из них на этот след.

— Как вам удалось установить «жучок»? — спросил Калфус.

— Наши люди на несколько часов присоединились к службе безопасности аэропорта, и когда Самюэльс проходил предпосадочный контроль, его остановили, потому что сработал металлодетектор. Это дало нам время. Пока Самюэльса досматривали, один из наших людей спрятал у него в бумажнике микропередатчик.

— Он его не обнаружит?

— Передатчик крошечный и спрятан внутри шва.

— Вы уже давно ведете наблюдение за этим человеком?

— Девять месяцев.

— И, даже несмотря на самое совершенное оборудование из Лэнгли, вашим людям так и не удалось обнаружить против него никаких весомых улик?

— Не моим людям... *мне*. Это мое дело, и я последний одинокий крестоносец.

— А почему вы до сих пор не подняли рúки?

— Этот человек — психолог и фокусник-любитель. Он мастерски владеет искусством отвлекать внимание, направляя его в ложную сторону. И дело не только в исчезающих монетках и смене внешности. Самюэльс обманывает всех. И я не хочу, чтобы он обманул и меня.

— За последние несколько дней он много звонил сюда, в Вену?

— Несколько раз Джереми Логану и еще дважды Фремонту Брехту, вашему бывшему министру обороны. Мы полагаем, что Брехт и Логан являются членами одного и того же объединения. Общества памяти. Небольшой неполитической организации, насколько нам удалось установить, не имеющей связи с преступным миром. Первоначально она была основана как ответвление от масонской ложи.

— Здесь, в Вене? — Калфуса выводило из себя то, что американец лучше его разбирается в том, что происходит в его родном городе.

— Нет ничего удивительного в том, что вы даже не слышали об этой организации. Общество памяти старается не привлекать к себе внимание.

— И какое отношение имеет все это к убийству и ограблениям?

— На основании прослушанных телефонных переговоров мы сделали вывод, что общество собиралось участвовать в торгах, на которых должна была быть выставлена шкатулка с играми, а Самюэльс обговаривал свой взнос в предстоящую покупку в обмен на неограниченный доступ к шкатулке. Но, возможно, на самом деле он вел переговоры, лишь чтобы вытянуть необходимую информацию, и именно он стоит за ограблениями. Если это действительно так, следя за Малахаем, мы выйдем на антикварную реликвию и письмо и на тех, у кого они в настоящий момент находятся. Но даже если это не так, нам известно, что Малахай страстно желает получить эти вещи и у него

есть деньги, чтобы купить их на черном рынке, если они будут выставлены на продажу, что также поможет нам выйти на реликвии и на тех, кто ими владеет.

— Похоже, вы убеждены в том, что Самюэльс так или иначе связан с последними событиями.

Люсиан кивнул. Ему приходилось видеть в глазах Малахая решимость, граничащую с маниакальной одержимостью, но он не стал об этом говорить. Оторвав взгляд от монитора, Гласс посмотрел в окно на здания, мимо которых они проезжали, гадая, каково было бы провести здесь хотя бы несколько часов в качестве туриста.

— Профессиональное чутье — это серьезно, — заметил Калфус.

— А как у вас продвигается расследование?

— Множество подробностей. Множество предположений. Никаких существенных улик. До сих пор преступники не совершили ни одной ошибки, — пожаловался Алекс.

— Вы хотите сказать, ни одной очевидной ошибки.

Калфус пожал плечами. Люсиан отметил, что австриец постоянно прибегает к этому жесту, и у него мелькнула мысль, не сбрасывает ли он тем самым с себя те сомнения, с которыми все время приходится иметь дело сотрудникам правоохранительных органов.

— Вот вопрос, на который я до сих пор не могу получить удовлетворительный ответ: почему все эти ошибки так бросаются в глаза, когда оглядываешься назад?

— Самокритика? Никак не ожидал встретить это качество у сотрудника американского ФБР.

— На следующем перекрестке налево.

Они умолкли. Доехав до перекрестка, Калфус повернул налево, и они увидели, как в конце квартала черный «Мерседес» сбросил скорость и остановился у тротуара.

Калфус притормозил у дома номер 59: белые отштукатуренные стены и черные ставни; а перед домом номер 83

по Киртхенгассе водитель в форме вышел из машины, открыл заднюю дверь и помог выйти пассажиру.

Входная дверь распахнулась, и навстречу гостю шагнул высокий мужчина с взъерошенными волосами.

— Это Джереми Логан? — спросил Люсиан.

— Да.

Логан обхватил Малахая за плечи, затем вперед шагнула Меер, заключая его в объятия.

Включив передачу, Калфус медленно тронулся в сторону дома номер 83.

— Это дочь Логана, Меер, — объяснил он. — Во время газовой атаки шкатулка с играми была буквально вырвана у нее из рук.

— Художественный салон оборудован камерами видеонаблюдения?

— Мы просмотрели записи, но дыма было столько, что толком ничего рассмотреть не удалось.

Алекс не говорил, пострадала ли девушка во время нападения, но Люсиан не стал повторять вопрос. Он и так стеснялся, что его задал. В этот момент они проехали мимо дома номер 83, и Люсиан смог рассмотреть Меер вблизи. Никаких следов физической травмы у нее не было, но у Гласса сложилось впечатление, что по сравнению с тем, какой он видел молодую женщину в последний раз, она определенно чем-то очень встревожена.

И тут, должно быть, дала себя знать смена часовых поясов: внезапно Люсиан почувствовал такую усталость, какую уже давно не испытывал, проникающую до мозга костей; такую, что от нее нельзя излечиться и за несколько лет. Калфус задал ему какой-то вопрос и ждал ответ, но Гласс понятия не имел, о чем австрийский следователь говорил последние две-три минуты. Наверное, это тоже было следствием смены часовых поясов.

ГЛАВА 39

Вена, Австрия

Понедельник, 28 апреля, 20.20

Проводив Малахая в гостиную, Джереми налил вино и рассказал гостю о последних событиях, начиная с нападения в Женеве и заканчивая ограблением в «Доротеуме». Малахай слушал, потягивая вино из хрустального бокала, и молча кивал. Когда Джереми закончил, он обратился к Меер:

— А теперь расскажи ты, что происходило с тобой?

Та заколебалась.

— Совершенно естественно, что после стольких лет неверия ты никак не можешь свыкнуться с мыслью, что все это правда. Но если ты выскажешься, тебе станет легче. Меер, рассказывай все.

Девушка выложила все, в том числе и то, что произошло, когда они с Себастьяном были в мемориальной квартире Бетховена. И то, что произошло на кладбище.

— Ты уже знала, что ту женщину из провалов в прошлое зовут Марго, еще до того как увидела надгробие? — спросил Малахай.

Меер кивнула.

— Муж Марго нашел в Индии эту флейту, а затем умер здесь, — объяснил Джереми.

Ледяные веревки опутывали Меер, тянули ее, увлекая в водоворот. Молодая женщина уронила голову на руки, захлестнутая нахлынувшей скорбью.

— Нет! — воскликнула она. — Каспар жив! Он в Индии. Вот почему я должна достать деньги. Чтобы снарядить экспедицию и найти его.

Она не могла жить без Каспара. Не могла жить без человека, чьего имени не знала до прошлого воскресенья. Ради него она была готова пожертвовать всем, лишь бы его найти, спасти, вернуть домой.

Но тут Меер услышала голос отца, пробивающийся к ней откуда-то издалека.

— Малахай, прекрати! Разве ты не видишь, что с ней происходит?

— Это очень важно, Джереми. Она вспоминает.

— Нет! — гневно повысил голос Логан.

Но Малахай, не обращая внимания на друга, заговорил снова:

— Марго, что происходит?

Сделав усилие, она погрузилась в бездонный мрак, пытаясь найти ответ.

— Флейта у Бетховена, он пытался определить мелодию по узорам, вырезанным на кости.

Даже сквозь покрывало ледяного тумана Меер ощутила изумление. Резные узоры являются ключом к мелодии?

— Ты знаешь, удалось ли Бетховену разгадать мелодию?

И снова наступила темнота. Знакомая темнота, страшнее любых кошмаров. Когда она была маленькой, эта самая темнота окутывала воспоминание, повторявшееся снова и снова: женщина в мужской одежде несется в грозу верхом по лесу, пытаясь уйти от погони. Она слышала дыхание лошади и стук дождя по мокрой шерсти плаща. Но затем образы растворялись во мраке, оставляя ее в море бесконечной печали.

— Марго? — нетерпеливо спросил Малахай.

— Достаточно, Малахай! — решительно произнес Джереми.

Малахай ответил, полуобернувшись к нему:

— Если эта флейта до сих пор существует и если нам удастся подтвердить, что Марго Нидермайер в тот период действительно брала уроки музыки у Бетховена...

— Для этого не обязательно мучить мою дочь. Я могу подтвердить, что в 1814 году Марго действительно занима-

лась у Бетховена. Вернувшись сегодня с кладбища, я обратился к базе данных. Ее имя несколько раз упоминается в письмах композитора.

Холод постепенно отступал, дрожь прекратилась. Меер слушала, как ее отец рассказывает про занятия Марго у Бетховена.

— Ты больше ничего не смог выяснить о ней? — спросил Малахай.

— У меня нет доступа ко всем письмам Бетховена. База данных позволила получить лишь общее представление, но впервые Марго упоминается в письме, датированном сентябрем 1814 года.

То же самое Меер испытывала и в детстве, находясь под постоянным пристальным вниманием отца и Малахая: она чувствовала себя не живым человеком, а любопытным научным фактом. Она встала.

— Я больше не хочу ничего слушать. Мне нужно отдохнуть.

— Ну конечно, — поспешно согласился Малахай. — Нам всем нужно отдохнуть.

Меер услышала в его голосе озабоченность, но также и надежду... надежда присутствовала всегда. Она посмотрела на своего отца. И у него в глазах помимо его воли светилась та же самая надежда.

ГЛАВА 40

Понедельник, 28 апреля, 20.50

— Я не могу разглядеть, как глубоко вниз уходит этот колодец. — Голос с американским акцентом гулким эхом раскатился по пещере, скрытой глубоко под землей.

Давид затаил дыхание. Что здесь происходит? Сегодня из концертного зала музыка не доносилась: ни выступле-

ний, ни репетиций. Тишину нарушали лишь шорох пробежавшей крысы да глухой удар сорвавшегося камешка. И вот внезапно в подземелье проникли голоса этих людей, находившихся, судя по всему, гораздо глубже и гораздо ближе, чем это было возможно.

— Дай-ка я опущу зонд, — ответил второй голос, также с американским акцентом. — Посмотрим, достанет ли он до дна.

Неужели эти двое работают в «Глобальной службе безопасности»? Это люди Тома Пакстона, пытающиеся разыскать беду до того, как она сама проявит себя? Как глубоко под землю они проникли?

Ялом оглянулся на клетку, захваченную с собой, и на трех крыс, успевших попасть в ловушку.

— Ну, что там с показаниями? — продолжал американец. — Удалось достать до дна?

Журналист надел перчатки из плотной ткани. Если его замысел увенчается успехом, крысы объяснят появление сигналов на инфракрасных мониторах «Глобальной службы безопасности». Из разговора с Пакстоном он понял, что имеющаяся в его распоряжении система РЗЗП не только ушла на несколько поколений вперед от первых таких радаров, сперва применявшихся для обнаружения подземных ходов вьетконговцев¹; это было самое совершенное на настоящий момент оборудование. Принцип РЗЗП настолько прост, что сейчас такими устройствами пользуются практически все, от криминалистов, разыскивающих места тайных захоронений, до строителей, изучающих площадку перед началом работ. Разумеется, Пакстон, одержимый желанием во что бы то ни стало по-

---

¹ Сокращенно от «вьетнам конг шан» — вьетнамский коммунист; так американцы называли южновьетнамских повстанцев, получавших поддержку вооруженных сил ДРВ во время войны во Вьетнаме.

бедить, достанет самую совершенную систему. Давид уже много лет освещал в средствах массовой информации проблемы обеспечения безопасности и знал, что «Глобальная служба безопасности» использует в своей работе самые новейшие достижения науки и техники.

— Наверное, колодец соединен с канализационной системой, — снова заговорил американец. — Зонд уже прошел двенадцать метров и продолжает опускаться.

Давид взглянул на часы. Без десяти девять. Ну почему эти ублюдки до сих пор работают? Однако он сам знал ответ: потому что этого потребовал от них Пакстон.

— А ты можешь опуститься еще ниже и осветить вокруг?

— Отверстие слишком узкое, — послышался первый голос. — Не получится.

Давид представил себе, как американец пытается спуститься в колодец, проходящий под прямым углом к тому отсеку, где прятался он сам. Но он заглядывал в узкую щель и убедился, что в нее не протиснется даже ребенок. По рассказам Вассонга и по обнаруженным чертежам Давид понял, что колодец является частью созданной в самом конце XIX века отопительной системы, давно вышедшей из употребления.

Сунув руку в клетку, Давид схватил крысу и запихнул ее в узкую щель в каменной стене, отделяющей место, где он прятался, от колодца. Послышалось царапанье когтей о камень. Давид ждал.

— Слушай, я тут поймал сигнал, который мне совсем не нравится. — В голосе американца прозвучала тревога.

Давид представил себе, как сотрудник «Глобальной службы безопасности» видит у себя на мониторе какое-то движение и пытается разобраться, что это такое. Он не сомневался, что его противник видит крысу. Давид был

в этом уверен. Но что, если система оснащена и другими датчиками? Способна ли она обнаружить присутствие семтекса, привезенного из Чехии? Нет, рассудил Давид, он использует более старую разновидность взрывчатки, в ее составе практически нет никаких радиоактивных материалов, так что обнаружить ее невозможно.

— Ты точно не можешь протиснуться ниже? — окликнул один американец другого.

Открыв клетку, Давид достал вторую крысу, самую крупную, и мерзкая тварь, изловчившись, вонзила зубы ему в руку. Перчатку крыса не прокусила, но все же Давид ощутил неприятное прикосновение острых сильных резцов. Не теряя времени и сил на ругательства, он выпустил крысу; ему нужно было благодарить грызуна за такую важную роль в подготовке операции. У него мелькнула мысль: после того как в четверг вечером прозвучат последние аккорды Пятой симфонии Бетховена, останется ли в живых хотя бы одна крыса?

ГЛАВА 41

Приобретенные добродетели, которые медленно развиваются внутри нас, являются невидимыми узами, связывающими каждое наше существование со всеми другими, — эти существования помнит только Дух, ибо у Материи нет памяти на духовное.

Оноре де Бальзак

Вена, Австрия

Вторник, 29 апреля, 09.20

Напротив Императорской школы верховой езды, величественного комплекса зданий в стиле позднего барокко, приютилась крошечная неказистая церковь XIV века, теряющаяся на фоне своих монументальных соседей. Оче-

редь у входа была короткой; всего человек двенадцать дожидались десяти часов утра, когда склеп откроет свои двери для широкой публики.

Меер и Малахай, пешком пришедшие сюда вместе от своей гостиницы, не обращая внимания на очередь, направились напрямик к Джереми, который вместе с Себастьяном ждал их у входной двери. Меер удивилась, увидев Себастьяна, хотя отец и говорил, что он придет.

Увидев их, Джереми помахал рукой. Он договорился об отдельной экскурсии до открытия церкви, и как только все собралось, он провел их внутрь.

Строгий готический фасад церкви никак не вязался с изящным внутренним убранством. Свет огромных бронзовых люстр озарял просторный проход, нефы, боковые ответвления и крошечного монаха, медленно идущего навстречу вошедшим. Представив отца Франциска, Джереми объяснил, что святой отец не говорит по-английски.

Маленькая группа прошла за фигурой в коричневой рясе в часовню Лорето, крохотную комнатку с побеленными стенами. Сводчатый потолок нависал здесь гораздо ниже, алтарь был простым, без украшений. Более светлые скамьи казались радушнее по сравнению с темными скамьями главного святилища, и у Меер мелькнула мысль, что из этого интимного помещения достать до Господа Бога молитвой значительно проще.

Справа от миниатюрного алтаря на темной стене был нарисован семифутовый скелет, который словно охранял двустворчатую чугунную решетку, украшенную коронами и лебедями. Отец Франциск остановился перед дверью, дожидаясь, когда соберутся все посетители. Приблизившись к решетке, Меер ощутила дуновение холодного воздуха. Вдоль стены тянулись две полки, заставленные десятками серебряных кубков и урн, сияющих в свете, проникавшем в окно. Склеп сердец.

Отец Франциск вставил в замок черный ключ. Ему пришлось сделать усилие, чтобы отпереть дверь, словно та не хотела никого впускать. Наконец монах махнул рукой, приглашая всех войти, и начал монотонным голосом рассказывать посетителям о том, что они увидели перед собой.

Джереми переводил:

— Всего здесь пятьдесят четыре сердца. Все они принадлежат членам императорской фамилии...

Начищенное серебро сверкало, притягивая взор. Меер смотрела только на урны; она пришла сюда только ради них, все остальное не имело для нее значения. Ее отец только что сказал, сколько их здесь, но Меер начала считать сама. Не зная, почему.

«Одна. Две. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять».

Ей показалось, что девятая урна блестит ярче остальных. Она задержала на ней взгляд, перестав слушать отца. Ей нужно было придумать, как подойти к урне ближе, хотя она сама не могла сказать, зачем и что она хочет найти.

— Вы говорите по-английски? — обратилась к монаху Меер, хотя отец только что заверил ее в обратном.

— Англицки? Отшень плёхо, нет, — с сильным акцентом ответил монах.

Девушка кивнула. Ей нужно было убедиться наверняка.

— Вы не говорите по-английски.

Отец Франциск покачал головой.

Подойдя к отцу, Меер указала на табличку в дальнем правом углу верхней полки и шепотом задала вопрос, следя за тем, чтобы не перебивать рассказ монаха. Когда отец Франциск перестал говорить, Меер тоже умолкла.

Джереми отстал с переводом на несколько секунд, но все же ему каким-то образом удалось услышать и монаха, и дочь.

— Первое сердце принадлежит императору Священной Римской империи Фердинанду IV. Оно было помещено здесь 19 июля 1654 года. Последнее сердце принадлежит Францу-Карлу Австрийскому, и оно было помещено здесь 8 марта 1878 года.

Подойдя к полке так близко, насколько это только было возможно, Меер пересчитала еще раз, чтобы быть уверенной, справа налево, снова остановившись на девятой урне. Прищурившись, она попыталась прочесть надпись, выбитую на маленькой бронзовой табличке под ней. Слова были на немецком, и Меер разобрала только имя «Мария-Терезия» и год «1696».

Маленькая серебряная урна стояла на круглых ножках. По краю проходили три ряда сердец: острое сердца верхнего ряда входило как раз между половинками сердца под ним. Вокруг одни сердца. Урна чуть покосилась набок, местами ее поверхность была покрыта небольшими вмятинами. *Девятая урна.* В колоде карт из шкатулки с играми, которую успела рассмотреть Меер, были две червовых девятки. *Лишняя девятка червей.* Что это означает? Во всех ли колодах были повторяющиеся карты? Сможет ли она когда-нибудь это узнать?

— Как ты думаешь, на эту мысль их натолкнули древние египтяне? — спросила отца Меер.

Ее голос прозвучал неестественно, но она надеялась, что никто не придаст этому значение. Джереми начал было отвечать, но вдруг у него дрогнул голос. Он осекся. И рухнул на каменный пол.

— Папа? — Упав на колени рядом с отцом, Меер схватила его запястье, нащупывая пульс. — Ему срочно нужен врач! — крикнула она.

— Dringlichkeit, dringlichkeit¹, — закричал Себастьян, и монах бросился к выходу.

¹ Скорее, скорее (нем.).

ГЛАВА 42

Вторник, 29 апреля, 09.38

Как только отец Франциск выбежал из склепа за помощью, выражение ужаса на лице Меер сменилось полной сосредоточенностью. Нельзя было терять ни секунды, объясняя свои действия Себастьяну и Малахаю, поэтому пока они суетились вокруг расprostертого на полу Джереми, Меер быстро выпрямилась и поспешила к девятой серебряной урне на верхней полке. Не раздумывая, она открыла ее и сунула руку внутрь. У нее не было времени изучать мумифицированные останки, которым было больше четырехсот лет, и размышлять над тем, что она оскверняет прах венценосной особы.

То, во что превратилось человеческое сердце, на ощупь было похоже на высохший плод, сморщенный и жесткий, но под ним пальцы Меер обнаружили нечто гладкое и холодное. Крошечное. Она не раздумывала, что это такое и как ей нужно с этим поступить. Не теряла времени, удивляясь, как это интуиция подсказала ей, что там что-то должно быть.

Спрятав находку в кармане джинсов, Меер вернулась к отцу и опустилась на корточки справа от Себастьяна, не зная, заметили ли он или Малахай то, что она сделала.

Через несколько минут в тесный склеп ворвались санитарты и занялись спасением жизни Джереми Логана.

ГЛАВА 43

Вторник, 29 апреля, 09.45

Сидя в крошечной серебристо-черной машине, стоящей напротив церкви, Люсиан Гласс и Алекс Калфус наблюдали за разворачивающимися событиями: подъехала ка-

рета «Скорой помощи», к ней навстречу выбежал монах, санитары поспешно скрылись внутри.

Люсиану страшно хотелось броситься в церковь и самому посмотреть, что там произошло. Привыкший к активной деятельности, он мучился, вынужденный довольствоваться ролью стороннего наблюдателя, однако ему приходилось работать на чужой территории, и это было все, на что согласились австрийские власти. Глядя на суету у входа в церковь, Люсиан совершенно неожиданно поймал себя на том, что не на шутку встревожен. Пока Калфус пытался по телефону выяснить, что же произошло внутри, из церкви вышли санитары с носилками. Их сопровождали Себастьян и Малахай.

— Вы можете разглядеть, кто на носилках? Джереми или его дочь?

— Только не отсюда, — ответил Алекс, не отнимая телефон от уха.

Но тут двери церкви снова открылись, и вышла Меер, бледная, растрепанная.

Калфус захлопнул телефон.

— Джереми Логан упал в обморок. Предположительно, сердечный приступ.

Завывая сиреной, «Скорая помощь» умчалась. Полицейский помог Меер сесть в патрульную машину и тотчас же уехал следом, оставив Себастьяна и Малахая стоять на улице рядом с расстроенным монахом. Обменявшись с ним несколькими словами, они вместе направились от церкви.

На стоянке такси на углу Малахай и Себастьян встали за пожилой женщиной с большим букетом тюльпанов в руках. Через минуту у стоянки остановилось такси, женщина уехала, и тотчас же подъехала еще одна машина. Мужчины сели. Как только такси тронулось, Калфус поехал следом.

— Полагаю, сейчас они направляются в больницу.

— Думаю, вы правы. Но мне гораздо больше хочется узнать, что они искали в церкви. Вы не могли бы попросить кого-нибудь последить за Малахаем, и если он действительно поедет в больницу, мы вернемся сюда и поговорим с монахом.

— Ну, с этим не будет никаких проблем.

— Следующие мои два вопроса вот какие: кто тот человек в синем «Мерседесе» в конце квартала, наблюдавший за церковью вместе с нами, и присоединится ли он к процессии, направившейся в больницу? Прошу прощения, три вопроса. Если так оно и произойдет, то за кем именно он следит?

— Какой еще человек?

Люсиан несколько не гордился тем, что он заметил мужчину, читавшего газету в машине, а Калфус не обратил на него внимания. На самом деле он предпочел бы, чтобы первым неизвестного заметил Калфус; в этом случае Гласс почувствовал бы больше уверенности в своем новом напарнике.

— Этот мужчина подъехал сразу же после нас, — объяснил Люсиан, — просто поискал свободное место у тротуара, поставил на него машину и остался сидеть в ней. Он сделал два телефонных звонка, сверился с часами и стал читать газету. Каждые три минуты мужчина смотрел на часы, словно кого-то ждал, но я уверен, что ждал он только того из тех четверых, вошедших в церковь, за кем следил.

ГЛАВА 44

Вторник, 29 апреля, 09.49

Монах остался стоять на улице, провожая отъезжающую «Скорую помощь» и полицейскую машину. На мужчину в неприметном сером костюме он обратил внимание только тогда, когда тот подошел к нему вплотную.

— Прошу прощения, святой отец, — сказал мужчина по-немецки, предъявляя значок и удостоверение.

Взглянув на серебряный щит, говоривший о принадлежности мужчины к полиции, монах кивнул.

— Я бы хотел поговорить о том, что здесь только что произошло.

— Я уже ответил на вопросы полиции, — испуганно промолвил отец Франциск, сбитый с толку тем, скольких официальных лиц привлекло это незначительное происшествие.

— Да, знаю. Я очень сожалею, что вынужден вас беспокоить, но я из отдела по охране произведений искусств, и мне также нужно подготовить доклад о случившемся, поскольку речь идет о памятнике национальной культуры.

Покорно вздохнув, монах повторил рассказ о том, что видел.

— У одного мужчины в часовне случился сердечный приступ.

— А что они делали в церкви до ее открытия?

— Как и все остальные, они пришли обратиться к Господу и посмотреть склеп.

— Если не возражаете, мне бы тоже хотелось взглянуть на склеп.

— Но в чем дело? Человеку просто стало плохо. Не было ни ссоры, ни несчастного случая, и к часовне это не имеет никакого отношения.

— Не сомневаюсь в этом. А теперь, если для вас это не составит особого труда, вы не могли бы показать, где все это произошло? Я отниму у вас буквально несколько минут.

Монах неохотно, сомневаясь, что у него есть выбор, проводил полицейского через главное святилище церкви к нефу, в часовню Лореты, мимо строгого скелета, охраняющего вход, и, наконец, во внутреннюю комнату.

Подобно многим уроженцам Вены, в том числе и сотрудникам полиции, за одного из которых он сейчас себя выдавал, Пауль Пертцлер совершенно не был знаком с туристическими достопримечательностями своего родного города и понятия не имел, почему эта часовня представляет такой интерес.

— Вы можете объяснить, что я сейчас перед собой вижу? И при этом, пожалуйста, обратите внимание, все ли находится на своих местах. Не торопитесь, святой отец, подумайте.

— Этот склеп принадлежал императорской семье. Здесь покоятся останки ее членов. — Остановившись, монах подошел к полкам, внимательно посмотрел на одну урну, взял ее и передвинул ее чуть левее и на полдюйма назад.

— В этих урнах находится прах членов императорской семьи?

— Нет, их сердца.

— Сердца? — повторил Пертцлер, уставившись на маленькие серебряные урны. — И давно сюда складывают сердца?

— С начала XVII века.

— А когда здесь было похоронено последнее сердце? Если оно было похоронено? Как вы сами это называете?

— Последнее сердце было помещено сюда в 1878 году.

— И сколько их здесь?

— Всего здесь пятьдесят четыре сердца.

Пауль сделал пометку. Затем он кое-что вспомнил.

— А сердце Бетховена тоже здесь?

Монах удивился, но ответил уверенно:

— Нет. Здесь только сердца членов императорской семьи.

— Однако мой вопрос вас чем-то поразил. Чем же?

— Странно, что вы спросили про Бетховена. Один из спутников мистера Логана тоже спрашивал про него.

— Кто? Который из спутников? Что он спросил?

— Мужчина из Америки спросил, есть ли данные о том, что Бетховен имел какое-то отношение к этой часовне.

— Ну и как, имел?

— Да, — с гордостью ответил монах. — Через одного из своих ближайших друзей — своего ученика и главного благодетеля эрцгерцога Рудольфа, младшего сына императора Австро-Венгрии Леопольда II. Эрцгерцог выделил Бетховену комнаты в императорском дворце, чтобы репетировать и выступать. Но мало кто помнит, что эрцгерцог был также священником, имел сан архиепископа, и поскольку эта церковь входила во дворец Хотбург, он служил здесь мессу. А Бетховен, проводивший много времени во дворце, исполнял здесь отрывки из «Торжественной мессы» на протяжении тех двух лет, что работал над ней. Когда в 1823 году произведение наконец было завершено, Бетховен посвятил его Рудольфу и написал на партитуре следующие слова: «От моего сердца — вашему сердцу».

— Опять сердца.

— Много сердец, — повторил монах, едва заметно улыбнувшись.

— А теперь вернемся к этому помещению и урнам. Вы уверены, что здесь ничего не пропало, все на своих местах?

— Ничего не пропало. Все на своих местах.

— В таком случае, почему вы, войдя сюда, передвинули одну урну?

— Она была чуть смещена.

— Возможно ли, чтобы ее трогал один из спутников Логана?

— Не думаю.

— А вы можете проверить? Можете заглянуть внутрь? Отец Франциск нахмурился.

— Мумифицированные сердца считаются священными.

— Я все понимаю. Но мне бы хотелось, чтобы вы заглянули внутрь.

Монах колебался.

— Святой отец, это необходимо.

Осенив себя крестным знамением, монах подошел к полке, снял крышку с девятого кубка и всмотрелся внутрь.

Подойдя к нему сзади, Пертцлер заглянул через плечо: в серебряном сосуде лежало высохшее, сморщенное сердце. Чем Логан и его дочь занимались в этом склепе? Здесь есть что-то такое, что он упускает из вида?

ГЛАВА 45

Вторник, 29 апреля, 10.14

Меер шла от лифта по длинному коридору, сверяясь с номерами на дверях палат, делая над собой усилие, чтобы не заглядывать внутрь. Ей не хотелось подсматривать за незнакомыми людьми, беспомощно страдавшими на больничных койках, не в силах закрыть дверь, если медсестра оставила ее открытой. Она сознавала, что если случайно заглянет в палату, страх и отчаяние больных будут преследовать ее на протяжении многих дней, потому что ей были слишком хорошо знакомы их переживания. Хотя Меер тогда было всего девять лет, долгие недели, которые она провела совершенно неподвижно в кровати, не в силах защититься от любопытных взоров тех, кто проходил мимо, навсегда отпечатались у нее в памяти.

Дверь в палату номер 315 была приоткрыта, и в щель была видна женщина-врач, стоявшая у кровати, в которой лежал отец Меер. Врач стояла спиной, поэтому Меер не могла видеть ее лицо, но голос ее звучал серьезно — слишком серьезно для ситуации, симпровизированной Джереми Логаном, имея в запасе считанные секунды.

— Прошу прощения, — окликнула от двери Меер.

Врач обернулась, не скрывая раздражения, и что-то недовольно произнесла по-немецки. Девушка не поняла ни слова.

Усевшись в кровати, Джереми обратился по-немецки к врачу, затем к дочери.

— Заходи, моя милая. Это доктор Линтелл. Доктор Линтелл, познакомьтесь с моей дочерью.

Врач улыбнулась.

— Здравствуйте, — сказала она, протягивая руку.

Пожав ей руку, Меер спросила:

— Как мой отец?

Несмотря на то что она знала, что с отцом ничего не случилось, ей нужно было продолжать разыгрывать спектакль.

— Нам нужно сделать еще несколько анализов.

Удивленная, но стараясь не показывать это, Меер повернулась к отцу.

— Анализ? Зачем?

Джереми усмехнулся.

— Хотя доктор Линтелл и считает, что всему виной была обычная усталость, наложившаяся на переживания последних дней, она хочет еще немного меня помучить.

Меер ничего не понимала. Они с отцом договорились симулировать сердечный приступ в ходе переговоров шепотом, продолжавшихся не больше минуты, после того как Меер догадалась — поразительно, она просто прониклась абсолютной уверенностью, что в склепе спрятан ключ, причем она точно знала, где он находится. Меер попросила отца любым способом отвлечь внимание монаха, чтобы она смогла найти этот ключ. Отец шепнул в ответ: «Приступ паники», и она его поняла. Ему уже приходилось поступать так в прошлом, и он не раз рассказывал об этом своей маленькой дочери перед сном... Ей доставляло огромное удовольствие снова и снова слушать, как папа обманул восточногерманского пограничника, симулировав сердечный

приступ, и ему тогда был поставлен диагноз: «Приступ паники». И все это не вызвало никаких подозрений.

— Отец вам сказал, что у него уже были такие приступы, да? — спросила врача Меер.

Доктор Линтелл кивнула.

— И много еще нужно сделать анализов?

— На самом деле нам нужно проверить кое-какие другие симптомы.

Врач говорила резко. Не холодно, но не произнося ни одного лишнего слова. Меер не могла определить, то ли это черта немецкого характера, то ли принцип общения с родственниками больного.

Впрочем, существовала еще и третья возможность.

— Папа, у тебя действительно что-то серьезное?

Отец непринужденно рассмеялся, показывая, что все находится под контролем. Этого смеха Меер недоставало больше всего с двенадцати лет, с тех самых пор, как отец стал жить отдельно. Смеха и облегчения, которое она испытывала, купаясь в нем.

— Нет, моя милая. Ничего серьезного у меня нет. Все эти анализы — это чистая формальность, не так ли, доктор Линтелл?

Врач что-то строго сказала ему по-немецки. Он ответил, но тоже по-немецки.

Всю свою жизнь Меер ненавидела секреты. Мать не раз ловила ее, как она подслушивала телефонные разговоры по параллельному аппарату, пряталась за дверями, всегда стараясь понять, что от нее скрывают. А скрывали от нее очень много. Ее собственный рассудок упорно отказывался раскрыть свои тайны: образы и звуки, окутанные покрывалом тумана, воспоминания, до которых никак нельзя дотянуться.

Сначала Меер пыталась списать все на свое воображение, но отец определенно выглядел каким-то обессиленным, словно последний час вытянул из него всю энергию.

После ухода доктора Линтелл Меер хотела было снова спросить у него, как он себя чувствует, но тут появились Себастьян и Малахай.

— Ну, как вы себя чувствуете? — спросил Себастьян. — Что случилось в склепе?

— Тебя уже осмотрел врач, — сказал Малахай. — И каков прогноз?

Джереми объяснил, что Меер нужно было время, чтобы заглянуть в одну из урн, поэтому он симулировал сердечный приступ, отвлекая от нее внимание.

— Но даже так я должен остаться в больнице и сдать кое-какие анализы. Я уже в таком возрасте, что меня не выпустят, не убедившись, что со мной все в порядке. А пока что нам нужно разобраться с тем, что обнаружила Меер, понять, что это означает и куда двигаться дальше.

Меер понимала, почему отец обратился к Малахаю, оставив без внимания слова Себастьяна. Бросив на него взгляд, она увидела, что он смотрит на нее. Их взгляды встретились, и снова Меер ощутила это противоречивое чувство: ее одновременно тянуло к Себастьяну и отталкивало от него. Его присутствие рядом пугало ее. Девушка повернулась к Малахаю.

— Что вы сказали?

— Я спросил, что ты нашла в урне. — Его черные, словно эбонит, глаза горели нетерпеливым ожиданием.

Сунув руку в карман, Меер достала то, что извлекла из девятого серебряного кубка в склепе с сердцами. Это был кусок потемневшего металла длиной не больше дюйма, вероятно, серебра, покрытый черными точками. Молодая женщина осмотрела маленькую трубку с отверстием наверху и одной полосой сбоку. Никаких других отметин не было. Металл казался холодным, и этот холод разливался от кончиков пальцев по рукам и через плечи вниз по спине. Меер поежилась, и маленькая трубка задрожала у нее на ладони.

— Что это? — спросил Себастьян.

— Спускаясь в склеп, ты знала, что там должен быть ключ? — спросил Малахай.

— Нет. Я понятия об этом не имела.

— У тебя есть какие-нибудь мысли относительно того, что это может быть? — продолжал Малахай.

Меер покачала головой.

— Нам нужно разгадать назначение этого ключа, но мы не сможем это сделать, оставаясь здесь, — сказал Джереми. — Себастьян, вы сегодня свободны? Вы сможете нам помочь?

— У нас сегодня репетиция перед концертом, который состоится в четверг, но она начнется только в семь вечера. Джереми был озадачен.

— У меня нет билетов на этот концерт?

Объяснив, в чем дело, Себастьян повернулся к Малахаю.

— Если вы тоже захотите пойти на концерт, думаю, я смогу достать еще одну контрамарку. Я буду очень рад принять вас в качестве своего гостя. Мы будем исполнять «Героическую» симфонию Бетховена.

— С удовольствием, — обрадовался Малахай.

Меер больше не слушала. Услышав фамилию великого композитора, она вспомнила, что сегодня утром видела его могилу. И могилу Марго.

— Ты что-то вспоминаешь? — встревожился Малахай.

Меер уловила в его голосе надежду, смешанную с отчаянием, — лейтмотив всего своего детства. Столько лет Малахай и ее собственный отец пытались разрушить то, что они считали плотиной, не позволяющей прошлому Меер выплеснуться в настоящее.

— Вы работали с тысячами детей, — сказала она Малахаю. — Разве они не предоставили вам достаточную возможность найти доказательства, которые вам так нужны?

— «Инструмент памяти» позволил бы решить эту проблему с совершенно другой стороны.

— Если такая вещь действительно существует, то как она может действовать? — спросил Себастьян. — Вы по-

лагаете, звуков музыки будет достаточно, для того чтобы вернуть воспоминания о прошлой жизни?

— Так утверждается в легендах, — ответил Малахай. — Или мелодия, или колебания воздуха, возникающие при игре на флейте.

— А если существует реальный физический способ воздействовать на время, применим ли он к недавнему прошлому или же все ограничено одним только далеким прошлым?

Хоть Малахай и не понял, о чем спрашивает Себастьян, Меер все прекрасно поняла. Себастьян хотел узнать, сможет ли флейта помочь его сыну Николасу. Она почувствовала это по тому, как изменился его голос, по прозвучавшему в словах отчаянию. Себастьян жадно собирал любую информацию, способную предоставить хотя бы и возможную помощь сыну. Меер страстно захотелось внести в это и свою лепту, но ей был уже тридцать один год, а она до сих пор никак не могла помочь себе самой.

Она снова поежилась, и на этот раз холод был подобен вихрю эмоций, заморозивших ей сердце. Рот наполнился металлическим привкусом. Силуэты отца, Малахая и Себастьяна начали дрожать и расплываться, словно материя потеряла возможность находиться в твердой форме. «Нет, только не здесь, только не сейчас», — подумала Меер, пытаясь не пустить в свое сознание новые образы, но они нахлынули слишком быстро и неудержимо.

ГЛАВА 46

Вена, Австрия

18 октября 1814 года

Поймав на себе взгляд Марго, русский царь, находившийся в противоположном конце салона, одарил ее обезоруживающей улыбкой. Перед ним стояли двое, но Александр возвышался над ними, поэтому, хотя они и были

уверены в том, что полностью владеют его вниманием, он также успевал переглядываться с Марго.

Несмотря на гомон голосов и восхитительную музыку в исполнении струнного квартета, в сердце Марго звучала печальная нота, не затихавшая никогда, где бы она ни находилась, чем бы ни занималась и кто бы с ней ни заигрывал.

Чем прекраснее было мгновение, тем острее Марго сознавала, что Каспара нет рядом, и тем безнадежнее казалось ей ее начинание. Сколько она еще может ждать? День за днем Марго навещала Бетховена и становилась свидетелем его бесплодных попыток раскрыть мелодию флейты, а тем временем больной Каспар вынужден был оставаться в каком-то убогом монастыре на другом конце света. Насколько тяжела его болезнь? Доживет ли он до того, как Марго сможет собрать деньги, чтобы снарядить экспедицию? Сколько времени уйдет на его поиски? Марго вздохнула, глубоко и безутешно, и медленно выпустила воздух, жалея о том, что не может дать волю своим чувствам и расплакаться, а вместо этого вынуждена стоять прямо и держать себя в руках. Если бы можно было перестать любить мужа, она бы на это пошла. Прожила хотя бы один день без тревоги, без страха о том, что произойдет, если она потерпит неудачу. Но Марго не могла. Не могла не любить Каспара. Не могла расстаться с надеждой его спасти.

Царь Александр, один из богатейших людей на свете, снова бросил взгляд в ее сторону. В его внимательных серых глазах горело приглашение. Марго выдержала взгляд русского монарха.

Раз Ротшильды не разрешили майору Арчеру Уэллсу выкупить флейту без разгаданной мелодии, быть может, царь соблазнится магической силой инструмента и приобретет его таким, какой он есть. Сейчас. Не когда-нибудь в будущем. Когда, возможно, будет уже слишком поздно.

Марго постаралась побороть нарастающую панику. Вести двойную игру было очень опасно, однако горе пересилило страх. Сейчас не время идти на попятную; она слишком долго готовила эту встречу.

Очаровательный особняк Марго был полон умных и влиятельных людей. Еда была отменной, музыка — восхитительной. Все вокруг было напускное. Нити, на которых держались учтивые, любезные маски, готовы были вот-вот порваться. У каждого, кто приехал в Вену, была четкая цель — как теперь, когда Наполеон в ссылке, максимально выгодно использовать передел Европы в собственных интересах. В свое время триумфатор захватил неисчислимы богатства, и вот теперь, когда он был побежден, эти люди спорили, как разделить между собой награбленное. Несмотря на высокопарные рассуждения о благе всех народов, державы-победители были полностью сосредоточены на решении своих собственных задач. Так что даже здесь, на этом вечере, считавшемся вроде бы чисто светским развлечением, на первый план вышли сугубо практические проблемы.

Марго снова посмотрела на царя, отвечая ему не заигрыванием — на что, как она знала, он рассчитывает, — а открытым, прямым взглядом. Молодая женщина не сомневалась, что лучший способ поддержать эту игру — вообще в нее не играть. Сила неожиданного. Еще один урок, преподанный, как и сотни других, Каспаром. Поэтому Марго с холодным безразличием выдержала взгляд царя, и по глазам Александра было понятно, что это равнодушные заинтриговало всемогущего правителя, привыкшего к всеобщей почтительности.

Взяв с подноса, которым обносил гостей ее слуга, два хрустальных бокала с шампанским, Марго прошла через весь зал и протянула один русскому императору, не только перебивая разговор, но и подчеркнуто игнорируя собеседников Александра. Красивый мужчина со светлыми

золотисто-каштановыми волосами, монарх был в форме фельдмаршала¹. Многочисленные ордена и медали и золотые эполеты на темно-зеленом мундире в свете свечей сверкали, словно женские драгоценные украшения. Любая другая на месте Марго в присутствии царя смутилась бы, но она хотела показать, что она не такая, как все.

Ей удалось без особого труда увести Александра от гостей. Он принял ее приглашение прогуляться в саду и, многозначительно улыбнувшись, предложил руку. Луна и фонари рассекали ночную темноту затейливыми узорами, оставляя под деревьями обольстительные тени; цветы наполняли воздух ароматом сладостных благовоний. Царь, у которого сложилась репутация донжуана, склонился к уху Марго и поблагодарил ее за то, что она спасла его от скучного политического спора.

— Не стоит благодарности, я весь вечер ждала возможности поговорить с вами.

Подобно большинству съехавшихся в Вену, они говорили по-французски.

— А, значит, у вас тоже есть ко мне какое-то дело. Надеюсь, политика тут ни при чем. С меня за один вечер достаточно.

— На самом деле это тоже политика, но не та, которую вы сейчас обсуждали.

Александр обворожительно улыбнулся.

— Как умно подмечено! Политика опочивальни мне никогда не надоедает.

— Мы слышаны о вашем духовном браке. Это правда?

— Вы меня удивили. Это очень серьезная тема, а я полагал, что у нас с вами здесь фривольная беседа.

---

¹ Ошибка автора — Александр I никогда не носил мундир генерала-фельдмаршала, ибо не являлся им. По некоторым данным, знаки различия генерал-фельдмаршала иногда носил его сын, император Александр II.

— Вы ничего не имеете против?

— Вовсе нет. Вы изучаете мистицизм?

— Мой муж увлекается этим, и я многое узнала от него.

Он рассказывал мне о многих вещах, Ваше величество, и, в частности, о том, что два человека могут общаться между собой посредством молитвы, на каком бы большом расстоянии друг от друга они ни находились.

Прогуливаясь по запутанному лабиринту тропинок, они подошли к каменной скамье, окруженной кустами роз. Александр достал носовой платок и смахнул со скамьи опавшие лепестки. Они сели, и их тотчас же со всех сторон скрыли густые колючие заросли.

— Да, именно так обстоит дело у нас.

— Вас в этом браке трое? — спросила Марго, наперед зная ответ.

Вчера она долго общалась с двумя фрейлинами императрицы, расплатившись с ними фамильными драгоценностями, хотя ей самой сейчас очень были нужны деньги.

— Да. Мы поддерживаем друг друга сердцем и душой.

— Ваша духовная супруга сейчас здесь, в Вене?

— Это фрейлина моей супруги. Графиня Эдлинг. Быть может, вы с ней встречались?

— Пока что я не имела такого удовольствия, — ответила Марго, всматриваясь в глаза Александра, ища в них искру, чтобы понять, можно ли ей произнести остроту, уже готовую сорваться с ее уст, или же лучше воздержаться от шутки.

Выражение лица царя оставалось совершенно серьезным.

Значит, осведомители ее не обманули. Интерес Александра к мистике не имел под собой сексуальной подоплеку, а был обусловлен глубокими убеждениями. Как было всем известно, царь считал, что России было предопределено свыше низвергнуть Наполеона, а затем обеспечить безопасность европейских государств. Так что когда его

страна действительно сыграла решающую роль в победе над французским императором, Александр воспринял это как подтверждение своих дальнейших притязаний. Именно с этой целью русский царь прибыл в Вену. Он не сомневался, что это предназначено ему судьбой. Однако попытки Александра аннексировать Польшу и отодвинуть границы России на несколько сотен миль дальше на запад серьезно беспокоили глав других государств, приехавших на конгресс, поскольку мистические верования царя делали его доводы еще более подозрительными.

Они умолкли. Вокруг жужжали ночные насекомые. Со стороны особняка доносились обрывки разговоров и приглушенные звуки камерного оркестра. На улице было прохладно, но Марго не стала прикрывать плечи шалью, так как ей было хорошо известно, что ее кожа сияет в лунном свете, а Александр, хотя и говорил о высокой философии, не отрывал взгляда от ее открытого декольте.

— Просто поразительно, вы настолько щедры со своей душой, что готовы поделиться ей с женщиной, отдавшей свою душу другому мужчине.

Александр рассмеялся.

— Вы имеете в виду знаменитого теософа Шиллинга? Марго кивнула.

— На самом деле именно после знакомства с ним я решил присоединиться к этому союзу. Вы бы слышали, как красноречиво он объясняет превосходство духа над плотью. Из всех нас Шиллинг привносит в брак больше всех. На самом деле у нас есть и четвертый член, баронесса Круденер. Это моя когорта ангелов.

Все это было известно Марго, но она притворилась, что слушает с большим интересом. На самом деле об этом знали все. Духовный брак русского царя уже давно стал объектом насмешек.

— Я слышала, что Шиллинг дружен с поэтом Гете, — продолжала Марго. — Вы с ним тоже встречались?

- Нет, но я знаком с его трудами.
— Вам известно, что Гете верит в перевоплощение?
— Я тоже верю в перевоплощение.
— И эта проблема вас очень интересует?
— Разумеется. А вы верите в прошлые жизни?
— В это верит мой муж, Ваше величество.
— Ах да, совершенно верно. Путешественник и исследователь. Он пропал где-то в Индии, не так ли? Охотясь за какими-то сокровищами?

Марго рассказала царю о флейте, и он слушал ее, затаив дыхание. А она сама была так поглощена стремлением заворочить Александра своим предложением, что никто из них не заметил тень, мелькнувшую на тропинке.

— Значит, в настоящий момент эта реликвия принадлежит вам.

— Да, Ваше величество, — подтвердила Марго. — На самом деле ко мне уже обратился посредник, действующий от лица одного могущественного семейства, желающего выкупить у меня флейту.

— А почему бы вам сначала не показать ее мне? — предложил царь. — Я хочу посмотреть на нее, прежде чем вы продадите ее кому бы то ни было.

ГЛАВА 47

Вена, Австрия

Вторник, 29 апреля, 10.58

Меер вынырнула на поверхность — вот на что это было похоже: она как будто поднялась глотнуть свежего воздуха, пробыв слишком долго под водой. Ей потребовалась целая минута, чтобы понять, где она находится и кто рядом с ней, и вспомнить, что происходило перед тем, как начался провал в прошлое. Кто-то говорил. Ее отец. О чем он только что сказал? Сколько времени она пробыла в

грезях наяву? В грезях? Какое неподходящее слово для тех галлюцинаций, мучивших ее секунды назад. Но ведь нет слова, чтобы описать кошмарный сон, приходящий среди бела дня, правда? Или осадок настоящего горя, вызванного потерей человека, которого она никогда не знала и с которым никогда не встретится...

Малахай пристально следил за каждым ее движением. Понимая ее так, как мог понять только он один, предлагая утешение. И не скрывая свое любопытство. Пока что было слишком рано рассказывать ему или отцу подробности самых последних событий и признаваться в том, что она больше не считает их ложными воспоминаниями. Все это можно будет сделать только после того, как у нее будет время разобраться в этом психическом расстройстве. Да, это слово подходит гораздо лучше: *психическое расстройство*. Насильственный отказ от своего настоящего, необъяснимая замена окружающей действительности на воспоминания, кажущиеся ее собственными, хотя она и понимает, что не может иметь к ним никакого отношения.

Меер постаралась сосредоточиться на том, что говорил ее отец.

— Пожалуйста, я хочу, чтобы вы все сейчас ушли. Перед вами задача, которую нужно решить, и вы сможете ломать над ней голову у меня дома, а тем временем пусть врачи спокойно возьмется со мной. Вы должны определить, что означает этот ключ.

— Я не могу оставить тебя здесь одного, — сказала Меер, не в силах стряхнуть опасения, что отец не раскрывает ей всю правду о своем состоянии. — Какие еще анализы ты должен будешь сдать?

— Давай с тобой договоримся, — увещательным голосом промолвил Джереми. — Я тебе все расскажу, но ты сделаешь так, как я прошу.

Меер не смогла сдержать улыбку. Отец привык договариваться всегда и со всеми.

— Хорошо.

— Сейчас я чувствую себя замечательно, но десять месяцев назад у меня был совсем пустяковый сердечный приступ. Я принимаю лекарства, ничего серьезного нет, но доктор Линтелл показалось, что она сегодня обнаружила в моей кардиограмме какой-то беспорядок, поэтому ей хочется сделать дополнительные анализы, чтобы убедиться в том, что причин для беспокойства нет. В крайнем случае, мне нужно будет чуть подкорректировать курс лечения.

Меер со страхом всмотрелась в лицо отца. Улыбнувшись, тот взял ее за руку. Действительно ли у него все в порядке? Меер мысленно вернулась на десять месяцев назад... постаралась вспомнить, говорила ли она тогда с отцом. Не было ли каких-нибудь скрытых намеков?

— Ты вправду чувствуешь себя хорошо? — Ее голос немного дрогнул.

Джереме кивнул.

— Почему ты мне ничего не сказал?

— Это был самый настоящий пустяк. Все прошло и забыто. Говорить не о чем.

Повернувшись к Малахаю, Меер спросила:

— А вы знали?

— Знал.

Меер посмотрела на Себастьяна. Его лицо было красноречивее любых слов.

— Ты рассказал о болезни чужим людям и скрыл ее от своей дочери? — с укором спросила Меер отца.

Встав, Себастьян направился к двери, пробормотав, что ему нужно позвонить. Меер обрадовалась тому, что он уходит, но Джереми его остановил.

— Не надо уходить из-за нас.

— Честное слово, мне нужно сделать один звонок. Я снова присоединюсь к вашему спору через несколько минут.

Джереми улыбнулся, но Меер оставалась серьезной.

— Ничего смешного тут нет, — строго заметила она отцу. — Почему ты держишь в секрете от меня то, что у тебя не все в порядке со здоровьем?

— Я сделал выбор, исходя из того, что, на мой взгляд, было бы лучше для моей дочери.

— Я уже взрослая.

— Это никак не влияет на то, что по-прежнему это моя прерогатива решать, чем тебя можно обременять, а чем нельзя. Я не хочу, чтобы ты вникала в мои проблемы со здоровьем и переживала за меня так, как переживала за мать.

— Ну как я могла не переживать за мать? Она ведь умирала. А ты тоже смертельно болен?

— Нет, конечно же. Я имел в виду совсем другое, и ты это прекрасно понимаешь.

— Что, по-твоему, произойдет со мной, если я узнаю правду? Неужели ты мне совсем не доверяешь?

— Я всегда верил в тебя, — произнес Джереми голосом, проникнутым глубоким чувством. — С того самого первого раза, когда ты своей крохотной ручонкой схватила мой палец.

— Если у тебя есть хоть сколько-нибудь веры в меня, ты бы ни за что не пытался решать, что мне можно знать, а что нельзя.

ГЛАВА 48

Вторник, 29 апреля, 12.00

Они сидели за круглым обеденным столом дома у Джереми и пытались разобраться в собранных ключах, в воспоминаниях Меер и в той информации, что раскопал Себастьян в книгах из библиотеки Джереми и в Интернете.

— Ты упомянула про лестницу в здании Общества, — спросил Малахай. — Куда она вела?

— Это была потайная лестница, ведущая в подземное хранилище, — ответила Меер. — Я думаю, Каспар рассказал Марго, где она находится, потому что Марго знала, где ее искать; вот только флейты в хранилище не оказались.

Говорить о своих воспоминаниях теперь — потому что от того момента, когда она с ними столкнулась, ее уже отделяло какое-то расстояние, — оказалось проще, чем предполагала Меер. Она все равно что пересказывала эпизод из фильма или главу из прочитанной книги.

— Интересно, эта лестница сохранилась до настоящего времени? Я ни разу о ней не слышал, — с любопытством спросил Себастьян. — Впрочем, я стал членом Общества совсем недавно. И в какой именно части здания располагалась эта лестница?

Закрыв глаза, Меер сосредоточилась.

— В стенном шкафу в комнате, которая, полагаю, была библиотекой.

— И эта лестница вела в подземное хранилище?

Меер кивнула.

— В маленькую комнату с каменными стенами и чугунной решеткой.

— Пахнет каким-то Средневековьем, — заметил Себастьян.

— Ты больше ничего не можешь вспомнить? — спросил Малахай.

— Нет. Когда Марго обнаружила, что флейты там нет, ее больше ничего не интересовало.

— Мне бы хотелось сосредоточиться на том, на что ты обратила внимание, когда рассматривала шкатулку с игрой в художественном салоне, — сказал Малахай. — Ты сказала, что в одной колоде было две червовые девятки, обе немного потрепанные. Ты не помнишь, почему это привлекло твое внимание? Ты искала что-то определенное?

Меер сначала ответила на вторую часть вопроса.

— Наверное, но я помню только свои чувства, когда папа впервые рассказал мне про склеп с сердцами. А в художественном салоне я была так потрясена, когда воочию увидела эту шкатулку...

— Могу себе представить, — произнес Малахай голосом, в котором сквозила зависть. — Не сомневаюсь, что даже если ты этого не помнишь, к колоде карт тебя потянуло не случайно. Помнишь, в детстве ты всегда играла с картами у меня в кабинете... — Он помолчал, затем продолжал: — Другие предметы из шкатулки тебя не интересовали? Ты ничего не испытывала, глядя на них? Ты смогла заметить что-нибудь еще?

— Не помню.

— Есть какие-нибудь мысли относительно того, что в шкатулке были спрятаны и другие ключи?

Меер покачала головой.

— Ничего не могу сказать, но в любом случае шкатулка пропала.

— Да, это верно... Теперь давайте перенесем внимание на копию письма Бетховена, снятую Джереми. Он сказал, что в этом письме упомянут метафорический ключ. Себастьян, будьте добры, найдите это место и зачитайте его вслух... а может быть, будет лучше, если вы прочитаете все письмо, — попросил Малахай. — Возможно, в нем есть что-то такое, на что мы раньше не обратили внимания, но теперь это бросится в глаза.

Отыскав письмо, Себастьян молча пробежал его взглядом. Хотя это была лишь копия, вид слов, написанных рукой великого композитора, тронул его, и от волнения он не смог сразу начать читать.

— «Дорогая моя, любимая...»

Слушая Себастьяна, Малахай достал из внутреннего кармана пиджака потрепанную колоду карт. Их присутствие нисколько не удивило Меер, привыкшую к тому, что Самюэльс в минуты напряженного размышления имеет

привычку рассеянно тасовать карты. Тихий шорох твердого картона не отвлекал внимание, а служил своеобразным музыкальным сопровождением к словам, зачитываемым Себастьяном.

— «Восстановив мелодию и исполнив ее, я первым делом увидел, какими последствиями это чревато. Такой инструмент слишком опасен, чтобы отдавать его в руки тех, кто может использовать флейту в своих корыстных целях. В то же время он слишком ценен для человечества, чтобы просто его уничтожить. Поэтому я решил поведать эту тайну вам троим, чтобы она не была утеряна навеки.

Вот ключи; они помогут узнать, где спрятана флейта.

Сердце загадки хранится в шкатулке с играми, и этот ключ предстоит найти вам, Рудольф.

Как только ключ будет обнаружен, ты, Стефан, сможешь открыть сокровище, потому что оно уже в твоих руках.

Что же касается музыки, ты единственная, Антония, сможешь ее понять. Я поступил так, как только мог поступить, и вручил музыку нашему повелителю и спасителю. Тому, кто освятил и благословил нашу любовь.

И еще одно замечание. Антония, если ты случайно найдешь это письмо, пожалуйста, убери его, забудь о том, что прочла его, и ни в коем случае не пытайся его расшифровать и начать охоту за сокровищами».

Себастьян положил листы бумаги на стол.

— Письмо подписано инициалами Бетховена.

Меер взяла письмо, сама не зная зачем, поскольку она не умела читать по-немецки; но неразборчивый корявый почерк почему-то глубоко тронул ее. Она живо представила себе сквозь века человека, писавшего эти строчки, столкнувшегося с чем-то выходящим за рамки его понимания. С тем, что она сама до сих пор не могла осмыслить.

Малахай не терял время на эмоциональную реакцию и уже рассуждал насчет загадочных инструкций.

— Так, определенно, в самом письме Бетховен не раскрыл то место, где спрятал флейту. Не было никаких вопросов относительно того, что маэстро умер при подозрительных обстоятельствах? — обратился он к Себастьяну. — Вы ничего об этом не знаете?

— Нет, ничего определенного не было. Хотя слухи ходили всегда. Недавний анализ волос Бетховена показал, что композитор действительно был серьезно болен, но, что любопытно, лекарство, принимаемое им, скорее всего, только приблизило смерть.

— Так что, вполне вероятно, те бумаги, что Бетховен разослал своим друзьям, так и остались невскрытыми. По крайней мере, тот факт, что это письмо до самого недавнего времени оставалось в потайном ящичке шкатулки, позволяет предположить, что его так никто и не обнаружил. Так что можно заключить, что флейту тоже не нашли.

В какой-то момент во время чтения письма Малахай перестал тасовать карты, но сейчас снова вернулся к этому занятию.

— Сегодня утром монах в склепе упомянул про архиепископа Рудольфа, кажется, так? — спросила Меер.

— Да, и документально подтверждено, что он был одним из близких друзей Бетховена, как и Стефан фон Брейнинг, чей сын Герхард играл очень важную роль в последний год жизни композитора и...

— Быть может, что-нибудь есть в бумагах и письмах Бетховена, — перебил его Малахай, возбужденный своей догадкой. — Где они?

— Разве мой отец не говорил, что у него есть к ним доступ через компьютер? — спросила Меер.

— Да, но он мог читать только выдержки, выложенные в Интернете, — напомнил Малахай. — А где хранятся подлинники писем? — спросил он Себастьяна, вставая. — Нам нужно с ними ознакомиться. Как можно скорее. — Он сложил карты в пачку. — Они здесь, в Вене?

ГЛАВА 49

Вторник, 29 апреля, 13.30

Давид Ялом вышел из здания Национальной библиотеки, расположенного в той же части старого города, где находился и склеп с сердцами. Спускаясь по лестнице, он обратил внимание на женщину, поднимающуюся навстречу. Что заставило его задержать на ней взгляд? То, как лучи солнца резвились золотистыми пятнами в ее пляшущих в такт шагам волосах? То, как неестественно прямо она держала спину, поднимаясь по лестнице? Ее пристальный взгляд? Чем ближе к Давиду подходила женщина, тем сильнее его к ней влекло. Ему захотелось остановиться и разобраться, что же было в ней такого притягивающего, но он должен был как можно быстрее уходить отсюда. Теперь, когда до концерта осталось уже совсем немного, ему нельзя было даже днем появляться наверху, на земле, где его могли заметить.

Когда женщина поравнялась с ним, Давид отвернулся в сторону, но она прошла так близко от него, что он ощутил исходящий от нее аромат. Духи. Его жена пользовалась другим запахом, но это напомнило Давиду, что у него когда-то была жена, к чьей теплой коже он так любил прикасаться, которая всегда встречала его улыбкой. А затем мысленный образ превратился в жуткую маску обугленной плоти.

Нет, только не сейчас! Давид не хотел видеть все это снова. Не мог вынести этих ужасных воспоминаний.

Торопливо спустившись по лестнице, он поспешил по направлению к Колерштрассе. Последнее посещение библиотеки убедило его в том, что в городских архивах нет никаких планов и рисунков подземных ходов. И это было очень хорошо. Раз ему ничего не удалось найти, это не сможет сделать никто. До вечера четверга оставалось еще больше двух дней, и сотни разных других мелочей могли

пойти наперекосяк, но, по крайней мере, никакой чертеж, забытый в архивах, не выведет на него людей Пакстона. У Давида мелькнула мысль, что если бы он был способен испытывать счастье, наверное, он сейчас был бы счастлив сознанием того, что дело уже близко к завершению; вот только он уже не мог точно вспомнить, что такое счастье.

Давид ускорил шаг. Ему нужно скорее вернуться в подземелье, подальше от всего, что может вызвать воспоминания. Эта женщина, с которой он столкнулся на ступенях библиотеки, вывела его из себя даже больше, чем ему показалось вначале. Давид решил, что сегодня вечером он вернется в тоннель под концертным залом и больше никуда не уйдет оттуда, останется в обществе крыс до самого концерта — и еще долго-долго после него...

ГЛАВА 50

Вторник, 29 апреля, 13.44

Плач скрипки сводил Тома Пакстона с ума. Даже звучащая на заднем плане музыка мешала сосредоточиться, но от этого нельзя было никуда деться: штаб-квартира должна была находиться непосредственно в здании концертного зала.

— Что у нас с наблюдением за партиями семтекса? — спросил Пакстон Вайна. — Черт побери, если у тебя нет никаких результатов, сделай так, чтобы они появились! У нас осталось всего два дня. Времени слишком мало, чтобы чувствовать себя комфортно, друг мой.

Они сидели за столом, заставленным стаканчиками с кофе, чашками, стопками бумаг и ноутбуками, а Алана Грин и Таккер Дэвис пристроились перед экраном компьютера, установленного на столе; они втиснули его в угол, где для него едва нашлось место. Единственное окно, выходящее в переулок, света давало явно недостаточно, и бронзо-

вой люстре под потолком с тусклыми лампочками также не удавалось рассеять полумрак, что только усугубляло у Тома ощущение надвигающейся катастрофы.

— За тремя покупателями взрывчатки установлено пристальное наблюдение — кстати, ни одного из них нет даже близко от Вены. Двое купили семтекс, а третий...

— Все это мне известно — я только не знаю, как мы ищем четвертого покупателя, — перебил Пакстон. — Почему твои осведомители не предупредили о том, что должна была состояться еще одна сделка? Какой, черт побери, для нас от этого толк, если мы даже не знаем, за сколькими покупателями нам нужно следить?

Даже не потрудившись ответить на этот праздный вопрос, Вайн продолжал объяснять то, что было ему известно:

— Вчера на протяжении приблизительно получаса мы имели возможность следить за четвертым покупателем. Сигнал исходил из одной гостиницы здесь, в Вене, и только что нам удалось установить, что источник, судя по всему, находился в номере, занятом журналистом, освещающим работу конгресса.

— Кто именно?

— Давид Ялом.

— Проклятие! Этот ни за что не выдаст свой источник. Я знаю Ялома уже много лет, и этот парень не ведает страха. Его не смутит встреча с террористом, находящимся в розыске, особенно после того, через что ему пришлось пройти. Слушай, попроси Керри, чтобы она позвонила ему и попросила прийти к нам, а тем временем приставь к нему «хвоста» и выясни, с кем он встречается и чем занимается.

— Хорошая мысль.

— Ты сказал, что сигнал из номера Ялома ловился только в течение непродолжительного времени. Что произошло дальше?

Вайн колебался лишь долю секунды, но Пакстон уже как с цепи сорвался.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь?

— Мы потеряли сигнал.

— Как можно потерять радиомаячок?

— Мы проследили за ним от гостиницы до входа в метро, а затем потеряли.

Встав, Пакстон обошел маленькое помещение, изучая экраны всех компьютеров. Жалобное скрипичное соло продолжало испытывать его терпение.

— Но мы ведь должны принимать сигналы из-под земли с того уровня, где проходит метро, разве не так?

— Да. Тут что-то уму непостижимое. Мы до сих пор продолжаем разбираться.

— А что насчет вот этой области? — Пакстон указал на один из экранов, обозначивший темную зону под концертным залом. — Таккер, ты сказал, что не смог заглянуть в этот колодец ниже какого-то уровня. Это правда?

— Правда. Нам даже не удалось установить, насколько он глубокий, но он такой узкий — у него в поперечнике нет даже двух футов, — что мы не стали задерживать на нем внимание.

Том Пакстон сделал глубокий вдох, стараясь облегчить напряжение, сдавившее ему грудь.

— Ну, что касается меня, то мое внимание привлекает все в радиусе пяти кварталов от концертного зала, где может всплыть пропавшая взрывчатка. Билл, садись на телефон и выясни, нет ли у кого-нибудь хотя бы самой зачаточной пробной версии системы радиолокационного зондирования земной поверхности, способной проникнуть хоть чуточку поглубже...

— Ни у кого нет ничего такого, чего не было бы у нас, — перебил его Вайн.

Каким-то образом ему удалось не пустить в свой голос ни малейшей тени раздражения, хотя за последние не-

сколько часов босс уже несколько раз заводил с ним этот разговор.

— Значит, мы уязвимы. Мы не готовы. А это неприемлемо. — Пакстон сделал особый упор на первом слого слова «неприемлемо», так, что «не» прозвучало отдельным словом.

— Можешь мне не объяснять. Так или иначе, необходимого тебе устройства просто не существует в природе.

Вошла Керри с подносом, уставленным стаканчиками со свежим кофе, бутылками с минеральной водой и булочками. Ей пришлось разгрести бумаги, которыми был завален стол, чтобы поставить поднос. Как раз в этот момент Пакстон ответил Вайну, хлопнув ладонью по столу и крикнув:

— Твою мать!

Стекло и столовые приборы зазвенели.

— Гнев не поможет нам проникнуть глубже под землю или обнаружить четвертый радиомаячок, — заметила Керри, откупоривая бутылку и протягивая ее Пакстону. — Кажется, она была нужна вам еще четыре крика назад.

Поморщившись, Том отпил большой глоток и, не в силах оставаться на месте, подошел к Алане Грин.

— Ты можешь показать мне тоннели, ведущие в охраняемую зону и уже отмеченные на плане?

Его голос снова вернулся в норму, акцент смягчился, и все присутствующие немного расслабились. Но только немного. На самом деле ничего не изменилось: речь по-прежнему шла о беспрецедентных мерах безопасности. Террористы избрали своей целью назначенный на четверг концерт. Необходимо исходить именно из этой предпосылки. Другого подхода быть не может. Возможно, на самом деле никакой террористической угрозы и нет, но Пакстон готовился отразить любой удар.

Нажав несколько клавиш, Грин вывела на экран трехмерные компьютерные схемы, изображающие подземный

мир Вены и составленные ею еще в ту пору, когда она приехала на место. Пакстон и Вайн прильнули к монитору, как и Керри, но Таккер Дэвис по-прежнему был полностью поглощен своим компьютером. С тех пор как Таккер объявил о том, что его жена беременна, Пакстон украдкой следил за ним. Ему начинало казаться, что Дэвис чересчур занят своими семейными проблемами, и это его беспокоило. Нельзя было допустить, чтобы в такой ответственный момент член группы подходил к своей работе спустя рукава.

— По-моему, нам нужно дополнительно отправить туда людей, — сказал Пакстон.

Таккер не отрывал взгляда от экрана своего компьютера.

— Таккер!

— Что?

— Я сказал, что, на мой взгляд, нам нужно дополнительно отправить под землю людей и осмотреть все участки, не нанесенные на план.

— Хорошо, я отправлю туда людей.

— Но? Я услышал в твоем голосе «но».

Таккер замялся; тому, кто шел наперекор Пакстону, грозили серьезные неприятности.

— Так в чем же дело?

— Под нами долбаные римские развалины, которые никто и никогда не исследовал. Там погребен целый город, и нам ни за что не обследовать его полностью, даже если бы у нас было вдесятеро больше человек и несколько месяцев, а не какая-то пара дней. Почему мы не знали об этом, когда подряжались на эту работу?

— Теперь это уже не имеет значения, — резко ответил Пакстон. — Если ты не можешь выполнить свою работу, так и скажи, и я найду того, кто сможет.

Услышав его тон и прозвучавшую в голосе угрозу, Керри испуганно оглянулась. Она была единственной, кто

полностью понимал Пакстона. Однако в настоящий момент искр было слишком много — других, гораздо более опасных, и нужно было позаботиться о том, чтобы ни из одной из них не разгорелось пламя.

— Остались ли еще какие-нибудь нерешенные вопросы? — бросил Пакстон свою фирменную фразу, после чего добавил: — Как будто у нас и без того не хватает проблем.

ГЛАВА 51

Вторник, 29 апреля, 14.30

Проведя в библиотеке час, Малахай поспешил в Общество памяти на заранее условленную встречу с Фремонтом Брехтом, а Меер села в машину к Себастьяну и позвонила отцу. Себастьян предложил, если все анализы уже сделаны, захватить за Джереми в больницу и отвезти его домой.

— Пока что со мной еще не до конца разобрались, — ответил дочери Джереми. — Похоже, мне придется остаться в больнице до завтрашнего дня. А вам удалось что-нибудь найти?

Зажав телефон между подбородком и плечом, Меер уставилась в окно на оживленную улицу и рассказала отцу об обнаруженных письмах, в том числе и о письме Бетховена Стефану фон Брейнингу с перечислением различных музыкальных инструментов, подаренных композитором его сыну.

— Я сняла копию с конца этого письма, и вот что написал Бетховен: «Если, друг мой, и после моей смерти мою музыку будут по-прежнему исполнять и мое имя будут помнить, эти серебряная флейта и гобой будут иметь для вашего сына особую ценность. У него в руках окажутся мои инструменты из прошлого, и они подарят ему радость в будущем, если он научится на них играть и откроет спрятанные в них сокровища».

— Здесь слишком много иносказаний, — задумчиво произнес Джереми.

— Но только речь в письме идет о серебряной флейте. А не о той, древней, вырезанной из кости. Нам не удалось найти никаких прямых указаний на то, где Бетховен мог спрятать ту старинную флейту.

Джереми рассмеялся.

— Милая моя, если бы все было так очевидно, ее бы уже давно нашли.

Еще несколько минут он расспрашивал дочь о содержании писем, затем обратил ее внимание на один общий момент, упущенный ею, Себастьяном и Малахаем.

— По-моему, Бетховен чересчур часто упоминал в своих письмах про лес. Завтра, как только я выпишусь из больницы, мы займемся изучением тех мест, где он мог бывать в 1813–1815 годах.

Закончив разговор по телефону, Меер спросила Себастьяна, не было ли среди мест жительства Бетховена таких, что расположены рядом с лесом.

— Мдлинг, Пенцинг, Дблинг, Хайлигенштадт... — начал перечислять тот названия маленьких городов.

Меер сама не могла сказать, что она ожидала услышать. Для нее все это были лишь чужие, незнакомые слова.

— Йедльзее и Баден, — закончил Себастьян.

— Даже не знаю, с чего начать.

— Ну, Баден в буквальном смысле стоит на окраине Венского леса.

— А туда можно доехать на поезде?

Хотя времени было уже почти четыре часа дня, Баден, судя по всему, оказался популярным туристическим центром, и народа в нем было полно. Себастьян, освобожденный в тот день от репетиций, настоял на том, чтобы

поехать вместе с Меер. На железнодорожном вокзале он изучил план города.

— Отсюда совсем недалеко до леса.

— Вот и замечательно.

На Меер были джинсы, черная кожаная куртка и полусапожки на низком каблуке, поэтому она ничего не имела против того, чтобы немного пройтись пешком. Больше того, ее обрадовала возможность прогуляться по лесу, размять ноги.

— Вы меня не подождете? Мне нужно позвонить в клинику и справиться о Николасе. Я каждый день звоню туда приблизительно в это самое время.

— Конечно.

Меер отошла в сторону, любуясь живописными видами этого городка, словно застывшего в прошлом. Казалось, она видит перед собой иллюстрации из учебника истории.

Буквально через несколько минут Себастьян присоединился к ней. Судя по его виду, он был чем-то обеспокоен.

— Как дела у вашего сына?

— Не знаю. Мне так никто ничего и не сказал, что очень странно. Но я оставил сообщение. Медсестры в клинике довольно любезны и обычно мне перезванивают.

— Расскажите мне про этот городок, — попросила Меер, надеясь отвлечь Себастьяна от неприятных мыслей, и тот слабо улыбнулся, показывая, что благодарит ее за эту попытку.

— В общем-то, я о нем мало что знаю. Баден на протяжении столетий был курортом для богатых жителей Вены. Во времена Бетховена сюда приезжали с полным штатом своих слуг, со своим столовым фарфором, со своими музыкантами и картинами, и это оставило самый благоприятный след.

Туристы сновали по сувенирным лавкам, но Себастьян провел Меер через эпицентр активности, мимо фонтана и дальше вправо, продолжая рассказывать на ходу.

— Еще древние римляне построили здесь ванны, наполнявшиеся водой из подземных источников, богатой серой и известью. В XVIII веке эти источники были открыты заново и тотчас же стали знаменитыми благодаря своим полезным свойствам. Именно ради целебных ванн и приехал сюда в первую очередь Бетховен. Врачи посоветовали ему воды как средство лечения от болезней слуха и желудка.

— Разумеется, это не помогло.

Себастьян пожал плечами.

— Ни одно средство не действовало на протяжении длительного времени. Бетховен был очень тяжело болен, однако творчество его в тот период было на подъеме. Он любил лес. — Себастьян указал на покрытые пышной зеленью холмы за городом. — Это настоящий Венский лес. Если хотите, после того как мы осмотрим дом, можно будет погулять там. Смеркаться начнет не раньше чем через два часа.

— Да, — тотчас же ответила Меер, несмотря на мелкую дрожь, пробежавшую по рукам.

Что-то было не так. Воздух задрожал, заструился; машины вокруг стали прозрачными, идущие по улице люди изменились, стали другими. Меер постаралась собраться с силами, чтобы дать отпор наплыву нежелательных эмоций.

Почувствовав что-то неладное, Себастьян остановился и положил руку ей на плечо.

— В чем дело?

Меер боялась что-либо сказать. И также боялась, осознала она, дуновения пронизывающего холодного ветра, терзавшего ее длинное бледно-лиловое с синим платье до щиколоток, отделанное кружевами...

Пересекая улицу к дому великого композитора, Марго слышала обрывок разговора двух прохожих, обсуждавших выпад царя Александра в адрес князя Меттер-

ниха. Судя по всему, вчера глава австрийской делегации на конгрессе обвинил российского императора в том, что тот шпионит за всеми и каждым; в ответ на это царь пригрозил свернуть переговоры о судьбе Великого герцогства Варшавского, что оставалось одной из самых сложных проблем. Александр уже много лет мечтал присоединить эти земли к России, но Австрия и Пруссия выступали за возрождение древнего Польского королевства. Если эти слухи соответствуют правде и царь действительно развернется и покинет Австрию, планы Марго продать ему флейту рухнут. Пока что она даже еще не получила в свои руки старинный инструмент. Марго ускорила шаг, как никогда торопясь попасть к Бетховену. Она уже собиралась войти в дом, но тут снова почувствовала, что за ней следят. Это Толлер или человек, нанятый им, чтобы следить за женой своего партнера? Стараясь вести себя естественно, Марго обернулась, чтобы дать последнее распоряжение своему кучеру. Она успела заметить на противоположной стороне улицы тень, которая тотчас же метнулась в подворотню, скрываясь из вида.

Сделав над собой усилие, Меер возвратилась назад. В Баден наших дней. Для этого ей пришлось разорвать толстые веревки ее видения, опутывающие ее, — это потребовало полного напряжения всех сил. Первым делом она опустила взгляд на джинсы и полусапожки — да, бледно-лиловое платье исчезло.

После каждого наплыва подобных воспоминаний Меер злилась все больше. Непрошенные, они превращали в иллюзию ощущение того, что она способна контролировать свою собственную жизнь. Ей оставалось только собирать разрозненные отрывки в надежде на то, что когда-нибудь они предстанут единым цельным повествованием, после чего, может быть, оставят ее в покое.

Меер огляделась по сторонам, привыкая к окружающей обстановке, и при этом заметила слева какое-то движение. Не прячется ли кто-то в подворотне дома напротив? Неужели за ней следят не только в прошлом, но и в настоящем? А может быть, нечто такое, что она почувствовала здесь и сейчас, каким-то образом просочилось в ее подсознание?

— Что с вами? — встревоженно спросил Себастьян, беря ее за руку и провожая к скамейке. — У вас на лице снова то самое выражение, как будто вы увидели призрак. Я сейчас принесу вам воды.

Меер начала было возражать, но он уже ушел. Сидя на одной из многочисленных белых деревянных скамеек в Курпарке, молодая женщина почти не замечала посаженные ровными рядами деревья и безукоризненно ухоженные лужайки. Мимо нее проходили люди, птицы пытались своим пением отвлечь ее от того странного ощущения, будто за ней наблюдают.

Вернувшийся Себастьян принес бутылку холодной как лед воды и кивнул на играющего неподалеку скрипача.

— А он не так уж и плох.

Меер медленно выпила воду, слушая музыку. Затем Себастьян спросил:

— Вы до сих пор не пришли в себя, ведь так? Может быть, нам лучше отказаться от осмотра достопримечательностей?

— Нет, черт побери! Мы приехали сюда именно ради этого. Я хочу увидеть, что в доме, и осмотреть лес.

— Вы уверены, что здесь что-то есть, ведь так? — Себастьян кивнул в сторону окрестных холмов. — И это что-то ждет, когда вы его обнаружите?

На прозрачном голубом небе не было ни облачка.

— Я не знаю, во что мне верить. Вот что больше всего мучит моего отца.

— Меер, вы ничем не мучите своего отца. Разве вы не видите, как он на вас смотрит, как с вами говорит? Вы отрада его жизни.

На лице Себастьяна Меер увидела страдания несчастного отца. На него давила долгая, изнуряющая болезнь сына, и ей захотелось узнать, похожи ли его переживания на то, что чувствовал ее отец.

— Вы ждете, что я найду флейту, чтобы вы сыграли на ней для своего сына, ведь так? — Наконец она высказала вслух то, что думала. — Вот почему вы так самоотверженно помогаете мне, вот почему вы подружились с моим отцом?

— Это ваш отец предложил мне свою дружбу.

— Но только из-за вашего сына.

— Вы говорите это так, как будто есть что-то плохое в том, что ваш отец помогает мне, а я хочу помочь Николасу. Разумеется, именно так я и познакомился с вашим отцом... когда искал средство вернуть своего ребенка. Разве это плохо?

— Нет, извините. — Меер снова была сбита с толку. То она видела Себастьяна отчетливо, то его словно затягивала темная пелена.

— Но... да, если... когда вы найдете флейту, я сыграю на ней для своего сына. А разве вы сами этого не хотите? Разве вам не хочется сыграть на этой флейте и, наконец, восстановить целиком все свои воспоминания?

— Вы убеждены в том, что если флейта существует, она действительно способна возвращать в прошлые жизни?

— Нет. А вы убеждены в обратном?

— Я уверена только в том, что для меня нет ничего определенного. После долгих поисков я в конце концов смирилась с этим.

— Однако сейчас произошло нечто такое, что заставило вас пересмотреть свои взгляды?

Меер пожала плечами. Она просто не знала.

Себастьян стоял так близко, что Меер ощущала исходящий от него аромат имбиря и апельсина. И снова ее захлестнуло стремление шагнуть к нему еще ближе, при-

правленное чувством тревоги, говорившим держаться от него подальше.

— Далеко отсюда до дома Бетховена? — спросила Меер, горя нетерпением попасть туда.

Лучше достигнуть какой угодно конечной цели, даже если это окажется лишь еще один запутанный лабиринт. Любое движение предпочтительнее стояния на месте.

По адресу Ратхаусгассе, 10, стоял маленький дом розовато-песочного цвета с зелеными ставнями на окнах. Два этажа, остроконечная крыша с развевающимся флагом, а у двери мемориальная табличка, такая же, как и на доме Бетховена в Вене.

Наверху в прихожей толпилась группа туристов, и Меер огорченно взглянула на Себастьяна.

— Если хотите, можно подождать несколько минут, пока они не уйдут.

— Да.

Однако, как выяснилось, группа уже уходила, так что меньше чем через минуту Меер и Себастьян вошли внутрь и подошли к столику, за которым продавала входные билеты молоденькая девушка с воткнутыми в уши наушниками, кивавшая в такт своей музыке. Здесь, как и в мемориальной квартире в Вене, меры безопасности практически полностью отсутствовали; за порядком рассеянно присматривали безмятежные студенты. Из двери лились божественные звуки сонаты Бетховена, и пока Себастьян покупал билеты, Меер гадала, какую музыку девушка за столиком предпочитает этой божественной мелодии.

Меер остановилась на пороге первой комнаты, господствующее место в которой занимал рояль «Бродвуд». Его отделанная красным деревом поверхность, обращенная к окнам, сияла в лучах вечернего солнца. Меер сделала пять

шагов — сначала робко, затем все более уверенно она прошла к роялю и без колебаний села на скамью.

Она не оборачивалась, чтобы узнать, смотрит ли кто-нибудь на нее. Если девушка подойдет и сделает ей замечание, она встанет. Однако такая возможность выпадала всего раз в жизни, и Меер просто обязана была узнать, что это такое — играть на одном из роялей маэстро. Обязана была услышать, как звучала для него музыка — когда он мог ее слышать.

Сняв с клавиатуры пластмассовую крышку, Меер поставила пальцы на пожелтевшую слоновую кость и начала играть. Несомненно, за состоянием рояля постоянно следили, и молодая женщина поразилась тому, как непохоже звучание этого инструмента, имеющего возраст больше двухсот лет, на все то, к чему она привыкла. В его звучании было больше силы и чувства, меньше сдержанности, меньше замкнутости, и Меер была потрясена тем, сколько выразительности дало это сочетание мощи и мягкости.

Доиграв до конца «Лунную» сонату, она пробежалась пальцами по клавиатуре, импровизируя.

Внезапно музыка словно полилась сама собой; пальцы Меер уже двигались без осознанного понимания того, что она хочет исполнить. Мелодия будто высосала весь воздух из комнаты — и у Меер из груди. Мелодия затихала и пробуждалась, ласкала, утешала и возбуждала, увлекая в ночное небо, где молодая женщина полетела к звездам на крыльях музыки. Это была та самая мелодия, которую Меер слышала всю свою жизнь, но так и не могла ухватить.

— Что это вы играете? — спросил Бетховен.

Маэстро сидел рядом с роялем, приложив ухо к его деревянному телу: в последнее время он мог слышать музыку, только буквально забравшись внутрь инструмента.

— Право, я не знаю. Это только отрывок. И я даже не могу сказать, получится ли из него что-нибудь толковое. Он просто пришел мне в голову.

Бетховен усмехнулся.

— Да, такое порой бывает. Ты словно становишься проводником музыки планет. А теперь сыграйте это еще раз, — потребовал он.

Марго послушно повиновалась. Она уже успела привыкнуть к маэстро и не удивлялась его грубоватым выходкам. Для нее было огромным облегчением находиться здесь, играть для великого композитора в ожидании, что музыка успокоит ее, однако ей предстояло еще так много обдумать, рассчитать, подготовить. Русский царь заинтересовался флейтой и изъявил желание приобрести это сокровище, но будет ли он по-прежнему в Вене тогда, когда Марго наберется духа выкрасть старинный инструмент у Бетховена? Что ее удерживает? Ну, во-первых, когда она рассказала Александру о том, что во флейте, возможно, спрятана мелодия, раскрывающая память, царь предложил втрое больше, чем обещал заплатить Арчер. Но что, если он прознает про то, что она собирается продать флейту кому-то другому? Что, если Толлер догадается о том, что она задумала, и заберет инструмент до того, как она успеет его похитить? Где в таком случае она сможет достать деньги, чтобы снарядить экспедицию на поиски Каспара?

После того как Марго снова исполнила свою маленькую песенку, Бетховен попросил сыграть ее еще раз.

Это была очень странная мелодия, простая и атональная, режущая слух, однако она звучала в голове у Марго, когда та проснулась сегодня утром, и молодой женщине так нестерпимо захотелось исполнить эту мелодию Бетховену, что она поспешила в Баден, где композитор принимал целебные ванны.

— Не могу сказать, вы ли написали эту мелодию, или же она сама написала вас, — наконец сказал Бетховен, прослушав песенку еще с полдюжины раз.

Затем, не сказав ни слова, он прошел к серванту и достал какой-то сверток. Осторожно развернув мягкую замшу, композитор извлек старинную флейту из пожелтевшей кости. Марго понятия не имела, что Бетховен захватил флейту в Баден.

Какое отношение этот древний, необычный инструмент имеет к ее мелодии?

— Мне кажется, мелодия, сочиненная вами, прозвучит на этой флейте... — ответил Бетховен на вопрос Марго, прежде чем та его задала.

Затем, поднеся костяную трубку к губам, он исполнил первые три ноты, очень осторожно, словно опасаясь какого-то катаклизма. Убедившись в том, что ничего не произошло, Бетховен сыграл следующую фразу, затем еще одну. Восемнадцать нот. Бетховен попробовал еще раз, исполнив мелодию от начала до конца, без пауз. Наконец он отложил флейту и повернулся к Марго.

— Ничего не произошло, — подавленным тоном промолвил он. И тут заметил, что молодая женщина беззвучно плачет. — В чем дело? Что с вами?

Однако Марго не могла ему ответить, вообще не могла произнести ни слова, потому что ее захлестнули воспоминания. Она вспоминала то, что успела давно забыть. А может быть, то, что никогда не знала.

Теперь мелодия звучала внутри ее. Она взлетала, набирала сил, затем разбивалась и снова нарастала новым крещендо, принося с собой образы другого места, другого времени, в чем для Марго не было никакого смысла. Ничего похожего в Европе она никогда не видела.

Марго увидела раскаленное солнце и широкую реку. Ощутила глубокую скорбь и увидела женщин, плачущих

вокруг пылающего костра, одетых не в привычные платья, а в какие-то странные наряды. Вдалеке возвышались горы.

Но тут эта картина исчезла, и Марго снова увидела Бетховена, с тревогой смотрящего на нее. Она обратила внимание на солнечные лучи, проникающие в окна. В этом свете было нечто важное, словно он должен был что-то ей показать. Марго проследила взглядом за одним лучом, увидела пляшущие в воздухе пылинки. Это сияние было наполнено знаниями. Многими годами знаний, сконцентрировавшихся в энергии, разлившейся по Марго. Она уже думала не о том, чтобы дышать; ей нестерпимо нужен был Каспар, прямо сейчас, чтобы рассказать ему о том поразительном открытии, которое он совершил, и о заключенной в этом открытии силе. Больше всего на свете Марго хотелось поделиться со своим супругом этой болезненной, но в то же время бесконечно прекрасной правдой о свете и времени, о кольцах и повторениях, о том, кто мы такие и зачем мы здесь.

— В чем дело, Марго? — спросил обеспокоенный Бетховен. — Почему эта музыка так действует на вас?

Но Марго ничего не могла ему ответить. Она по-прежнему находилась внутри света, путешествуя на звуках диссонирующей мелодии, извлеченной Бетховеном из древней флейты. Она вспоминала далекое прошлое.

ГЛАВА 52

Долина реки Инд, 2120 год до нашей эры

Красть у мертвых — преступление, похищать самих мертвых — тяжкий грех, но отчаяние было сильнее страха наказания, поэтому Охана спряталась за стволом дерева. Низкое солнце воспламенило реку багровым заревом. Спасаясь от ослепительного сияния, Охана прикрыла глаза

рукой, дожидаясь окончания погребальной церемонии Ашти-Санчаяна.

Нестройная какофония звуков плеска воды, звона колоколов и мычания коров не могла заглушить безутешные причитания вдовы — горькое напоминание о том, что Охана не имеет права присутствовать на похоронах Девадаса, что ей не к кому обратиться за утешением, что ее трауру суждено стать последней тайной в длинной цепочке секретов, которые она вынуждена была хранить.

Вчера двое мужчин, отправляясь на утреннюю молитву, обнаружили труп Девадаса на берегу реки. Вокруг тела возлюбленного Оханы уже кружили мухи, привлеченные запахом крови, вытекшей из страшных ран на голове. Похоже, кроме брата Девадаса Расула, добывавшегося от стражников, чтобы те расследовали убийство, больше никому не было дела до того, кто совершил это кровавое преступление. Обоих братьев, занимавшихся изготовлением музыкальных инструментов, уже давно заклеямили отступниками веры за то, что они утверждали, будто определенные мелодии, исполненные на их флейтах и барабанах, способны исцелять и облегчать боль. Они несли угрозу старым обычаям, и в селении их гневно осуждали. И вот теперь один из братьев мертв.

Словно услышав пронзительные завывания, налетел ветер, и Чандра, вдова Девадаса, вскрикнула, осыпанная пеплом своего супруга. Пораженная, она перестала спрыскивать молоком пылающие останки Девадаса и ощупала кончиками пальцев прах, севший ей на щеку. Свежая слеза, скатившаяся из глаза, оставила грязный след.

Как же лицемерно вели себя все эти женщины! Чандра больше года назад выгнала Девадаса из дома за его бунтарские взгляды. Родной отец назвал своих сыновей вероотступниками. Но вот сейчас все они изображают безутешное горе.

Женщины продолжали поливать молоком погребальный костер, но тут новый, более свирепый порыв ветра швырнул пепел в лицо старшей дочери Девадаса, и та закашляла, вдохнув горячую пыль. Она сплюнула. Сплюнула еще раз. И еще. Если бы такое произошло с Оханой, она бы с благодарностью приняла пепел любимого человека, как святыню.

— А теперь несите воду, и побыстрее, — распорядилась престарелая мать Девадаса, торопя своих трех внучек перейти к следующему этапу церемонии. — Шевелитесь, а то ветер развеет его прах.

После того как девочки опорожнили второй кувшин и воды больше не осталось, Чандра взяла обугленную деревянную палку и принялась копать в черном месиве, отделяя обгорелые кости от пепла. Словно тряпичница, старшая из дочерей собрала более крупные комки мокрой золы — то, что осталось от плоти, мышц и сухожилий ее отца, — и наполнила ей глиняный горшок, а младшие дочери собрали остывшие кости.

Из своего укрытия Охана наблюдала за тем, как Чандра взяла горшок и вывалила золу в быстрые воды реки, а тем временем остальные собрались вокруг костей и ждали. Хотя они уже больше и не должны были показывать свое горе, все женщины, кроме старухи матери, продолжали громко завывать.

— Теперь он отправился по Дороге света, — с укором произнесла мать Девадаса. — Обилие слез сжигает умершего, — добавила она.

Все семь женщин темно-синей лентой цвета ночного неба и красной лентой цвета свежей крови привязали себе к левой руке по плоду брхати, затем одна за другой поднялись на каменный помост с остатками погребального костра, вытерли руки листьями апамарги, после чего встали в круг и, закрыв глаза, принялись раскачиваться в такт мелодии реки.

— Поднимись же отсюда и прими новый облик, — нараспев произнесла старуха. — Не расставайся с тем, что осталось от твоего тела. Удались туда, куда хочешь — и пусть Савитар поможет тебе там обосноваться. Вот одна из твоих костей; соединив все кости, ты снова станешь красивым; пусть ты окажешься в достойном месте, и пусть тебя возлюбят боги.

Увидев, как женщины в последний раз омывают кости Девадаса, Охана вздрогнула, вспомнив, как прикасалась к ним, покрытым мышцами, прижимая их к своему телу. Как несправедливо, что этим женщинам открыто позволено оплакивать Девадаса, в то время как она вынуждена прятаться, для того чтобы его почитать.

Чандра сложила кости в терракотовый кувшин и отнесла его к священному дереву Шами. Приподнявшись на цыпочках, она повесила кувшин на самую высокую ветку, до которой смогла дотянуться.

Наконец женщины ушли.

Охана проводила взглядом, как они становились все меньше и меньше и, наконец, совсем исчезли вдали. Солнце опустилось за горизонт. Луна взойдет только через несколько часов. Опустившаяся на землю серая мгла принесла с собой прохладу. Воды реки по-прежнему плескались о берег, но колокола умолкли, а плачущие женщины ушли так далеко, что их больше не было слышно. Этот жуткий день, наконец, подошел к концу. Погребальная церемония была практически полностью завершена; через два дня женщины вернутся, чтобы забрать кости и похоронить их.

Зная, что сумерки надежно ее укрывают, Охана подкралась к дереву, засунула руку в кувшин и нащупала то, что осталось от ее возлюбленного: превращенную в известь плоть одного человека. Ее рука вынырнула, сжимая то, ради чего девушка и пришла сюда. Гладкая и белая,

кость словно светилась в вечернем полумраке. Прижимая ее к груди, будто она могла что-то рассказать, спасти, предложить утешение, Охана крадучись вернулась в одинокую ночь.

ГЛАВА 53

Он увидел, что все эти тела и лица, связанные тысячами взаимоотношений, родились заново. Каждое из них являлось страстным, болезненным, смертным примером бренности всего живого. Однако никто из них не умер, они лишь изменились, продолжая возрождаться заново, всякий раз с новым лицом; только время отделяло одно лицо от другого.

Герман Гессе «Сиддхартха»

Баден, Австрия

Вторник, 29 апреля, 16.20

Меер сидела за роялем в квартире Бетховена, поставив пальцы на клавиатуру, и ощущала отзвуки мелодии. Ей было нестерпимо холодно, однако это не имело значения перед лицом того, что она должна была разобраться в случившемся. Только что время дважды искривилось назад, накладываясь само на себя. Вот она сидела здесь как Марго — в тот день, когда Марго впервые услышала мелодию флейты и растворилась в ней, — но затем она вспомнила еще более отдаленное прошлое. Неужели ей удалось заглянуть не в одну предыдущую жизнь, а сразу в две? Разделенные многими столетиями?

Толчком стала мелодия — но Меер не могла вспомнить ни одной ноты, у нее осталось одно только общее ощущение.

— Вы узнали то, что я только что сыграла?

Себастьян посмотрел на нее, совершенно сбитый с толку.

— Меер, вы сейчас не исполнили ничего похожего на музыку. Вы взяли ноту до. Три раза. После чего просто сидели с закрытыми глазами секунд двадцать-тридцать.

— Нет, я играла. Я же слышала.

Он покачал головой.

— Одна только нота до. Вы так сильно дрожите. Позвольте...

Нет, Марго обнаружила «мелодию памяти» и исполнила ее на рояле, после чего Бетховен повторил эту мелодию на старинной флейте. И это дало результат, пробудило в памяти еще более древние картины: мужчина, которого она любила всем сердцем, он умер, а она похитила его кость.

— Почему вы говорите неправду?

— Меер, вы ничего не исполнили. Я бы ни за что не стал вас обманывать. Только подумайте, что может значить для меня «мелодия памяти». Для меня и для моего сына.

Холод становился все более настойчивым. Встав, Меер прошла мимо Себастьяна, мимо девушки у входа. С той же странной уверенностью, испытанной ею, когда она садилась за рояль, Меер вышла в коридор, словно зная, куда именно идти. В маленькой спальне стояли кровать, застеленная тонким покрывалом кофейного цвета, комод, умывальник и вешалка, на которой висело пальто. Без колебаний Марго сняла тяжелое шерстяное пальто с крючка и сунула в него руки. Грубая ткань сразу же согрела. Настолько, что сильная дрожь, нисколько не обусловленная погодой, прошла.

Погрузив руки в карманы, Меер нащупала в левом маленькую дырочку. Взяв подгиб за угол, она сложила ткань так, что ее пальцы дотянулись до самого низа, где под подкладкой застряла монетка. «Они всегда проваливаются туда», — улыбнувшись, подумала Логан. Но под

подкладкой было еще кое-что. Огрызок карандаша, испачканный высохшими черными чернилами.

Какое право она имеет надеть пальто Бетховена? Если девушка на входе, продающая билеты, узнает о том, что кто-то трогает предметы экспозиции, она вызовет полицию. Меер стало стыдно: сама работая в музее, она знала, что каждый экспонат является неприкосновенным и священным. Поспешно сняв пальто, молодая женщина аккуратно повесила его на вешалку.

Все было в точности так, как до ее прихода, за исключением одной странной мысли, не дававшей ей покоя: когда-то в прошлом она уже надевала это пальто, чтобы изменить свою внешность и обмануть того, кто за ней следил.

ГЛАВА 54

Вторник, 29 апреля, 17.06

Поднимаясь вместе с Себастьяном по заросшему густым лесом склону, Меер повсюду вокруг видела изображения с открыток: стадо коз, пасущееся в лощине, стена из грубо обработанного камня и площадка, опасно нависшая над тридцатифутовым обрывом, откуда открывался захватывающий вид на раскинувшийся внизу городок. Баден оказался именно таким, каким она его и представила, когда Отто впервые упомянул о нем.

— Отсюда все видно как на ладони, но вас снизу никто не увидит, — тихо промолвил Себастьян.

Меер удивилась, почувствовав у себя на плече его руку.

— Вы подошли слишком близко к краю. Ограждения здесь нет. Бывали случаи, когда отсюда срывались вниз.

— Смерть в Венском лесу, — попыталась отшутиться Меер. — Иоганн Штраус был бы очень огорчен.

— Особенно если вспомнить, что вальс считался бегством от смерти. Но здесь и без того более чем достаточно трагичного. Майерлинг совсем недалеко отсюда. Вы знаете об этом?

Меер покачала головой.

— Эрцгерцог Австро-Венгрии Рудольф и его возлюбленная, баронесса Мария Ветсера покончили с собой в его охотничьем домике, это всего в нескольких километрах отсюда. Эрцгерцог был женат, а баронессе было всего восемнадцать лет. Теперь в этом здании монастырь, но местные жители утверждают, что призраки влюбленных до сих пор бродят по окрестным холмам.

— Мой отец не шутил, говоря, что в Вене люди просто одержимы смертью. Вы уже не впервые заводите речь о призраках. Вы сами в них верите?

— Я никогда не задумывался о призраках и жизни после смерти до того, как *Николас*... — Не договорив, Себастьян взглянул на часы. — Нам нужно поторопиться. Осталось еще около часа светового дня.

Они покинули смотровую площадку, и Меер повернула направо, в то время как Себастьян направился налево.

— Нет, сюда, — окликнул он.

— А разве нельзя пойти вот по этой тропинке?

— Эту дорогу я не знаю. Все ходят этим путем. Я не хочу заблудиться.

— Мы не заблудимся.

— Откуда вы это знаете?

Меер пожала плечами.

— А разве нельзя просто посмотреть, куда приведет эта тропинка?

Еще несколько минут они поднимались вверх, затем после очередного поворота впереди показалась маленькая желтая хижина с тремя стенами. На задней стене позади грубого каменного алтаря на кресте висел деревянный

Иисус в человеческий рост, а по бокам стояли статуи девы Марии и Иосифа.

Меер устала на эту часовню в лесной чаще так, словно увидела привидение.

— Я здесь уже бывала... — прошептала она, заходя в тень навеса.

Опустившись на колени, Меер провела рукой по утрамбованной земле у основания стены. Закрыв глаза, она попыталась вернуться туда, откуда можно было смотреть назад во времени, но у нее не получилось. Логан понятия не имела, какое значение имела когда-то для нее эта часовня. Тем не менее, она продолжала снова и снова водить рукой по земле, словно надеясь получить какое-то чудодейственное послание.

— Меер, что вы делаете?

Обернувшись к Себастьяну, чтобы объяснить ему, Меер увидела, как мимо пробежала олениха, убегавшая от оленя. Под их копытами хрустел валежник, шелестела опавшая листва. Когда шум погони затих вдаль, Меер уже не могла вспомнить, что хотела сказать.

— Что вы здесь ищете? — снова спросил Себастьян.

— Я сама точно не знаю, но... — Ее голос понизился в регистре, став таким же мрачным, как лапы голубых елей, бросающие тени вокруг. — Марго... помогла ему... она помогла Бетховену спрятать флейту и мелодию. И мне кажется, что или одно, или другое спрятано здесь.

ГЛАВА 55

Баден, Австрия

18 октября 1814 года

Быстрым шагом Бетховен направлялся по дорожке, ведущей в сады за гостиницей. Он говорил на ходу, непрерывно скручивая и раскручивая листы с нотными записями.

ми. Марго была поражена выдержкой маэстро. Она знала, что у него болят желудок и голова. У композитора почти не осталось жизненных сил, и он жаловался на усталость.

— Я написал много произведений, которыми можно гордиться. Но все это было в молодости. Теперь я знаю, как много еще нужно работать над музыкой. Я отказался от многого ради творчества... Даже заключил договор с Господом, лишил себя всех земных благ, жены и детей, только чтобы я мог и дальше творить. Свою часть договора я выполнял неукоснительно, чего нельзя сказать о Всевышнем. Муки творчества не стали ни на йоту легче. Наоборот, на пути у меня появлялись все новые и новые преграды. И вот теперь эта музыка от самого дьявола... услышав ее во сне, вы принесли ее мне. Эта музыка вызывает такие опасные видения... я не могу позволить, чтобы кто бы то ни было терпел подобное. Просто не могу.

Марго прикоснулась к руке Бетховена, чтобы тот посмотрел на нее и прочитал по губам ее слова.

— Куда мы направляемся?

— Мне нужно подумать.

— Зачем вы захватили с собой ноты? Вы не собираетесь ничего с ними сделать, ведь так?

Композитор пропустил ее вопрос мимо ушей и лишь убыстрил шаг. Марго приходилось стараться изо всех сил, чтобы от него не отстать. Ее охватила тревога. Хотя Бетховену удалось полностью восстановить «мелодию памяти», сама она не помнила ничего, кроме первых трех нот.

Пройдя через сады, они стали подниматься по заросшему склону и, наконец, оказались в густой чаще, где стояла маленькая часовня с распятием, грубо обтесанным каменным алтарем и изваяниями девы Марии и Иосифа.

Укрывшись от ветра, Бетховен развернул ноты и еще раз их просмотрел.

— Я не знаю, как поступить с этой нечестивой музыкой, — пробормотал он.

Композитор продолжал изучать листки, как вдруг без предупреждения началась гроза. Сильный порыв ветра хлестнул струями дождя на ноты, и чернила потекли.

— Уберите ноты под пальто! — крикнула Марго и красноречивым жестом указала на карман своего плаща, на тот случай, если Бетховен не расслышал ее за раскатами грома.

Но он ее не слушал, не смотрел на нее, лихорадочно озираясь по сторонам... что-то ища. Внезапно композитор скатал ноты в тугий свиток и засунул их в узкую щель между телом Христа и деревянным крестом.

— Здесь они будут в безопасности, по крайней мере, до завтрашнего дня, — объяснил он.

Новый раскат грома гулкими отголосками раскатился по всему телу Марго. Вспышка молнии озарила лес, и молодой женщине показалось, что за пеленой дождя она разглядела человека, следящего за ними. Впрочем, полной уверенности у нее не было.

Кто это, секретарь Бетховена Шиндлер? Он проследовал за ними в чащу? Или же это Толлер? Нет, она находилась уже не в прошлом. Она больше не была Марго.

Меер увидела перед собой человека в черной маске, направившего на нее пистолет.

ГЛАВА 56

Баден, Австрия

Вторник, 29 апреля, 17.39

Разлившийся по всему телу Меер ужас лишил ее дара речи. На мужчине с пистолетом был черный дождевик с поднятым капюшоном. Девушка лихорадочно огляделась по сторонам, ища Себастьяна... и увидела его распростертым на земле, неподвижно лежащим позади алтаря под распятием.

— С тобой будет то же самое, что и с твоим дружкой, валяющимся на земле, если ты не отдашь то, что там нашла, — с сильным немецким акцентом хрипло прошептал человек в черной шерстяной маске, но Меер отчетливо разобрала каждый слог.

— Что вы с ним сделали?

— Твои друзья, твой отец... мы можем и дальше продолжать эту игру, делая больно всем тем, кого ты любишь и кто тебе дорог, до тех пор пока не добьемся желаемого.

— Мой отец? Что с ним?

— Пока что с ним все в порядке. Но что с ним будет дальше, зависит от тебя.

Меер не колебалась ни мгновения.

— То, что вам нужно, находится вот здесь.

Она указала на распятие.

— Доставай.

До распятия на стене было всего четыре шага. Протянув руку вверх, Меер просунула кончики пальцев между деревянным телом Иисуса и плоской поверхностью креста и нащупала что-то похожее на пачку листов бумаги. До этого она искала не там, где нужно. Тайник не был закопан в землю. Он находился здесь, наверху. Меер извлекла из него находку.

Бумага была изъедена насекомыми, ее поразила плесень. Остались лишь сохранившиеся кое-где нотные знаки и тошнотворный запах гниения. Меер подняла голову к крыше часовни, спасаясь от невыносимого зловония. Капли дождя, проникшие сквозь щели в двухсотлетнем строении, повисели мгновение под потолком и сорвались вниз, одна за другой, упав молодой женщине на лоб и на щеку.

Неужели она сейчас держала в своих руках положенную на ноты «мелодию памяти», записанную рукой самого Бетховена? Великий композитор приложил столько усилий, убеждая всех в том, что ему так и не удалось раскрыть тайну флейты. Меер была не в силах спасти то небольшое от его работы, что еще сохранилось, но все же

что-то она могла сделать. Переместив руки на полдюйма, она подставила партитуру прямо под капли дождя, просачивающиеся сквозь щели в потолке.

Чернила потекли, размывая немногие все еще различимые знаки.

Человек в лыжной маске выхватил у Меер из рук полуразложившиеся клочки бумаги и устоялся на них. На мгновение его внимание было отвлечено, и этого мгновения Меер хватило, чтобы броситься бежать.

ГЛАВА 57

Вторник, 29 апреля, 17.56

Под проливным дождем лес стал предательски коварным, и Меер на бегу никак не могла сориентироваться и узнать хоть какие-нибудь приметы. Она только знала, что ей нужно спускаться вниз, и если это получится, она в конце концов найдет дорогу из леса. Необходимо вызвать помощь для Себастьяна.

Спотыкаясь о торчащие из земли корни и ветки, Меер падала, но упорно вставала снова и продолжала спускаться по склону, постоянно прислушиваясь, так как понимала, что хотя за шумом дождя и не слышит своего преследователя, это еще не означает, что он не гонится за ней.

Что было нужно мужчине в черном дождевике, она сама или только бумаги Бетховена? Удалось ли ей уйти от него или же он знает лес настолько хорошо, что сейчас просто поджидает ее где-то впереди? Не усугубило ли ее бегство еще больше положение Себастьяна?

Вспышка молнии на долю секунды озарила окружающий лес, и в то же самое мгновение нога Меер Логан попала на полосу жидкой грязи. Поскользнувшись, она протянула руки, стараясь уцепиться за корень или за камень, но обнаружила, что ухватила лишь воздух — и продолжает падать.

Наконец Меер удалось зацепиться за торчащий из земли корень. Казалось, целую бесконечность она лежала в грязи, ощущая ее запах и вкус. Она только знала, что никто ее не схватил, что ей в бок не уткнулось дуло пистолета, что никто не приказывает ей подниматься с земли. В конце концов девушка поняла то, что если бы за ней гнались, преследователи уже давно бы ее настигли. У нее болело все — ноги, руки, грудь, спина.

Меер проползла шагов пять до ближайшей сосны и, опираясь о ее ствол, поднялась на ноги. Ей было очень больно, но Себастьяну нужна помощь.

Вот только как ему лучше помочь? Возвратиться к нему или же спуститься вниз и вызвать полицию? Меер не знала, насколько серьезна его рана. Она стала подниматься обратно к часовне, с каждым шагом все больше сомневаясь в том, что поступает правильно.

Всего через несколько минут молодая женщина увидела справа от себя луч фонарика, пробивающийся между деревьями.

Преследователь ее нашел.

Меер лихорадочно огляделась вокруг, ища хоть какое-нибудь укрытие, и в полумраке разглядела что-то, напоминающее густой кустарник. Есть ли там место, чтобы забраться внутрь? Сможет ли она спрятаться в зарослях, не произведя много шума?

Медленно, дюйм за дюймом Логан двинулась вперед, внимательно осматривая раскисшую грязь под ногами, чтобы не наступить на ветку, которая выдаст ее громким треском. И тут она что-то услышала — похоже, ее окликали по имени. Остановившись, Меер прислушалась, пытаясь разглядеть что-то за деревьями.

— Меер!

Это был Себастьян; вместе с отрядом полицейских он искал ее.

Убедившись, что девушка не нуждается в медицинской помощи, полицейские предложили проводить ее до участка, где она ответит на вопросы, а они тем временем оцепят место происшествия, но молодая женщина настояла на том, чтобы вернуться вместе с ними в часовню. Себастьян категорически потребовал, чтобы ему разрешили сопроводить ее.

Для Меер это была последняя возможность разыскать хоть какие-нибудь следы мелодии, за которой она охотилась всю свою жизнь, которую она таким чудесным образом нашла и тотчас же потеряла.

Пробираясь по мокрому лесу, они с Себастьяном рассказали друг другу о том, что с ними случилось. Полиция предположила, что мужчину усыпили хлороформом, потому что он помнил только то, как очнулся, лежа на земле под дождем. Придя в себя, Отто встал и отправился на поиски Меер, в конце концов спустился в город и обратился в полицию.

— Я боялся, что если буду искать тебя в лесу, то начну ходить кругами и так никогда тебя и не найду, — объяснил он. — Нападавший забрал ноты?

— Он получил лишь комок промокшей насквозь бумаги, но не мелодию.

— Значит, мелодия у тебя?

— В партитуре сохранилось лишь несколько нотных знаков, и то разрозненных. Но даже их смысл дождь.

— Но ты ведь успела их увидеть, так? Ты видела ноты?

— Видеть было практически нечего. И все произошло слишком быстро. Я даже на них не смотрела. Но, может быть, в часовне остались еще какие-нибудь обрывки бумаги. Вот почему я должна вернуться назад. Посмотреть, не осталось ли там что-либо. Если эти ноты попадут в руки полиции, мы, возможно, больше их никогда не увидим. Я буду искать все, что можно будет отнести моему отцу и подвергнуть анализу. Существует технология съемки

в инфракрасных лучах, позволяющая определить следы смытых чернил.

Дойдя до часовни, полицейские тотчас же оцепили ее.

Не может быть, чтобы старая часовня с облупившимися изваяниями оказалась тупиком. Не может быть, что мелодия пропала навсегда. Однако Меер не могла даже войти внутрь, чтобы посмотреть, не осталось ли там что-нибудь.

Как ей поступить? Ее отец всю свою жизнь охотился за пропавшими экземплярами Торы. Что бы он сделал на ее месте? Как-то раз отец сказал, что всегда наступал момент, когда след, казалось, становился холодным как лед, и он, чувствуя себя полностью потерянным, обращался к вере. И тогда, когда ему хотелось ругаться, он заставлял себя прочитать молитву, вспомнить, что во всем есть свой смысл, и эта молитва всегда помогала ему обрести силы, чтобы идти дальше.

Меер еще никогда не молилась, но об этом никто не знал. Как не знал никто и о том, что она еврейка и, следовательно, если и будет молиться, то не станет для этого опускаться на колени. Но сейчас, не спрашивая у полицейских разрешения, девушка подошла к распятию, встала перед ним на колени и склонила голову.

— Мисс Логан... — тихо промолвил один из полицейских.

Со своего места Меер могла искать взглядом клочки бумаги, не привлекая к себе внимания.

— Мисс Логан... — повторил полицейский, но она не поднимала голову, надеясь, что он даст ей несколько мгновений общения с богом.

Камни больно впились Меер в колени, и без того болевшие после падения, но она оставалась неподвижной, внимательно осматриваясь по сторонам, не думая о том, как поступить, если ей удастся что-то обнаружить, как незаметно подобрать находку. Однако это не имело значения. На земле не осталось ничего. Ни одного клочка. Судя по

всему, бумага полностью разложилась под дождем, а вместе с ней и последняя надежда найти неуловимую музыку, терзавшую Меер большую часть ее жизни.

ГЛАВА 58

Вторник, 29 апреля, 19.50

Во время сеанса вопросов и ответов с вежливым следователем в полицейском участке Бадена ни Меер, ни Себастьян ни словом не обмолвились об истлевших нотах. Отто на ходу придумал, будто они отправились в лес по маршруту, связанному с памятью Бетховена, и вдруг на них напал неизвестный. Когда подошло время, Себастьян заглянул в бумажник и сказал, что грабитель похитил сто пятьдесят евро, а также снял у него с пальца правой руки золотой перстень с печаткой.

Примерно через час следователь принес глубокие извинения за то, что произошло с ними в его городе, и отпустил их. Он сказал, что даст знать, если будет обнаружено что-либо из похищенного.

Когда они оказались в машине, Себастьян запер двери и посидел какое-то время, словно собираясь с силами, чтобы включить зажигание. Он заговорил лишь после того, как они выехали из города, и его тихий голос был наполнен угрызениями совести.

— Я чувствую себя в ответе за то, что сейчас произошло. Даже не знаю, что еще сказать, кроме того, что мне ужасно стыдно. После всего того, что уже случилось, как я мог быть таким самоуверенным? Тебе угрожает страшная опасность, Меер. Ты должна быть очень осторожна. Нам всем нужно быть предельно осторожными.

— Я не отнеслась к этому достаточно серьезно, но еще когда мы находились в городе, перед тем как зайти в лес, у меня возникло ощущение, что за нами следят.

— Да, за нами следили, и, несомненно, нас вели от самой Вены. — Себастьян потер висок.

— Что с тобой?

— Кажется, падая, я ударился головой, — он небрежно махнул рукой. — Сейчас главное то, что Бетховен спрятал ноты, а ты их нашла. Не наткнулась на них случайно — ты точно знала, где они находятся. Вероятно, тебе известно, и где спрятана флейта.

Меер покачала головой.

— Нет.

— Пусть ты не можешь это сказать — где-то в подсознании у тебя все осталось.

Меер не хотелось, чтобы это соответствовало действительности: было очень трудно признать то, что она не может вспомнить нечто такое, что никогда не знала и не могла забыть. Эта проклятая головоломка отложила отпечаток на всю ее жизнь.

— Ну же, согласись, флейта может быть где угодно.

— Не совсем так. Если оглянуться назад, становится понятно, что ключ к разгадке был в письме. «Я вручил музыку нашему повелителю и спасителю. Тому, кто освятил и благословил нашу любовь». Теперь это очевидно. Несомненно, уединенная часовня в лесу была одним из мест свиданий Бетховена с Антонией. Композитор спрятал ключ в Склепе сердец и также оставил указание на это в своем письме. Следовательно, в письме должно быть указание и на то, где спрятана флейта.

У Себастьяна зазвонил сотовый телефон. Меер не поняла из разговора ни слова, но по тону Себастьяна поняла, что он услышал какую-то неприятную новость.

— Мой сын заболел, — сказал Отто, окончив разговор. Он с такой силой стиснул рулевое колесо, что побелели костяшки пальцев, лишившись притока крови. — Воспаление легких. Это опасно для любого человека, но для

Николаса особенно, потому что он никак не реагирует на окружающий мир. Давай я сейчас подброшу тебя до...

— А разве клиника не по дороге назад в Вену? Я поеду с тобой, а оттуда возьму такси.

Они мчались со скоростью свыше ста миль в час, и Меер уговаривала себя, что в этом нет ничего страшного, — но тут снова начался дождь. Сначала это были лишь первые редкие капли, упавшие на ветровое стекло, с которыми разобрались щетки очистителя, но затем полило как из ведра.

Так что на какое-то мгновение дорога впереди была хорошо видна, а потом все затянула водная пелена. Быстрое движение щеток. Чисто. Пелена. Быстрое движение. Чисто. Пелена.

Других машин на дороге не было, освещение отсутствовало, и фары машины Себастьяна позволяли видеть всего на несколько ярдов впереди. Один резкий поворот. Другой, еще более крутой. Меер не решалась попросить Себастьяна ехать помедленнее; он спешил к своему ребенку.

ГЛАВА 59

Вторник, 29 апреля, 20.50

Меер и без знания немецкого поняла, что охранник не разрешает Себастьяну пройти на этаж и увидаться с сыном. В последовавшем споре Отто не повышал голос громче гневного шепота. Он не хотел беспокоить тех, кто находился поблизости, или же, приближаясь к бешеной ярости, все больше и больше погружался в молчание? Охранник также сохранял выдержку и говорил сдержанным тоном. Несколько раз он упомянул про «доктора Кутхер», и Меер заключила, что Себастьяна не пускают к сыну по распоряжению его бывшей жены. Наконец Себастьян сделал вид, будто разворачивается, смирившись с тем, что

он не сможет увидеть сына, но затем внезапно метнулся вперед, резко распахнул дверь в палату и скрылся внутри.

Охранник бросился следом за ним.

Сквозь стеклянную перегородку Меер увидела, как Себастьян подбежал к кровати, на которой лежал его сын, и опустился перед ней на корточки. Через мгновение в палате появился охранник и на удивление вежливо положил Себастьяну руку на плечо. Тот попытался ее стряхнуть, но охранник второй рукой развернул его лицом к себе. Себастьян вышел в коридор, опустив плечи.

— Ну, как он? — спросила Меер, когда они направились к лифту.

— Физически? По-прежнему замкнут в себе, что в данном случае нужно считать положительным знаком. Слава богу. Но, как ты уже поняла, мне теперь запрещено видеться с ним. Я как раз готовил судебное предписание — кажется, это так называется? — чтобы Ребекка больше не имела возможности запрещать мне показывать Николаса тем специалистам, каким я захочу, но, похоже, она меня опередила. Теперь уже *мне* необходимо ее разрешение увидеться с Николасом. Мне. Его родному отцу.

— Разве не она сообщила тебе о болезни сына? И разве она не понимала, что ты обязательно захочешь с ним увидеться?

— Нет, мне позвонила медсестра. Я не знаю, о чем думает Ребекка. Охранник сказал, что она оставила распоряжение не пропускать меня к Николасу в ее отсутствие.

— Быть может, если ты ей позвонишь, она изменит свое решение.

На мгновение глаза Себастьяна зажглись надеждой, и он, попросив Меер подождать, вернулся в комнату дежурных медсестер.

Меер опустилась в кресло, обтянутое зеленым кожзаменителем, размышляя о том, сколько тысяч охваченных болью и тревогой матерей и отцов, мужей и жен, детей,

родственников и друзей сидели здесь с начала XX столетия, когда была основана клиника. А потом она вспомнила рассказ Себастьяна об экспериментах, проводившихся в этих стенах во время войны.

— Медсестра позвонила Ребекке, и та снизошла до того, чтобы поговорить со мной лично, а не общаться через третьих лиц. Она сказала, что с нее хватит того «шаманства», которым я мучаю мальчика, и отныне я буду видаться с сыном только в ее присутствии, — сказал Отто. Вернувшись, он бессильно упал в кресло рядом с Меер и уронил плечи. — Судя по всему, последней каплей стало то, что я в прошлые выходные привез сюда тебя. И вот теперь, когда Николас заболел, Ребекка не хочет, чтобы кто-либо посторонний мешал ему выздоравливать. Но Николас потерял себя, и он не может бороться с воспалением легких, когда его здесь нет. Ну почему Ребекка никак не может это понять?

Меер положила ладонь ему на руку; даже сквозь ткань куртки она ощутила, как напряжено его тело.

— Я не знаю, какие законы у вас, но в Америке получить судебное предписание без веских оснований было бы невозможно. Пожалуй, только тем, кто совершил преступления на сексуальной почве, запрещается видаться со своими детьми. По-моему, тебе надлежит посоветоваться с адвокатом.

Себастьян взглянул на часы.

— Я позвоню прямо сейчас. Не хочу ждать, когда вернусь домой и будет еще позже.

— Да, да, все в порядке, разумеется, звони.

Меер прошла в дальний конец коридора к окнам, выходящим на рощу, в которой они с Себастьяном гуляли в воскресенье. В темноте не было видно ничего, кроме бледного лунного света, мерцающего на глади пруда. Прижавшись лбом к холодному стеклу, Меер закрыла глаза, размыш-

ляя о том, каким долгим и странным выдался этот вечер. Долгим, странным и печальным.

— Сегодня мой адвокат ничего не сможет сделать, — сказал Себастьян, закончив разговор. — И даже на этой неделе. На то, чтобы отменить судебное предписание, потребуется время. Вероятность того, что удастся подготовить все бумаги и добиться слушания дела раньше чем через две недели, минимальна.

— Мне очень жаль.

Себастьян оглянулся на палату своего сына, перед ней все так же стоял охранник.

— Дайте мне еще одну секунду, и после этого мы уедем.

Меер обратила внимание на то, что на этот раз в движениях и позе Себастьяна не было враждебности и гнева. Охранник, выслушав его, остался настороже, но все же склонил голову набок, выражая свое сочувствие. Наконец Себастьян сунул руку в карман, достал ручку и визитную карточку, черкнул что-то и протянул кусочек картона охраннику. Тот долго смотрел на него, но затем все же взял его и отступил вправо, позволяя Себастьяну заглянуть в палату. Целую минуту тот стоял совершенно неподвижно, глядя на сына сквозь стекло, армированное стальной проволокой.

Когда они снова направились назад к лифту, Меер обратила внимание, каким тяжелым стал шаг Себастьяна.

— Что ты дал охраннику?

— Номер своего сотового телефона. И обещание отблагодарить его, если он будет звонить и держать меня в курсе. Каждый раз, уходя отсюда, я чувствую себя так, словно бросаю своего сына наедине с той черной унылой пустотой у него в голове, в которой он живет. Если он вообще живет.

— Определенно, Ребекка не пыталась винить тебя в том, что случилось с Николасом?

— Нет. Но я верил, хотя это и глупо, что я мужчина и у меня хватит сил защитить своего ребенка от всего. От *всего*. Однако, убедившись в том, что это не так, что я не могу уберечь своего сына, я пришел к выводу, что я полный неудачник, и у меня осталась только одна мысль — я могу сделать хоть *что-то*.

ГЛАВА 60

*Под Венским концертным залом
Среда, 30 апреля, 03.03*

Спать в подземелье на земле, подложив под голову куртку, оказалось на самом деле гораздо проще, чем спать в отвратительном номере в дешевой ночлежке. Насколько мог вспомнить Давид, впервые после трагедии его не терзали знакомые кошмарные видения, ставшие его судьбой. Вместо этого его разбудили совсем другие образы. Очень живые, яркие, но отрывочные. Он чувствовал страшную боль, но в то же время глубокое удовлетворение от сознания выполненного долга.

Встав, Давид потянулся, разминая затекшие мышцы, затем достал из рюкзака припасы, съел яйцо вкрутую и запил глотком минеральной воды — чисто механически, не чувствуя вкуса и фактуры, а просто выполняя какое-то необходимое действие. В то последнее утро Лисла приготовила на завтрак яйца. Давид очень торопился, но она настояла. Это день рождения сына, и они должны позавтракать все вместе... нет. Надо положить этому конец. Все равно это больше не помогает. Теперь он обо всем позаботится. Действие, подпитанное яростью, лучше беспомощной жалости. Гибель его семьи не будет напрасной. В Библии говорится — око за око. И вот сейчас он собирался осуществить именно это — и даже больше.

Услышав царапанье, Давид вздрогнул и, стремительно развернувшись, положил руку на рукоятку «глока».

Но это была лишь одна из полудюжины сидящих в клетке крыс, цепляющаяся острыми когтями за металлические прутья. Давид подумал о ее собратях-грызунах, живущих в сточных канавах. Но разве не превратился весь мир в сточную канаву? Словно почувствовав, что тюремщик думает о них, крысы принялись дружно царапать прутья клетки. Они изнывали от нетерпения, но им придется подождать...

Давид обнаружил, что ждать в подземелье оказалось не так трудно, как он предполагал. Тревога, не покидавшая его на протяжении последних нескольких недель, была в основном вызвана опасением, что его обнаружат до того, как он успеет довести до конца задуманное.

Оставалось всего несколько часов до тех пор, как концертный зал снова наполнится жизнью и люди Пакстона вернутся к своим поискам. Бодрствовать было гораздо легче, когда сверху доносился шум. Давид вслушивался, стараясь разобрать отдельные звуки, и это было хоть каким-то занятием. Крысы тоже перестали царапаться, и наступила полная тишина, настолько густая, что можно было заснуть снова... прямо здесь... на голой земле...

Стоя на берегу быстрой широкой реки Инд, окруженной горами с заснеженными вершинами, он вдыхал воздух, наполненный благоуханием цветущих деревьев. Пожилой мужчина в свободной светлой одежде громко ругался, посылая ему угрозы. Но он не боялся старика. Женщине с глазами цвета морской волны угрожает опасность со стороны этого старика, и он должен ее спасти. Он сделает все, чтобы спасти ее.

Давид проснулся, пораженный тем, что сон вернулся. Его захлестнуло предчувствие надвигающейся катастрофы.

ГЛАВА 61

Я знаю, что я бессмертен. Нет сомнений, что я уже умирал десять тысяч раз. Я смеюсь, когда смерть называют концом; мне известен истинный размах времени.

Уолт Уитмен

Вена, Австрия

Среда, 30 апреля, 09.15

Джереми Логан выглядел более измученным, чем накануне, и когда он сказал своей дочери и Малахаю, что его не выпишут из больницы ни утром, ни, возможно, и днем, Меер не удивилась, но встревожилась.

— У меня немного подскочила температура. Наверняка подцепил вчера какую-то заразу здесь, в больнице. Чем больше времени тут проводишь, тем хуже это сказывается на здоровье.

— Какая у тебя температура? — спросила Меер.

— Да пустяковая, но из-за того всплеска на кардиограмме врачи хотят продержат меня немного подольше. Черт бы побрал их дотошность. А теперь я настаиваю на том, чтобы ты перестала спрашивать о моем здоровье и рассказала все, что тебе удалось найти за вчерашний день.

Из рассказа о поездке в Баден и находке нот Меер упустила только нападение в лесу.

— Давайте не будем забивать себе голову тем, что мы потеряли, — сказал Малахай, когда она закончила. — Мы обязательно определим мелодию, когда найдем флейту. Вот на чем нам нужно теперь сосредоточиться. Из всего того, что мы прочитали, очевидно следует, что флейта оказалась у фон Брейнинга, хотя сам он даже не представлял себе ее истинную ценность. От отцов имущество переходит к сыновьям. По крайней мере, в XIX веке это обстояло именно так. У Стефана был сын? А у этого сына

были дети... Продолжало ли семейство жить в Вене? Быть может, флейта по-прежнему у какого-то старика, который сам не знает, что это такое.

— Да, у Стефана был сын. Герхард фон Брейнинг, — подтвердил Джереми. — Больше того, Герхард написал одно из первых воспоминаний о жизни Бетховена. Не сомневаюсь, в библиотеке должна быть эта книга. — Он посмотрел на часы. — Но по средам библиотека открывается только в полдень.

— А нет ли сейчас каких-нибудь работающих книжных магазинов? — спросила Меер.

Джереми пристально посмотрел на нее.

— Я больше не хочу, чтобы ты этим занималась.

— Уже слишком поздно.

— Надо предоставить эту возможность тем, кто умеет справляться с опасностями, и тогда тебе больше не придется бегать одной по лесу.

— В настоящий момент речь идет только о том, чтобы найти книгу и посмотреть, нет ли в ней какой-либо дополнительной информации. — Почувствовав, что отец колеблется, Меер добавила аргумент, который, как она была уверена, должен будет его удовлетворить: — Меня может сопровождать Малахай. — Она остановилась, гадая, правильно ли истолковала мысли отца. Быть может, все дело в нем самом. — Если, конечно, ты не хочешь, чтобы я осталась с тобой.

— Хочу, но только потому, что в этом случае ты будешь в безопасности. Определенно, я не хочу, чтобы ты торчала здесь только из-за меня.

— Папа, мне кажется, я должна продолжать поиски, — сказала Меер, поднимая руки вверх и роняя их.

Джереми усмехнулся.

— На любой вопрос всегда существует ответ, даже если найти его очень трудно. Каббала учит нас, что у человеческой души есть определенный уровень, на котором все

мы подключаемся к единой копилке знаний, накопленных миром. Юнг соглашался с этим, но просто использовал другие термины и называл все «коллективным бессознательным». Оно проявляется во внутреннем голосе, его может услышать каждый, если внимательно прислушаться. Ты слышишь этот голос. Всегда его слышала. И сейчас ты должна ему довериться. Только обещай, — он улыбнулся, — что будешь предельно осторожна.

Ни Меер, ни Малахай не могли отправляться на поиски книги, поскольку оба не владели немецким, поэтому Джереми позвонил Себастьяну, извинился и попросил о последнем одолжении.

Когда они вошли в букинистический магазин на Грабенштрассе, их встретил запах кожи и чернил, клея и масла. Женщина средних лет с густыми черными волосами встала из-за верстака, заваленного баночками и бритвенными лезвиями, бумагами, кусками мягкой ткани и потрепанными книгами в различной стадии восстановительных работ. В числе книг, подлежащих реставрации, были и воспоминания Герхарда вон Брейнинга. Она протянула книгу Себастьяну.

Пока тот ее листал, Меер обратила внимание на мешки у него под глазами. Ей стало стыдно, что она навалила на Себастьяна свои проблемы, когда у него хватает своих.

Всего через несколько минут Себастьян, поблагодарив хозяйку магазина, вернул ей книгу.

— Что вам удалось обнаружить? — перекрывая шум машин, спросил Малахай, когда они вышли на улицу.

— После смерти своего отца Стефана фон Брейнинга Герхард унаследовал все его имущество, в том числе десятки предметов, принадлежавших Бетховену.

— Ничего определенного он не добавил? — уточнил Малахай.

— Множество книг, несколько метрономов — нового изобретения, только появившегося во времена Бетховена, — с десятков дирижерских палочек и несколько музыкальных инструментов, в том числе один рояль, две скрипки, гобой и две флейты.

— Герхард описал их подробно?

— Нет.

— Нам нужно выяснить, что случилось с его имуществом, — сказал Малахай.

Внезапно Меер ощутила присутствие отца — почти так же явственно, как если бы он стоял рядом. Где бы она ни находилась на протяжении последних двух дней, Меер представляла, будто отец находится рядом и помогает своим советом. Надо было бы сказать ему об этом утром в больнице. Отцу это понравилось бы. Навестив его в следующий раз, она расскажет, что испытывала оба раза в мемориальных квартирах Бетховена здесь, в Вене, и в Бадене, ощущая такое сильное присутствие отца.

Размышляя о квартире на Мелькер-Бастей, которую она посетила в воскресенье, Меер не могла избавиться от чувства, что видела там нечто очень важное, о чем ей нужно вспомнить сейчас... но что именно? Почему она никак не может ухватиться за это... ведь с тех пор прошло всего три дня.

Пока Малахай и Себастьян продолжали беседовать между собой, Меер полностью сосредоточилась на игре памяти Цицерона. Представив себя в квартире Бетховена, она прошла через прихожую... увидела рояль... обошла комнату... прочитала подписи под всеми экспонатами... и, наконец, вспомнила, что именно она видела тогда. Что прочитала на подписях под всеми и каждым экспонатами, и почему это имело такое большое значение сейчас.

— Я знаю, что произошло с имуществом Герхарда фон Брейнинга и где теперь находятся эти инструменты, — сказала Меер.

ГЛАВА 62

Среда, 30 апреля, 11.30

Мысленно сосчитав слишком хорошо знакомое количество ступенек, Меер поднялась по лестнице в мемориальную квартиру Бетховена на Мёлькер-Бастей. Малахай и Себастьян не отставали от нее, а она без колебания прошла прямо к выставленной в витрине скрипке, под которой, как и помнила Меер, была табличка с описанием инструмента и его истории на четырех языках. Трое посетителей прочитали разные варианты одного и того же, но и английская, и немецкая версия заканчивались одинаковой информацией: скрипка подарена музею Герхардом фон Брейнингом в числе семи других музыкальных инструментов, принадлежавших Бетховену и выставленных в настоящий момент в его мемориальных квартирах в Вене и в Бадене.

— Но только мы были и здесь, и там — и не видели никакой флейты из кости, — заметил Себастьян.

— Не видели. И не могли увидеть, — подтвердил Малахай. — Флейта спрятана. Бетховен сам сообщил это в своем письме к Антонии. Быть может, Меер своим серебряным ключиком откроет тайник. Бетховен написал, что все необходимые указания имеются у эрцгерцога Рудольфа и Стефана фон Брейнинга, хотя они и не могут понять их истинный смысл.

— А если фон Брейнинг оставил все подарки Бетховена своему сыну, а Герхард передал их государству, а государство выставило их в мемориальных квартирах Бетховена... — Себастьян мысленно соединил все точки. — Ты полагаешь, что где-то среди этих экспонатов спрятана и старинная флейта, сделанная из кости?

Но Меер уже не слушала их. Яркий свет окружил ее, отделил от самой себя, так, что она одновременно находилась в настоящем, но в то же время наблюдала за собой со стороны, пытаясь связаться с женщиной, которую ви-

дела с противоположной стороны барьера, — женщиной, знающей, где именно была спрятана старинная флейта. У нее заболела спина, рот наполнился металлическим привкусом. Меер не услышала голос, открывавший ответ на загадку, не увидела призрачную фигуру, указывающую путь. Внезапно она просто получила знания, которых у нее не было всего несколько мгновений назад.

Пройдя через комнату, Меер остановилась перед второй витриной. Внутри лежал серебряный гобой длиной больше двух футов и около двух дюймов в поперечнике. На белой продолговатой табличке приводилось описание инструмента на четырех языках, но Меер не нужно было читать английскую версию. Единственные слова, имевшие для нее значение, были одинаковыми во всех четырех переводах.

Герхард фон Брейнинг.

ГЛАВА 63

Среда, 30 апреля, 11.35

Казалось, прилетела стая птиц: внезапно комната заполнилась десятками голосов, сливающихся в один сплошной шум. Оглянувшись, Меер увидела замученную учительницу, пытавшуюся обуздать ватагу школьников. Та же самая студентка, продававшая у входа билеты, прошла следом, начиная экскурсию.

— Время выбрано неудачно, — пробормотал под нос Себастьян.

Все трое в отчаянии следили за школьниками, столпившимися возле рояля. Экскурсовод начала говорить, показывая на картину на стене.

— Впрочем, по-моему, мы, наоборот, сможем использовать это. Оставайтесь здесь.

Оставив Меер и Малахая у витрины с гобоем, Себастьян подошел к экскурсоводу. Судя по выражению ее лица, его

слова произвели на нее впечатление. Кивнув дважды, она пригласила Себастьяна следовать за ней. Вдвоем они подошли к витрине, и молодая женщина, достав из кармана джинсов связку с ключами, попробовала сначала один, затем другой ключ. Отодвинув задвижку, подняла крышку, осторожно достала серебряный гобой и как бесценный дар вручила его Себастьяну. Тот принял инструмент с выражением благоговейного почтения; и Меер не сомневалась, что это чувство искреннее. Себастьян держал в своих руках инструмент, принадлежавший величайшему композитору всех времен, тот инструмент, на котором он сам играл в Венском филармоническом оркестре.

Тем временем дети стали шуметь, кто-то кого-то толкнул, завязалась потасовка. Девушка-экскурсовод извинилась. Собрав школьников, она повела их к другой витрине в противоположном углу комнаты.

— Как тебе удалось уговорить ее дать тебе гобой? — спросила пораженная Меер.

— Я сказал, кто я такой, и показал свое удостоверение музыканта филармонии, — шепотом ответил Себастьян, внимательно изучая инструмент.

Меер оглянулась на детей, застывших перед посмертной маской Бетховена, которую она сама разглядывала три дня назад. Молодая женщина объяснила, что это такое и когда это было сделано, и в комнате наступила тишина. Маска вызывала гнетущее чувство — не своим видом, а тем, что она была снята всего через несколько часов после смерти великого композитора. Даже фотографический снимок не выглядел бы таким правдоподобным, как это бронзовое изваяние, ставшее усыпальницей души Бетховена. У Меер заняло сердце, пронзенное острой горечью утраты.

— Посмотрите сюда.

Голос Себастьяна прозвучал тихо, но настойчиво. Все трое окружили инструмент тесным кольцом, разглядывая его.

На нижней части гобоя были выбиты клейма, обозначавшие пробу серебра и изготовителя. Меер, поработавшая по выходным и летом в антикварном магазине матери, знала, что это такое. Через ее руки прошло множество серебряных предметов, и многие клейма она знала наизусть, но эту группу она видела впервые. Затем она обратила внимание на то, что ей еще никогда не встречалось в клейме изготовителя: маленькое отверстие. Среди выгравированных символов была ловко запрятана дырочка размером с булавоочную головку. Руки Меер сами собой потянулись к цепочке на шее.

— Да, мы должны попробовать, — подтолкнул ее Себастьян, подумавший о том же самом.

— Сейчас? Прямо здесь?

— Да, — настойчиво промолвил Малахай.

Меер сначала оглянулась на детей, которых девушка-экскурсовод вводила в соседнюю комнату, затем посмотрела на мужчину у входа, прильнувшего к экрану компьютера.

— Ну же, быстрее, — поторопил ее Малахай.

Дрожащими пальцами Меер достала цепочку из-под блузки, нагнулась и вставила крошечный серебряный ключик в замочную скважину. С тех пор как она извлекла его из-под высушенного сердца, она гадала, где может быть такой маленький замочек. Теперь она знала. Ключ повернулся в замке.

Механизм раскрылся тихо, словно взмах крыльев бабочки, и Меер попробовала раскрыть гобой. Сколько лет прошло с тех пор, как эта крохотная петелька поворачивалась в последний раз? Это было в 1814 году? Меер осторожно разделила две половинки инструмента, заставляя его отдать спрятанное в нем сокровище. Увидев содержимое тонкой серебряной гробницы, Меер узнала его по воспоминаниям, погребенным в самом потаенном уголке ее души.

Находка была такой нежной и хрупкой на вид, что Меер боялась к ней прикоснуться. Она бережно извлекла костяную флейту из тайника.

— Быстрее, давай инструмент мне! — прошептал Себастьян.

Меер была сбита с толку. О каком инструменте шла речь? Прежде чем она успела сообразить, Себастьян протянул руку, забрал у нее серебряный гобой Бетховена и захлопнул его.

— Меер, быстро спрячь это в сумочку, — сказал Малахай, кивая на костяную флейту.

Тем временем Себастьян, отступив на несколько шагов, поднес серебряную трубку к губам. Комната наполнилась звуками музыки, но это был не Бетховен, а «Канон» Пахельбеля. Меер нашла выбор Себастьяна правильным; эту музыку Бетховен должен был слышать, поскольку немецкий композитор Пахельбель также перебрался из Германии в Вену за сто лет до него. Внимание школьников, учительницы, девушки-экскурсовода и парня за компьютером было приковано к Себастьяну и тем сладостным и чарующим звукам, которые он извлекал из гобоя.

Трясущейся рукой Меер открыла сумочку и засунула внутрь старинную флейту.

Закончив играть, Себастьян выслушал восторженные аплодисменты и торжественно возвратил гобой билетерше. Та убрала инструмент обратно в витрину, не проявляя никакого любопытства. Разве не стал гобой легче без флейты внутри? Или девушка просто не обратила внимания на его вес?

Положив гобой на место, девушка заперла витрину на замок и поблагодарила Себастьяна, а тот в свою очередь поблагодарил ее за возможность сыграть на инструменте великого Бетховена. Затем, кивнув Малахаю, обнял Меер за плечо и повел ее из комнаты мемориальной квартиры Бетховена.

ГЛАВА 64

Среда, 30 апреля, 11.55

Они молчали, спускаясь по лестнице, до тех пор, пока не оказались на Мелькер-Бастей, и там Малахай и Себастьян вдруг завели совершенно безобидный разговор о городах, расположенных неподалеку от Вены, которые имело смысл посетить.

Меер вскоре догадалась, что они умышленно говорят о ничего не значащих пустяках на тот случай, если за ними следят, прослушивая разговоры с помощью беспроводных микрофонов. Она перестала слушать. Имело значение только то, угрожает ли им опасность.

Они пересекли улицу и вошли в парк. Меер смотрела на мамаш, выгуливающих детей, на пожилых людей, сидящих на скамейках. Какая-то женщина окликнула собаку. Куда направляется Себастьян? Мимо прошла в обнимку влюбленная парочка. Мальчишка промчался на велосипеде, настолько близко, что Меер обдало потоком воздуха.

Внезапно Себастьян схватил ее за плечо и повел вправо. Выйдя из парка, они пошли по улице, где на углу на остановке стоял трамвай.

Себастьян ускорил шаг, увлекая Меер за собой. Они уже подходили к остановке. Трамвай закрывал двери. Себастьян крепче стиснул плечо Меер. Он собирался вскочить в вагон. Не чувствуя присутствия Малахая рядом, молодая женщина обернулась. Малахай не поспевал за ними. Он не успеет. Меер не была уверена, что и она сама успеет. А что, если двери закроются, прихлопнув сумочку? Вдруг они раздавят флейту?..

Вскочив на подножку, Себастьян обернулся и посадил Меер, и тотчас же за ними закрылись двери. Оглушенная, но невредимая, Меер обвела взглядом заполненный трамвай.

— А где Малахай?

— Держись за меня, — сказал Себастьян.

— Но ведь Малахай... — Меер попыталась выглянуть в окно, но трамвай уже отъехал от остановки. — Что будет с ним?

— За него не беспокойся, — тихо промолвил Себастьян. — Мы ему позвоним, как только окажемся там, куда направляемся. Так будет лучше. Втроем мы чересчур заметны и привлекаем к себе больше внимания.

— Но не можем же мы просто... — начала было Меер, но тут до нее дошел смысл его слов. — Ты сделал это умышленно?

— Как ты? — Пропустив ее вопрос мимо ушей, Себастьян показал взглядом, что здесь не место обсуждать эту тему. — Я не слишком сильно дернул тебя за руку?

Меер пожала плечами, решив не говорить о том, как ей было больно.

— Что ты собираешься делать?

— Потеряться, — прошептал Себастьян, настолько тихо, что Меер не была уверена, правильно ли она его поняла.

Она чуть было не ответила, что сама уже потерялась, и давно. Но ей не хотелось признаваться в этом, как не хотелось говорить и о том, что у нее болит рука, — она сама не могла сказать, почему.

ГЛАВА 65

Среда, 30 апреля, 14.08

Покачиваясь в закрытой кабинке колеса обозрения на высоте двести футов над землей, Меер обвела взглядом раскинувшийся внизу город.

— Это же какое-то сумасшествие.

— Лучшего выбора у нас не было. Два трамвая остановились рядом так удачно, что если бы кто-то и следил

за нами от той остановки, где мы сели, то увидеть, как мы пересели из одного трамвая в другой, все равно было невозможно.

— Ну, а теперь?

— А теперь мы будем ждать. Переведем дыхание. Полюбуемся на закат.

— А затем?

— Гостиница.

— Ты хочешь сказать, другая гостиница?

— Да, не «Захер», где ты поселилась. Мы найдем что-нибудь другое.

— Когда можно будет позвонить Малахаю? И моему отцу? Нам обязательно нужно предупредить папу.

— Как только мы устроимся в гостинице.

Кабина качнулась от порыва ветра, и Меер почувствовала, как у нее внутри все оборвалось.

— Я хорошо помню тот эпизод из «Третьего человека»¹, — сказала она. — Мы изучали этот фильм из-за партитуры для цитры, на курсе музыки для кино, который я слушала в школе Джульярда.

— Это помнят все — цитру и тот эпизод.

— Фильм очень страшный, но ведь Вена действительно страшный город, не так ли?

— Да, за элегантными фасадами скрываются отвратительные тайны и грязные тени. Вена подобна красавице, прячущей за спиной пистолет.

Голос Себастьяна вызвал у Меер мурашки, и она, отвернувшись, устремила взгляд на миниатюрный город внизу.

— Какая в этом фильме есть знаменитая фраза про вид на город? — спросила Меер.

— Это один из моих самых любимых фильмов. К тому времени как они поднимаются на колесе обозрения, Холли Мартину уже известно про разведенный пенициллин и про

¹ Знаменитый кинодетектив в жанре нуар (реж. Кэрол Рид, 1949).

то, что Гарри Лайм убивал людей ради собственной выгоды. Коррупцированный человек, олицетворяющий коррупцированное государство. Сидя в одной из этих самых кабинок и любуясь этим самым видом, Лайм предлагает Мартину посмотреть вниз и спрашивает, почувствует ли тот сожаление, если одна из маленьких точек на земле остановится навсегда. «Если я предложил бы вам по двадцать тысяч фунтов за каждую остановившуюся точку, старина, неужели бы вы и правда отказались от моих денег? Или же быстро подсчитали бы, сколькими точками можно пожертвовать?»

— У меня осталась в памяти другая фраза.

Ветер набирал силу, и кабина все больше раскачивалась из стороны в сторону. Себастьян улыбнулся, и Меер показалось, что его взгляд зажегся дьявольским огнем героя Орсона Уэллса, когда он процитировал:

— «Вот Италия. Тридцать лет ей заправляло семейство Борджиа. Войны, ужас, смерть, кровопролитие — но страна породила Микеланджело, Леонардо да Винчи, Возрождение. А в Швейцарии — братская любовь, пятьсот лет демократии и мира; и что она создала? Часы с кукушкой».

— Она самая. Мы в школе Джульярда играли в игру: что ты дашь за то, чтобы сотворить что-нибудь прекрасное и вечное.

— Все мы играли в разновидность этой игры.

«Или что ты дашь за то, чтобы спасти любимого человека?» — подумала Меер, но вслух ничего не сказала, так как в этот момент кабина с резким рывком двинулась вниз. Они возвращались на землю, фигурки людей становились все больше, а затем прогремел раскат грома, небеса разверзлись, и по стеклу кабины застучали тяжелые, жирные капли. Через несколько минут кабина остановилась.

— Теперь мы в полной безопасности, — сказал Себастьян.

ГЛАВА 66

Среда, 30 апреля, 17.45

Себастьян расплатился с водителем такси, вышел из машины, открыл дверь и протянул руку, помогая Меер выйти. У нее затекла спина, и ей было не обойтись без его помощи. Она постаралась сдержаться, но все же поморщилась от боли. Дождь сменился мелкой моросью, и можно было не торопиться, но Себастьян быстро увлек Меер через запотевшие стеклянные двери гостиницы «Тонет». Оба они устали и были встревожены. Весь день они провели в парке Пратер, убеждаясь в том, что за ними никто не следит, пытаясь определить, куда отправиться и что делать.

В ходе перестройки особняка XVIII века были заботливо сохранены старинные деревянные балки, каменные плиты пола, сводчатые потолки и шестифутовые готические витражи, поэтому даже после модернизации гостиница обладала своим особенным духом. Негромко звучала симфония номер двадцать пять ре-минор Моцарта, а воздух благоухал ароматами свежих яблок и дыма костра. При любых других обстоятельствах остановиться здесь было бы очень мило.

Себастьян кивнул в сторону камина с весело трещащими поленьями, перед которым были расставлены несколько удобных кресел, обтянутых светло-коричневым бархатом.

— Присаживайся, а я узнаю, есть ли в этой гостинице свободные номера, — улыбнувшись, предложил Себастьян.

Он направился к столу администратора. Провожая взглядом высокую, статную фигуру Отто, Меер поражалась его спокойному поведению. Всего несколько минут назад он был таким же дерганым, как и она. Так какой же Себастьян настоящий? При мысли о том, что она его не знает, беспокойство Меер возросло. Да, она его совсем не знает.

Ее внутренний метроном бешено качался от надежды на то, что все кончится благополучно, до уверенности в неминуемой катастрофе. Меер с трудом подавила желание вскочить и бежать куда глаза глядят, в том числе и от Себастьяна. Ей уже приходилось мучиться подобной необъяснимой тревогой, сначала в детстве, затем в колледже, и она хорошо знала симптомы: пот, дрожь и быстро колотящееся сердце.

Пять минут спустя администратор открыл дверь номера двадцать три, двухместного люкса с матово-голубыми стенами, высокими потолками, паркетным полом и большими двустворчатыми окнами, выходящими на церковь напротив. А у окна, словно дожидаясь Меер, стоял сияющий черным лаком рояль «Бозендорфер». Его поверхность была подобна бархату. Клавиши сверкали. Инструмент словно упрасивал сесть за него и начать играть.

Впервые за последние четыре часа Меер выпустила свою сумочку из рук, рассталась с ней, положила на скамейку перед роялем и сама села рядом. Поставив пальцы на клавиатуру, она закрыла глаза и какое-то время сидела молча, просто наслаждаясь прикосновением к гладкой слоновой кости.

Где-то у нее за спиной Себастьян разговаривал с администратором, но Меер не обращала внимания на них, не думала о бесценном сокровище, находящемся у нее в сумочке. Ее пальцы, словно сами собой, начали двигаться по клавишам, исполняя музыку. Она не выбирала «Аппассионату»; соната сама выбрала ее. Во всем мире осталось только покрывало звука, заслонившее все органы чувств Меер, рассеявшее все ее мысли, прогнавшее прочь физическое ощущение самой себя, подхватившее ее на руки и унесшее прочь, воспарившее вместе с ней в другое пространство, где не было ничего, кроме звука. Богатого, сочного, гармоничного.

Меер почувствовала, что Себастьян обращается к ней, только когда он положил руку ей на плечо, но она не хотела возвращаться в настоящее, ей хотелось — нет, настоятельно требовалось — закончить хотя бы это одно произведение. Опасаясь, что рояль открывает дверь к кошмарам, Меер не садилась за инструмент так долго, что уже сама успела забыть, когда это было в последний раз. Однако поскольку ей все равно не удавалось спастись от провалов в прошлое, не было смысла избегать контакта с роялем и дальше.

Закончив, Меер опустила голову, вслушиваясь в отголоски последних нот, повисшие в воздухе, в переход от звука к тишине, от тембра и тона к одной только вибрации. Ее беспокойство нисколько не уменьшилось, однако теперь, после исполнения сонаты она была больше готова к тому, что должно было произойти, словно музыка придала ей дополнительные силы.

Вздохнув, Меер пододвинула сумочку к себе. Пора.

Открыв кожаную сумочку, она сунула руку внутрь, нащупала носовой платок, в который была завернута флейта, и вытащила ее. Тонкий предмет, полностью скрытый хлопчатобумажной тканью, застыл, погруженный в глубокую спячку, однако пальцы Меер ощутили что-то живое, наполненное внутренней энергией. Это было что-то сродни прикосновению к клавишам рояля.

— Меер? Ты не слышала ни слова из того, что я тебе говорил на протяжении последних пяти минут. Что с тобой? — Присев рядом с ней, Себастьян обнял ее за плечо. — Ты вся дрожишь. — Он погладил ей волосы, словно успокаивая ребенка. — Мне страшно за тебя. Только посмотри на себя — а ты лишь взяла флейту в руки.

— Ну и пусть. Это может быть так важно для многих людей. Для тебя. Что, если флейта — то самое, что вытаскивает Николаса из пропасти?

Нагнувшись, Себастьян прикоснулся поцелуем к ее губам. Меер показалось, что от его губ на нее пахнуло жаром, словно от них должен был остаться ожог, и она отдернулась назад, испугавшись обжечься еще сильнее.

— Я должна это сделать, — решительно сказала Меер. — Мне нельзя бояться.

Развернув платок, она достала флейту, и они увидели древнюю человеческую кость, покрытую сотнями вырезанных символов, сложных и незнакомых.

ГЛАВА 67

Среда, 30 апреля, 20.45

Они изучали флейту и ее таинственные узоры, когда в окна застучал сильный дождь и прогремел раскат грома, от которого содрогнулся весь дом. Задержав шторы, Себастьян вернулся к Меер, сидевшей на диване. И тут погас свет.

Наступившая внезапно темнота была полной. Меер почувствовала, что Себастьян встал, услышала, как он наткнулся на что-то, выругался про себя, а затем ощутила в воздухе отчетливый запах серы.

Вдруг вспыхнуло пламя свечи, озарившее лицо Себастьяна и ту часть комнаты, где он стоял. Свет из другого времени и другого места. Это мог быть XIX век. Это мог быть Арчер Уэллс с подсвечником в руке. Но это было не так, напомнила себе Меер, когда Себастьян подошел к телефону и снял трубку.

— Гудка нет, но это радиотелефон. Он не будет работать при сбое электроснабжения. Я не обратил внимания, есть ли в номере обычный стационарный аппарат. Ты его не видела?

— Нет, но если он есть, то должен находиться в спальне.

Себастьян вышел, и через минуту послышался его голос:

— Да, ты была права.

Меер услышала, как он набирает номер, затем говорит по-немецки. Наконец Себастьян вернулся в гостиную.

— Весь район остался без электричества. Не ходят ни трамваи, ни метро. Гроза что-то повредила. Я спущусь вниз и принесу еще свечей.

Он уже подошел к двери, но остановился и, постояв, вернулся к Меер и сел рядом с ней.

— Ты должна понять, что это не имеет к нам никакого отношения. Никто не может знать, что мы здесь, но ты все равно никому не открывай дверь, хорошо? Я возьму ключ с собой.

Меер вдруг отчетливо вспомнила, как уже оставалась в темноте вместе с ним. Как он вот так же стоял в дверях. Обращаясь к ней с другой просьбой.

Нет, не он.

— Ты видишь прошлое, да?

Она молча кивнула.

— И в нем есть я?

— Нет, не ты.

— Но кто-то, имеющий отношение ко мне?

— Не могу точно сказать, — уклончиво ответила Меер.

— Ты не хочешь это выяснить, да?

— Не хочу.

Меер поняла это только тогда, когда произнесла вслух. Поняла еще кое-что, но не стала говорить об этом.

— Кто бы это ни был, он сделал тебе что-то ужасное, так? Он тебя обидел? И именно поэтому иногда ты словно уже готова открыться мне, но всякий раз сдерживаешься?

— Возможно, — прошептала Меер.

— От твоего отца и Фремонта Брехта я узнал, что ты здесь сейчас для того, чтобы на этот раз все исправить. Мы возвращаемся в круг тех же самых людей, получив

возможность сделать все лучше. Не повторить прошлых ошибок. Я бы ни за что на свете не обидел тебя, Меер. Напротив, я хочу тебе помочь, защитить тебя.

Подняв руку, Себастьян нежным движением смахнул волосы с ее лба.

Противоречивые чувства предостерегали Меер держаться от него подальше, но в то же время призывали отдаться ему. Она не сделала ни того, ни другого. Себастьян печально усмехнулся, и у нее буквально разорвалось сердце.

— Я вернусь через несколько минут. Хорошо?

Она кивнула.

После того как он ушел, Меер осталась сидеть в полумраке. Они с Себастьяном сейчас ощущали то самое, о чем ей говорил ее отец. То, что древние мудрецы, последователи Пифагора и Юнга, первые христиане, язычники и каббалисты определяли как единое духовное подсознание. Все люди являются частью одного огромного вселенского сознания — вот уже много лет отец упорно пытался объяснить это Меер. И души, связанные между собой на протяжении нескольких жизней и за тысячелетия сблизившиеся друг с другом, со временем приобретают возможность общаться без слов, посредством этого общего сознания. Когда Меер стала достаточно взрослой, чтобы понимать суть этой концепции, она пришла к выводу, что в ней есть надежда. Больше того, поразительная, чудесная мысль. Если это так, тоску и одиночество, терзающие стольких людей, можно будет извести под корень. Однако сама Меер в нее никогда не верила.

Меер поднесла флейту к губам и осторожно поддула, исполняя ноту до. Флейта выглядела такой хрупкой и непрочной, что, казалось, могла сломаться от одного дуновения. Звук получился неуклюжим, старающимся стать похожим на музыку, но тщетно. Меер снова исполнила ту же самую ноту и подождала, но внутри у нее ничего не шелохнулось. А с какой стати она что-то ждала? В тех

видениях о прошлом, которые ей являлись, Арчер Уэллс хотел заполучить флейту только вместе с мелодией. Без одной определенной мелодии инструмент представлял собой лишь любопытную безделушку. Возможно, даже и с мелодией флейта осталась бы только игрушкой.

Подсвечник, оставленный Себастьяном на столе рядом с роялем, отбрасывал дрожащие тени на стены, и Меер в полумраке внимательно осмотрела флейту.

Одним из ее любимых полотен в музее Метрополитен была меланхоличная картина Жоржа де ла Тура под названием «Кающаяся Магдалина». На ней хрупкая темноволосая женщина, повернувшись спиной к зрителям, сидит в полумраке комнаты, освещенной лишь одной свечой. Ее облик, озаренный таинственным светом, отражается в зеркале с затейливой резной рамой. На столе рассыпаны жемчужины, золотое ожерелье и браслеты упали на пол. На коленях женщина сжимает череп.

И вот сейчас в свете свечей флейта в руках Меер приобрела те же самые таинственный цвет и зловещее сияние, что и человеческие кости на живописном холсте.

Изучая сотни черных знаков, вырезанных на костяной трубке, Меер пыталась найти среди них хотя бы один знакомый, но тщетно. Она не знала, то ли это символы давно забытого древнего иероглифического письма, то ли просто бессмысленные узоры, — и воспоминания из прошлого ничем не могли ей помочь. Но Меер помнила ощущение прикосновения к этой кости... случившегося давным-давно, когда она похитила ее из кувшина, висящего на дереве, на берегу священной реки, в стране, название которой она не знала.

Костяной предмет имел в длину около шести дюймов и меньше двух дюймов в поперечнике: слишком маленький, чтобы быть локтевой, бедренной, большой берцовой или лучевой костью Девадаса, но, возможно, он был вырезан из любой из этих костей.

Девадас?

По прошествии стольких лет Меер совершенно неожиданно вспомнила имя мужчины, державшего ее в своих объятиях, и оно оказалось таким же знакомым, как и та неуловимая мелодия, которую она слышала в своем сознании с самого детства.

Меер прошептала это имя вслух:

— *Девадас.*

Закрыв глаза, она постаралась восстановить в памяти еще что-нибудь из того провала в прошлое, испытанное Марго в доме Бетховена в Бадене. Меер старалась вспомнить все, что имело хоть какое-то отношение к обряду погребения и этой кости, но у нее в голове не было ничего, кроме беспорядочного хаоса тысяч тончайших нитей, соединяющих одно время с другим. И где-то посреди этого сплетения была уверенность в том, что эти знаки представляют собой тайнопись, которая расшифровывается в «мелодию памяти». Каспар Нидермайер и Рудольф Толлер были в этом правы. И Бетховен тоже.

Меер почувствовала, что ей необходимо срочно позвонить отцу. Эти знаки были вырезаны человеческой рукой: архаичный алфавит звуков. Быть может, отцу что-то известно об этом. Быть может, символы имеют какую-то связь с гематрией, системой перевода древнееврейских слов и букв в мистические числа, священным языком, изучению которого Джереми Логан посвятил большую часть своей жизни.

ГЛАВА 68

Среда, 30 апреля, 21.15

— Ты не должна была звонить своему отцу, но, по крайней мере, этот звонок нельзя проследить, если он был сделан через коммутатор, — сказал Себастьян. — Мала-

хаю тоже нельзя звонить. Что, если телефон в его номере прослушивается? Есть и другие, кому отчаянно хочется заполучить то, что сейчас находится рядом с тобой.

Он одну за другой зажег свечи, принесенные в номер. В комнате стало светлее, и воздух тотчас же наполнился запахом парафина, увлекающим Меер назад к давно забытым воспоминаниям. Себастьян подсел к ней.

— А ты пошла бы на убийство ради возможности найти «мелодию памяти» и, наконец, вспомнить все то, что стоит за разрозненными образами, мучающими тебя с раннего детства? — спросил он. Печаль у него в глазах была настолько глубокой, что у Меер опять сжалось сердце.

Себастьян знал ее слишком плохо и даже не подозревал, на что она готова пойти, лишь чтобы заставить умолкнуть воспоминания. Он думал о своем сыне, о Николасе, находившемся сейчас у себя в палате в клинике, полностью оторванном от окружающего мира, рисующем лицо какого-то потерянного ребенка, распевая иудейские поминальные молитвы.

— Если я тебе объясню, как это делается, ты попробуешь меня загипнотизировать? — спросила Меер.

— В этом нет необходимости, я и сам умею. После того как Ребекка не разрешила мне привести к Николасу гипнотизера, доктор Алдерман, член Общества памяти, научила меня гипнозу. — Себастьян замаялся. — Я очень признателен, что ты идешь на это ради меня.

— Ради Николаса, — поправила Меер.

Все указывало на то, что сеанс получится успешным. Голос Себастьяна звучал ласково и убаюкивающе, а его распоряжения были похожи на те, что использовал Малахай. Освещение было мягким — благодаря отключению электричества и свечам, — и никакой посторонний шум не отвлекал Меер, мешая ей погрузиться в полностью ослабленное состояние.

Вот только словно какие-то тиски держали ее сознание, не выпуская его из напряженной реальности настоящего. После трех безуспешных попыток Себастьян сдался.

— Не думаю, что у нас получится, — сказал он. — Ты никак не можешь расслабиться.

Встав с дивана, Меер подошла к роялю. На обтянутой бархатом скамье лежала флейта, сияющая в свете свечей.

— Извини, — сказала Меер, не отрывая взгляда от флейты.

Подойдя к бару, Себастьян открыл крошечный холодильник и достал бутылку вина.

— Оно еще холодное, — сказал он и, наполнив два бокала, протянул один Меер. — Ты ни в чем не виновата. Подойди, сядь рядом. В конце концов, у нас есть флейта. До остального мы как-нибудь додумаемся.

Потягивая вино, Меер то и дело украдкой поглядывала в противоположный конец комнаты на древнюю флейту, словно стараясь усилием воли заставить ее раскрыть свою тайну.

— Ты никогда не задумывался о том, что послужило толчком к срыву, который произошел с Николасом?

— У меня есть одна мысль, но полной уверенности быть не может.

— Ты полагаешь, все началось с того, что он увидел детский череп, выкопанный садовником в клинике Штейнхофа?

Себастьян кивнул.

— Николас был там... там были все дети, они играли на улице. Мне кажется, Ребекка думает то же самое, но, сколько я ни пытался с ней поговорить, она тотчас же уходила в глухую защиту — как будто, раз это случилось у нее на работе, во всем виновата она. Наш брак мог пережить многое, но только не это чувство вины...

Умолкнув, Себастьян уставился в пустоту. Потом, взяв бутылку, снова наполнил бокалы, и какое-то время они сидели молча.

Час спустя Меер очнулась, по-прежнему сидя на диване. У нее в голове звучала музыка, которую она слышала всю свою жизнь. Она узнала мелодию, поняла, что знает ее, всегда знала. Открыв глаза, Меер улыбнулась, решив, что, наконец, сможет исполнить эту мелодию, и тогда все будет кончено. Но за несколько мгновений между первой осознанной мыслью и тем, как она открыла глаза, мелодия стерлась в памяти.

— Ты заснула, — заметил Себастьян. Сидя за столом, он чистил апельсин. — Сидела, пила вино и вдруг закрыла глаза. — Он указал на тарелки с сыром, хлебом, нарезанным мясом и фруктами. — Я принес перекусить. Наверное, ты проголодалась.

Меер нисколько не хотелось есть, но она понимала, что это необходимо, поэтому кое-как осилила пол-апельсина и несколько кусочков сыра.

— Из соображений безопасности — хотя и крайне маловероятно, что нас могли выследить до этого места, — наверное, нам нужно будет спать по очереди, — предложил Себастьян.

— Ну, я уже немного вздремнула. Теперь твой черед.

После того как Себастьян ушел в спальню, Меер взяла флейту и села за кофейный столик. Шли часы, а она бодрствовала, охраняя инструмент. Наконец, не в силах удержаться, Меер еще раз осмотрела инструмент, изучая строчки вырезанных символов, не заостряя внимания на каких-то отдельных, пытаясь зрительно охватить весь узор целиком.

Сквозь щель в занавесках в окно проникал свет полной луны, падая Меер на колени, на флейту, окрашивая кость голубоватым свечением, отчего резьба казалась более глубокой, чем на самом деле. Закрыв глаза, Меер провела по загадочным надписям кончиком пальца. Один символ за другим. Внимательное изучение формы каждого.

Меер просидела так долго, слушая шум редких машин, шелестящих покрышками по мокрому от дождя асфальту, ощупывая свое сокровище, пытаясь ни о чем не думать, сонная, готовая провалиться в дрему...

Ее пальцы продолжали ощупывать костяную трубку, двигаясь по кругу. А в центре этого круга был сон... обычный, спокойный сон без сновидений. Меер была убеждена в том, что еще одно движение — и она найдет окончание воспоминаний и сможет, наконец, отдохнуть. Все смогут отдохнуть. Не только она. Не только сейчас. Все. Во все времена. Снова и снова движение по кругу. Один раз. Затем еще один. Третий. Четвертый. Пятый. Шесть кругов. Еще один. И еще. Девять. Десять. Десять кругов. Каждый предыдущий внутри последующего.

Меер опустила взгляд. Ее палец двигался по кружку, вырезанному рядом с отверстием для губ. И кружок был не один. Всего их было несколько, глубоко врезавшихся в гладкую кость, плотно прижимающихся друг к другу — десять концентрических кружков.

Она вспомнила этот символ. Ей уже приходилось его видеть. Но где?

Снова играя в игру памяти, Меер мысленно представила себе кружки, затем расширила поле зрения, словно отступив назад, и увидела их на сером металлическом диске, а затем опять расширила поле зрения и, наконец, оказалась в антикварном магазине своей матери, двадцать пять лет назад.

Пожилой мужчина с отвислыми седыми усами и тростью с золотым набалдашником, говоривший по-английски с сильным немецким акцентом, предложил Полине Логан купить у него часы.

— Такие часы выпускались на протяжении всего ста лет, — объяснил он. — Часы с музыкой, так они назывались. Они были очень популярны. Настолько популярны, что даже именитые композиторы сочиняли для них ме-

лодии. Послушайте сами. Эта мелодия просто прекрасна. Сам Бетховен написал ее как раз для этих часов.

Мелодия, исполненная старинными часами, явилась для Меер введением в мир классической музыки, первой мелодией, запечатлевшейся у нее в сознании. Все те долгие месяцы, пока часы были в магазине, Меер каждый день сидела рядом с ними, наблюдая за движением минутной стрелки, и ждала, когда часы в начале следующего часа исполнят свою волшебную музыку. Во всем магазине ей был дорог один только этот предмет, и когда часы наконец были проданы, Меер горько рыдала. Мать взамен предложила ей учиться игре на фортепиано, чтобы она смогла исполнять эту мелодию сама. Однако Меер так никогда и не смогла сыграть это произведение Бетховена и долго переживала по поводу своих часов. И это действительно были *ее* часы. Меер изучила их как свои пять пальцев: циферблат, стальные колокольчики, корпус, внутренний механизм и клеймо мастера, выгравированное в нижней части задней крышки.

Тот самый символ, который она сейчас видела перед собой.

Десять концентрических кружков.

И, как и в клейме мастера, эти кружки были отмечены маленькими перпендикулярными черточками. Крошечными рисками. Хотя с тех пор прошло уже столько лет, Меер была уверена, что эти черточки находятся в тех же самых местах, уверена, что эти кружки на древней костяной флейте абсолютно идентичны тем, что были выгравированы на крышке часов, познакомивших ее давным-давно с музыкой: с музыкой Бетховена.

Все произошло совершенно внезапно, без предупреждения, без тех привычных холодных объятий, знакомых ей с детства. Не было ощущения того, что время становится плоским или искривляется само в себя. Меер просто вдруг поняла, как найти «мелодию памяти». Мысленно

она разгадала ребус, совершила волшебство: разрежала каждую окружность и вытянула их в десять горизонтальных линий.

Десять линий с маленькими метками в разных местах. Не абстрактный узор, а мелодия, записанная на десяти строках, и Меер поняла, что отметки на этих строках изображают ноты.

$$C - G - D - A - E - B -$$

$$F\# - C\# - G\# - D\# - A\# - E\#$$

Она хорошо знала эту гармоническую последовательность, она много читала о ней, слышала о ней от отца, от преподавателей в школе Джульярда. Это был круг квинт, обнаруженный Пифагором больше двух с половиной тысяч лет назад, связывающий гармонические отношения музыкальных звуков с системой жизненных сил человека. Квинта как музыкальный интервал встречается в большинстве священных мелодий; считается, что она вносит гармонию в энергию человека. Сам Пифагор использовал музыкальные композиции, основанные на этом интервале, для исцеления болезней и для влияния на настроение. Он даже сочинял музыку, которая должна была дарить воинам храбрость перед сражением. Считается, что, изучая свои прошлые жизни, Пифагор обнаружил некую постоянную величину — единую форму жизни, присущую всем живым созданиям, объединяющую их: колебания. По его словам, всё, от песчинки до звезд, находится в состоянии непрерывного колебания.

Словно прикоснувшись к коллективному подсознанию, о котором всегда говорил ее отец, и оторвав крупицу информации, будто виноградинку от грозди, Меер поняла, что эти двенадцать нот вырезал на костяной флейте брат Девадаса Расул, запечатлевая «мелодию памяти» в честь оборвавшейся жизни. Мелодию, сочиненную им, чтобы

утешить юную Охану, принесшую ему кость своего возлюбленного, чье сердце было рассечено пополам и до трагедии, и после нее. Мелодию, призванную помочь Охане вспомнить, что перед смертью была жизнь, а перед той жизнью — тоже смерть и что после этой смерти также будет жизнь. Круги будут продолжаться бесконечно, и все те, кто когда-то был связан между собой, будут связаны друг с другом вновь.

ГЛАВА 69

Среда, 30 апреля, 23.03

Люсиан Гласс и Алекс Калфус подъехали к «Захеру» сразу же после того, как такси высадило Малахая перед гостиницей и он вошел внутрь. Они следили за ним весь день, от больницы, куда Малахай приехал рано утром, затем до книжного магазина, куда он отправился вместе с Себастьяном и Меер, далее к мемориальной квартире Бетховена, а потом в парк Ратхаус, где троица разделилась.

Благодаря радиомаячку агент ФБР и австрийский полицейский без труда шли по следу Малахая, даже когда на время теряли его из вида. Но группа, наблюдавшая за Меер, работала без всяких ухищрений, и когда молодая женщина и Себастьян вскочили в трамвай, полицейские их потеряли.

— Если ничего не имеете против, мне бы хотелось немного подождать здесь и проверить, вернется ли Меер в гостиницу, — сказал Люсиан.

Калфус удивленно посмотрел на него.

— Вами движет не только профессиональный интерес, так?

— Я веду дело, Калфус. И я хочу его раскрыть.

— У вас к этой женщине нет ничего личного?

— Я ни разу с ней не встречался.

Двое сотрудников правоохранительных органов дежурили у входа в гостиницу до половины второго ночи, но поскольку Меер так и не появилась, Калфус в конце концов настоял на том, чтобы они вызвали смену, а сами постарались хоть немного отдохнуть.

Однако Люсиан так и не смог заснуть. Сидя в своем номере в гостинице, включив телевизор и полностью убрав звук, он набрасывал картины, увиденные днем. Один за другим он вырывал из блокнота изрисованные листы и бросал их на пол. В итоге их там скопилось не меньше десятка, но Люсиану было все равно; он жаждал действия, движения, возможности дать выход своему напряжению.

Но где же Меер? И почему, как спросил его Калфус, он принял ее исчезновение так близко к сердцу?

ГЛАВА 70

Моя жизнь часто казалась мне рассказом без начала и без конца. Меня не покидало чувство, что я являюсь осколком истории, отрывком текста, начало и конец которого утеряны. И я прекрасно представлял себе, что мог жить в ушедших веках, решать вопросы, ответы на которые я не знаю до сих пор; что я родился снова, потому что не выполнил назначенного мне.

Карл Юнг

Четверг, 1 мая, 08.00

— Доброе утро.

Звук человеческого голоса вспорол тишину, напугав Меер. Вскочив, она уселась на диване.

Это был всего лишь Себастьян.

— Сколько сейчас времени? — встрепелась Меер. — Мне нельзя было засыпать.

— Ничего страшного. Мы живы и невредимы. Как и вот это. — Он указал на флейту. — Сейчас восемь утра. Электричество восстановлено — не хочешь кофе? Чего-нибудь поесть? Вчера вечером ты едва притронулась к еде.

— В этой гостинице приносят еду в номер?

— Здесь есть буфет внизу, но я могу попросить принести что-нибудь сюда. Что ты хочешь?

— Кофе. Тосты. Меда, чтобы есть с ним тосты. Если есть яйца, то еще пару яиц — и немного джема.

Вернувшись, Себастьян сообщил, что дежурный администратор обещал прислать кого-нибудь с едой.

— Надо подождать совсем чуть-чуть.

— Я должна позвонить отцу и узнать, как он. И справиться о Малахае.

— Обо всем этом я уже позаботился, — сказал Себастьян. — Пока ты спала, я из телефон-автомата на улице позвонил в клинику и справился о Николасе, затем позвонил твоему отцу и Малахаю. Джереми еще спал. Медсестра ответила, что ночь он провел спокойно, и высокая температура к утру спала. Я попросил ее передать ему, что ты обязательно наведишь его днем. Полагаю, этого достаточно?

— Да, спасибо. Как дела у Николаса?

— Идут на поправку. Ну, что касается воспаления легких.

Принесли завтрак. Пока Себастьян подписывал счет, Меер схватила с подноса вазочку с джемом. После того как официант ушел, Себастьян запер за ним дверь на два оборота ключа, и эта предосторожность вернула Меер ощущение нервозности, рассеянное сном.

— Я рада, что у твоего сына все хорошо.

— Да... да... но опасность остается. Каждый новый день, который Николас проводит, замкнувшись в себе, ухудшает ситуацию по экспоненте. — Себастьян налил себе

кофе. — Извини. Просто я не нахожу себе места от отчаяния. Я попытался связаться и с Ребеккой, но если она и была на месте, то не пожелала со мной разговаривать. Почему она так себя ведет? Я никогда не делал Николасу ничего плохого. А раз ничто другое не помогает, почему бы не попробовать другой подход?

— Я помню, как злилась моя мать, когда отец впервые показал меня Малахаю.

— Он мне говорил, что ему пришлось нелегко.

— Всем нам пришлось нелегко.

Взяв тост, Меер откусила маленький кусок. Еще несколько минут назад она умирала от голода, однако сейчас у нее не осталось никакого желания поесть. Пришло пресыщение воспоминаниями, причем теми, с которыми ей хотелось поскорее расстаться: ночные перебранки за дверью ее спальни, приглушенные ссоры, ледяная тишина дома, разделившая семью в ту последнюю зиму. Как сложилась бы жизнь ее родителей, если бы она не рассказала им о своих страхах? Остались бы они вместе?

— Я только знаю, что Ребекка не дает мне сделать для сына все возможное, но я не собираюсь ей уступать. — Себастьян встал. — Я пойду приму душ.

Как только за Себастьяном закрылась дверь, Меер пожалела о том, что не поделилась с ним поразительным известием: ей удалось раскрыть тайну «мелодии памяти». Разве не ради него она так напряженно работала всю ночь? Для того чтобы найти эту мелодию, которую Себастьян исполнит для своего сына, помогая ему так, как никто не смог помочь ей самой? Да, разумеется. Однако после стольких лет поисков музыки в тумане бесконечных грез и кошмаров наяву Меер не была до конца готова отказаться от всего этого. Ей было нужно всего один раз услышать мелодию самой. Ночью она не могла играть на флейте, опасаясь разбудить Себастьяна, но сейчас он не услышит музыку за шумом душа.

Осторожно взяв старинный костяной предмет, Меер дождалась ровного шума воды из ванной и только тогда поднесла примитивно сделанный инструмент к губам и расставила пальцы на отверстиях.

Закрыв одно отверстие, она губами выдула воздух в трубку из кости, исполняя ноту до, затем соль и ре. Ноты прозвучали грубовато — первобытный зов земли, звук, наполненный дождем, дымом, огнем и холодом, заполнившим комнату, а затем выскользнувшим на улицу и поглотившим город, потом всю страну, целую планету, расширяясь на галактику. Вот какими пугающими и сложными получились первые три ноты. Меер отложила древнюю флейту. На протяжении веков люди исполняли эти самые ноты на самых разнообразных музыкальных инструментах. Так что дело было не только в самих нотах, но и в особых неповторимых колебаниях, производимых флейтой. Меер по-прежнему чувствовала их отголоски в уголках комнаты, поражаясь тому, как же долго они затихают по сравнению с обычной музыкой. Неужели это те самые бинауральные ритмы, о которых говорил ее отец?

Ровный шум душа напомнил о том, что времени у нее мало.

Она должна сделать это прямо сейчас.

Снова взяв флейту, Меер подула в нее более уверенно, задержав ноту до дольше, а затем исполнила вторую ноту, и этот звук смешался с остаточными колебаниями, все еще висящими в воздухе. Затем к ним добавились третья и четвертая ноты; наложившиеся одна на другую вибрации напоминали сложный, не поддающийся описанию шум.

Меер отняла флейту от губ. Это не игра. Не теория, изложенная на бумаге. *Бетховен был прав.* Меер исполнила две следующие ноты, затем еще одну. Вокруг нее сгустился гнетущий мрак. Ей показалось, она погружается

в коварную топь. Начало получалось зловещим, но она должна была довести дело до конца... покончить с этим раз и навсегда.

Вернувшись к началу мелодии, Меер снова выдула первую ноту, затем вторую, а потом...

— Что ты делаешь? — послышался голос Себастьяна.

ГЛАВА 71

Четверг, 1 мая, 08.52

Он стоял в дверях ванной, обмотав талию полотенцем, с мокрыми волосами. Его сильные плечи, рельефные мышцы рук и груди напряглись.

— Ты раскрыла тайну?

Меер молча кивнула.

— Пожалуйста, исполни мелодию.

— Мы не знаем, к чему это может привести.

— Мне все равно.

— Бетховен был полностью убежден в том, насколько это опасно, и предпринял столько усилий, чтобы спрятать...

Себастьян не дал ей договорить.

— Бетховен жил больше ста пятидесяти лет назад, и ты не можешь знать наверняка, почему он поступал так или иначе.

— Нет, я знаю, Бетховен был уверен в том, что мелодия обладает пагубной силой. Он ее слышал. И он знал, на что она способна. Он был прав.

— В письме этого нет. Бетховен ничего не объяснил.

— Но я это знаю. Ты мне не веришь?

— Если бы я тебе не верил, неужели бы я пошел на все это? Неужели мы сейчас были бы здесь? Тебе и вправду удалось разгадать мелодию? Пожалуйста, Меер, я не стану

тебя винить, если со мной что-нибудь произойдет. Просто исполни мелодию.

Мольба в его глазах была еще более отчаянной, чем в голосе, и Меер очень хотелось ему помочь, но она сама столько раз испытывала воспоминания, не будучи к ним подготовлена... Она так долго пыталась от них бежать, что в конце концов это ее искалечило.

— Только в том случае, если мы будем в полной мере сознавать возможные последствия этого. И еще — сейчас мы с тобой одни. Нам по-прежнему угрожает опасность. Помоги мне выбраться отсюда вместе с флейтой... встретиться с отцом и Малахаем... и тогда мы все вместе придумаем, что делать дальше.

Себастьян снова начал было возражать, но Меер не дала ему договорить.

— Знаю, ты хочешь исполнить эту мелодию Николаю — и я хочу помочь тебе в этом. Я буду бесконечно счастлива, если мелодия окажет действие и вернет тебе сына, однако тут нужно соблюдать предельную осторожность. Нам нельзя рисковать. Мало ли что может случиться с твоим сыном или с тобой, и тогда я всю свою жизнь буду винить себя в этом.

Последние слова Меер повисли в воздухе, и ее захлестнула безмерная печаль. Она *винила* себя, и не одну жизнь, а несколько, но почему? И как только она задала себе этот вопрос, то сразу же поняла ответ. *Она была виновата в его смерти.* Но в чьей смерти?

Закрыв глаза, Меер всмотрелась в бесконечный мрак и, наконец, увидела силуэт мужчины. Но ей так и не удалось рассмотреть, кто он такой и кем была она сама, когда они были вместе. Оставалась только сводящая с ума боль, вызванная сознанием того, что по ее вине погиб тот, кого она любила, и флейта со своей мелодией имела какое-то отношение к этой трагедии.

ГЛАВА 72

Четверг, 1 мая, 09.00

Через девять часов, после того как они расстались в этом же самом месте, Люсиан Гласс и Алекс Калфус встретились перед зданием гостиницы «Захер», расположенным по адресу Филармоникерштрассе, 1010.

— По сообщению вспомогательной группы, наблюдавшей за Меер Логан, в гостиницу она так и не вернулась, — первым делом сообщил Калфус, когда в девять пятнадцать Люсиан подсел к нему в машину.

— Вы можете узнать у горничной, ночевала ли Меер в своем номере? Возможно, ваши люди ее пропустили.

Калфус ощетинился.

— Маловероятно. — Но все же достал телефон. — Сейчас горничная заглянет в номер, — доложил он, окончив разговор.

Наблюдая за входом в гостиницу, Люсиан с жадностью наркомана потягивал кофе, вторую чашку за утро, в надежде на то, что на этот раз чудодейственный эликсир более успешно справится с задачей его разбудить.

— В кровати фройляйн никто не спал, и полотенцами и туалетными принадлежностями никто не пользовался, — сообщил Калфус, выслушав ответ.

— Думаю, нам нужно позвонить в больницу и выяснить, не навещала ли сегодня утром Джереми Логана его дочь, а затем постараться выяснить местонахождение Себастьяна Отто.

Телефон Калфуса снова ожил чьим-то трескучим голосом.

— Ja?¹ — Полицейский, кивая, выслушал звонившего, затем снова повернулся к Люсиану. — Итак, вчера вечером к Джереми приходил только один посетитель, и это

¹ Да? (нем.)

был Малахай. Данные журнала посещений больницы совпадают с тем, что есть у нас. Самюэльс пришел в пять часов вечера и оставался до восьми, до окончания времени посещения.

Люсиан все равно сверился со своими записями. Малахай вышел из больницы в 20.05 и отправился на такси в Общество памяти, где пробыл три часа пятнадцать минут. Оттуда он вышел в 23.22 в сопровождении Фремонта Брехта. Они сели в машину Брехта, которой управлял шофер. Малахая высадили у гостиницы «Захер» в 23.52.

— Ему кто-нибудь звонил?

— Джереми Логану звонили один раз вчера вечером и еще один раз сегодня утром.

— В какое время?

— В 20.15.

— Откуда?

— Звонок поступил через общий коммутатор, поэтому проследить его было невозможно. Сегодня Джереми позвонили в 8.15 утра, но он еще спал, и его не стали будить. Этот звонок удалось проследить — звонили из телефона-автомата в районе Шпиттльберг.

— Кажется, именно там находится дом Джереми?

— Да.

— Быть может, Меер провела ночь там. Или в гостинице в том районе. Вы можете поручить патрульной машине объехать все гостиницы?

Калфус взял было телефон, но затем указал на вход в «Захер».

— Вот он.

Они увидели, как Малахай Самюэльс вышел на улицу и осмотрелся по сторонам. Калфус повернул ключ в замке зажигания, собираясь трогаться. Люсиан понимал, что им нужно следить за Малахаем, не дожидаясь возвращения Меер, но все равно злился на свою добычу, решив-

шую уйти именно сейчас. Вот только Самюэльс никуда не уходил. Пока что не уходил.

— У него в глазах есть что-то такое, словно он всегда просчитывает все на два хода вперед, — заметил Люсиан.

— Не могу определить, то ли это говорит о его уме, то ли о нечистой совести.

— И о том, и о другом, и он гораздо умнее, чем вы думаете; а что касается его совести, то на ней, думаю, не найти и чистого пяточка. За девять месяцев этот человек не сделал ни одного неверного шага.

— И определенно ни одного за все то время, что он здесь. Встречи с друзьями и знакомыми, визит в археологическое общество, ужин в ресторане... все совершенно безобидно.

Калфус включил заднюю передачу, но Люсиан его оставил.

— Нет, сидим тут. Малахай просто заходит в соседний ресторан. Пока что мы никуда не едем.

Через несколько мгновений Самюэльс показался за витриной ресторана. Взяв меню, он принялся его изучать, а Люсиан тем временем изучал его самого.

— Что бы ни случилось в лесу под Баденом, — заговорил Калфус, — вполне возможно, что это дело рук Малахая, хотя его самого там не было, так? Вы полагаете, что за всеми этими ограблениями и нападениями стоит Малахай?

— Возможно.

— Вероятно?

— Не могу сказать точно. Меер Логан — одна из немногих, к кому Малахай испытывает искреннее сочувствие.

— Вы считаете, чувства помешают ему добиваться того, что он хочет?

— Нет, но я не думаю, что ему нужно будет отнимать у Меер что-либо силой. Если к ней в руки попадет то, что нужно Малахаю, она добровольно отдаст ему это. — Люсиан помолчал. — Никто не хочет доказать виновность

Малахая так сильно, как я, но именно он настоял на том, чтобы Меер приехала в Вену — он хотел, чтобы она осмотрела шкатулку с играми и, возможно, получила бы какую-то ценную информацию. Так зачем же ему устраивать кражу шкатулки до того, как Меер получила возможность ее изучить? Конечно, от Малахая можно ожидать чего угодно, но Меер действительно единственная, кто может разыскать флейту и разгадать «мелодию памяти». Так неужели он подвергнет ее опасности, если только на нее вся надежда?

— В таком случае, кто?

— Тот, кто не верит в перевоплощение и хочет получить эти предметы ради их денежной стоимости. — Люсиан допил горький кофе, а тем временем официант в традиционном черном костюме и белом фартуке принес Малахаю завтрак. — Или тот, кто хочет заставить нас так думать.

— Я вас не совсем понимаю, — нахмурился сбитый с толку Калфус.

— Если честно, и я сам тоже. — Люсиан рассмеялся, но в его смехе не было веселья. — Что нам известно об этом Себастьяне Отто?

— Абсолютно ничего такого, что могло бы вызвать подозрения. Он музыкант Венского филармонического оркестра. Играет на гобое. Ему тридцать восемь лет. Ни разу не имел никаких неприятностей с полицией. Разведен, один ребенок девяти лет, на протяжении последних шести месяцев страдающий психическим расстройством.

— Сын?

Калфус кивнул.

Значит, вот где Люсиан уже слышал эту фамилию. Он злился на себя за то, что не вспомнил раньше. Около трех месяцев назад Малахаю звонил некий Себастьян Отто по рекомендации Джереми Логана, который хотел узнать, не сможет ли специалист по перевоплощениям приехать в Вену и осмотреть его сына. Люсиан хорошо запомнил

этот звонок по тому, какое сожаление прозвучало в голосе Малахая, когда тот объяснял, что не может приехать в Австрию.

— Себастьян считает, что у его сына кризис, вызванный какими-то проблемами в предыдущей жизни, — сказал Люсиан Калфусу. — Так что вот еще одна связующая ниточка.

Наблюдая за тем, как Малахай читает утреннюю газету, Люсиан гадал, не забыл ли он еще что-то такое, что может оказаться очень важным сейчас.

ГЛАВА 73

Четверг, 1 мая, 09.39

— У меня плохие новости, — сказал Билл Вайн, врываясь в импровизированную штаб-квартиру, устроенную в концертном зале, и захлопывая за собой дверь.

Пакстон вскочил, готовый к действию.

— Радиомаячок, за которым мы следили из Чехии до Вены и далее до Дюрнштайна, просто заставил нас совершить увеселительную прогулку. Судя по всему, один из покупателей обнаружил этот наш маленький подарок и прикрепил его к днищу машины, принадлежащей семейной паре из Сент-Мэри, штат Джорджия... им не повезло в понедельник оказаться в Моравски-Крумлове. Муж — адвокат, собирается писать романы; жена работает в косметической фирме. Мы проверили их по всем имеющимся у нас базам данных, и они действительно те, за кого себя выдают, и не имеют никаких связей ни с одной из известных террористических группировок. Жена родилась и выросла в Сент-Мэри, и городок практически полностью принадлежит ее родителям. Муж уже десять лет заседает в городском собрании. Братишка, они чисты как свежесвыпавший снег.

— Итак, теперь нам известно, что этот радиомаячок находился на каникулах, а тот, что мы потеряли в метро, был чертовым семтексом, — заключил Пакстон. — И у нас по-прежнему нет никаких соображений относительно того, где может объявиться эта пропажа, так?

Вопрос был риторическим. Вся команда работала как одержимая, пытаясь отыскать маячок, пропавший два дня назад, но до сих пор не было никаких указаний на то, куда могла подеваться взрывчатка.

— Я полагал, что мы используем систему глобального определения координат именно для того, чтобы предотвратить подобное. Ты гарантировал абсолютную надежность.

— Да, если только радиомаячок остается в зоне приема.

— Что ж, каким образом кому-то удалось забраться так высоко в небо, твою мать, или так глубоко в океан, что мы не видели, как ублюдок туда направляется? Где радиомаячок, Билл?

— Теперь это уже не имеет значения.

— О чем это ты, твою мать?

— Том, мы сейчас только напрасно теряем время. Неважно, где этот радиомаячок, черт побери, мы все равно не можем его найти. Нельзя тратить время на поиски. Теперь нам остается только позаботиться о том, чтобы никто с этим куском семтекса не оказался рядом со зданием.

Пакстон сверкнул глазами на своего заместителя.

— И что ты намереваешься предпринять, чтобы не допустить этого? Нам нужно обеспечить безопасность ведущих шишек из двадцати пяти стран, а также из всех ведомств нашего собственного правительства, и в том числе долбаного вице-президента...

— Все в порядке, — прервал его Билл. — Мы в прекрасной форме. Наши люди уже несколько дней прочесывают подземелье, и мы постоянно ведем наблюдение за воздушным пространством. Численность оперативных групп удвоена. Если кто-нибудь появится над нами или под нами, мы его обязательно найдем.

ГЛАВА 74

Четверг, 1 мая, 10.00

Стоя под струями горячей воды, Меер мысленно повторяла неуловимую мелодию. Всю свою жизнь она пыталась ее поймать, но тщетно, и вот теперь ей не хотелось с ней расставаться. Совершенно несопоставимая на вид информация связывала мелодию флейты с остальной жизнью Меер, словно доказывая то, что ей было назначено судьбой совершить это открытие.

Меер помнила, как лежала в больнице после травмы позвоночника и отец показал ей книгу, в которой был рисунок «дерева жизни». Сплошные круги. Неужели все эти круги, разделенные между собой тысячелетиями, теперь пришли к ней? И почему именно к ней?

Меер быстро промыла волосы от шампуня, предлагаемого постояльцам гостиницы. Ей хотелось как можно скорее отправиться в больницу и поговорить с отцом, чтобы он объяснил ей то, на что у нее прежде не хватало времени. Выйдя из душа, она накинула махровый халат и обмотала голову полотенцем.

— Я хочу побыстрее уехать отсюда... — сказала она, выходя в гостиную номера люкс, ожидая увидеть завтракающего Себастьяна.

Однако его там не было.

Меер подошла к открытой двери спальни и остановилась на пороге.

— Себастьян?

Ответа не последовало.

Быть может, он спустился вниз, чтобы заплатить по счету, договориться о машине — да мало ли по какой причине. Туже затянув пояс халата, Меер босиком прошлепала в спальню, чтобы высушить волосы и одеться. Она решила сыграть в детскую игру: когда она все закончит и вернется в гостиную, Себастьян уже будет там.

ГЛАВА 75

Четверг, 1 мая, 10.20

Малахай вышел из ресторана, поднялся по лестнице к дверям гостиницы, кивнул швейцару и подождал, пока тот вызовет такси.

Следуя за ним на безопасном удалении, Калфус и Люсиан несколько не удивились, увидев, что он приехал в больницу.

Они приготовились к очередному бесконечному ожиданию, но всего через каких-нибудь пять минут Малахай снова вышел на улицу, расстроенный и сбитый с толку. Люсиан впервые видел этого человека со съехавшей набок маской, потерявшего полный контроль над собой.

— Что-то случилось. Звоните в больницу. Выясните, все ли в порядке с Логаном.

Малахай садился в такси, когда Калфус сказал:

— Джереми Логан покинул больницу около десяти минут назад, вопреки распоряжению лечащего врача.

— Он был один?

— Нет, его сопровождал какой-то мужчина.

— И, судя по виду Малахая, тот ни о чем не подозревал и ожидал застать своего друга в палате. У нас проблема, Алекс. Нам нужно подкрепление. Мы должны найти Логана. И быстро.

ГЛАВА 76

Четверг, 1 мая, 10.42

Себастьян так и не возвращался. Ни одна из сотни причин, пришедших на ум Меер, не могла объяснить, почему его отсутствие продолжается больше сорока минут. Если только... нет, после всего того, что Себастьян для нее сде-

лал... Несомненно, с ним что-то произошло. Если только он не разозлился на нее за отказ исполнить «мелодию памяти» и сейчас сидит в каком-нибудь кафе, давая выход ярости. Так что же ей сейчас делать? Отправиться в больницу одной? У нее в сумочке была визитная карточка следователя Фиске. Может быть, позвонить ему? Нет, только не обращаться в полицию. Полицейский не поверит ни одному ее слову. К тому же нельзя рисковать: а вдруг он заберет флейту в качестве вещественного доказательства? Первыми инструмент должны увидеть ее отец и Малахай. Надо будет попросить швейцара вызвать такси, и отправиться в больницу.

Сев за стол, Меер написала Себастьяну записку. Всего несколько строчек: она сообщила, куда направляется. Затем Меер внимательно осмотрела номер — привычка, перенятая у своей матери, — вот только у нее не было с собой ничего, только то, что было на ней надето, и книга в мягкой обложке. Так что можно не беспокоиться о флаконе одеколона и коробке с таблетками, забытых на ночном столике. Все ценное лежало в противоположном конце комнаты, на скамье перед роялем, где Меер оставила флейту и свою сумочку, перед тем как пойти в душ.

Она подошла к скамье. Да, сумочка была на месте. Но флейта исчезла.

Быть может, Себастьян, перед тем как уйти, спрятал флейту в книге, на тот случай если, когда Меер будет в ванной, придет горничная. Молодая женщина лихорадочно вытряхнула содержимое сумочки на пол. Но флейты не было и здесь.

Меер без всякого воодушевления осмотрела номер, практически не сомневаясь в том, что флейты нигде нет. Охваченная отчаянием, она услышала громкий звонок в дверь и бросилась в гостиную. Когда Меер подошла к двери, ее окликнул из коридора мужской голос:

— Фройляйн Юска?

Несомненно, это Себастьян называет фамилию, под которой они поселились в гостинице. Сейчас он извинится, скажет, где флейта, и объяснит...

Не посмотрев в глазок, Меер рывком распахнула дверь. На пороге стоял молодой парень в форме коридорного с эмблемой гостиницы на нагрудном кармане. Он протянул конверт. Внезапно Меер вспомнила вчерашнее предостережение Себастьяна никому не открывать дверь, быть подозрительной за пределами всякой логики. Быть может, этот парень — убийца, он оглушил настоящего коридорного, похитил его одежду... Меер захлопнула дверь у него перед носом и повернула замок. Щелчок язычка раскатом грома прозвучал у нее в ушах.

— Нет... пожалуйста... извините... — на ломаном английском произнес за дверью парень. — Герр Юска попросил принести вам эту записку ровно в десять сорок пять.

— Вы... вы не могли бы просунуть ее под дверью?

— Да, да, конечно.

Дорогая Меер!

Твоему отцу на сегодня назначили процедуры. С сердцем у него гораздо хуже, чем он признаётся, но сегодня он собирался, наконец, рассказать тебе всю правду... вот только его нет в больнице. И никто не знает, где он. Необходимо как можно быстрее его найти и вернуть в больницу.

Кажется, я знаю, где он, но мне понадобится твоя помощь. Пожалуйста, сделай так, как я прошу, и пока что не обращайся в полицию. Когда я все объясню... тогда звони, кому захочешь. Приезжай, как только сможешь. Просто дойди до стоянки такси на углу и назови водителю адрес: Энгертштрассе, 122. Приехав на место, позвони в дверь. Я увижу тебя в камеру видеонаблюдения и впущу в дом. Поторопись.

Себастьян

Меер захотелось узнать, почему он просто ее не дождался.

ГЛАВА 77

Четверг, 1 мая, 11.22

Остановившись напротив полицейского участка по адресу Дойчмайстерплатц, 3, в торговом районе Шоттенринг, Малахай задумался над тем, как быть дальше. Он не знал, что делать, и это чувство было ему непривычно. Однако он понимал, что не может быть и речи о том, чтобы вести розыски Меер и Джереми самостоятельно. Только не в чужой стране, не зная языка. И у него не было времени, чтобы кого-нибудь нанять для этой работы. На карту поставлено слишком много, и рисковать нельзя. Необходимо заручиться полной поддержкой местных властей. Просто слишком много таких вопросов, на которые у него нет ответа.

Кому еще известно о том, что Меер вчера нашла флейту? А Джереми? Что случилось с ним? Неужели он узнал об исчезновении Меер и сбежал из больницы, чтобы заняться поисками дочери? Ради ее спасения Джереми пойдет на все; опасность его не остановит. Но с кем он связался? Медсестра сказала, что Джереми ушел вместе с каким-то мужчиной. Быть может, с Себастьяном? Но его сотовый не отвечал.

Несмотря на оживленное движение, автомобильные гудки звучали редко, и утро было обманчиво прекрасным. В горшках перед витриной магазина одежды, расположенного по соседству с полицейским участком, распустились красные и пурпурные цветы. На противоположной стороне улицы на фризе здания начала XIX века красовалось скульптурное изображение бога Пана, играющего на флейте.

В Вене повсюду можно встретить памятники музыке. И этот конкретный, на этом конкретном углу, любому другому показался бы случайным совпадением, но только не Малахаю. Последние тридцать лет своей жизни он опровергал случайные совпадения.

Если он сейчас не пересечет улицу и не войдет в большие стеклянные двери, чтобы подать заявление, возможно, жизнь Джереми и Меер окажется под угрозой. То, что пропали они *оба*, не может быть случайностью. Но, подав заявление, он сам несомненно окажется под пристальным вниманием, а это сейчас было бы совсем нежелательно. Косвенные улики снова будут против него. Не требовалось особого воображения, чтобы предположить реакцию ФБР и Интерпола: второй раз меньше чем за год похищена древняя реликвия стоимостью в сотни тысяч долларов, возможно, способная бросить вызов верованиям миллионов людей и поставить под сомнение многие основополагающие научные принципы. Малахай Самюэльс не только оказался на месте преступления, но и приходится близким другом замешанным в этом деле людям, которые к тому же бесследно исчезли.

Вот только не хотят ли завладеть этим предметом, помимо него, сотни других людей? Он сам может назвать нескольких. Денежная сторона похищенного Малахая не интересовала, и он сомневался в том, что она могла интересовать кого-либо еще из тех, кто имел к этому отношение. Границы своей собственной совести он знал, но как далеко пойдет совет правления Общества памяти, чтобы заполучить флейту?

Насколько сильно хочется доказать реальность перевоплощений Фремонту Брехту? Вчера вечером он признался, что нанял человека, чтобы тот вышел на след шкатулки с играми, однако пока что тому не удалось добиться каких-либо успехов. А что, если Брехт лгал? Что, если он узнал, что Меер нашла флейту? И похитил ее?

Насколько отчаянно хочется доктору Эрике Алдерман доказать потенциал бинауральных ритмов? Вот уже тридцать лет она занимается исследованием вопроса гармонического резонанса. Когда она вчера говорила о том, как ей хочется доказать свои теории и занять достойное место в научном сообществе, ее глаза горели огнем.

И, насколько мог предположить Малахай, были и другие члены Общества памяти, с которыми он еще не встречался, вождевшие эту флейту. Определенно, к настоящему времени уже десятки людей знают то, что было известно ему с самого начала: если существует хоть малейшая надежда найти флейту и «мелодию памяти», Меер Логан предстоит сыграть в этом ключевую роль. И напротив, если с ней что-нибудь случится, шансы получить инструмент исчезнут.

В своей жизни Малахай не часто наткнулся на возможность доказать существование перевоплощения. Один раз она уже выскользнула у него из рук. Нельзя допустить, чтобы это повторилось опять. Но по своей воле обратиться в полицию?

Малахай живо представил себе, как самодовольно усмехнется в Штатах следователь Барри Брэнч, услышав об этом. Полицейский с детским лицом, один из лучших в нью-йоркской полиции, ведущий дело о «камнях памяти» с самого начала, заново откроет следствие, и Самюэльс опять окажется в центре самого пристального внимания. Вот только против него нет никаких улик. До сих пор не было найдено ничего. И ничего никогда и не найдут.

Стальная ручка оказалась холодной на ощупь, а стеклянная дверь была тяжелее, чем предполагал Малахай. Внутри царило такое оживление, что на него обратили внимание только тогда, когда он простоял перед столом дежурного больше пяти минут. Наконец дежурный поднял голову, и психиатр с помощью зачатков немецкого объяснил, что ему нужно поговорить со следователем, владеющим английским.

Дожидаюсь на неудобной деревянной скамье, Малахай достал колоду карт и принялся их тасовать. Шелест листов картона неизменно успокаивал его. Не задумываясь над тем, сколько раз он проделал одни и те же действия, Самюэльс снова и снова мысленно повторял, что говорить

полиции, а что оставить при себе. Очень важно подготовиться и выдать лишь минимально необходимый объем информации.

Он расскажет, что приехал в Вену, чтобы встретиться со своим старым другом Джереми Логаном и изучить сделанную им находку. У главы фонда «Феникс» было на то много веских оснований. Однако вместо этого он оказался в самом центре серьезного преступления.

Карты мелькали так быстро, что сливались в одну пеструю ленту.

Может быть, ему не следовало оставаться. Малахай не привык говорить двусмысленно и теперь злился на себя за то, что сомневается в принятом решении. К тому же он уже зашел слишком далеко; если сейчас уйти и не сообщить об исчезновении Джереми и Меер, это будет еще более подозрительно — он уже назвал свою фамилию дежурному офицеру. Вдруг Самюэльс сделал неловкое движение, и карты рассыпались по полу. Меньше всего ему сейчас хотелось опускаться на четвереньки и собирать их, но единственной альтернативой было оставить их разбросанным мусором.

— Доктор Самюэльс? Я следователь Калфус. Вы спрашивали того, кто говорил бы по-английски. Чем я могу вам помочь?

ГЛАВА 78

Четверг, 1 мая, 11.26

«Дворники» носились по лобовому стеклу такси, прогоняя крупные дождевые капли. Меер до боли стиснула руки. Пока что дорога казалась незнакомой, но вот водитель свернул на Энгертштрассе, и впереди за пеленой дождя показались каменные колонны здания Археологического общества Толлера.

Поднявшись по ступеням, девушка увидела на дверях Общества памяти ярко-желтую табличку: изображение двери, перечеркнутое жирным крестом. Несмотря на очевидное предупреждение не входить и то обстоятельство, что общество открывалось только в полдень, Меер нажала кнопку звонка.

Прошло тридцать секунд. Меер заколотила в дверь. Шестьдесят секунд. Она снова позвонила. Девяносто секунд. Не отнимая пальца от кнопки, Логан гадала, откуда Себастьян узнал, где ее отец? И почему Джереми покинул больницу, если ему была назначена процедура? Успеют ли они с Себастьяном его найти? Одни и те же вопросы бурлили у нее в голове с того самого момента, как она выбежала из гостиницы.

Ну почему никто не открывает дверь?

Внезапно Меер поразила леденящая душу догадка: она ведь не знакома с почерком Себастьяна. Быть может, записку написал вовсе не он. Что, если те, кто напал на нее в лесу и оглушил Отто, ответственные за кражу письма Бетховена и шкатулки с играми, за смерть Рут и доктора Сметтеринга, стоят также и за этим подлогом? Быть может, именно они похитили ее отца, Себастьяна и флейту.

Меер вздрогнула, услышав скрип петли. Дверь быстро приоткрылась, и прежде чем молодая женщина успела опомниться и посмотреть, кто там, протянувшаяся рука схватила ее и увлекла внутрь, в темную прихожую.

— Слава богу, это ты. Мой отец здесь? — выпалила Меер, как только разглядела, что это был Себастьян.

— Да.

— С ним все в порядке?

— Да, я сейчас провожу тебя к нему.

Меер оставалась настороженной.

— С ним точно все в порядке?

— Меер, уверяю тебя, он чувствует себя прекрасно.

Отто посмотрел ей в лицо, и она успокоилась, но затем ей тотчас же стало страшно, словно она слышала два различных ритма, звучащих в разных ушах.

— Нам сюда.

Себастьян указал на темный коридор, и Меер пошла следом за ним.

— Флейта исчезла, Себастьян. Ты знаешь, где она?

— Да.

— И это все? Одно только «да»?

Проходя через кабинет, Меер ощутила нарастающее беспокойство. Когда она в первый раз была здесь со своим отцом, она почувствовала себя плохо; в понедельник воздух был пропитан страданиями и горем, но сегодня было еще хуже — эти чувства были такими плотными, что она с трудом могла дышать.

— Флейта в полной безопасности. С ней ничего не случится.

Слова Себастьяна отразились эхом вместе со звуками шагов.

— Ничего не понимаю... почему ты ее забрал? И почему ты ушел, не предупредив меня?

— Нельзя было терять ни минуты. Извини. За все.

Его голос прозвучал так трогательно, что растопил нарастающее беспокойство молодой женщины.

Они прошли через кабинет и направились дальше. Меер спросила, почему на дверях висит знак не входить.

— Сегодня утром управляющему позвонили и сообщили, что в подвальном помещении, возможно, произошла утечка газа, поэтому он предупредил всех не приходить до тех пор, пока не скажет.

— Утечка газа — и мой отец здесь?

— Говорю я тебе, с ним все в порядке.

Они дошли до массивной дубовой двери, и Отто открыл ее, пропуская Меер вперед. Шагнув в заполненную книжными шкафами библиотеку, она остановилась и огляделась по сторонам, ища отца, но увидела только пустые стулья, ярды резных деревянных полок, ковры с затейливыми узорами и окна с матовыми стеклами.

— Где мой отец?

— Сюда.

Пройдя в угол, мужчина распахнул настежь еще одну дверь, открывая вход в маленький шкаф. В одном углу были составлены листы картона, вдоль противоположной стенки тянулись двойные полки. Себастьян протянул руку, и Меер сразу же догадалась, что он берется за потайную ручку. Как только участок стены повернулся, она бросилась в открывшийся проход и увидела перед собой зияющую черную дыру, уходящую вниз, откуда на нее пахнуло сырым, затхлым воздухом.

Девушка узнала это место. Вспомнив во всех подробностях замаскированный вход и то, что находилось за ним, она на мгновение потерялась между настоящим и прошлым, судорожно пытаясь ухватиться за неуловимые воспоминания.

— Сейчас мы спустимся в подземелье, да? Зачем?

— Там хранятся все ценности Общества памяти... все исторические архивы, — объяснил Себастьян.

Дернув за шнурок, он включил свет, освещая винтовую лестницу, уходящую вглубь, и Меер поспешно спустилась вниз по той же самой лестнице, которую она уже видела, когда проваливалась в прошлое. Внезапно ее охватила сильная дрожь, и ей пришлось вставить палец между зубами, чтобы унять ее. Необходимо было остаться в настоящем; нельзя было поддаваться нахлынувшим воспоминаниям.

«Восемь, девять, — помимо воли считала ступени Меер. — Одиннадцать, двенадцать...» Всего их должно было быть пятнадцать, и действительно, пятнадцатая ступенька оказалась последней.

Себастьян щелкнул еще одним выключателем. Тусклый свет озарил путь в извилистом тоннеле. Услышав шорох, Меер испуганно оглянулась.

— Это всего лишь крысы; разбежались, услышав шум, — объяснил Себастьян. — Обещаю, осталось совсем немного.

Доброта и сочувствие, прозвучавшие в его голосе, несколько успокоили Меер, однако полностью тревога исчезнет только тогда, когда она увидит своего отца.

Проходя под низкими сводами, девушка обратила внимание на ниши, высеченные в каменных стенах, в каждой из которых лежал покрытый пылью скелет, однако это нисколько ее не испугало. Она помнила, предвидела все это — потому что Марго уже спускалась сюда. Эти черепа уже таращились на нее своими пустыми зловецкими глазницами.

Впереди Меер увидела следы ног на пыльном полу. Следы трех человек. Но не все трое прошли в одну и ту же сторону. Из глубокой трясины всплыли сбивчивые воспоминания и образы, подсказавшие, что где-то впереди есть еще один выход.

— Осторожнее, не поскользнься, здесь грязь, — заботливо предупредил Себастьян, пересекая пропасть, разделяющую столетия. — Ну, вот мы и пришли, — объявил он, когда они еще раз завернули за угол.

Подземный коридор заканчивался сводчатым помещением, отгороженным железными прутьями наподобие тюремной камеры. Внутри на отвратительном черном проходе, извивающемся, словно свисающая с потолка змея, болталась голая лампочка, бросавшая яркий свет на отца Меер, сидящего на полу спиной к стене.

ГЛАВА 79

Четверг, 1 мая, 11.31

— Слава богу!

Джереми Логан испытал огромное облегчение, увидев дочь и Себастьяна Отто. Голос у него прозвучал едва слышно, сам он был очень бледен; несомненно, он был нездоров.

— Меер, тебе не сделали больно?

— Кто? Меня никто не трогал. Со мной все в порядке, но ты должен был оставаться в больнице. Ты ранен? — Меер повернулась к Себастьяну. — Как мы вытащим его оттуда?

Мужчина показал ключ: старый, бронзовый, поцарапанный. Как и многое другое, связанное с этим местом, ключ показался ей знакомым.

— У меня есть ключ, — сказал Себастьян. — Я как раз спускался сюда, когда ты позвонила в дверь. Меер, теперь ты можешь успокоиться. Все будет замечательно.

Молодая женщина сделала глубокий вдох, стараясь расслабиться. Теперь, когда они с Себастьяном здесь, все будет хорошо.

Он распахнул дверь камеры, и Меер бросилась к отцу. Тот поднялся на ноги, но его трясло от слабости. Джереми раскинул руки, принимая дочь в свои объятия, которые хоть и получились слабыми, но заверили девушку в том, что она успела вовремя. С отцом действительно было все в порядке. Теперь можно будет отвезти его в больницу.

Джереми посмотрел через плечо дочери на Себастьяна.

— Что с вами случилось? — озабоченно спросил он. — Вы не ранены? Я ничего не помню после того, как...

— Папа, как ты сюда попал? — вмешалась Меер.

— Сегодня утром Себастьян приехал в больницу и сказал, что тебя обманом заманили сюда, заверив в том, что я здесь и мне угрожает опасность, однако на самом деле это была ловушка, и ты в нее попала. Мы поспешили сюда,

но как только вошли в здание, меня оглушили. Очнулся я, запертый в этой проклятой камере, не имея понятия, где ты и как тебя найти.

Меер снова охватила дрожь. Она судорожно попыталась разобраться в словах отца, в том, что это означало. Не глядя, отец нащупал у нее на спине шрам в виде полумесяца и погладил ее.

— Ты забрал моего отца из больницы, — обернувшись к Себастьяну, гневно произнесла Меер. — Зная, что ему назначены процедуры, ты привез его сюда, подвергнув опасности? С чего ты взял, что у меня неприятности? Я ничего не понимаю.

— Так ты все это время находилась где-то в другом месте? — спросил дочь Джереми. Теперь и он тоже был сбит с толку.

— Нет, я была в гостинице и...

Меер осеклась, оглушенная грохотом захлопнувшейся стальной двери и щелчком ключа, повернувшегося в замке. Отец и дочь разом отвернулись друг от друга и посмотрели на Себастьяна, стоявшего с противоположной стороны решетки.

ГЛАВА 80

Четверг, 1 мая, 11.39

Меер лихорадочно соображала, что может означать запертая дверь. Себастьян помогал ей с самого первого дня, как она приехала в Вену. Когда все это переменилось? Когда Себастьян начал использовать ее в своих корыстных целях? Взяв в качестве приманки отца, он притупил ее внимание и заманил в ловушку так, что она даже не поставила под сомнение его мотивы. Но почему она должна была что-то заподозрить? Себастьян казался тем, кем себя выдавал. Не в силах поверить, что она так в нем ошиба-

лась, Меер в поисках ответа всмотрелась в его лицо. Вот уже несколько дней они были так тесно связаны друг с другом, и вдруг все это исчезло. Но хотя бы в одном этом Себастьян ее не разочаровал. Он ответил на невысказанный вслух вопрос.

— Если бы ты сегодня утром исполнила мелодию... ничего этого не произошло бы. Пожалуйста, сыграй ее сейчас, — сказал он, протягивая Меер флейту. — Мне больше ничего не нужно.

От этого мгновения она бежала всю свою жизнь. Не от мелодии. Не от дождя. Не от страхов. А от неизбежности собственной неудачи. Давным-давно она ошиблась в отношении Арчера Уэллса, и вот теперь она ошиблась в отношении Себастьяна.

— Ты раскрыла мелодию? — спросил дочь Джереми.

— Этой ночью, — ответила та, не отрывая взгляда от Себастьяна.

— Это та самая музыка, звучавшая у тебя в голове с раннего детства? — Несмотря на нависшую над ними опасность, Джереми, похоже, был потрясен этим открытием и не мог ни о чем другом думать.

— Да. Но это еще не все. То, о чем ты мне столько рассказывал: «дерево жизни», последовательности обертонов, бинауральные ритмы... все то, что связано с музыкой и звуковыми колебаниями... Ты был прав.

Лицо Джереми озарилось гордостью.

— Только этого я и хотел. Помочь тебе. Научить тебя тому, что поможет прожить свою жизнь.

Вот что ей нужно было помнить о Себастьяне: он отец, готовый пойти на все, чтобы помочь своему ребенку, и в том числе разрушить отношения между Меер и ее отцом. Но сначала требовалось выяснить, насколько сильно она в нем ошиблась.

— И как далеко ты зашел? Это ты похитил письмо Бетховена? Украл шкатулку с играми из художественного салона?

— Нет, разумеется, не я. Я ничего не крал и никому не делал больно.

— До этого случая?

— Я и сейчас этого не хочу. Я не собираюсь похищать флейту, я просто хочу сыграть на ней для Николаса.

— И как ты намереваешься это сделать? Тебя ведь даже больше не пускают к нему в палату.

— С этим я как-нибудь разберусь.

Меер пришла в голову спасительная мысль.

— Если ты меняпустишь, я поеду в клинику Штейнхофа и исполню Николасу мелодию. Если выехать немедленно, мы прибудем на место меньше чем через час. Мы освободим твоего сына от прошлого, Себастьян. Надо будет только отвезти моего отца обратно в больницу, и потом мы отправимся к Николасу.

— Ребекка тебя к нему не допустит.

— Я смогу ее убедить. Не сомневаюсь в этом. Я знаю, что с ним. И смогу ей все объяснить.

Себастьян покачал головой.

— Ребекка не станет даже разговаривать с тобой. Она не отвечает на мои звонки. — Его голос был переполнен грустью.

— В таком случае как же ты сам собираешься сыграть для Николаса?..

— Я уже обо всем договорился, — оборвал ее Себастьян.

— Себастьян, ты идешь на слишком большой риск. Что станет с твоим сыном, если ты окажешься в тюрьме? Поверь, ты сам не захочешь с ним разлучаться. Это слишком высокая цена.

— У Николаса должен быть шанс, и я сделаю все, чтобы дать ему этот шанс. Спасти сына. — Отто шагнул к самой решетке, так, что смог бы протянуть руки между прутьями и прикоснуться к Меер, и она ощутила своим лицом его дыхание. — И ты скажешь мне ноты этой мелодии, потому что ты тоже сделаешь все, чтобы спасти своего отца, ведь так?

— Как ты смеешь! Как ты смеешь использовать мою дочь?!

На шее у Джереми проступили темные ниточки вен, и Меер увидела жилку, пульсирующую под бледной кожей.

— Меер, пожалуйста, назови ноты. Обещаю, что в этом случае вы оба выйдете отсюда живыми и невредимыми.

Себастьян протянул молодой женщине флейту, и в неярком свете музыкальный инструмент в его дрожащей руке показался живым существом.

У девушки сжалось сердце при виде этой древней флейты, созданной когда-то, для того чтобы нести утешение и давать силы, но теперь она несла боль, смятение и хаос.

— Меер, ни в коем случае не делай то, о чем он просит! — взмолился Джереми. — Даже ради меня ты не можешь нарушать обещание, данное столетия назад!

Откуда отец узнал про обещание помочь спрятать флейту, данное Марго Бетховену? Но с этим вопросом придется повременить. Развернувшись, Себастьян в два шага пересек узкий проход и склонился над старым обогревателем, установленным в нише, где до сих пор оставались кости древних римлян. Ему пришлось повозиться, но в конце концов он повернул черную круглую рукоятку вверх.

Меер почувствовала, как дыхание отца у нее за спиной стало учащенным и сдавленным.

— Что он делает? — шепотом спросила она.

— Себастьян, перекрой газ! — крикнул Джереми. — Обязательно выяснится, что это сделал ты, и ты окажешься за решеткой, а Николасу это никак не поможет!

— Поможет, если я потом вернусь, открою дверь и выпущу вас.

Себастьян повернул черное колесико еще дальше, и злое шипение вырывающегося газа усилилось.

— В этом нет необходимости. Себастьян, перекрой газ. Меер, дай ему то, что он хочет. — Голос Джереми был наполнен горечью поражения.

— Я перекрою газ только *после* того, как получу ноты мелодии. Времени более чем достаточно. Итак, Меер? Мелодия?

Достав из кармана карандаш и лист бумаги, Себастьян Отто ждал. Он снова стоял рядом с решеткой, и Меер могла выхватить карандаш у него из руки. Или ключ от камеры, убранный им всего несколько минут назад у нее на глазах в карман.

— Я раскрыла ключ к мелодии вчера поздно ночью, — сказала Меер отцу, надеясь, что он поймет намек.

— Об этом ты сможешь рассказать ему позже, — нетерпеливо произнес Себастьян.

— Ключ, — продолжала Меер, обращаясь к отцу, — с самого начала был у меня перед глазами, и...

— Меер! — оборвал ее Себастьян.

У нее не было выбора; оставалось только надеяться, что отец понял ее намек. Глядя на флейту, Меер, хотя она и знала «круг квинт» Пифагора наизусть, начала читать последовательность из двенадцати нот, скрытых в концентрических окружностях. Но Отто этого не знал. Она просто пыталась потянуть время, дать отцу возможность действовать.

Меер услышала за спиной сдавленный взглас: ее отец тоже разгадал последовательность.

— А затем еще одна до, — продолжала Меер, обращаясь к Себастьяну, — и мелодия начинается сначала.

Мужчина оторвался от листка бумаги в руках.

— Почему я должен верить, что это те самые ноты?

— Это они, я не стану тебе лгать. Когда на карту поставлена жизнь моего отца. Итак, теперь ты выпустишь нас, чтобы я отвезла отца в больницу?

— Как только буду уверен.

Быстро протянув руку сквозь прутья решетки, он выхватил флейту у Меер из рук, поднес ее к губам и начал исполнять «мелодию памяти»: до, соль, ре...

Меер охватила дрожь.

Себастьян исполнил ля, затем ми.

У нее застучали зубы.

Звуки, выходявшие из древней костяной флейты, были музыкальным сопровождением всей ее жизни. Навязчивые и захватывающие, завораживающие и гипнотические. Прошлой ночью мелодия так и не вызвала скачок в прошлое... Быть может, того, кто играл на флейте, мелодия не трогала — не трогала так, как она сейчас тронула Меер, проникая в самые потаенные глубины ее существа. Знакомая, пугающая и бесконечно прекрасная.

Мелодия действовала. Меер вспоминала прошлое.

Раскат грома прогремел так оглушительно, словно небо расколосось пополам. Лошадь Марго осела назад, но женщина удержалась в седле. Сквозь сплошную пелену дождя с трудом можно было разглядеть приближающегося всадника. Марго ударила каблуками лошадь по бокам, заставляя ее скакать вперед, и в то же время сунула руку в карман плаща и обвила пальцами холодную металлическую рукоятку пистолета. Пока у нее есть оружие, она в безопасности.

— Нет! — воскликнула Меер, затыкая уши руками. — Пожалуйста, не надо!

Всадник приблизился к ней справа, уже сжимая в руке пистолет.

— Ах ты, маленькая дурочка! — с укором произнес Арчер Уэллс, и в это мгновение слух Марго заполнился новым раскатом грома. — Мы же заключили соглашение, и я позабочусь о том, чтобы ты выполнила свою часть.

Запутавшись в складках плаща, Меер неловко вытаскивала из кармана пистолет и, стараясь унять дрожь в руке, навела его на Арчера.

— Нет, пожалуйста, прекрати!

Боль жидким огнем разлилась по всему телу Меер. Она не хотела вспоминать вот так. Только не здесь, только не сейчас. Но она не могла остановить неудержимый вал воспоминаний.

Джереми не мог знать, что именно вызывает страдания его дочери, однако не вызывало сомнений, что это каким-то образом связано с мелодией, с той самой мелодией, которую он искал для нее с самого ее детства. Однако сейчас боль была слишком сильной. Джереми не мог этого вынести. Он протянул руку сквозь решетку, но вместо того чтобы схватить ключ, попытался вырвать флейту, одержимый стремлением во что бы то ни стало остановить Себастьяна.

Отто с силой оттолкнул его, и Джереми, отлетев назад, упал, ударившись головой о каменную стену.

Застраившая между прошлым и настоящим, Меер не смогла действовать быстро и выхватить ключ у их учителя из кармана. Когда она протянула руку, тот уже отступил от двери. Услышав за спиной стон отца, Меер развернулась.

— Папочка...

Он не отвечал. Девушка окликнула его снова, но отец молчал.

В коридоре гулко зазвучали шаги убегающего Себастьяна.

— Папа?

Ответа не было. Прижавшись ухом к груди отца, Меер вслушалась в биение сердца.

— Папа?

Затихающие шаги Отто звучали так же слабо, как и удары сердца ее отца.

— Папа?

На этот раз его веки задрожали и поднялись, и он слабо улыбнулся.

— Со мной все в порядке... я просто думаю. — Умолкнув, Джереми закашлялся. — Нам нужно выбираться от-

сюда. Кажется, этот мерзавец оставил газ открытым. Он ведь не закрывал кран, так, Меер? Ступай, взгляни... ты сможешь определить это по тому, насколько далеко торчит стержень.

— Ты прав. Господи, ты прав!

— Нам нельзя здесь оставаться.

И тут девушка вспомнила, что у нее есть сотовый телефон. Ну, как она могла забыть об этом и потерять несколько драгоценных минут? Встав, молодая женщина оглядела крохотную камеру в поисках своей сумочки и обнаружила ее на полу в углу. Ее облегчению не было предела. Решение так просто. Сунув руку в сумочку, Меер достала маленький серебристый аппарат, открыла его и стала ждать появления сигнала. Часы показали, что времени было уже почти час дня.

Одна полоска... две полоски... Теперь все будет хорошо. Так просто. Вдруг полоски исчезли, и на экране появилось сообщение: «Аппарат вне зоны действия сети».

— Нет!

Выключив телефон, Меер включила его снова. Увидела, как аппарат пытается связаться с сетью, но у него это не получается.

— Мы слишком глубоко под землей, — хрипло прошептал Джереми.

ГЛАВА 81

Венский концертный зал

Четверг, 1 мая, 14.00

Сигнал тревоги напугал всех, за исключением Билла Вайна: он отнесся к пронзительному, раздражающему слух звуку спокойно, раскрыв сотовый телефон до того, как тот зазвонил, предвидя звонок с объяснениями причины тревоги.

— Вываливай всё быстрее, — приказал Вайн, чуть отставляя трубку от уха, чтобы Тому Пакстону также было слышно.

— Похоже, сработала сигнализация у запасного выхода, и пропускные ворота захлопнулись, — доложила Алана Грин. — Ловушка сработала. Все в порядке.

— Это учебная пожарная тревога или действительно произошло что-то серьезное? — спросил Вайн.

— Сейчас как раз пытаюсь выяснить, — ответила Грин. — Снова выйду на связь, как только у меня что-нибудь появится.

— Твою мать, — пробормотал Пакстон, как только Грин окончила разговор.

Одно серьезное происшествие — и можно будет отменить концерт; больше того, он так и сделает. Но если действовать чересчур поспешно, а затем выяснится, что тревога была ложной, это подорвет репутацию компании. Стоя за спиной Вайна, Том наблюдал за тем, как его заместитель вводит с клавиатуры ноутбука инструкции, поочередно вызывая на экран изображения всех входов. Изучая картинки, Вайн запрашивал дополнительную информацию. Все остальные присутствующие в помещении застыли, жадно ловя отрывистые фразы.

— Главные входные двери — порядок. — Пауза. — Боковой вход для посетителей с пригласительными билетами — порядок.

Вайн выслушал все сообщения, не услышав ничего подозрительного до тех пор, пока очередь не дошла до камеры, установленной у выхода на сцену.

— Есть! — воскликнул он.

Пакстон нагнулся к экрану компьютера Вайна, пристально изучая изображение сцены. Точнее, попытался его изучить. Там царило всеобщее смятение, и трудно было разглядеть что-либо за плотной толпой, собравшейся у захлопнувшихся пропускных ворот.

— Там кто-то есть, — заметил Вайн.

Все столпились у его компьютера. Наконец на экране появилось изображение десятка охранников, вооруженных автоматическими винтовками, выводящих из закрывшейся камеры молодого мужчину.

— Чем занимается Грин? Срочно свяжитесь с ней. Я хочу знать, что там происходит, — рывкнул Пакстон, протягивая руку к седьмому или восьмому стаканчику кофе. — Осталось меньше трех часов до того, как две тысячи восьмьсот людей навалятся на нас, размахивая пригласительными билетами.

Вайн начал было набирать номер, но телефон у него в руке зазвонил сам.

— Говори.

И снова он чуть отставил телефон от уха.

— Попытки проникновения не было. Это всего лишь один из музыкантов, — объяснила Грин. — Себастьян Отто. Первый гобой. Для пропуска его взвесили без инструмента, но сегодня он шагнул на сенсорную площадку со своим гобоем. Биометрические данные не совпали, и тотчас же сработала система защиты. Глупая ошибка. Кофр с инструментом должен был пройти отдельную проверку.

— И никому не пришла в голову мысль остановить человека, проходящего через пропускные ворота с инструментом в руках? Это серьезная ошибка, Вайн. Кто там у нас внизу? Смени старшего. Немедленно. — Том не кричал, но было бы лучше, если бы он сорвался на крик. Для тех, кто с ним работал, его тихие, проникнутые яростью слова звучали гораздо более зловеще. — Откуда мы можем знать, что кофры с инструментами не используются террористами? Нам по-прежнему ничего не известно о судьбе одной партии семтекса. Пусть наши люди осмотрят все инструменты.

— Все кофры подвергаются тщательной проверке. И как раз сейчас досматривают этого Отто. Я наблюдаю за этим на экране. Все в порядке. Он абсолютно чист.

Все, кто находился в импровизированном штабе, разом облегченно вздохнули.

Однако уровень беспокойства Пакстона оставался таким же высоким, как и несколько минут назад.

— От этого оркестра с самого начала одна головная боль.

— Но мы проверили всех до одного музыкантов, — ответил Вайн. — Это была лишь глупая ошибка, ничего серьезного.

— Сейчас мне на это наплевать. Пошли, я хочу поговорить с этим блистательным дирижером. — На пороге Том обернулся и посмотрел на Керри: — Ты идешь с нами?

— Нет, у меня еще слишком много дел. В самый последний момент к списку важных гостей было добавлено еще двадцать две фамилии, и наш вице-президент подтвердил свое согласие присутствовать на концерте, так что мы сейчас работаем над тем, чтобы обеспечить всех пропусками.

— А ты не можешь поручить это кому-то другому? — На самом деле это был не вопрос.

Керри попросила свою помощницу заменить ее на несколько минут и следом за боссом вышла в коридор.

Перед ними раскинулся концертный зал, ровные ряды кресел, обитых темно-красным бархатом. Десятки музыкантов слонялись вокруг, а другие уже заняли свои места перед дирижером, слушавшим их, сидя на стульчике и закрыв глаза. На протяжении нескольких минут звуки множества инструментов сливались в единую сочную, богатую гармонию. Затем оркестр умолк, и первый гобой, выйдя вперед, начал проникновенное соло, не прерываясь даже тогда, когда на сцене появился в сопровождении своих людей Том Пакстон. Мелодия в исполнении Себастьяна

Отто не сбился ни на мгновение, музыкант ничем не выдал то, что обратил внимание на появление новых слушателей. Однако дирижер их заметил. Леопольд Твитхель сдвинул очки в черной оправе с толстыми стеклами на лысину и, развернувшись, нахмурился.

— Это не открытая репетиция, мистер Пакстон.

— Мне наплевать, открытая это репетиция или нет. Мы не сможем обеспечить безопасность здания без вашего содействия. И, скажу честно, мы его от вас не видим. Музыканты проходят через контроль с инструментами в руках... отказываются выполнять наши требования... так у нас ничего не получится.

— Я вам уже все объяснил. Эти люди — артисты. Среди нас нет ни одного постороннего. Вы напрасно так к нам относитесь.

— Быть может, для вас это все свои люди, но с точки зрения безопасности для меня все вы посторонние. Когда собираются вместе в таком количестве ведущие дипломаты и политики, необходимо соблюдать определенные меры безопасности, и для того чтобы эффективно справиться с этой задачей, нам нужна ваша помощь. Пусть ваши люди выполняют правила. *Все правила.*

— Вы мешаете репетиции. — Опустив очки на переносицу, дирижер переключил все свое внимание на гобойста. — Если вы ничего не имеете против, герр Отто, мы продолжим с самого начала вашего соло.

Внезапно Том взорвался, заглушая своим криком звук гобоя Отто.

— Если вы не подчинитесь нашим требованиям, никакого концерта не будет, твою мать! В моих силах его отменить, и я его отменю, если возникнет такая необходимость!

Переливистая трель гобоя добавила совершенно неожиданный акцент этой вспышке. Развернувшись, Пакстон решительным шагом покинул зал.

ГЛАВА 82

Общество памяти

Четверг, 1 мая, 15.46

Меер тоже становилось все труднее дышать. Газ навевал сонливость, вызывал головокружение и тошноту. Отцу ее было гораздо хуже; его дыхание стало прерывистым, сдавленным. Они находились в подземелье уже несколько часов.

— Когда вы шли ко мне, когда Себастьян привел тебя сюда, я слышал ваши голоса. — Голос Джереми был слабым.

— Да?

— Ты что-то говорила об этом месте. Будто Марго знала, что отсюда есть еще один выход. Помнишь?

Меер кивнула.

— Тебе известно, где он?

— Нет. Просто у меня было такое ощущение, похожее на все остальные проклятые видения.

— Тут нет ничего, кроме этого склепа. Если где-то здесь есть выход...

Джереми разразился кашлем, сила которого напугала Меер.

— Кажется, ты как-то говорила, что... что Марго видела все планы этого здания? — продолжал Логан, немного отдышавшись.

— Она видела. Но я нет.

— Во время нашей последней встречи... в Нью-Йорке... ты рассказала, что вы устроили в Куполе памяти последовательность комнат в соответствии с игрой памяти... Ну и как, получилось?

Меер была сбита с толку.

— Почему ты спрашиваешь об этом сейчас?

— Уважь меня, — слабо улыбнулся отец.

— Предположим, ты хочешь заучить наизусть речь. Для начала надо выбрать знакомое здание...

— Например, вот это здание.

Меер кивнула.

— Ты несколько раз мысленно проходишь по нему, изучая отдельные комнаты и помещения, чтобы они отчетливо запечатлелись в памяти, а затем разбиваешь речь на отдельные части, привязывая каждую к какому-либо предмету в одном из помещений. И когда нужно будет вспомнить речь, ты просто мысленно пройдешь по зданию и, увидев какой-то из предметов, вспомнишь соответствующую часть речи.

— Попробуй сейчас, — возбужденно прошептал Джереми. — Представь, что тыходишь с улицы и попадаешь в коридор. Иди медленно, оглядывайся по сторонам. Ты ничего не видишь?

— Нет.

— Ну, хорошо. Тогда иди дальше. Проходи в комнату встреч. Посмотри вокруг...

Девушка продолжала мысленный обход здания, пытается вызвать глубоко запрятанные воспоминания.

— Пройди в библиотеку.

Меер удивленно повысила голос.

— Да. Каспар показал Марго на плане потайную дверь и объяснил, что всего в здании двенадцать дверей. Две из них являются потайными, частью запасного пути на случай бегства... первая из этих дверей находится во встроенном шкафу... а вторая здесь, внизу.

— Где? — едва слышно прошептал отец.

Меер попробовала открыть глаза, однако газ вселил в нее такую усталость, что это движение потребовало от нее невероятных усилий. Отец полулежал, прислонившись спиной к стене. Взяв его руку, Меер поразилась тому, какая же она холодная.

— Папа!

Молчание.

— Папочка, пожалуйста...

Но отец не отвечал.

Опередив Рудольфа Толлера, Марго первой прошла по подземному тоннелю, проходящему под зданием Общества памяти, но когда она достигла склепа, где, по ее предположениям, хранились сокровища ее супруга, железная решетка оказалась заперта. С помощью висевшей на шее связки ключей Каспара Толлер отпер замок и, пригнувшись, вошел в склеп. Там он сразу же направился в дальний правый угол, отсчитал одиннадцать камней и нажал на двенадцатый. С тихим скрежетом камень сдвинулся с места. Вынув его из стены, Толлер открыл нишу, и Марго в темноте разглядела железный ключ и стальной сейф.

— Это все, что у нас есть, Марго, — объяснил Рудольф, открывая сейф и доставая связку тонких медных листов, позеленевших от времени. — В этом документе, написанном на какой-то разновидности древнего санскрита — прочитать текст нам так и не удалось, — предположительно перечисляется дюжина «инструментов памяти» с объяснением того, что представляет собой каждый из них и как он действует. Помимо флейты, переданной герру Бетховену, это все, что мы с вашим супругом обнаружили в Индии, все, что я привез домой. Сказать по правде, добыча скудная. Маэстро так и не удалось разгадать тайну флейты, оказавшуюся такой же неразрешимой, как и эта книга. Так что я все больше укрепляюсь в мысли, что наша экспедиция окончилась полным провалом.

Когда Толлер закрывал сейф, отблески пламени факела снова озарили ключ, и Марго поинтересовалась, для чего он здесь нужен.

Он обернулся.

— Наш запасный выход. В любой момент власти могут постучать к нам в дверь, и нам придется спешно уходить, причем так, чтобы никто не знал, куда.

Да, Каспар говорил, что по его настоянию строители предусмотрели второй выход из здания, но, как оказалось, выход уже существовал — естественный, через подземные катакомбы. Марго посмотрела на западную стену, туда, куда указал Толлер, и увидела замочную скважину, наполовину скрытую в щели между двумя камнями.

Воздух стал таким плотным, что Меер двигалась с трудом, пытаясь оставаться в сознании, однако ей необходимо было действовать. Молодая женщина заставила себя встать и переставлять одну ногу за другой.

Отсчитав от пола, она нашла двенадцатый камень, надела на него со всей силой, какая у нее еще оставалась, и почувствовала, как камень пошевелился. Вытащив его из стены, Меер всмотрелась в тайник и увидела стальной сейф и железный ключ.

Двигаться теперь было практически невозможно. С каждой секундой Меер становилось все хуже. От недостатка кислорода у нее тряслись руки, и только с третьей попытки ей удалось вставить ключ в замочную скважину в западной стене. Вставив ключ, она попыталась его повернуть. У нее ничего не получилось. Он не поворачивался. Ради чего она потратила столько сил? Меер так устала, ей хотелось только спать. Ухватив ключ обеими руками, чтобы держать его ровно, она снова попробовала отпереть замок, и на этот раз механизм поддался. Заскрипели ржавые петли, и часть стены повернулась, открывая проход.

За потайной дверью девушку ждал воздух, затхлый, но в нем не было удушающего газа. Вдыхая его судорожными

глотками, она всмотрелась в темноту. В отсветах тусклой лампочки, освещавшей камеру, ей удалось разглядеть только винтовую лестницу, уходящую вверх. Куда она вела, сейчас не имело значения; важен был лишь свежий воздух. Сделав еще два глубоких вдоха, Меер почувствовала, как к ней возвращаются силы. Вернувшись к отцу, она подхватила его под мышки и подтащила обмякшее тело к проходу.

— Дыши глубже, — прошептала Меер. Затем громче: — Дыши. — Потом крикнула: — Пожалуйста, дыши!

Глаза отца оставались закрытыми; он никак не отреагировал на ее слова.

Набрав полную грудь воздуха, Меер начала делать ему искусственное дыхание.

Ничего.

Она не сдавалась.

По-прежнему ничего.

Снова и снова. Наконец Джереми сделал вдох. Единственный, слабый, его было недостаточно, но начало было положено. Глядя на то, как отец вдыхает и выдыхает воздух, Меер старалась решить, что делать дальше. Быть может, если она вытащит его в тоннель, свежего воздуха там окажется достаточно, для того чтобы отец продержался еще немного, пока она отыщет выход и приведет помощь.

Как ей быть? Уйти? Остаться с отцом? А что, если из-за его больного сердца газ оказал на него более сильное воздействие, чем на нее? Не поранился ли отец, при падении ударившись головой о каменную стену? Не вызвал ли сильный стресс новый сердечный приступ?

Может быть, ей не придется бросать отца, может быть, если громко крикнуть, кто-нибудь ее услышит.

— Эй! — что есть силы крикнула Меер.

— Эй! — вернулся ответ.

ГЛАВА 83

Четверг, 1 мая, 16.16

«Слава богу», — подумала Меер. Кто-то услышал ее крик, этот человек принесет помощь, — но тут односложное восклицание повторилось еще раз. «Эй!» И снова, еще тише. «Эй!» Тогда Меер поняла, что это только безжалостное эхо.

— Папа? — прошептала она, на этот раз не ожидая ответа. — Мне нужно позвать на помощь... Я только оставляю тебя ненадолго... иначе нельзя... обещаю, я вернусь, как только смогу...

Девушка не сразу поняла, что это те же самые слова, которые говорил ей отец после того несчастного случая в Центральном парке, двадцать два года назад. После того как она подлетела в воздух, столкнувшись с несшимся на полной скорости велосипедистом, отец подбежал, склонился над ней, приказывая не шевелиться, говоря о том, что ему нужно вызвать помощь. Меер до сих пор помнила, какими горячими были его слезы, капавшие ей на щеки. «Мне нужно позвать на помощь, — говорил отец. — Я только оставляю тебя ненадолго... иначе нельзя... обещаю, я вернусь, как только смогу... милая моя... обещаю».

— Мне нужно позвать на помощь, — повторила Меер.

Хотя глаза отца оставались закрытыми, он кивнул, и уголки его губ поднялись вверх в слабой улыбке. После чего Джереми вздохнул, и в одном этом дуновении воздуха Меер ощутила вибрацию, наполнившую ее силой, успокоившую и придавшую ей мужество.

Шагнув в прохладную пустоту, наполненную приторным запахом сырости, плесени и гниения, Меер начала подниматься по лестнице. В слабом свете, пробивавшемся сквозь щели в потолке, она поскальзывалась на каменных ступенях, продиралась сквозь паутину, липнувшую к лицу. Поднявшись наверх, Меер оказалась в маленькой клетушке, выхода из которой не было.

Самым страшным издевательством явилась решетка в потолке. Расположенная слишком высоко, так высоко, что до нее не могла дотянуться не только Меер, но и вообще кто бы то ни был. Не было и речи о том, что это был тот самый выход, ради которого сюда поднялась Меер. Вот только никакого другого пути отсюда, похоже, не было. Зачем члены Общества памяти так строго оберегали потайную дверь, приводящую к тупику?

Меер принялась поочередно исследовать каменные стены, счищая десятилетия грязи, ломая ногти о трещины, ища что-либо похожее на замочную скважину в склепе внизу.

Но лишь когда она перешла к третьей стене, ее усилия принесли плоды. Под слоем грязи были изображения: высеченные в камне окружности с квадратами внутри и квадраты, расположенные на прямых линиях, образующих треугольники. Разглядывая руны, пытаясь найти в них хоть какой-нибудь смысл, Меер вдруг поняла, что одна из них является вовсе не рисунком, а настоящим ржавым железным кольцом: ручкой, торчащей из стены.

Шершавая металлическая поверхность впиалась Меер в ладонь, раздирая кожу. Молодая женщина попыталась повернуть кольцо, но оно застыло намертво. Сколько лет минуло с тех пор, как им пользовались в последний раз? Она попробовала еще раз, однако раны на ладонях кровоточили так сильно, что рука скользила по железу, не позволяя крепко ухватиться. Сорвав с себя куртку, Меер обмотала ей кольцо и сделала еще одну попытку, на этот раз налегая на кольцо всем своим весом. Она почувствовала, как у нее в спине что-то протестующе заныло, но отмахнулась от этого. Наконец, ей удалось чуть сдвинуть с места рукоятку. Ухватившись за нее еще сильнее, Меер собрала все свои силы и повернула кольцо на полных сто восемьдесят градусов. Тугие петли со скрипом поддались, и дверь открылась. Увидев за ней еще одну глухую камеру, Меер ощутила прилив отчаяния. Подобно русским матреш-

кам, привезенным отцом из одной из поездок за пропавшими книгами, эта тайна представляла собой бесконечную последовательность вложенных друг в друга загадок.

Узкая полоса окон в свинцовых переплетах на уровне глаз пропускала дневной свет. Оглянувшись вокруг, Меер с отвращением увидела остатки разрушенного склепа: все пространство было заполнено человеческими костями и черепами, беспорядочно сваленными, словно мусор, — тем, что осталось от давно прожитых жизней. И тут она заметила на противоположной стене тень. Что-то должно было отбрасывать эту тень. Шагнув к ней, Меер споткнулась и упала. При звуке хрустящих раздавленных костей у нее внутри все перевернулось.

Тень привела Меер к перегородке, за которой начиналась лестница. Подниматься по ней оказалось легко: ступеньки были сухими, и их было немного, всего с дюжину. Меер оказалась перед дверью, распахнувшейся наружу... на этот раз без труда. Молодой женщине в лицо пахнуло теплым воздухом, насыщенным запахом смолы. Ошеломленная, она оглянулась по сторонам.

Вокруг возвышались величественные стены собора. Свет, проникающий сквозь затейливые мозаичные окна, разноцветными пятнами падал на пол. Услышав приглушенные голоса, Меер обернулась и увидела двух священников, тихо разговаривающих позади исповедали.

Она бросилась к ним, выплескивая в спешке слова:
— Мне нужна помощь!

ГЛАВА 84

*Венский концертный зал
Четверг, 1 мая, 16.22*

В импровизированном штабе, развернутом в одном из служебных помещений концертного зала, Том Пакстон наблюдал за стеной мониторов, отображавших все входы

и выходы концертного зала, а также те места, которые специалисты «Глобальной службы безопасности» определили как «зоны риска». Помимо ложной тревоги, вызванной гобоистом, пока что не произошло ничего подозрительного. Через четыре с половиной часа все будет кончено, на ГСБ посыплются горы заказов, и компания стремительно пойдет в гору.

В нескольких шагах от Пакстона Керри Нельсон говорила по телефону, проверяя по списку аккредитованных журналистов. Сбросив очередной вызов, она повторно набрала номер, услышала гудки, дождалась, когда связь переключится на речевую почту, и снова сбросила вызов.

Прочитав у нее на лице беспокойство, Том спросил:

— В чем дело?

— Все аккредитованные журналисты зарегистрировались, за исключением Давида Ялома, а он по-прежнему не отвечает на звонки.

— Мне нет дела до того, как складно Ялом распространялся во вторник, отказываясь раскрыть свой источник информации. В понедельник он встречался с человеком, имевшим столько семтекса, что его хватило бы взорвать самолет, и вот теперь он бесследно исчез? Сегодняшний концерт — не то событие, какое может пропустить журналист его уровня, если только он не охотится за более крупной добычей.

Керри нахмурилась.

— Сейчас я выясню, забрал ли Ялом свое журналистское удостоверение.

— Можешь также поговорить с другими журналистами и навести справки, — тоном приказа предложил Пакстон. — Кто видел Ялома и когда это было в последний раз? Он слишком часто проникал в террористические ячейки, и это ему же самому вышло боком. Из-за его статей была взорвана вся его семья, черт побери. Где Ахмед Абдул?

— Вот почему лично я не думаю, что это имеет какое-то отношение к нам, — заметил Вайн, слушавший разго-

вор. — Насколько мне известно, Ялом по-прежнему считается одной из главных целей палестинских террористов, и вполне вероятно, что его, наконец, выследили в Вене.

— Разве расправа со всей его семьей не стала достаточным отмщением? — спросила Керри.

— И почему именно сейчас? — добавил Пакстон.

— Ялом надолго залег на дно, и он старается нигде не показываться, — ответил Вайн. — За последнее время он впервые проявил себя.

— Как будто умышленно хотел привлечь к себе внимание. — В голосе Нельсон прозвучало столько сочувствия, что Том вопросительно посмотрел на нее.

— Я предпочитаю исходить из предположения, что одно связано с другим. Я знаю, что из стран Восточного блока ежедневно вывозится взрывчатка, но эта партия попала именно в этот город, именно на этой неделе и появилась именно рядом с этим журналистом, который сейчас числится бесследно исчезнувшим. Мне не по душе случайные совпадения. Всем нам известно, что такой журналист, как Ялом, может оказаться отличным заложником. Когда речь заходит об одном из своих, пресса сходит с ума. Черт побери, Вайн, если Ялом действительно пропал... — Пакстон стиснул челюсти. — Не было ли за последние два часа каких-нибудь слухов со стороны Интерпола или крупных правоохранительных ведомств?

— Ты бы узнал об этом первым, — заметил Вайн.

— Надо проверить все дважды. А затем трижды.

Бурная деятельность закипела с удвоенной энергией, чему способствовало общее нарастание напряжения. Том уставился на монитор, показывающий изображение пустой сцены, словно в надежде увидеть на нем ответы на все свои вопросы. В его силах было отменить концерт, но для такого кардинального шага требовалась стопроцентная уверенность. Вайн прав. Взрывчатка постоянно перемещается из одного места в другое. И из того, что Ялом

приехал в Вену освещать работу конференции МАСБ, еще не следует, что у него здесь нет и других дел. Пакстон посмотрел на Керри, и та, почувствовав на себе его взгляд, обернулась. С карандашом наготове, зажав в руке телефон, она была готова выполнить любое распоряжение босса. Том махнул на монитор. Впервые он задумался о самом концерте, за обеспечение безопасности которого ему заплатили хорошие деньги.

— Ты у нас любитель музыки, слышала репетиции. Ну, будет что-нибудь стоящее?

— Мы в Вене, и Венский филармонический оркестр будет исполнять музыку одного из самых своих любимых композиторов. Многим такое счастье выпадает только раз в жизни.

ГЛАВА 85

Общество памяти

Четверг, 1 мая, 17.47

Пока медики возились вокруг ее отца, Меер стояла в тесном помещении, прислонившись спиной к стене, чувствуя, как камни впиваются ей в тело. Почему они так долго не оборачиваются, чтобы сказать ей, что все хорошо, что они подросли вовремя, что у отца был еще один сердечный приступ, но теперь с ним все в порядке?

Прошла еще одна минута. Затем еще одна. Наконец один из медиков встал и устало направился к Меер. Слишком медленно, словно это было для него непомерно большим усилием. В то же время остальные тоже начали подниматься. Почему они перестали работать?

Три шага — и Меер присела на корточки рядом с отцом, схватила его руку, ожидая, что его пальцы откликнутся, обвивая ее пальцы.

— Папа?

Меер посмотрела на отца, но не смогла разглядеть его лицо, не сразу поняла, что слезы в глазах делают невидимым весь окружающий мир.

— Его сердце... — сказал медик.

В этих словах не было никакого смысла.

— ...оказалось слишком слабым...

Кто-то осторожно накрыл ей плечи одеялом.

— Вы в шоке, и вам нужно находиться в тепле, — сказала женщина. — Разрешите, я помогу вам подняться наверх. Нам нужно будет вынести вашего отца.

— Куда вы его забираете?

— В больницу.

— Но я решила... — Сердце Меер ударилось о грудную клетку. — Он жив?

Ответ она прочла в глазах женщины.

— Я очень сожалею, но нет. Нам нужно отвезти тело вашего отца в больницу, чтобы произвести вскрытие.

— Мой отец иудей, — возразила Меер. — Вскрытие противоречит нашей религии. Я должна переговорить с раввином. — Она заметила, что у женщины в руках часы и бумажник отца. — Я могу забрать его вещи?

— Сожалею, мы должны передать все полиции. Полицейские уже ждут снаружи. Вам надо будет поговорить с ними насчет вскрытия и личных вещей вашего отца.

ГЛАВА 86

*В подземелье под Венским концертным залом
Вторник, 1 мая, 18.12*

Освещение в пещере никогда не изменяется. Там в любое время суток царит вечная ночь, но Давид Ялом внимательно следил за стрелками часов. Концерт начнется приблизительно через час. Давид испытывал восторженное возбуждение, бурлящее глубоко в груди. Еще немного —

и горе, скорбь и ярость, наконец, останутся позади. Его пальцы ласкали небольшой чемодан, стоящий рядом: стандартного размера, помещающийся под креслом в салоне экономкласса, оснащенный для удобства колесиками и выдвигающейся ручкой. Иногда в самую первую ночь очередной командировки Давид находил в наружном кармане записку от одного из малышей. Печатные буквы, выведенные неумелым детским почерком: «Я уже по тебе скучаю. Скорее возвращайся домой».

Теперь можно не торопиться возвращаться в дом, которого больше нет. К детям, выброшенным взрывной волной в ночное небо, откуда они так и не вернулись.

Теперь единственным предметом в чемодане был свернутый дождевик, чуть более пухлый, поскольку в него был завернут четырехдюймовый брусок взрывчатки, купленной в понедельник в Чехии: четыреста граммов мягкого семтекса. Половины этого количества оказалось достаточно, чтобы разнести в клочья «Боинг» рейса 103. Но концертный зал гораздо больше. Так что это как раз то самое количество излюбленной взрывчатки ирландских террористов, необходимой для того, чтобы обнажить перед звездами, сияющими в небе, утробу здания. И все это за каких-то четыреста пятьдесят евро — стоимость двух очень хороших велосипедов для его сыновей, или золотого браслета с бирюзой для жены, или нового набора деревообрабатывающих инструментов для отца.

В тишине перед симфонией Давид развернул дождевик и достал две половины красного бруска, которые его средний сын принял бы за пластилин.

Когда Давид осматривал свою покупку в понедельник, брусок был целым, но он разрезал его пополам, проверяя, нет ли внутри еще одного «жучка», оставленного Томом Пакстоном, — и, разумеется, нашел его. Швырнув радиомаячок на рельсы метро, Давид подумал о «Глобальной службе безопасности» и о том, как он сейчас одним дви-

жением кисти, по сути дела, уничтожил компанию. А ведь Том так хитроумно подкупил всех торговцев оружием, чтобы те информировали его о своих покупателях... Интересно, во что это ему обошлось?

Но Давиду нисколько не было жалко Пакстона. Тот с такой быстротой расширял свою империю, что вряд ли имел понятие о том, что израильская компания, работающая в сфере обеспечения безопасности, приобретенная им три месяца назад, была той самой, что не смогла защитить семью Давида.

Расстегнув «молнию» наружного кармана чемодана, Давид достал оттуда все остальное, что было ему нужно: упаковку батареек и детонационный шнур толщиной с карандаш, от которого сработает взрыватель, от которого, в свою очередь, сработает семтекс. Достаточно будет только воткнуть в брусок взрывчатки взрыватель, обмотанный шнуром.

Собирая бомбу, Давид вспомнил конструкторы Бена, но сейчас нельзя было думать об этом.

Давид повторил действия, которые ему предстояло совершить примерно через семьдесят шесть минут — время, необходимое для исполнения Третьей («Героической») симфонии Бетховена. Конечно, все зависело от темпа, заданного дирижером, и от продолжительности пауз между частями симфонии.

Давид рассчитал свои действия так, чтобы нужный момент пришелся на то место симфонии, когда среди торжественного мажора третьей части снова возвращается минор. Он хотел не просто окончания, а изящного окончания. Так что во время заключительной коды, когда в воздухе повиснут последние ноты монументальной симфонии, он приведет в действие детонационный шнур с помощью проводов, подсоединенных к упаковке батареек. Электрическая цепь замкнется, под действием тока шнур раскалится докрасна и взорвется. «Так перегорает

спираль в лампе накаливания», — много лет назад объяснил ему один специалист по безопасности, когда Давид готовил материал о тактике террористов во время одного из очередных волнений в секторе Газа. Так погас свет в жизни его жены, детей, родителей, теток, дядьев и остальных родственников. Поглаживая провода, словно это были пряди иссиня-черных волос его жены, Давид на мгновение представил себе аромат лосьона с экстрактом лимона, которым она пользуется... пользовалась, чтобы противостоять сушащему воздуху пустыни.

Вздрогнув от неожиданности, Давид оглянулся. Он что-то услышал. Какой-то звук. Совсем близко. Не музыку. Не крыс. Не человеческий голос. Звук доносился из воздуховода. Давид снова услышал его. Грохот падающих камней. Или обрушивающейся стены. А затем отдаленные приглушенные голоса. Катастрофа? Сюда кто-то идет? Все эти вопросы теперь не имели значения. Важны были только ответы. Но дать их могло одно лишь время.

ГЛАВА 87

Четверг, 1 мая, 18.15

— Его зовут Себастьян Отто, — быстро произнесла Меер, торопясь вытолкнуть слова изо рта, словно это могло унять тошноту. — Он запер нас и ушел, оставив открытым газ, и я знаю, где он... куда он направляется. К своему сыну в клинику Штейнхофа. Себастьян надеется помочь сыну... вот почему он убил моего отца.

Ей хотелось заплакать, ощутить за своими словами слезы, но она должна была рассказать полицейским все, чтобы те смогли найти Себастьяна. Арестовать его. За то, что он сделал.

Пока следователь Шмидт звонил по телефону, следователь Кранц помог Меер сесть в патрульную машину, объ-

яснив, что ей надо будет съездить в полицейский участок и сделать заявление. Он извинился за то, что вынужден так поступить.

— Нет. Я хочу поехать в больницу. Чтобы быть рядом с отцом.

— Хорошо, мы найдем какую-нибудь комнату в больнице и побеседуем там, — согласился Кранц, заводя машину.

Окончив разговор по телефону, Шмидт обернулся к Меер.

— Наши люди уже направляются в клинику Штейнхофа.

— У нас есть описание господина Отто? — спросил нарника Кранц, трогаясь.

С заднего сиденья Меер увидела, как у Шмидта покраснел затылок.

— Мисс Логан, вам будет не трудно нам помочь? — обратился к ней следователь.

Она, как могла, описала Себастьяна, а закончив, попыталась представить себе лицо своего отца. Но не то, каким оно было, когда он лежал на носилках, а медики накрывали его простыней, — серым и неподвижным, — а другим, как, например, тогда в Нью-Йорке, когда они с отцом обедали вместе и он рассказал про то, как разыскал редчайший экземпляр Торы. Однако это лицо от нее ускользало.

Сглотнув свои чувства, Логан выглянула в окно на прохожих на улице. Дождь прекратился, но тротуары оставались мокрыми, и большинство пешеходов держали в руках мокрые зонтики. На углу стояли трое подростков в джинсах, все с серьгами в ушах, поглощенные разговором. Пожилая женщина с голубым полиэтиленовым пакетом шла рядом с матерью, толкавшей коляску, к ручке которой был привязан красный воздушный шарик. На протяжении еще двух кварталов Меер смотрела не на машину

«Скорой помощи», а на это красное пятно, но затем улица стала более свободной, и патрульная машина набрала скорость. Развернувшись назад, девушка провожала взглядом воздушный шарик, становившийся все меньше и меньше, пока, наконец, совсем не исчез. Когда она уже больше не могла разглядеть его, ее захлестнула новая волна печали. Засунув в рот кулак, Меер сдержала слезы.

Судя по всему, следователь Кранц заметил ее резкое движение в зеркало заднего вида, потому что сказал:

— Мы уже почти приехали. С кем вы хотите связаться?

— С Малахаем Самюэльсом.

— Это в Штатах?

— Нет. Он здесь. Остановился в той же гостинице, что и я.

Следователь сделал пометку.

— С кем-нибудь еще?

Должен был быть еще кто-то, но Меер никак не могла сообразить, кто. Она вообще не могла думать. У нее перед глазами застыл образ отца, неподвижно лежащего на земле в окружении медиков.

Свернув направо, машина подъехала к приемному отделению больницы, где уже стояли пять карет «Скорой помощи». Меер не знала, которая из них привезла... Она даже мысленно не смогла произнести это жуткое слово. Выскочив из машины, она увидела перед собой пять одинаковых микроавтобусов, и ее охватила паника.

Увидев смятение Меер, к ней подошел Кранц.

— Ваш отец уже внутри, — сказал он, предлагая руку, но Меер покачала головой и первой направилась к двустворчатым стеклянным дверям.

Запах антисептика оглушил ее, как только она вошла в коридор. Теперь, оказавшись внутри, Меер не знала, куда идти дальше, и застыла на месте, растерянно озираясь по сторонам.

— Мы нашли комнату, где нам никто не помешает. Пожалуйста, пройдемте сюда, — сказал Кранц после того, как дал Меер возможность побыть несколько минут наедине с телом отца.

На столе посреди комнаты в стеклянной вазе стоял букет увядших маргариток. Рядом были разбросаны кубики детской мозаики. Следователь Фиске, с которым Меер познакомилась почти неделю назад после ограбления квартиры ее отца и убийства Рут, уже ждал, что-то записывая в блокнот, и при виде молодой женщины его печальные глаза бассета наполнились сочувствием.

— Понимаю, вам сейчас очень тяжело... — начал он.

Меер, кивнув, быстро заговорила, поскольку выслушивать соболезнования было еще слишком рано.

— Я под подозрением?

— Нет.

Кранц и Шмидт стояли у нее за спиной, не садясь за стол.

— Почему они стоят у двери? Караулят, чтобы я не удрала?

— Я не опасюсь вашего бегства. Они здесь, для того чтобы вас защитить.

— Не слишком ли поздно?

Фиске попытался скрыть свою реакцию, принявшись писать что-то в блокноте, но от Меер не укрылось, как он вздрогнул.

— Но мы *следили* за вами, — сказал он.

Меер была поражена.

— Почему?

— Узнав о том, что произошло в Бадене с вами и Себастьяном Отто, мы приставили к вам людей, но вам удалось оторваться от них, когда вы вскочили в трамвай и оставили на остановке не только Малахая Самюэльса, но и полицейских, наблюдавших за ним.

Меер словно снова почувствовала пальцы Себастьяна, стиснувшие ей руку, увлекающие в тронувшийся трамвай.

Тогда она поверила ему, когда он сказал, что пытается скрыться от тех, кто напал на них в лесу, от тех, кто хочет использовать ее, чтобы найти флейту. Поверила, что они случайно потерялись с Малахаем в парке Ратхаус. Но теперь девушка думала иначе. Затащив ее в трамвай, Отто обманул Малахая и полицейских, следивших за ними. Был ли это тот самый момент, когда он перешел от того, чтобы ей помогать, к тому, чтобы любыми средствами добиться желаемого? Или же это, как сказал Себастьян в подземном склепе, случилось тогда, когда она отказалась сыграть на флейте?

У Шмидта зазвонил сотовый телефон, и он ответил. Тем временем Кранц задал Меер еще несколько вопросов о том, что произошло в потайном подвале под зданием Общества памяти, однако та умолкла на середине, услышав, как Шмидт произнес имя «Себастьян».

— В чем дело? — спросила она Кранца.

— Не понимаю, о чем... — начал было отвечать тот, но в этот момент Шмидт захлопнул свой аппарат.

— Себастьяна Отто нет в клинике Штейнхофа. Он не появлялся там с позавчерашнего дня, но полчаса назад позвонил в комнату дежурных медсестер. Наш человек разыскивает ту медсестру, с которой разговаривал герр Отто. Похоже, она отправилась совершать обход.

Меер представила Себастьяна на месте своего отца — искателя приключений; в него стреляли, арестовывали, а он тайком переправлял сокровища через границу... ее отец пошел бы на все, чтобы ей помочь. Нарушил бы любые законы. Совершил бы любое преступление.

— Господин следователь, сегодня вечером в филармонии дается особенный концерт. Полагаю, его будут транслировать по радио, не так ли?

— Думаю, да.

— Вы можете это уточнить?

Шмидт недоуменно наморщил лоб.

— Почему вас это так интересует?

— Пожалуйста...

Обернувшись, Шмидт спросил по-немецки Фиске, и тот ответил по-английски:

— Да, концерт будет передаваться в прямой трансляции.

— Сколько сейчас времени? — Свои часы Меер потеряла в подземелье.

— Почти семь вечера, — ответил Кранц.

— Нам нужно ехать в концертный зал. Вот где Себастьян. Я должна с ним поговорить... остановить его.

ГЛАВА 88

Четверг, 1 мая, 19.18

Пальцы Давида Ялома лежали на детонаторе, теребя его так, словно это было кольцо на пальце его жены, которое он крутил и крутил, когда они сидели в темном зрительном зале, смотря фильм или слушая концерт. Среди тех, кто находился наверху, тех, кому предстояло погибнуть при взрыве, были люди, которых Давид знал лично. Том Пакстон, Билл Вайн и еще десятки других руководителей спецслужб и глав правоохранительных ведомств со всего мира — на протяжении многих лет он брал у них интервью, писал о них статьи. И вот сейчас они сидели в зрительном зале и слушали концерт, даже не догадываясь о том, каким величественным финалом завершится сегодня Третья симфония Бетховена.

В 21.50 компьютер Ялома отправит по электронной почте серию его статей одновременно в три ведущие мировые газеты. Манифест, написанный им, станет исповедью, пройти мимо которой не сможет никто. Основные факты — кто, когда, где и почему взорвал конгресс МАСБ в Вене — будут изложены, как давным-давно научился этому на журналистском факультете Давид, — четким,

предельно ясным языком, каким всегда отличались его статьи. И только те, кто останется в живых, смогут рассудить, стоила ли жертва, принесенная израильским журналистом, поставленных целей.

Первая часть завершилась, последовало несколько мгновений тишины, и затем величественная симфония снова заполнила подземную пещеру, заглушая шорох крыс и биение сердца Давида.

Он представил себе, как в зрительном зале в плюшевых креслах сидят его дети и все члены его семьи, уронив программки на пол или скомкав их в руке, и сосредоточенно слушают божественную музыку, полузакрыв глаза. Меньше чем через час взрыв уничтожит его самого — и в то же время возродит к жизни. Он превратится в воспоминание, каким сейчас являются все его родные, и они все вместе снова встретятся в прошлом. Теперь Давид чувствовал, что они совсем близко. И близко конец, конец всему. Впервые за много месяцев его напряженные нервы распутались, разгладились; музыка успокоила его, музыка и сознание того, что даже если его сейчас и обнаружат, он все равно успеет нажать детонатор.

Ему понадобится всего несколько секунд.

И, возможно, большего у него и не будет, потому что те, кто его ищет, были уже совсем близко. Теперь Давида отделял от них всего один слой каменной кладки. Он предположил, что это были люди Пакстона, потому что они говорили по-английски с американским акцентом, однако полной уверенности у него не было. Возможно, их нанял Абдул Ахмед, чтобы они выследили его в подземных катакомбах. Но они были близко. Это не вызывало сомнений. Ялом слышал их голоса, доносящиеся из колодца, чувствовал, что они подходят к нему все ближе и ближе.

На самом деле ему даже хотелось, чтобы это оказались люди Тома Пакстона; в глубине души он надеялся, что они его обнаружат, перехитрят. Докажут, что на этот раз

их мышеловки оказались такими совершенными, как они и утверждали. Докажут, что шагнули вперед, извлекли урок из трагедии, случившейся полтора года назад. В свое время на журналиста произвел впечатление дерзкий американец, бесконечно уверенный в своих способностях, и вот сейчас ему хотелось, чтобы хорошие взяли верх, хотя бы один раз.

ГЛАВА 89

Венский концертный зал

Четверг, 1 мая, 1937

Мэр Вены Герман Штраусс и его молоденькая жена Аннабель сидели в первом ряду. Теребя потайную пуговицу на рукаве рубиново-красного вечернего платья, выбранного в дань уважения к рубиново-золотому интерьеру концертного зала, Аннабель непрерывно оглядывалась по сторонам, отмечая, кто где и с кем сидит и кто во что одет. Ее муж внимательно слушал музыку, но она скучала. Ей надоела музыка. Надоели бесконечные официальные мероприятия. Когда Герман еще ухаживал за ней, он ее почти никуда не водил, но теперь, похоже, они только этим и занимались. И если она еще хоть раз услышит, как горячо его дорогая покойная супруга любила классическую музыку, ее вырвет.

А Штраусс действительно даже не подозревал о состоянии своей супруги. Мэр Вены сидел в красном атласном кресле, гордый оркестром, гордый безукоризненным мастерством музыкантов. Он замечал, что многие иностранные деятели тоже были в восторге. Штраусс не сомневался, что божественные звуки симфонии Бетховена способны тронуть даже тех, кому совершенно безразлична классическая музыка. Он знал, что сегодня вечером происходит нечто необыкновенное, что этот концерт нельзя

назвать рядовым выступлением. Сознавали ли это присутствующие в зале?

Председатель конференции МАСБ Стэн Миллер украдкой взглянул на часы. И дело было не в том, что музыка ему не нравилась — наоборот, он получал наслаждение. Все в оркестре было превосходно — начиная от мощной, эмоциональной виртуозности дирижера и до безупречной игры всех музыкантов. Вечер, завершающий напряженную четырехдневную работу, поистине знаменовал собой, каких высот в деле обеспечения безопасности добилось после трагедии одиннадцатого сентября Международное агентство по системам безопасности. Но Миллеру было физически плохо. Его организм не принял что-то из того, что он съел на ужин. Еще перед тем как в зале погас свет, Стэн проглотил несколько сердечных таблеток, но толку от них было мало. Стараясь не думать о неприятном огне, разгорающемся в груди, он всматривался в лица музыкантов.

В двух рядах позади него Герта Осборн, знаменитая австрийская оперная певица, ощупала большие бриллиантовые серьги, оттянувшие ей уши, проклиная то, что не может их снять. Сидящий рядом очаровательный молодой тенор, которого она пригласила с собой, почувствовал ее беспокойство и повернулся к ней с улыбкой. Осборн наслаждалась сплетнями, сообщавшими, что тенор был ее любовником, — их распространял сам молодой певец, хотя они и не соответствовали действительности, поскольку это бросало луч славы на него самого. А для его карьеры это было как нельзя кстати. Герта это знала и пользовалась этим. Для ее собственной карьеры это также было как нельзя кстати. Ей было семьдесят четыре, а тенор был больше чем на сорок лет моложе ее. Эта сладостная мысль наполняла дородную Герту самодовольством.

Эдвард Филдс был в смокинге. Как для главы Национальной комиссии по безопасности Соединенных Штатов эта конференция была для него очень важным событием,

и он чувствовал, что все прошло хорошо. На него произвели впечатление новые концепции безопасности, продемонстрированные на конференции. Единственной ложкой дегтя в бочке меда была женщина, сидевшая рядом с ним. Больше всего на свете Филдсу хотелось сейчас распустить белые, как лед, волосы Эллен Грант, уложенные в затейливую прическу французским парикмахером, и расстегнуть ее строгий черный костюм. Ему была невыносима мысль, что эта ночь будет для них последней, после чего он вернется в Вашингтон к жене, а Эллен на следующий день отправится домой в Калифорнию.

Доктор Эрика Алдерман сидела рядом с Фремонтом Брехтом, который и пригласил ее на концерт. Теперь их редкие выходы в свет были тем немногим, что могла позволить себе Эрика. Друзья, семья, еда, увлечения — вся ее жизнь была подчинена исследованиям. Алдерман засыпала, думая о них, и просыпалась на той же самой мысли, пришедшей ей в голову, когда она закрывала глаза. Но когда Фремонт приглашал ее на концерты, она всегда соглашалась. Не потому, что музыка доставляла ей наслаждение, — напротив, Эрика находила это времяпрепровождение бесконечно скучным занятием, — но ее восхищала возможность наблюдать за тем, какое действие музыка производит на окружающих. Как они расслабляются, как меняются их движения под действием мелодичных чар, — это тоже являлось частью ее исследований. Такой концерт, как сегодня, станет экспериментом — только в значительно больших масштабах, чем те, к которым привыкла Эрика, да и подопытные будут одеты гораздо лучше тех, с кем ей обычно приходилось работать.

Малахай Самюэльс старался получать от концерта удовольствие, но его мысли постоянно возвращались к двум пустым местам рядом. От Меер не было никаких известий со вчерашнего дня, когда они потерялись в парке Ратхаус, и никто ничего не сообщил относительно того, куда и с кем

ушел Джереми Логан, хотя следователь Калфус, с которым Самюэльс разговаривал сегодня утром, записал номер его сотового телефона и пообещал держать его в курсе.

Но к пяти вечера Малахай уже не находил себе места от беспокойства. На протяжении нескольких часов он непрерывно звонил на сотовые Меер и Джереми, но оба не отвечали. В конце концов Малахай связался со следователем Калфусом, но лишь услышал приглашение автоответчика. Он оставил сообщение в ящике речевой почты, однако это никоим образом не рассеяло охватившую его панику. Где Джереми? Где Меер? По-прежнему ли флейта у нее? Знать это мог только один человек, но у психолога не было никакого другого способа связаться с Себастьяном Отто, кроме как прийти на концерт и поговорить с музыкантом после его окончания. Поэтому Малахай переоделся в смокинг и воспользовался билетом, благосклонно подаренным Отто, — и вот он сидел в зрительном зале.

ГЛАВА 90

Четверг, 1 мая, 19.51

У дверей концертного зала Меер и сопровождавших ее двоих сотрудников венской полиции остановили охранники «Глобальной службы безопасности», и вот уже десять минут двое мужчин в форме спорили с двумя другими мужчинами в форме. С каждой бесцельно потерянной секундой приближалось окончание второй части симфонии. Меер знала, что в третьей части будет соло гобоя. Она вспомнила, как Себастьян говорил ей, что медсестры в клинике Штейнхофа всегда включают для Николаса радио, когда транслируют его концерты. Вот в чем заключался его план: сыграть на флейте во время своего соло, и тогда Николас услышит «мелодию памяти» у себя в палате.

— В чем дело? — нетерпеливо спросила Меер у Фиске. — Почему так долго?

— Нас не пропускают без санкции *самого* высокого уровня. — Следователь был в бешенстве. — Меры безопасности такие строгие, что зал закрыт даже для полиции.

— Мы не можем попасть внутрь? — В голосе девушки послышалась паника. — Означает ли это, что в зале нет сотрудников полиции?

— Нет. Полицейских внутри полно. И еще больше снаружи. — Фиске махнул рукой на ворота металлоискателя. — Проблема в том, чтобы пройти именно *нам*. Или убедить хоть кого-нибудь в том, что концерт надо прервать, чтобы не дать музыканту филармонического оркестра сыграть на флейте. Позиция тех, кто отвечает за безопасность этого мероприятия, заключается в том, что господина Отто арестуют *после* окончания концерта. И спорить с ними трудно, фройляйн Логан.

— Нам *во что бы то ни стало* нужно помешать Себастьяну сыграть на флейте, — продолжала настаивать Меер.

О чем ей как-то сказал Малахай? Первыми вспоминаются те прошлые жизни, которые закончились насилием и трагедией. Если Себастьян исполнит «мелодию памяти» для всех тех, кто собрался в концертном зале, последствия этого могут быть непредсказуемы. Меер как могла быстро объяснила все это Фиске, но тот только кивал, как она видела, продолжая сомневаться.

— Никто не может войти без особого номерного приглашительного билета с голограммой, при этом ваша фамилия должна значиться в списке, — объяснил следователь.

— Но моя фамилия должна там быть. Себастьян сам меня пригласил. В понедельник вечером мы с отцом заезжали сюда, чтобы зарегистрироваться. Скажите это охранникам.

Прежде чем Фиске успел заговорить, один из охранников ответил Меер на чистейшем английском с британским акцентом:

— Мисс Логан, ваша фамилия действительно значится в списке, и у меня есть копия вашего американского паспорта — мне нужен лишь пригласительный билет.

Раскрыв сумочку, Меер принялась лихорадочно шарить в ней, но билета не было. Неужели Себастьян стащил его, пока она мылась в душе? Меер подняла взгляд, собираясь все объяснить, но ее внимание на мгновение привлекло изображение на мониторе системы видеонаблюдения, расположенного справа от металлоискателя. На экране крупным планом показывали оркестр. Меер без труда нашла на сцене Себастьяна. Он играл с выражением одухотворенности, которую молодая женщина так хорошо помнила по школе Джульярда. Отто сливался со своим инструментом в единое целое, между ним и гобоем не было никаких границ. Для него не существовало ни прошлого, ни будущего — никаких воспоминаний, кроме высеченных в памяти нот. Сердце его уже билось в ритме симфонии.

— У меня нет билета, — сказала Меер, обращаясь к Фиске. — Я забыла... оба билета были у моего отца. Его бумажник у вас с собой?

— Нет.

— Врач «Скорой помощи» забрала бумажник у него из кармана, там, в подzemелье. Разве она вам его не передала?

— Нет. Но посмотрим, что можно сделать.

Фиске быстро подошел к Кранцу, тот его выслушал и направился на улицу. Меньше чем через две минуты он вернулся. Сначала он отдал Меер часы отца, и она тотчас же надела их, ощутив прикосновение холодной нержавеющей стали браслета к запястью. Затем Кранц протянул ей коричневый кожаный бумажник с обтрепанными до дыр краями, распухший от визитных карточек и клочков бумаги, порванный на сгибе. Почему у отца был такой старый...

и тут Меер вспомнила, что сама подарила этот бумажник ему на день рождения, когда ей самой было двенадцать лет, в последний год, когда он жил с ними вместе. Мать отвела ее в магазин на Парк-авеню и терпеливо ждала, пока она по очереди изучала все бумажники — и, наконец, остановилась на этом. Вечером за праздничным столом Джереми развернул подарок, поблагодарил дочь, чмокнув ее в щеку, и пообещал ей, что объедет с ним весь земной шар. И с тех пор он больше никогда не разлучался с ней, потому что у него был с собой ее подарок. Всегда был с собой. До сегодняшнего дня.

Взглянув на монитор видеонаблюдения, Меер прислушалась, пытаясь определить, какое место симфонии исполняет оркестр. Соло гобоя должно будет начаться минут через восемь-девять. Открыв бумажник отца, Меер перерыла счета, кредитные карточки, стала разбирать бумаги и остановилась, увидев фотографию маленькой девочки, сидящей за роялем, с блаженной улыбкой на лице. Края фотографии, как и края бумажника, безнадежно обтрепались. Сунув фотографию в карман джинсов, Меер продолжала поиски, пока наконец не нашла девственно чистый белый конверт с названием концертного зала, напечатанным в углу.

— Вот. — Она протянула охраннику один из голографических билетов.

— Ваша фамилия?

— Я же вам ее уже называла. Пожалуйста, это очень срочно...

— Существуют строгие правила...

— Меер Логан, — поспешно назвала себя Меер.

Взглянув на отцовские часы, видя бегущие секунды, слушая симфонию, она прикидывала, что остается теперь уже меньше пяти минут до соло гобоя. До того, как Себастьян совершит непоправимое и поднесет древнюю флейту к губам, исполнит простую последовательность

нот и, возможно, без предупреждения ввергнет неизвестно скольких людей в водоворот страха, горя и мучительных воспоминаний.

— Пожалуйста, быстрее! — умоляюще обратилась к охраннику Меер.

И тут она услышала звуки, зловещий смысл которых поняла только она: начался последний отрывок перед его партией. При таком темпе исполнения ей не хватит времени, чтобы остановить Себастьяна.

ГЛАВА 91

Четверг, 1 мая, 20.01

— Со вчерашнего дня Давид Ялом никуда не звонил из своего номера и ничего не заказывал. Администратор гостиницы, наконец, мне перезвонил. Ему пришлось разыскать дежурную по этажу. Табличка «не беспокоить» висит на двери номера приблизительно с двух часов дня, и примерно в это же время Ялом позвонил на внутренний коммутатор и попросил ни с кем его не соединять, — доложила Керри Нельсон.

— Ничего хорошего в этом нет. Вызывай полицию. Попроси немедленно осмотреть номер Давида, — распорядился Пакстон. — Возможно, он до сих пор там. Раненый или того хуже.

— Симфония завершится меньше чем через полчаса... — начала было Керри.

— Я не знаю, имеет ли это какое-нибудь отношение к симфонии, — прервал ее Том, — но этот человек значится в списке тех, с кем хотят свести счеты террористы, и, не исключено, мы единственные, кому известно о его исчезновении.

Кивнув, Керри раскрыла телефон.

Пакстон оглянулся, ища Вайна, но его нигде не было. Торопливо выскочив из импровизированного штаба, Том

застал своего заместителя, наблюдавшего по экрану монитора за пропускным пунктом, находящимся в конце коридора, перед выходом на сцену.

— Где Таккер Дэвис? — спросил у него Пакстон.

— Руководит работой всех отрядов, направленных в эти долбаные подземные лабиринты.

— Хорошо. До конца симфонии осталось меньше двадцати минут, и я хочу, чтобы наши ребята работали до тех пор, пока не стихнут последние аплодисменты, — шепотом произнес Том, чтобы не привлекать внимание тех, кто находился поблизости.

Он как никто другой знал, насколько просто посеять панику, а только паники не хватало сейчас в этом замкнутом пространстве, где собралось больше двух тысяч человек. Но что гораздо важнее, Пакстон беспокоился о том впечатлении, которое производит его компания. Не могло быть и речи о том, чтобы кто-нибудь из верхушки МАСБ заподозрил, что у него есть какие-то проблемы.

— Вся замеченная активность объясняется перемещениями крыс, живущих...

— К черту крыс! — остановил его Том. — Я понимаю, что никаких прямых улик нет, понимаю, что под землей многие мили тоннелей, но мы имеем дело с пропавшей партией семтекса и пропавшим журналистом. Если Давида Ялома держат заложником под землей, мы должны узнать об этом и быстро очистить концертный зал.

ГЛАВА 92

Четверг, 1 мая, 20.02

На сцене Себастьян, держа одной рукой гобой, сунул другую в карман фрака и достал маленький, хрупкий инструмент. Оркестр исполнял последние такты перед началом его соло. Пока что никто не смотрел в его сторону.

Осторожно, так, чтобы не привлечь к себе внимание, Себастьян опустил гобой на пол, поднес к губам флейту, выждал мгновение и поднял взгляд на Леопольда Твитхеля.

Из уважения к дирижеру он начнет в нужный момент; незачем оскорблять маэстро и великого Бетховена.

Твитхель указал палочкой из слоновой кости на Отто и, взмахнув ей, удивленно прищурился. Себастьян понял: дирижер заметил, что у него в руках не черный с серебром инструмент, который он ожидал увидеть. Изогнув брови, Леопольд обратился с немым вопросом к первому гобой оркестра.

Музыкант не обратил внимания на взгляд дирижера. Его больше не волновало, что о нем думает маэстро. Полностью сосредоточенный на другой цели, он беспокоился только о том, хватит ли тысячи евро, обещанных медсестре клиники Штейнхофа в телефонном разговоре, чтобы та, как обычно, включила радио в палате Николаса и настроила приемник на станцию, полностью транслирующую симфонию. И тогда то, что он сейчас исполнит, достигнет его сына. Флейта у него в руках казалась хрупкой и невесомой. Губы его пересохли. Расставив пальцы на отверстия, Себастьян мысленно представил себе ноты на линейках, написанные так, как их продиктовала Меер.

ГЛАВА 93

Четверг, 1 мая, 20.03

На глазах у Давида кирпич вывалился из кладки, трещина в воздуховоде открылась шире, и в нее пролился свет. Прижавшись спиной к стене, защищенный нависающим камнем, Ялом смотрел, как падает второй кирпич. И еще один. Как ни был он готов к этому, случившееся все равно застигло его врасплох. Он никогда не верил в неуязвимость подземелья. Но теперь это больше не имело

значения. На его стороне по-прежнему будут время и элемент внезапности, даже если враги проломают стену и обнаружат эту камеру.

Стараясь не дышать и не шуметь, журналист медленно и осторожно убрал взрывчатку из полосы света. Дюйм за дюймом он перетащил все компоненты в темный угол.

— Не двигаться! — послышался мужской голос. — У меня в руке оружие!

Давид подгадал свои действия к определенному моменту симфонии, но пока что еще можно было немного подождать. Затаив дыхание, он слушал голоса американцев, пробивших кирпичную кладку в противоположном конце его тайника. Все решится в считанные минуты... теперь все зависело от его последней уловки.

— У меня в руке оружие! — снова крикнул американец. — Не двигаться!

Освободив последнюю крысу, остававшуюся в клетке, и выругав себя за то, что не наловил их больше, Давид проследил взглядом, как серый грызун быстро бежит по неровной земле.

— Черт побери, Таккер, это снова долбаная крыса, — послышался другой голос.

Луч фонарика поймал крысу, которая тотчас же метнулась к западной стене и проскользнула в щель.

— По-моему, нам пора возвращаться наверх, — продолжал второй американец. — Это погоня за призраками.

— Погоня за крысами, — пошутил первый.

Их смех заполнил подземную камеру, но, как показалось Давиду, теперь он уже звучал чуть в отдалении. Неужели незваные гости уходят? Похоже на то. Давид сидел в темноте, напряженно прислушиваясь. Он не знал, сколько времени потребовалось американцам, чтобы уйти отсюда, потому что ничего не видел, а музыка теперь заглушала слабые удаляющиеся шаги. Вопрос заключался вот в чем: ждать ли намеченного места в четвертой части

или же сделать все прямо сейчас? Может ли он позволить себе ждать? А что, если люди Пакстона не сдались? Что, если они лишь выжидают? Подойти так близко к цели и потерпеть неудачу только потому, что он хотел изящного окончания — собирался взорвать бомбу в самом конце симфонии? Есть ли в этом смысл? Нет, тянуть дальше бессмысленно.

Давид взял провода.

ГЛАВА 94

Четверг, 1 мая, 20.04

Когда Меер подошла к двери зрительного зала, дорогу ей преградил капельдинер. Не обращая на него внимания, не думая о том, что он пытается ее остановить, не заботясь о том, что она мешает концерту, молодая женщина решительно взялась за дверь. Но, разумеется, капельдинер протянул руку, удерживая дверь на месте, и приглушенным, но строгим тоном предупредил женщину, что во время выступления проходить в зал воспрещается.

Конечно же, Меер это знала. Хождение по залу отвлекает музыкантов. Любое движение во время концерта может сбить исполнителя. Однако девушка собиралась сделать именно это. Она была готова устроить скандал, если бы только удалось открыть дверь чуть пошире, чтобы шум проник в зал. Все что угодно, лишь бы отвлечь Себастьяна. Но капельдинер загородил собой дверь, и Меер не могла ее открыть.

Однако она слышала, что происходит на сцене, а происходило там следующее: человек, повинный в смерти ее отца, взял первую ноту мелодии, навязчивым кошмаром терзавшей Меер с раннего детства. Зрительный зал наполнился древним, странным звуком. Акустические колебания отразились от пола и потолка, завораживающие,

пьянящие. Не от мира сего. Это была не музыка. Не шум. Ничего похожего на то, что слышал кто-либо из людей, кроме Меер.

Она зажала уши руками, стараясь отгородиться от этого звука, но тщетно. У нее закружилась голова, она покачнулась, пытаясь удержать равновесие. Сумочка соскользнула с плеча, вываливая содержимое на ковровую дорожку. Меер присела на корточки, собирая вещи, и капельдинер, любезный помимо воли, наклонился, помогая ей. На что она и рассчитывала.

Воспользовавшись добротой служащего, девушка быстро выпрямилась и бросилась к двери. Распахнув ее настежь, она ворвалась в зал и побежала к сцене.

ГЛАВА 95

Четверг, 1 мая, 20.07

В зрительном зале многие даже не заметили, что на сцене происходит что-то необъяснимое, но все музыканты недоуменно обернулись, ломая правила. Дирижер застыл с поднятой палочкой. Еще никогда не терявший самообладания на сцене, опешивший Леопольд Твитхель таращился на Себастьяна, не в силах решить, как ему поступить, пораженный внезапно нахлынувшей тоской.

Твердая земля у него под ногами растекалась. Он был уже не на сцене, а плыл в воде. В ледяной, холодной, черной воде, под черным небом. Ни луны. Ни звезд. Лишь леденящая черная ночь и леденящая черная вода. Вокруг плавало то, что осталось от корабля: обломки, загубленные жизни. Звучали крики, далеко и совсем близко. Как капитан корабля, он нес ответственность за корабль, а теперь он будет отвечать за смерть всех этих людей. Крики пассажиров постепенно приобретали общий рисунок: ужас превращался в отчетливую мелодию, которую, сознавал

капитан, ему предстоит слышать вечно. Ледяная вода становилась теплой; его члены отяжелели. У него мелькнула мысль, что лучше утонуть — лишь бы больше не слышать эту жуткую симфонию проникнутых ужасом криков.

По мере того как Меер приближалась к сцене, у нее перед глазами все то расплывалось, то снова становилось отчетливым, а погруженный в полумрак зрительный зал превращался в незнакомое ночное небо.

Марго чувствовала запах своей лошади, сосен и свежий аромат дождя. Ветер был такой сильный, что позаимствованную у Бетховена шляпу сдуло, и растрепанные волосы больно хлестали по лицу, обжигая кожу. Плащ, промокший под холодным дождем насквозь, тяжело давил на плечи. Затея с переодеванием казалась такой хорошей.

Арчер Уэллс также промок насквозь; вода капала ему в лицо, он тяжело дышал — можно было хотя бы утешаться мыслью, что она заставила его побегать.

— Ты не сможешь воспользоваться вот этим, — усмехнулся Уэллс, кивая на пистолет в руке Марго. — Да, ты смогла меня предать, это несомненно. Но чтобы убить?.. Я так не думаю.

Если бы Каспар сейчас был здесь, он бы выбил мерзавца из седла и растоптал бы его, защищая свою жену. Как было бы прекрасно, если бы супруг вернулся и снова заботился о ней, но теперь это было несбыточной мечтой. Вчера вечером царь Александр сообщил Марго, что, к глубочайшему сожалению, Каспар действительно умер. И слухи о том, что он якобы жив и находится в монастыре в Гималаях, умышленно распространялись Арчером Уэллсом, чтобы подтолкнуть Марго похитить флейту и «мелодию памяти» и продать их ему.

— Шпионы повсюду, Арчер, — сказала Марго. — Помните? Вы сами мне это говорили. Так вот, у русского царя

тоже есть свои шпионы, и он раскрыл вашу ложь. Вы ни за что не получите флейту, чем бы вы мне ни угрожали.

Но Александр также не получит флейту. Теперь Марго больше не собиралась никому ее продавать. Она была полна решимости передать шкатулку с играми — вместе с указаниями на то, где спрятана сама флейта и где спрятана мелодия, — Антонию Brentano, как и просил Бетховен.

Ее супруг погиб, обнаружив этот древний талисман. Флейту окружает опасность — еще одним свидетельством чего является эта ночь. Нельзя допустить, чтобы пострадали невинные. Не к этому стремился Каспар. Так что да поможет ей бог.

Поднеся флейту к губам, Себастьян исполнял обманчиво простые ноты, и по мере того как хрупкие и возвышенные звуки наполняли зал и насыщали сознание Меер, вокруг нее разверзалась преисподняя. Один за другим присутствующие начинали кричать и плакать, не в силах понять жуткие образы, запахи, чувства и звуки, захлестнувшие их. Меер старалась оставаться в настоящем, но неудержимо сползала в прошлое, обратно в лес, где она сидела верхом на коне под проливным дождем. Рука у нее перестала дрожать. Крепко зажав пистолет, Марго навела его на Арчера и положила указательный палец на спусковой крючок.

ГЛАВА 96

Четверг, 1 мая, 20.12

Том Пакстон стоял перед мониторами, подсознательно вслушиваясь в музыку. Он собирался спросить Билла Вайна о том, как продвигаются исследования подземных лабиринтов, но внезапно ему показалось, что окружающий воздух начинает давить на него всей своей тяжестью. Жуткое давление на глазные яблоки заставило его зажму-

риться. За сомкнутыми веками появились образы, начисто лишенные смысла. Пришедшие из другого времени, из другого места.

Пока его солдаты поджигали деревню, Уильям Мор вошел в одну из жалких лачуг. Вдохнув зловоние, наполнявшее тесную конуру, зловоние, насыщенное запахом пота и теплой, свежей крови, он сглотнул подступивший к горлу комок черной желчи. Из-под стола в углу на него глядели две пары глаз: женщина и мальчик дрожали от страха. На полу валялось с полдюжины рассыпавшихся яблок, красных, как кровь на фоне серых камней. Огонь в очаге потух, и скоро зимние ветры принесут сквозь жиденькие стены зимний холод. Но женщине и мальчишке будет все равно, они об этом даже не узнают; Мор не собирался оставлять их в живых. Мальчишка слишком маленький, чтобы от него был какой-нибудь толк, а от женщины нельзя ждать ничего, кроме неприятностей. Но сперва... Мор уже давно был на войне, на стороне короля Генриха IV и уже несколько недель не был близок с женщиной.

Сорвав с крестьянки лохмотья, Мор был разочарован видом маленькой, плоской груди и бледных сосков. Ему были нужны целые пригоршни мягкой, податливой плоти и красные распутившиеся бутоны, а не эта жалкая худоба. Ногти женщины разодрали Мору щеку, но он ощутил не столько боль, сколько удивление. Женщины редко оказывали сопротивление, и он расхохотался.

Мальчишка громко плакал, поэтому Мор пнул его сапогом, и он отлетел в угол. Несмотря на страх перед возможным возмездием, женщина крикнула ему остановиться, не трогать ее сына. Мор отвесил ей затрепину, от которой на ее щеке тотчас же налился красный кровоподтек. Вид этого синяка подействовал на него возбуждающе. Через мгновение ему в подбородок ударила влажная слюна. За одно только это надо будет оттрахать и придушить мерзкую сучку. Мор собрался уже забраться на женщину, но

тут ему в лицо пахнуло едким, удушливым дымом, и он закашлялся. Грубо выругавшись, Мор не оглядываясь выбежал из лачуги, бросив женщину и ребенка внутри.

Его солдаты, запалившие еще несколько домов, со смехом наблюдали за тем, как в огне с криком мечутся мужчины, женщины и дети, курицы, собаки, лошади и свиньи. Старуха-калека схватила Мора за руку, вопя: «Спаси ее! Спаси ее!», указывая на маленькую девочку, ползающую в одной из пылающих лачуг, а вокруг нее падали объятые пламенем бревна. Но жизнь одного ребенка не имела для Мора никакого значения. Его отряд должен захватить эту деревню и перейти к следующей. Без жертв среди мирных жителей не обойтись. Мужчина попробовал стряхнуть с себя старуху, но та не сдавалась. Она вцепилась ему в ногу, умоляя помочь девочке.

— Спаси ее!

Расхохотавшись, Уильям Мор пинком отшвырнул женщину и пошел дальше.

— Том? Том! Там что-то происходит!

Керри трясла Пакстона за плечо. Пытаясь привлечь к себе его внимание. Заставить его ответить. Однако его взор был устремлен куда-то вдаль. Определенно, он не слышал Керри, не чувствовал ее пальцы, вонзающиеся ему в тело.

ГЛАВА 97

Четверг, 1 мая, 20.13

В зрительном зале обезумевшая Аннабель Штраусс забралась на кресло и выпрямилась во весь рост.

— Помогите!.. — пронзительно вскрикнула она, размахивая руками над головой.

Мэр попытался успокоить ее, однако Аннабель вела себя так, словно он не ее муж, а совершенно незнакомый мужчина.

Герта Осборн, пожилая дородная оперная певица, сидевшая по другую сторону от прохода, уставилась на куполообразный свод концертного зала, указывая на того или на то, что могла видеть одна она, и кричала, что это надвигается «слишком быстро... слишком быстро... слишком быстро...».

Стэн Миллер с трудом протискивался мимо сидящих зрителей, спотыкаясь об их ноги, словно он был слепым и не видел, что пробирается мимо людей. Те кричали — отгоняли его, но не могли остановить: Миллер торопился убежать от того, что его преследовало, хотя бы и только в его воображении.

На сцене дирижер катался по полу, протягивая руки вверх, хотя ухватиться там было не за что.

Первая скрипка иступленно колотил себя инструментом по рукам, груди и лицу, словно его пожирали живьем полчища невидимых насекомых.

Арфистка, уронив голову в руки, сотрясалась в душевнораздирающих рыданиях.

Эрика Алдерман, прикованная к месту, зачарованно наблюдала за странным поведением зрителей. Она понимала, что происходит. Эрика находилась рядом со сценой и хорошо видела своего брата по Обществу памяти. Себастьян играл на «флейте памяти», и эти звуки ввергали большинство присутствующих в зале в пароксизм болезненных воспоминаний. Она повернулась к Фремонту Брехту, чтобы поделиться с ним этим поразительным известием насчет действия бинауральных ритмов, но его уже не было на своем кресле. Среди всеобщего смятения Эрика не заметила, как он исчез. Куда он подевался? На него тоже подействовала «мелодия памяти»? Эрика понимала, что ей следует отправиться искать Фремонта, но

она хотела оставаться в зале и своими глазами наблюдать живые доказательства справедливости своей теории.

Еще один из присутствующих смотрел на столпотворение, бесчувственный к музыке, оставаясь лишь сторонним наблюдателем. В голове у Малахая Самюэльса вихрем носились самые разные мысли. Откуда у Себастьяна флейта? Как ему удалось узнать мелодию? Ее тайну разгадала Меер? И, что гораздо важнее, зачем Себастьян делает все это? Потрясенный происходящим, Малахай наблюдал за зрителями, переходящими из настоящего в прошлое, неготовыми к путешествию во времени и к его конечной цели. Он встал. Что бы ни произошло, он должен быть здесь, когда Отто закончит играть. Психиатр был полон решимости завладеть флейтой. Любой ценой.

Пробираясь к первым рядам, он увидел, что в соседнем проходе Меер пытается сделать то же самое. Обоим приходилось противостоять натиску толпы, устремившейся в противоположном направлении, к выходу. Девушка медленно, но верно продвигалась к сцене. Ее пихали, отталкивали, но она упрямо шла вперед.

Меер даже не замечала у себя на пути людей; это были ее собственные опустошительные воспоминания, не позволявшие ей двигаться быстрее. Отчаянно стараясь держаться за настоящее, она чувствовала, как вокруг нее исчезают его последние следы, растворяясь в звуках флейты Себастьяна.

Уняв дрожь в руке, Марго целилась в Арчера.

Нисколько ее не боясь, абсолютно уверенный в том, что у нее не хватит духа воспользоваться оружием, тот тронул своего коня, подъезжая все ближе и ближе, и, наконец, оказался совсем близко, так, что смог бы до-

тянуться до ремней, крепко удерживающих шкатулку с играми у седла.

— Нет! — воскликнула Марго, натягивая поводья.

Ее лошадь попятилась назад.

— Ах ты, дура! Неужели ты не понимаешь, какую кашу заварила? И мне сейчас приходится все расхлебывать. Отдай мне шкатулку. Я знаю, что в ней ключ к тому, где спрятана флейта. Отдай шкатулку мне, и я заплачу все, что обещал. А если не отдашь по доброй воле, я без колебаний воспользуюсь вот этим. — Арчер потряс пистолетом. — Как тебе нравится такой убедительный довод?

Малахай чувствовал, как в зрительном зале нарастала всеобщая паника. Страх, истерия и галлюцинации парализовали практически всех присутствующих, лишив возможности принимать простейшие решения. Остаться на месте? Уходить? Бежать? Куда? Броситься на пол? Даже те немногие, на кого, как и на Самюэlsa, музыка не оказала воздействия, не знали, что делать: ужас был слишком заразительным. Но Малахай упорно продвигался вперед сквозь хаос, видя в глазах людей животный страх и слыша истошные крики. Мелодия продолжала звучать. А с ним самим ничего не происходило.

Обезумевшая толпа опять вернула Меер в настоящее. Ее захватил бурлящий поток людей, которые сталкивались друг с другом, пытались бежать, не понимая того, что было известно ей: до тех пор пока они будут слышать музыку, боль воспоминаний продолжит терзать их, и даже в коридорах они не смогут обрести спасение. А мелодия, одна высокая хрупкая нота за другой, снова и снова ввергала людей все глубже и глубже в потусторонние миры, где свет имел возраст в сотни и тысячи лет.

ГЛАВА 98

Четверг, 1 мая, 20.15

Воздух накатывался на Давида волнами, своим течением стремясь утащить его оттуда, где он находился, и от того, что он должен был сделать. От мгновения до мгновения Давид существовал в двух разных реальностях. Пытаясь задержаться в одной из них, он все глубже увязал в пустоте между ними. Что с ним происходит?

Он должен немедленно привести в действие взрывчатку, однако что-то случилось с его зрением и координацией движений. Давид не мог сосредоточиться ни на чем, кроме звука, обволакивающего его голову, сдавившего ее так туго, что ему казалось, будто его мозги вот-вот потекут из ушей, носа и глаз.

Неужели Пакстон использует какую-то новую технологию, чтобы выгонять из-под земли крыс, а вместе с ними и его? Вот только каким бы жутким ни был звук, он также был и прекрасным. Пугающим, но и завораживающим. Давиду оставалось подсоединить последний провод к упаковке батареек, после чего нажать на детонатор, но он должен остановиться... нет, он должен слушать... он не может защититься... музыка его совращает... увлекает в свой круг...

ГЛАВА 99

Долина реки Инд, 2120 год до н. э.

Луны не было, и в темноте местность становилась предательски опасной, но у Девадаса не было выбора. Он должен будет идти всю ночь, чтобы успеть прибыть на место вовремя. Традиция требует, чтобы все жертвоприношения совершались с восходом солнца. Так что всего через не-

сколько часов, когда солнечный диск полностью поднимется над горизонтом, Сунил положит свою дочь Охану на каменный алтарь и торжественно перережет ей горло от уха до уха, принося дочь-девственницу в жертву богам.

Как будто богам нужны человеческие жертвоприношения!

На протяжении следующих трех часов, пробираясь в темноте, Девадас мысленно пытался найти доводы, которые могли бы заставить Сунилу отказаться от своего намерения. Искал аргументы, способные повлиять на решение человека, безнадежно погрязшего в отживших предрассудках. Но разве станет Сунил его слушать? Как один из семерых святых старейшин деревни, отец Оханы считает Девадаса и его брата Расула вероотступниками.

Когда Девадас и Расул исполняли на сделанных собственными руками музыкальных инструментах определенные мелодии, те, кто их слушал, исцелялись от болезней. Звуки флейт и барабанов действительно избавляли от бессонницы, боли и усталости. Однако если бы отец братьев не был одним из семи святых старейшин, их бы давно выгнали из деревни. А так вокруг Девадаса и Расула образовался маленький кружок последователей. При этом их деятельность вызывала недовольство стариков; радикальные мысли и нетрадиционные формы исцеления казались подозрительными. Старшее поколение не принимало взглядов братьев.

Вот только то, что они предлагали, действительно помогало. Так что они решили продолжать заниматься своим делом, даже несмотря на смертельный риск. Любые угрозы отступали на задний план, когда у какой-то женщины в глазах угасал огонь страданий, а у ребенка спадал жар. Даже когда собственная жена и ее родные отвернулись от Девадаса, пригрозив выгнать его из дома, если он не прекратит заниматься целительством, он не смог от этого отказаться.

Должно быть, Сунил увидел приближение Девадаса к своему дому, потому что вышел к нему навстречу.

— Какое дело привело тебя сюда? — рывкнул отец Оханы.

— Я прошу тебя уделить мне немного времени. Я хочу с тобой поговорить.

— Ты не разговариваешь. Ты богохульствуешь. А я занят. Мне нужно заниматься приготовлениями.

У самой линии горизонта заалела первая слабая полоска света. Девадас прикинул, что ритуал жертвоприношения начнется меньше чем через два часа. Бросив взгляд через плечо Сунилу на семейное жилище, он представил себе Охану, спящую на тростниковой циновке в комнате, которую она делила со своими двумя сестрами.

Расул умолял брата не ходить к Сунилу, но Девадас был полон решимости во что бы то ни стало спасти свою возлюбленную. Чего бы это ни стоило; он в долгу перед Оханой за то, что отнял у нее, хотя она и отдала это по своей воле.

Они встретились случайно. Жена выгнала Девадаса из дома, и он больше года жил один в мастерской, где они работали вдвоем с братом. И вот однажды к нему обратилась за помощью Охана, страдавшая от страшных головных болей.

Она приходила пять раз. На шестой, облегчив боль музыкой, Девадас предложил девушке чашку чая. За чаем они разговорились, и Девадас понял, что боли Оханы вызваны страхами по поводу предстоящего замужества с человеком, который отправился за море. Отцы сами находят женихов своим дочерям, но Охана взбунтовалась: она не хотела выходить замуж за незнакомца. Девадас ее понимал — они с братом также не верили в старые предсудки. Почему, захотелось узнать Охане.

Солнце зашло, а девушка продолжала расспросы. Девадас рассказал ей, во что верит. Охана обладала таким

острым умом и таким искренним любопытством, что он почувствовал к ней влечение. Слишком сильное влечение.

Эта опасная связь оставалась скрыта от людских глаз. Не раз и не два Девадас пытался положить ей конец, но Охана неизменно начинала плакать и говорить, что все и так вскоре закончится само собой, когда вернется из путешествия ее суженый. Но вот месяц назад пришло известие о том, что жених Оханы утонул во время шторма, и Сунил увидел в этой трагедии знак того, что его дочь должна быть принесена в жертву на ежегодном праздновании летнего солнцестояния.

Сознавала ли Охана, что готовит ей сегодняшней день? Забылась ли она спокойным сном или же смотрит в окно на безлунное небо, представляя собственную смерть? От этой мысли у Девадаса заледенело сердце.

— Пожалуйста, Сунил, удели мне хотя бы несколько минут. — Девадас заставил себя держаться робко, заискивающе, понимая, что в этом его единственная надежда.

— Ну, только если ты захочешь прогуляться со мной. Мне нужно собрать хворост, — сказал отец Оханы, направляясь к берегу реки, к роще священных деревьев Ашоки, высоких и стройных, словно часовые.

Следуя за Сунилом, Девадас помогал старику собирать ветки и сучья, которые должны были потребоваться ему сегодня, чтобы разжечь огонь в алтаре. Хотя еще было темно, дынно-желтые цветы на деревьях сияли ярко, словно подсвеченные изнутри, а в воздухе от них стоял такой сильный аромат, что Девадас ощутил тошноту. Говорили, что если настоять эти цветы в воде, а потом ее выпить, то это защитит от горя. У всех целителей были наготове кувшины с настоем.

— Ты по-прежнему собираешься сегодня на рассвете принести свою дочь в жертву богам? — наконец спросил Девадас.

— А тебе какое дело до этого? Ты, чье имя означает «слуга богов», осмеливаешься приставать ко мне с расспросами в этот священный день?

Через несколько часов сюда соберутся издалека люди, чтобы отпраздновать начало нового времени года, однако пока что еще никого не было. Девадас понимал, что ему лучше говорить без свидетелей.

— Я пришел тебя предупредить: если ты принесешь Охану в жертву богам, тем самым ты их смертельно оскорбишь, и они обрушат свой гнев на тебя и на всю деревню.

Эти слова солью обожгли язык Девадасу, но он понимал, что только так можно изменить судьбу девушки.

— И почему же это? — насмешливо спросил старик.

— Потому что богам нужна девственница.

Сунил выпрямился. Его лицо исказилось в холодной ярости.

— Что ты хочешь сказать?

— Охана не девственница.

— Да как ты смеешь?..

— Я говорю только то, в чем могу поручиться.

Старик застыл неподвижно, словно высокие горы на горизонте.

— Откуда тебе это известно?

— Потому что я тот самый мужчина, кто сделал это с твоей дочерью, — прошептал Девадас, чувствуя стыд, но не за то, что было у них с Оханой, а за то, что сейчас он осквернил эти драгоценные мгновения, сказав о них обыденными словами.

Вода нежно набегала на берега Инда. Высоко в небе взмахнула крыльями пролетающая птица. Вдалеке грозно залаяла собака.

— Моя дочь... — Каждое слово давалось Сунилу с огромным трудом, угрожая взорваться во рту. Сглотнув подступивший к горлу клубок, он начал сначала: — Моя дочь еще маленькой девочкой была обещана другому муж-

чине... — Старик умолк, стараясь осмыслить новую информацию. — Моя дочь была обещана другому, а ты ее взял? Ты, у которого есть молодая жена и собственные дети?

Ну, и как он мог оправдать свои поступки? Даже изгнанный из дома жены, Девадас по-прежнему оставался женатым мужчиной. Ну, и как он мог объяснить, что значила для него близость с Оханой? Как он чувствовал, что его душа с момента самого первого воплощения ждала встречи с ней? Но разве имело какой-либо смысл что-то объяснять? Нет, не имело. Девадас увидел в глазах старика, что добился желаемого. Сунил ему поверил. Жизнь Оханы спасена.

Удар застал Девадаса врасплох. Сунил был значительно старше, но на его стороне была ярость. Камень попал Девадасу в висок, и он упал. Лежа на земле, глядя на объятого бешенством старика, стоящего над ним, Девадас почувствовал, что сможет справиться со своим противником, однако ударить Сунила ему помешал урок, усвоенный с раннего детства. И в эти считанные мгновения, пока Девадас старался перебороть то, чему его учили с малых лет — уважать старших, даже если он с ними не согласен, — отец Оханы снова обрушил тяжелый камень ему на голову, и молодой мужчина, теряя сознание, лишился возможности защитит себя. Не в силах двигаться, ослепленный кровью, затянувшей красной пеленой глаза, он почувствовал, что это конец. Он умрет здесь, на этой пустынной дороге, в ранние предрассветные часы. Ему показалось, что сквозь боль он увидел возлюбленную. Или ему просто очень захотелось ее увидеть? Девадас хотел сказать ей, что плакать не нужно, что он сделал это с радостью — отдал ей свою жизнь и свою любовь. Теперь уже больше ничто не причинит ему боль. Девадас не чувствовал удары камнем, а Сунил бил его снова и снова, давая выход своей ярости. Боли больше не осталось. Ее место заняло прекрасное золотистое сознание того, что он спасал

чью-то жизнь. Это было самое большое, что только мог дать человек. Ему была предложена возможность пойти на эту жертву — быть может, он жил только для того, чтобы умереть сейчас и спасти жизнь Оханы. Все имеет смысл. Понять этот смысл — величайший дар, и Девадас забрал его с собой, покидая эту жизнь и отправляясь во мрак, где прошлое и будущее слились воедино в новом измерении.

ГЛАВА 100

Четверг, 1 мая, 20.23

Грузный мужчина в смокинге надвигался на Меер, готовый ее раздавить, если она не уйдет с дороги. Но уходить было некуда. Толпа стиснула девушку со всех сторон. Мужчина оттолкнул ее и пробежал мимо; молодая женщина не удержалась на ногах и выставила руки вперед, чтобы смягчить падение. При этом она сильно ударилась ногой о кресло. Острая боль пронзила ее в тот самый момент, когда новый звук старинной флейты разорвал воздух. Величественная и ужасная, мелодия не имела ничего общего с обычной музыкой; казалось, каждая нота рассыпалась на миллион огненных искр, заполняющих воздух и увлекающих Меер обратно в ту бурю, которая окружала Марго.

Глаза Арчера Уэллса, когда он навел пистолет в грудь Марго, наполнились грустью, и его голос прозвучал искренне:

— Сожалею, но все это зашло уже так далеко, что ты себе даже не представляешь. Британское правительство не может допустить, чтобы события переросли в международный инцидент. Неужели ты не понимаешь? Если ты откажешься выкрасть флейту у Бетховена и продать ее русскому царю, тот, скорее всего, придет в ярость и по-

кинет конференцию. То же самое может произойти, если ты продашь ему флейту, но она окажется бесполезной. Я должен этим заняться. Если бы ты сдержала свое обещание! Я сделал тебе честное предложение...

— Основанное на лжи! Вы заверили меня, что мой муж жив!

Арчер пропустил ее выпад мимо ушей.

— А теперь мы рискуем тем, что все это превратится в политическую преисподнюю, и я намереваюсь не допустить этого любой ценой. Я должен получить все, что имеет хоть какое-то отношение к проклятой флейте и мелодии. В том числе и эту шкатулку. Отдай ее.

— Нет!

Об этом ее попросил Бетховен, и Марго была полна решимости не подвести его.

Увидев, как палец Арчера на спусковом крючке пришел в движение, Марго выстрелила в него и одновременно прищорила своего коня. Пифагор встал на дыбы — отчасти от грохота выстрела, отчасти почувствовав удар каблуками под ребра, — и рванул с места. Марго ослабила поводья, пуская коня галопом. Она не оглядывалась на Арчера и не знала, нашла ли ее пуля цель. Но ей было все равно — лишь бы уйти от погони, добраться до дома и передать подарок Бетховена его подруге Антонии Brentано.

Марго не видела, как Арчер поднял пистолет в правой руке, не обращая внимания на пульсирующую боль в простреленном левом плече, и прицелился в удаляющуюся всадницу.

Услышав, как из его пистолета вырвалась пуля, Марго приняла этот звук за новый раскат грома. Но пуля настигла ее и впиалась глубоко в бок, и ей показалось, что все ее тело вспыхнуло пламенем. У нее в сознании остались только две вещи — эта боль и мысль о том, что нужно до того, как она потеряет сознание, добраться до особняка, передать шкатулку с играми в надежные руки и сохранить

тайну, ради которой погиб Каспар. В особняке ей помогут, облегчат боль. Нужно только до него добраться.

Где-то наверху на ветке дерева запела птица. Поразительно. Услышать пение птицы сейчас, когда она неслась галопом через залитый дождем лес... Марго подумала о птице, затем о Бетховене. О флейте. О ее тайне. О своем муже. О его руках, обнимающих ее.

Себастьян решил немного передохнуть, перед тем как исполнить мелодию сначала, и сознание Меер вернулось в настоящее. Она обнаружила, что сидит на ковре, укрытая рядами кресел. Ей нужно было встать, подняться на сцену и остановить музыканта. Смятение вокруг нарастало; мелодия высекала искры новых воспоминаний, причиняющих невыносимые страдания. Приподнявшись, молодая женщина выглянула в проход. Он по-прежнему был запружен людьми, но выбора у нее не было.

Ухватившись за кресло, Меер поднялась. У нее кружилась голова, перед глазами все расплывалось, но она должна была идти вперед. Марго умирала, и Меер не знала, сможет ли она вынести ее смерть. Не знала, сможет ли пережить эту боль.

Марго больше не могла сидеть в седле. Она повалилась вперед, ухватившись Пифагору за шею обеими руками, но силы ее были уже на исходе. Боль стала такой невыносимой, что Марго хотела потерять сознание, вот только где-то в глубине ее рассудка она понимала, что если лишится чувств, то, вероятно, не сможет удержаться на коне, и что тогда будет с ней? В погоне за шкатулкой Арчер поймает Пифагора или, что еще хуже, пристрелит его.

Стиснув зубы, женщина уронила голову, стараясь думать о том, что она скажет, когда доберется до дома — минимум слов, чтобы объяснить случившееся, — но дело

было не в словах, а в мелодии, которую Бетховен хотел скрыть от людей. Вот о чем ей надо будет предупредить Антонию... чтобы она позаботилась о том, чтобы никто не украл тайну музыки.

Меер пробиралась по проходу, сквозь толпу. Наконец она достигла сцены, взобралась на авансцену и двинулась мимо музыкантов оркестра; те, как и зрители, находились в состоянии крайнего смятения. Один музыкант катался по полу, крича, что он горит, и старался сбить с себя воображаемое пламя. Другой забрался под стул и закрыл лицо руками, защищаясь от незримого врага, снова и снова выкрикивая одну и ту же фразу на языке, который Меер не узнала. Одни исполнители испытывали физические страдания, у других было расстройство психики. Те немногие, на кого мелодия не произвела никакого действия, пытались помочь тем из своих товарищей, кто находился в самом тяжелом состоянии.

Не обращая ни на кого внимания, Меер упорно продвигалась к Себастьяну. Тот, бесчувственный к всеобщему хаосу, творению его рук, продолжал играть. Глаза у него были закрыты, поэтому он не заметил приближения молодой женщины, не увидел, как она протянула руку... Наконец Себастьян вздрогнул, ощутив прикосновение ее руки. Меер попыталась вырвать у него флейту, чтобы освободить всех этих людей от мучительных воспоминаний.

Музыкант открыл глаза, и Меер, заглянув в них, увидела лишь отчаяние. Крепче стиснув флейту, он исполнил последнюю ноту. Она старалась оставаться в настоящем, сосредоточила все свои силы, чтобы опять не упасть в пучину прошлого, и с каждым дыханием у нее в спине усиливалась боль.

— Ты уже сделал то, что хотел. Нельзя исполнять мелодию снова и снова, Себастьян. Ты и так уже сделал все,

что мог. Отдай флейту. Оглянись вокруг; видишь, что ты наделал? Ты причиняешь нам боль. Всем нам.

Краем глаза Меер увидела нескольких полицейских, пробиравшихся к сцене. Себастьян также их заметил, и на мгновение его пальцы, державшие гладкую костяную трубку, разжались. Меер удалось вырвать флейту у него из рук и спрятать ее за пазухой. Отступив в сторону, она освободила дорогу полицейским в форме, окружившим Себастьяна. Похоже, на нее никто не обращал внимания. Видел ли кто-нибудь, как она забрала флейту? Сообразили ли полицейские, что Отто играл не на серебристо-черном гобое, лежавшем перед ним на пюпитре? Меер так не думала. Она рассказала про флейту следователю Фиске, но вряд ли у него было время кого-либо предупредить. В любом случае она не собиралась ждать и выяснять это.

Меер продолжала пятиться, все больше отдаляясь от Себастьяна и полицейских. Никто ее не преследовал; трое полицейских остались рядом с музыкантом, а остальные подходили к тем, кто получил физическую травму, предлагая свою помощь. У Меер разрывалось сердце. Ее отец умер. И виноват в этом Себастьян Отто. Он ужасно обошелся с ней, с ее отцом, со всеми теми, кто сейчас находился в зале, но при этом он также раскрыл тайну, мучившую Меер всю ее жизнь. Эта костяная трубка, находившаяся в ее руке, была всем, что осталось от Девадаса. Тем, ради чего погиб Каспар. Ради чего рисковал ее отец. И больше никто не отнимет у нее этот инструмент. В голове у Меер лихорадочным вихрем носилось множество мыслей, но одно не вызывало сомнений: на протяжении долгого времени, в течение нескольких жизней она оберегала этот предмет, и вот теперь снова стала его хранителем. Что бы ни случилось, каких бы усилий от нее ни потребовалось, она обойдется с «флейтой памяти» так, как нужно. В этом заключается ее карма. Так было прежде. И теперь все опять вернулось на круги своя.

ГЛАВА 101

Четверг, 1 мая, 20.25

Симфония была безнадежно испорчена, как и план Давида. Но время еще оставалось, нужно было только действовать быстро. Однако у него раскалывалась голова, и боль была невыносимой. Как и печаль. Давид подумал о женщине с темными волосами и миндалевидными глазами... об Охане... и ее отце... и... это невозможно... он увидел свою собственную смерть. У него по лицу потекли слезы. Ялом протянул руку к детонационному шнуру. Он должен привести его в действие, пустить ток по проводам.

В смятении, журналист попытался унять дрожь. Ему нужно перестать думать о прошлом, вот только он по-прежнему ощущал аромат цветов священного дерева Ашоки, чувствовал страшные удары. Видел старика, снова поднимающего над головой камень. Испытывал жуткую боль, обрушившуюся на Девадаса.

Усилием воли Давид попытался заставить пальцы взять шнур, но они не шевелились. Он лежал на земле. Боль ослепила его, а затем — поразительно, сквозь боль он ощутил ту самую радость, которую чувствовал умирающий Девадас, вызванную сознанием того, что он спас жизнь любимого человека.

Жена как-то сказала Давиду, что он спасает человеческие жизни своими статьями. Лисла ненавидела насилие. И она бы ему сейчас сказала, что карма его не в том, чтобы нести смерть.

Вот только он не может отказаться от намеченного. Он должен сделать это ради нее, ради остальных. Протянув руку к детонационному шнуру, Давид взял его и растерянно застыл, стараясь вспомнить, что нужно делать дальше. Два шага. Осталось всего два шага.

Старик снова опустил камень.

Нет! Осталось сделать всего два шага, замкнуть электрическую цепь и вызвать взрыв. Уставившись на самодельную бомбу, Давид ощутил такую скорбь, навалившуюся на него, что ему показалось, что он больше никогда не сможет подняться. Быть может, лучше будет просто навсегда остаться лежать под землей, превратиться в камень, стать частью древнего захоронения.

«Сделай же то, что должен! — мысленно крикнул себе Ялом. — Сделай же это прямо сейчас! Покончи с этим раз и навсегда!» Он держал в руках два провода, но ощущал тяжелые пряди волос Лислы.

Он никогда не мог никого убивать. Даже крыс, обитающих в подzemелье. Но если он не сделает это сейчас, вся его оставшаяся жизнь превратится в бесконечную петлю горькой утраты. Если он останется жить, каждый день вспоминая своих родных, его расставание с ними станет более окончательным и мучительным, чем все предыдущие восемнадцать месяцев.

Камень снова опустился Девадасу на голову, на этот раз с еще большей силой. Он раскинул руки, роняя их на землю. Перед ним раскрылся бесконечный мрак. Сколько бы любимых он ни потерял, сможет ли он сделать с другими то, что было сделано с ним самим? Сможет ли стать тем, кто разорвет тонкие нити, связывающие людей между собой во времени, сквозь время?

«Сделай то, что должен. Сделай это прямо сейчас!»

Почувствовав внезапный прилив решимости, Давид схватил провода, семтекс и взрыватель, но вместо того чтобы соединить их вместе, сделал одно последнее усилие и запихнул все в колодец, в ту полость в скале, куда он выпускал крыс, в тот самый канал, по которому распространялась музыка.

Ему нужно было торопиться. Его компьютер настроен меньше чем через час разослать в автоматическом режиме статью в ведущие информационные издания. Сохранялась

крошечная вероятность, что он успеет вернуться в гостиницу и помешать этому. У него оставалось всего пятьдесят четыре минуты, чтобы выбраться отсюда, подняться на поверхность и поспешить в гостиницу, если он собирался сегодня вечером спасти свою жизнь. А ведь совсем недавно Давид и предположить не мог, что собственная жизнь будет иметь для него какое-то значение.

ГЛАВА 102

Четверг, 1 мая, 20.27

Меер стояла в левом углу сцены, глядя на то, как полицейские уводят Себастьяна Отто. Позднее будет время разобраться в происшедшем и в том, какие последствия будет иметь то, что здесь, в Вене, он сегодня заставил тысячи людей вспомнить жуткие, страшные события из предыдущих жизней. Давно прожитых и оборвавшихся.

Не раз отец, пытаясь объяснить дочери таинственный свет мудрости, описывал, как после смерти душа покидает тело в виде луча чистого света, рассыпающегося на тысячи осколков, а затем каждый из этих осколков возвращается в другое время в виде новой души. И высшая цель заключается в том, чтобы когда-нибудь все эти осколки снова собрались в единое целое.

Чья душа обитает в теле Себастьяна? Действительно ли это один из осколков той самой души, которая когда-то жила в Арчере Уэллсе? Все указывает на это. Сначала Арчер, а затем Отто поддались низменным, корыстным устремлениям, осквернив предназначение флейты. Ну почему он не смог усвоить кармический урок? Что он так и не смог понять? И почему при этом пришлось страдать многим? Неужели Меер было предначертано дать ему возможность сделать верный выбор, исправить прошлые ошибки?

Если и так, то она лишь помогла Себастьяну ошибиться еще раз.

Вдруг Меер почувствовала, как ее сзади схватила чья-то рука. Сильная и уверенная. Прозвучавший участливый голос был ей знаком.

— Думаю, нам пора уходить, Меер.

Услышав голос Малахая, она обессиленно обмякла, но он помог ей удержаться на ногах.

— Позволь, я тебе помогу. Теперь я позабочусь обо всем. Просто следуй за мной.

— Она у меня... — Меер показала ему флейту.

— Знаю. Просто крепко держись за меня, и я уведу тебя отсюда.

— Вам известно, что произошло?

— Меер, — прошептал Самюэльс, — нам нужно поторопиться. Мы должны доставить флейту в безопасное место. Ты ведь это понимаешь, так? Нам нужно защитить «инструмент памяти».

Он говорил ласково, нараспев, увлекая Меер прочь от полицейских и Себастьяна.

Они уже вышли за кулисы, и тут девушка, державшая руку психиатра обеими руками, вдруг поняла, что он еще не знает о ее отце.

— Малахай...

— Сейчас нельзя останавливаться для разговоров. Нужно незаметно вывести тебя и флейту отсюда. Пожалуйста, следуй за мной. Все выходы из зрительного зала перекрыты, чтобы полиция могла хоть как-то упорядочить этот исход. Нам придется воспользоваться служебным выходом.

Впереди пробежали трое музыкантов, и Малахай, рассудив, что им известно, где выход, последовал за ними, увлекая Меер все глубже в недра пространства за сценой. Крики и стоны, доносившиеся из зрительного зала, теперь звучали глуше, и молодая женщина слышала звуки ша-

гов по бетонному полу, своих и Самюэlsa. Завернув за угол, они обнаружили, что остались одни. Музыканты их далеко опередили. После громкого шума полная тишина показалась особенно гнетущей.

— Сюда, — сказал Малахай, поворачивая направо в направлении красного указателя выхода, горящего в самом конце длинного коридора, погруженного в темноту.

Когда он заметил двух охранников по обе стороны от массивной металлической двери, разворачиваться назад было уже слишком поздно.

— Выходим на улицу. Не старайся показать себя храброй. Наоборот, очень хорошо, что ты в полном смятении, — шепотом произнес Малахай. — Так и должно быть. Единственное, о чем я прошу, — это веди себя так, словно ты всегда пользуешься этим выходом. Не сомневаюсь, сейчас уже всем известно о том, что преступник задержан. Не думаю, что охранники кого-то ищут. Вероятно, они здесь, просто чтобы поддерживать порядок. Если тебя остановят и попросят показать, что ты несешь, покажи им флейту, скажи, что ты на ней играешь, что ты из оркестра.

Стиснув костяную трубку, Меер пыталась зацепиться за слова Самюэlsa, воспользоваться ими, чтобы удержаться в настоящем, однако время расплывалось.

Охана бежала. Всю свою жизнь она только и делала, что от кого-то бегала. Ей нужно научиться не бегать. На этот раз Охана торопилась скрыться от гнева отца. Сжимая кость, все, что осталось от его дорогого, любимого Девадаса, она бежала, сама не зная куда, сознавая только то, что ей нужно покинуть то место, где она была.

— Меер? Меер?

Время снова задрожало. Она была рядом с Малахаем. За сценой Венского концертного зала. Умер ее отец, а не какой-то мужчина по имени Девадас. За спиной слышались торопливые шаги. Внезапно коридор заполнился людьми. Четверо мужчин в темных костюмах быстро про-

вели супружескую пару в вечерних нарядах, и психиатр, схватив Меер за руку, увлек ее назад, в темноту.

Когда пара поравнялась с ними, Меер показалось, что она узнала худого, высокого мужчину во фраке. Мужчина плакал. По морщинистому лицу текли крупные слезы. Светловолосая женщина старалась его успокоить, нашептывая что-то на ухо, но когда они подошли к выходу, мужчина рухнул на пол, и все бросились к нему.

— Нам нужно подождать здесь, — прошептал Малахай. — До тех пор, пока они не уйдут.

— Почему? В чем дело?

— Его никто не должен видеть в таком состоянии. Это Эдвард Филдс, глава Национальной комиссии безопасности Соединенных Штатов. И без того здесь царит самый настоящий хаос. Я не хочу, чтобы охранники заметили, что мы видели Филдса. Не исключено, что в этом случае нас задержат. Давай повернем назад. Выйдем через главный вход. Отдай мне флейту — если меня остановят, я исполню какой-нибудь фокус, чтобы отвлечь внимание.

Но Меер лишь крепче стиснула тонкую костяную трубку.

— Отдай мне флейту, — повторил Самюэльс.

— Нет. Не могу. Я не могу никому ее отдать.

— Меер!

— Никому.

ГЛАВА 103

Четверг, 1 мая, 20.39

Улица освещалась лишь старинными тусклыми фонарями, но Люсиан Гласс без труда разглядел Малахая и Меер, появившихся из главного входа концертного зала. Фотокорреспонденты, собравшиеся здесь для освещения концерта, теперь отталкивали друг друга, чтобы добиться

лучшего ракурса, и снимали проникнутые ужасом лица выходящих зрителей. Непрерывно мигающие вспышки озаряли улицу ярким светом.

Люсиан никак не мог отделаться от воспоминаний о том, что произошло в концертном зале, когда музыка сменилась криками паники. Внезапно не осталось ни воздуха, ни пространства, ни времени, и уже не имело значения, может ли он дышать, потому что дышать было необязательно. Он превратился в клубящийся дым и уже не видел, что перед ним, но видел другое время и другое место, видел каким-то интуитивным взглядом, проникающим в вечность.

Люсиан наблюдал за тем, как Меер пробирается к сцене, но вдруг она превратилась в другую женщину, с распущенными черными волосами, облаченную в длинный голубой наряд, поношенный и рваный... она держала в руках флейту... и плакала... нет... это была не флейта. Пока что еще не флейта. Это была небольшая кость. Обломанная с одного конца. И она протянула ему эту кость, сказав, что похитила ее из погребального кувшина. Говоря, она продолжала плакать, и слезы оставляли потеки на ее перепачканном грязью лице.

Люсиан понятия не имел, кто эта женщина. Он никогда раньше ее не видел, однако в то же время чувствовал, что они с ней знакомы. Во всем этом не было никакого смысла, но это не имело значения. Видение завораживало его, эмоционально и физически.

Глядя сквозь бесконечное пространство, не имеющее никакой связи с расстоянием в том смысле, в каком его знал Гласс, он увидел, как человек, частицей которого он был и который был частицей его самого, взял у женщины из рук кость. Затем последовательность быстро сменяющихся образов показала различные стадии одного и того же, и Люсиан увидел, как этот молодой мужчина — как он сам просверливает в кости семь отверстий, превращая

ее во флейту, а женщина спит рядом, свернувшись калачиком на полу у очага в мастерской, где они работали со своим братом Девадасом.

Когда симфония резко оборвалась, стремительная сила втянула Гласса обратно в настоящее, и он снова увидел Меер в черных джинсах и кожаной куртке, Меер с золотисто-каштановыми волосами и потрясающими зелеными глазами, а не Охану, женщину в длинном голубом наряде.

И вот теперь, провожая взглядом Меер, пробирающуюся сквозь охваченную истерией толпу, Люсиан видел у нее за спиной призрак Оханы. Возможно ли одновременно находиться в двух разных состояниях? Возможно ли, что он, Люсиан Гласс, агент ФБР, ведущий дело, рассыпавшееся у него на глазах, при этом также видел другое время?

Похоже, молодая женщина что-то прижимала к груди, и хотя она находилась слишком далеко, чтобы рассмотреть хорошо, агент ФБР не сомневался, что это та самая «флейта памяти», которую она у него на глазах отобрала у Себастьяна. Из зрительного зала с новой силой хлынула толпа, будто кровь из перебитой артерии, и он на какое-то мгновение потерял Меер из вида. Пронизанные болью крики смешались с воем сирен полицейских машин и карет «Скорой помощи», спешащих к месту событий.

Когда Люсиан снова отыскивал взглядом Логан и Самюэlsa, отделенных от него объятый паникой толпой, он также узнал грузного пожилого мужчину с густой копной седых волос, более спокойного, чем те, кто был вокруг, словно кошка, пробиравшегося к ним сквозь столпотворение. Это был Фремонт Брехт, глава Общества памяти, с кем Малахай встречался вчера вечером. Крепкий и подвижный, несмотря на возраст и внушительные габариты, он решительно двигался вперед, слегка прихрамывая, однако это нисколько ему не мешало.

Гласс много лет проработал в Бюро и привык доверять своей интуиции, и вот сейчас он почувствовал опасность. Он закричал бы, предупреждая Малахая и Меер, если бы была хоть какая-нибудь вероятность, что они его услышат, однако он находился слишком далеко от них. Люсиан бросился на неприступную стену пораженных ужасом людей, но продвижение было слишком медленным. Это были те, кто строил непреодолимые преграды в киберпространстве, системы зондирования, способные проникать глубоко под землю, аппаратуру прослушивания и слежения, устройства, распознающие отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза, и машины, способные улавливать в воздухе малейшие следы взрывчатки.

И паника их усиливалась многократно, потому что они знали так много, понимали, что на самом деле невозможно гарантировать полную безопасность кого бы то ни было и что никакая система контроля не может быть абсолютно надежной. Разумеется, никто из них понятия не имел, что кошмарные видения, нахлынувшие на них сегодня, являются в действительности воспоминаниями из прошлой жизни. Скорее, они решили, что стали жертвами массового гипнотического транса, вызванного каким-то химическим оружием. Но Люсиан так не думал. Он предположил, что сегодня было воочию подтверждено то, над доказательством чего всю свою жизнь тщетно бился Малахай, и толчком послужило не какое-то мудреное химическое вещество, а несколько простых нот: «мелодия памяти».

В безумном мелькании фотовспышек Люсиан увидел, как Брехт достает пистолет.

— Меер! Берегись!

Но его крик потонул в гуле толпы.

И тут Малахай согнулся пополам, зажимая живот руками, и скрылся из вида. Вслед за ним исчезла и девушка. Людской поток был слишком плотным. Несомненно, Брехт охотится за флейтой. А это означало, что, не найдя

ее у Самюэlsa, глава Общества памяти обратится к Меер. Будь проклято это столпотворение! Гласс упорно проталкивался вперед.

Дорогу ему преградила грузная женщина в летах. Она раскачивалась из стороны в сторону, судя по всему, не понимая, где находится. Люсиан крикнул, чтобы она освободила ему путь, но Грета Осборн застыла на месте, с лицом, искаженным паникой. Лишившись чувств, оперная певица повалилась на землю, и агенту не оставалось ничего другого, кроме как броситься к ней на помощь.

ГЛАВА 104

Четверг, 1 мая, 20.42

Том Пакстон сидел в полном одиночестве в импровизированном штабе, не замечая того, что происходило вокруг. Он смотрел на видеомониторы, показывающие толчею в зрительном зале, но видел другие образы, вызванные музыкой... жестокую сцену насилия, учиненного над женщиной на глазах у ее маленького сына... Пакстон все еще чувствовал запах гари и грязи, слышал крики женщины, лежавшей под ним... нет, не под ним... под жестоким дикарем из другого времени. Крики были душераздирающими...

И вдруг до него дошло, что он слышит их на самом деле. Они звучат сейчас. В зрительном зале. Пронзительные крики зрителей, пришедших послушать симфонию и оказавшихся в самом центре ужаса, предвидеть который не мог никто.

— Босс? — Это была Керри.

Оглянувшись, Том испытал при виде помощницы огромное облегчение.

— У тебя все в порядке?

— Замечательно.

— С тобой ничего не произошло?

— Нет.

— Тебе повезло, — прошептал Пакстон.

— Это было настолько ужасно?

Кивнув, Том отвернулся, снова уставившись на ряд мониторов.

Подойдя к нему, Керри положила руку ему на плечо. Она удивилась, почувствовав, что его бьет дрожь, и еще больше, увидев у него в глазах слезы.

— Том? Что с вами?

Пакстон слышал Керри, чувствовал прикосновение ее руки. Ему хотелось прильнуть к ней, услышать слова утешения, однако его внимание привлек один из мониторов, показывающий главный вход концертного зала. Оттуда выплескивалась человеческая волна, неудержимое течение, обладающее своей собственной силой, и в самой его стремнине находился Давид Ялом. Израильский журналист выглядел так, как Том Пакстон себя чувствовал. Словно он только что побывал в аду и вернулся обратно. Но только в глазах журналиста было кое-что еще. Даже на экране с посредственным разрешением было видно, что Ялом нашел там, где побывал, решение какого-то жизненно важного вопроса.

— Ну, наконец-то, — заметила Керри, кивая на израильтянина. — Я так за него беспокоилась. Ему и без этого пришлось многое перенести.

Пакстон кивнул.

— Том, я пришла сказать, что с тобой хочет переговорить полиция, — сказала Керри.

— Да, не сомневаюсь в этом.

— Пока что точных данных нет, но, похоже, все обошлось без жертв.

— Что насчет наших людей? Кто-нибудь уже докладывал?

— Все в порядке.

— А Таккер?

Керри кивнула.

— Керри, те, кого я должен был защищать, подверглись нападению. — Голос Тома Пакстона дрогнул.

ГЛАВА 105

Четверг, 1 мая, 20.46

Осветитель щелкнул тумблером, и вспыхнули яркие софиты, ослепившие толпу. Телевизионщики были полны решимости во что бы то ни стало взять интервью у некоторых из тех, кто находился в концертном зале и испытал на себе воздействие неизвестного явления, и ничто не могло их остановить.

Лежавшая на земле Меер, увидев мечущуюся в гиперреалистически ярком свете толпу, почувствовала нарастающую панику. Им с Малахаем грозит опасность: их могут затоптать до смерти. Это было даже хуже того, что происходило в зрительном зале. Здесь не было кресел, за которые можно было бы ухватиться. Не было ничего, за чем можно было бы спрятаться. Поднявшись на колени, девушка попыталась приподнять Самюэльса, но он оказался слишком тяжелым, и она, отпустив его, вдруг обнаружила, что ее руки перепачканы кровью.

Кровью? Что произошло? С Малахаем что-то случилось, но неужели все настолько серьезно? О, нет, неужели сначала ее отец, а затем и доктор, в один и тот же день?

«Мне нужна помощь».

Не успела она об этом подумать, как среди тысяч людей, несущихся мимо, один остановился. Должно быть, он обладал незаурядной физической силой, поскольку ему удалось сдержать натиск толпы, образовав небольшое свободное пространство. Меер была уверена, что уже видела его, но где? Глубоко посаженные глаза мужчины были

полны усталости и невыносимой печали. Нет, она не просто где-то мельком видела его, она была с ним знакома. И вот сейчас она поняла, что мужчина с трудом сдерживает свою скорбь.

Он протянул руку, помогая ей встать, и молодая женщина, поднимаясь с земли, вспомнила. Несколько дней назад она столкнулась с этим мужчиной на лестнице библиотеки... Он спускался, а она поднималась. И теперь Меер поняла то, что было скрыто от нее прежде, потому что тогда она еще не слышала «мелодию памяти».

— Девадас? — спросила она.

Мужчина широко раскрыл глаза, и сквозь бесконечную тоску в них сверкнуло что-то похожее на надежду.

— Нам нужно ему помочь, — крикнула Меер, перекрывая гул толпы. — Малахай истекает кровью.

Мужчина, которого она знала только как Девадаса, нагнулся к Самюэльсу, но в это мгновение Фремонт Брехт, друг отца Меер и глава Общества памяти, втиснулся между ними, разделяя их, отталкивая Девадаса в сторону.

И тотчас же Девадаса поглотил нескончаемый людской поток. Меер видела, как он борется, словно пловец, преодолевающий сильное течение, но на этот раз ему не удалось устоять, и его унесло прочь. «Унесло прочь снова, — подумала Меер. — Снова».

Внезапно она начала сомневаться, что видела его наяву.

— Малахай ранен, — крикнула она, обращаясь к Фремонту. — Он истекает кровью. Нам нужно вынести его отсюда.

— Знаю. Я все видел. Флейта у вас?

— Флейта? Да. Но Малахай...

— Не беспокойтесь, сначала дайте мне флейту — нам нужно ее защитить. — Брехт схватил Меер, глубоко вонзая свои пальцы в ее руку. — Быстрее.

Вдалеке человек с мегафоном выкрикивал распоряжения, стараясь справиться с толпой, которая все продолжа-

ла прибывать. Высокий мужчина, настолько высокий, что его голова виднелась над людским морем, протиснулся к Меер и направил на нее пистолет. Неужели ему тоже известно про флейту? Но тут Фремонт поморщился и отпустил Меер, и ей потребовалось какое-то мгновение, чтобы понять: высокий мужчина арестовывал Брехта, его пистолет был направлен на главу Общества памяти, а не на нее.

Ему потребовались лишь считанные секунды, чтобы надеть на Фремонта наручники.

— Я его обезвредил, — крикнул он по-английски двум полицейским, протискивающимся сквозь толпу. — Но у нас на руках один раненый, — объяснил американец. — Брехт выстрелил в Самюэльса.

— «Скорая помощь» уже выехала, Люсиан, — ответил один из венских полицейских.

— Это *вы* стреляли в Малахая? — спросила Меер старинного друга своего отца.

Руки у Фремонта были скованы за спиной, но он стоял, гордо расправив плечи, как будто ничего не произошло, не обращая внимания ни на полицию, ни на вопрос Меер. Но она не сдавалась:

— Это вы устроили похищение письма и шкатулки с играми?

Брехт продолжал хранить молчание, что было равносильно признанию.

— Это ваших рук дело? Но почему? Мой отец был вашим другом. Он говорил мне, что вы его друг.

— У меня был высший долг — сберечь наше наследство, оградить его от людских насмешек, — убежденно промолвил Фремонт.

— И ради этого вы готовы были пойти на любые жертвы? Такой долг я не понимаю.

— Как этого не понимал и ваш отец. В XXI веке евреи не должны привлекать к себе лишнего внимания. — Убежденность превратилась в бешеную ярость. — Как раз сейчас, когда мы начинаем смывать с себя позорное

пятно отверженных, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы весь мир узнал про то, что мы обнаружили один из «инструментов памяти», доказывающий перевоплощение, иначе на нас снова станут смотреть как на неистовых сумасшедших мистиков! — Ярость уже граничила с истерикой. — Нельзя допустить, чтобы мы повернули вспять и снова стали изгоями в гетто...

Вмешался следователь Фиске, сказавший Фремонту несколько слов по-немецки, которые Меер не поняла. Стиснув зубы, Брехт отвернулся, устремив взор в невидимую точку на небе, и следователь его увел.

Самюэльс лежал на боку, привалившись к стене здания, прижимая руку к груди. Его глаза были закрыты. Американец сидел на корточках рядом с ним, измеряя ему пульс. Меер присоединилась к ним.

— Малахай? Вы меня слышите? — спросила она.

Он открыл глаза, посмотрел на нее и сразу же заметил американца.

— А вы... что... здесь делаете? — Его голос был слабым, проникнутым болью, но связным.

— Мне нравится Бетховен, — усмехнулся американец.

— Настолько, что вы... приехали сюда аж из Нью-Йорка... чтобы послушать один-единственный концерт?

— А почему бы и нет? В Карнеги-Холл «Героическую» симфонию не исполняют.

— Так это вы следили за мной... на улице... в машине... Мне известны все ваши уловки. Это вы настояли на том, чтобы мне вернули паспорт, уверенный в том, что я отправлюсь сюда за флейтой, ведь так?

Американец ничего не ответил, потому что в этот момент как раз подросли медики, и он отступил в сторону, пропуская их. Но Меер хотела знать ответ.

— Вы действительно следили за Малахаем? Почему? Он ничего не сделал, только помогал мне.

— Похоже на то. По крайней мере, на этот раз.

— Вы его арестуете?

— Нет, отвезем в больницу. А что насчет вас? Вы не ранены? Вам не нужно показаться врачу?

Меер покачала головой.

— Кто вы такой?

— Специальный агент ФБР Люсиан Гласс, — ответил американец. — Из отдела по борьбе с преступлениями в сфере искусства. Примите мои соболезнования в связи с кончиной вашего отца. Мисс Логан, вы позволите мне помочь вам?

— Каким образом?

— Ну, судя по тому, как вы ее оберегаете, я могу предположить, что вам бы хотелось поместить флейту в надежное место.

— Да, — подтвердила Меер. — В надежное место.

Медики уложили Малахая на носилки на колесах. Пока они катили его к санитарной машине, Меер шла рядом, уверяя его в том, что все будет хорошо. Люсиан следовал за ней. Они подошли к машине. Медики стали открывать двери. Поморщившись, Самюэльс взял руку молодой женщины. Ту, которая держала костяной инструмент.

— Она настоящая, Меер. Я видел, как она действует.

— Но ведь при этом стольким людям пришлось страдать... разве вы это не видели?

Малахай ее не слушал.

— Она действует. Она подействовала на тебя, ведь так? Оттаяли все твои замороженные воспоминания. Можешь ничего не говорить, я вижу по твоим глазам. Ты вспомнила все, что должна была вспомнить, что пыталась вспомнить на протяжении долгих лет. В чем я не мог тебе помочь.

Меер кивнула.

— Но не так, как должна была бы вспомнить... это было ужасно...

Он по-прежнему ее не слушал. Его взгляд проникал сквозь нее насквозь. Наполненный невыносимой тоской,

которую Меер еще никогда в нем не видела. И ее ужаснула эта тоска.

— А у меня не было ни одного воспоминания. — Горечь в словах Малахая была такой же черной, как и ночное небо над головой. — Ни одного...

Медики переложили психиатра в машину и сами запрыгнули следом за ним. В окно Меер увидела, как они засуетились вокруг него. Он был таким бледным. Словно угасал прямо у нее на глазах.

Завыла сирена, и машина рванула с места. Меер чувствовала позади присутствие агента ФБР, но не оборачивалась. Провожая взглядом отъезжающую машину, она сунула руку в сумочку и, нащупав флейту, достала ее. Каким бы поразительным ни было его действие, инструмент не стоил того, чтобы из-за него кого-то убивали. Чтобы из-за него кто-то умирал. Не потрудившись даже опустить взгляд, не колеблясь ни секунды, Меер подняла флейту высоко над головой и одним резким движением швырнула ее на мостовую, где старая, хрупкая костяная трубка разлетелась на многие десятки мелких осколков.

ГЛАВА 106

Я убежден в том, что такая вещь, как жизнь заново, действительно существует, что жизнь рождается из смерти и что души умерших существуют в настоящем.

Сократ

Вена, Австрия

Пятница, 2 мая, 11.00

Врач вышел через двустворчатые вращающиеся стеклянные двери в приемный покой.

— Мисс Логан?

Кивнув, она встала, готовясь выслушать то, что ей скажут. Сидевший рядом Люсиан Гласс тоже поднялся с места. Они провели всю ночь в приемном покое реанимационного отделения больницы, пока врачи боролись за жизнь Малахая Самюэльса. Однако находились они здесь по разным причинам.

— Опасность миновала, — сообщил врач. — Теперь он пойдет на поправку.

— К нему можно? — Голос Меер дрожал от облегчения: по крайней мере, Малахая она не потеряет.

— Мистер Самюэльс еще не отошел от действия наркоза, но вечером его уже можно будет навестить. Ближайшие несколько дней его будут мучить сильные боли.

— Хорошо, хоть кто-то пойдет на поправку, — заметила Люсиану Меер после того, как врач ушел.

Она подумала о своем отце. О Рут и докторе Сметтеринге. И о Николасе. Дожидаясь новостей о состоянии Малахая, молодая женщина позвонила в клинику Штейнхофа: сын Себастьяна никак не отреагировал на мелодию флейты. Он по-прежнему был заключен в свой собственный мирок. Фреонта и Себастьяна арестовали; вероятно, обоим придется провести в тюрьме по многу лет. Были и другие пострадавшие. В новостях сообщалось о тысячах радиослушателей, испытавших жуткие провалы в прошлое; многие из них до сих пор не пришли в себя. Кроме того, в давке в концертном зале пострадали сотни зрителей, вынужденных обратиться за медицинской помощью.

— Он полностью оправится от ранения, — заметил Люсиан, продолжая говорить о Малахае, — и предпримет новую попытку.

Меер покачала головой.

— Вы ошибаетесь.

— Я понимаю, вы не хотите мне верить, но этот человек опасен. Самюэльс одержим желанием получить в свои

руки «инструменты памяти» и ради этого готов пойти на все, что угодно. Я по-прежнему убежден, что именно он виновен в попытке кражи камней, обнаруженных в прошлом году во время археологических раскопок в Риме. И тогда тоже погибли несколько человек.

— У вас есть доказательства его причастности?

На этот вопрос Люсиан мог не отвечать. Если бы доказательства были, Малахай не разгуливал бы на свободе.

— Я знаю его почти всю свою жизнь. Вы хоть представляете, скольким детям он помог?

— Одно другому не мешает.

Меер встала, собираясь уходить.

— Мой напарник ждет внизу, — сказал Гласс, тоже поднимаясь. — Нас попросили отвезти вас на кладбище.

— Мне не нужны провожатые.

— Однако ФБР предпочло бы, чтобы они у вас были. По крайней мере до тех пор, пока дело не будет официально закрыто, что должно произойти в течение ближайших сорока восьми часов. Мы никоим образом не будем вам мешать.

Они спустились вниз на лифте, и когда двери кабины открылись, им показалось, что они попали прямо на пресс-конференцию. Журналисты, фотографы и телеоператоры толпились вокруг врача с вытянутым серьезным лицом, зачитывающего им официальное заявление.

Меер и Люсиан обошли толпу и были уже у самых дверей, когда молодую женщину кто-то остановил.

— Прошу прощения.

Услышав этот голос с сильным акцентом, Меер обернулась.

Сметенный толпой, спешившей покинуть концертный зал, Давид Ялом едва успел вернуться в гостиницу и отметить программу автоматической рассылки по электронной

почте его статьи. Перед тем как уничтожить этот истовый манифест, он еще раз внимательно перечитал его от начала до конца и поймал себя на том, что переживает за душу человека, написавшего все это.

Давид просидел всю ночь, размышляя над тем, что ощутил, когда темноволосая женщина в толпе окликнула его именем «Девадас». Он не спал, когда на рассвете ему позвонил редактор с просьбой срочно подготовить материал о сенсации: вчера вечером вице-президент Соединенных Штатов Америки присутствовал на концерте, закончившемся всеобщим хаосом, где получил травму, после чего его забрали в больницу. В одиннадцать утра в больнице состоится пресс-конференция, на которой будет сообщено о состоянии здоровья вице-президента и других высокопоставленных лиц, пострадавших в толчее.

— Прошу прощения, я Давид Ялом...

— Сожалею. — Люсиан Гласс втиснулся между Яломом и Меер, защищая ее от журналиста. — Мисс Логан не будет делать никаких заявлений для прессы.

Меер окинула взглядом темные волосы и черные глаза, блокнот и ручку.

— Все в порядке, — сказала она, обходя Люсиана, чтобы оказаться лицом к лицу с Девадасом — нет, он сказал, что его зовут Давид. Давид Ялом. — Я его знаю, — объяснила она Глассу.

Давид Ялом слушал ее голос, и с его лицом произошла перемена. Ничего похожего на лучезарную улыбку — но просто оно стало другим. Словно он, наконец, позволил себе вздохнуть полной грудью, и это доставило ему удовольствие.

— Спасибо за то, что вчера вечером пытались мне помочь, — сказала Меер.

— Вы не пострадали?

Она покачала головой.

— Нет. Малахай — тот человек, с которым я была, — он получил огнестрельное ранение, его прооперировали.

— С ним все в порядке?

Меер кивнула.

Им хотелось сказать друг другу так много, но ни тот, ни другой не знали, с чего начать.

— Нам пора идти, — напомнил Люсиан.

Давид сунул руку в карман, и Люсиан тотчас же шагнул вперед, охваченный подозрением. Журналист с неммым укором покачал головой, доставая визитную карточку и протягивая ее Меер.

— Если вы вдруг... — начал он и осекся, словно не зная, что сказать дальше.

Взяв прямоугольник гладкого, шелковистого картона, девушка нащупала пальцами тисненые буквы фамилии Давида и контактный телефон. Убрав карточку в карман, она продолжала держать ее в руке, словно оберегая.

Калфус ждал на улице в машине. Гласс открыл перед Меер дверь. Садясь в машину, девушка опустила сумочку на пол, затем заметила, что поставила ее на черную тетрадь. Она подняла тетрадь, чтобы ее убрать, но та раскрылась на недоконченном наброске, сделанном карандашом.

— Позвольте, я сейчас уберу, — поспешно сказал Люсиан, протягивая руку за альбомом.

Меер подняла взгляд на агента ФБР, затем снова посмотрела на рисунок, не понимая, что перед ее глазами: это было лицо совершенно незнакомой женщины, вот только в ее глазах Меер увидела себя — свою душу, смотрящую на нее с листа бумаги.

ГЛАВА 107

Долина реки Инд, 2120 год до н. э.

Очнувшись от сна, Охана увидела своего отца, склонившегося над ее кроватью, вырывая у нее из рук кость.

— Как ты могла это взять? Мало того, что ты вела себя с ним как последняя шлюха, пока он был жив... Но это... Ты украла его кость?

Глаза Сунила сверкали, словно металл, рот скривился в злобном оскале.

Охане уже доводилось видеть отца в гневе, он всегда был суровым и строгим; но это была уже ни чем не сдерживаемая холодная ярость.

— Пожалуйста, позволь мне сохранить хоть частичку Девадаса...

Пальцы Сунила крепче стиснули белую кость.

— Нет. Если ты оставишь себе этот предмет, ты накличешь беду на свою голову... — изо рта отца брызгала слюна, — ...и на мой дом.

С этими словами он решительным шагом вышел из спальни.

Вскочив с кровати, Охана бросилась следом за ним и, догнав во дворе, попыталась отнять кость. Какое-то время они боролись, затем Сунил, обладавший большей физической силой, замахнулся на дочь костью, словно оружием.

Еще мгновение назад Охана понятия не имела, кто убил Девадаса, и вдруг ее осенила страшная догадка, от которой у нее в груди все перевернулось. Ее глаза наполнились слезами стыда. Она сожалела не о том, что было у них с Девадасом, а о том, что своими действиями, возможно, она навлекла на него гибель.

— Это ты его убил? — ахнула девушка.

Сильная затрещина отбросила ее назад, и она не удержалась на ногах. Ей в ладони впились мелкие камешки, по спине разлилась острая боль.

Смерив ее взглядом, отец презрительно поджал губы.

— Как ты смеешь так разговаривать со мной? Ступай в дом. Немедленно.

Охана не думала о том, что поступает наперекор отцу, не думала о том, что будет с ней дальше, — она вскочила, выхватила сломанную кость своего возлюбленного и побежала через сад к дороге. Охана не остановилась даже тогда, когда отец перестал ее преследовать, продолжая бежать в то единственное место, где, как ей казалось, она будет в безопасности.

ГЛАВА 108

Вена, Австрия

Пятница, 2 мая, 12.15

Пятна света пробивались сквозь молодую листву заброшенной еврейской части кладбища, отбрасывая зеленые тени на лицо и руки Меер. Стоя в одиночестве под высоким каштаном, молодая женщина смотрела, как у могилы собираются люди. В их числе она узнала девятиррых мужчин, образовавших вместе с ее отцом миньян¹, чтобы неделю назад исполнить поминальную молитву над гробом Рут Фолкер.

Сегодня они пришли, чтобы помолиться над его прахом. Кремация противоречила правилам ортодоксального иудаизма, однако Джереми Логан сделал особый упор на этом в своем завещании, и вчера вечером, после того как раввин дал ему последнее благословение, это было исполнено.

---

¹ Миньян — в иудаизме кворум из десяти взрослых мужчин (старше 13 лет), необходимый для общественного богослужения и ряда религиозных церемоний.

— Прежде чем начать эту печальную церемонию, — сказал раввин Тишхенкель, — мне хотелось бы рассказать вам о последней воле вашего отца. — Он держал в руках сверкающую серебряную урну. — Он попросил, чтобы только половина его праха была похоронена здесь, а другую половину вам предстоит высыпать в воды реки Ганг.

Раввин остановился, но Меер не дала ему продолжить:

— В Ганг?

— Понимаю. Я тоже задал этот вопрос. Ваш отец ответил, что согласно древним верованиям, если вернуть прах умершего в воды Ганга, это позволит перескочить через несколько перевоплощений и сберечь время. — Тишхенкель грустно улыбнулся. — Так сказать, срезать поворот.

Отразившись от урны в руках раввина, солнечный луч ударил Меер в глаза.

— И еще отец просил передать вам, чтобы вы не думали о флейте, — добавил раввин.

Меер показалось, что отец сквозь время дает ей свое благословение, успокаивая по поводу того, как она поступила с драгоценным музыкальным инструментом. Вот только... тут что-то было не так.

— Скажите, когда отец составил завещание?

— Около десяти лет назад.

— Вы были свидетелем?

— Да, я присутствовал при этом. Джереми мне все объяснил.

— Но дополнение насчет флейты было внесено на прошлой неделе?

— Нет, оно присутствовало с самого начала. А что?

— Но как отец мог знать о флейте десять лет назад? Члены Общества памяти были уверены, что Бетховен уничтожил ее в 1814 году. И до тех пор пока отец две недели назад не нашел письмо в шкатулке с играми, никто даже не догадывался о том, что флейта существует до сих пор.

Раввин снова пожал плечами.

— Боюсь, для меня самого это тоже загадка.

— Вы уверены в том, что отец не добавил это замечание на прошлой неделе?

— Да, уверен, — сказал Тишхенкель, и его голос был проникнут сочувствием. — Оно присутствовало с самого начала.

Меер покачала головой.

— Вы ожидали услышать другой ответ? — спросил Тишхенкель.

— Да.

Еще одно пожатие плечами.

— Что ж, в данном случае вам придется принять это на веру. Вместе со всем, что из этого вытекает, — раввин загадочно улыбнулся. — Каббала учит, что если человек не выполнил свой долг в течение одной жизни, он должен начать следующую... и так до тех пор, пока не достигнет состояния, подходящего воссоединению с Богом. Быть может, ваш отец частично уже пережил это в прошлом. — Он протянул ей урну. — Я вам скажу, когда можно будет высыпать половину в могилу.

Принимая урну, Меер поежилась от обволакивающего холода. Переполненная скорбью, сбитая с толку, слишком усталая, чтобы сопротивляться, она исчезла в ледящей пучине.

ГЛАВА 109

Долина реки Инд, 2120 год до н. э.

Охана еще ни разу не заходила в мастерскую без Девадаса. В течение дня они с братом изготавливали здесь свои музыкальные инструменты, а с наступлением темноты мастерская превращалась в место свидания влюбленных. Расул, брат Девадаса, — единственная живая душа, кому

было известно об этой связи, но он ни разу, ни единым словом не осудил их.

Радушно встретив Охану, Расул расчистил место, приглашая ее сесть, а затем выслушал ее рассказ о том, что она сделала, прерываемый нескончаемыми слезами и всхлипываниями. В заключение девушка показала ему кость.

Когда она закончила, Расул расчесал ей волосы и вымыл лицо холодной водой из источника, после чего заставил выпить густой эликсир, настоянный на меде и целебных травах. Девушка смертельно устала, и Расул предложил ей прилечь на соломенную циновку в углу мастерской — на ту самую, где столько раз лежали они с Девадасом, сплетенные в объятиях любви.

Проснувшись через пять часов, Охана услышала необычный звук. Она много времени провела в мастерской с Девадасом и знала, что у «кашт таранг» гулкое, деревянное звучание, что «манджира» похожа на звон колокольчиков, а тростниковые трубки издают высокие, писклявые ноты. Но эти печальные звуки были другими. Они плыли по воздуху, окружая Охану и помогая ей вспомнить возлюбленного так отчетливо, словно он был здесь, рядом.

Затем мелодия оборвалась.

Пробираясь по мастерской, заполненной полками с материалами и столами с инструментами, находившимися в различной стадии готовности, Охана нашла Расула у очага за верстаком, сосредоточенно склонившегося над работой.

Подержав острый гравировальный нож над огнем несколько мгновений, он продолжил вырезать сложный узор. Расул славился этим умением; именно поэтому люди приезжали издалека, чтобы купить его изделия.

Изящная, подобно большинству инструментов из берцовых костей животных, эта флейта сочного молочно-белого цвета была украшена необычайно затейливыми узорами.

Закончив вырезать канавку, Расул отложил железный нож на верстак, изучил свою работу и поднес флейту к губам. Словно целуя инструмент, он прижался губами к его телу. Тихий, жалобный свист перерос в звучную ноту, чистую и прозрачную. Подобную воде в горном ручье. Или свету звезд. Звук был божественным. Зачарованная Охана стояла неподвижно, слушая, как звук наполняется модуляциями. Превращается в трель. Затем последовали слова, мягкие, ласковые, телесные, обладающие формой, наполненные смыслом, словно это пели сами небеса.

Охана не смогла бы сказать, как долго она так стояла и сколько видений развернулось у нее в сознании. Музыка прошлого показала ей, что перед этой жизнью они с Девадасом были вместе во многих других жизнях.

Расул протянул Оханае инструмент. Его глаза были теплыми и влажными.

— Флейта — твоя. Храни ее столько, сколько тебе будет нужна ее мелодия, оживляющая воспоминания... — сказал он. — Исполняй эту мелодию, и пусть она поможет тебе помнить, что вы двое уже были в прошлом и будете вместе снова. Нет ни начала, ни конца. Есть только бесконечная страсть. Бесконечная страсть жизни.

Взяв инструмент, Охана прижала его к груди, и впервые после обряда Ашти-Санчаяны, когда было сожжено тело Девадаса, она ощутила присутствие возлюбленного рядом с собой и обрела в этом утешение.

ГЛАВА 110

Вена, Австрия

Вторник, 1 мая, 12.25

После того как половина праха отца была высыпана, серебряная урна стала легче. Меер отступила от могилы, и по знаку раввина из толпы вышли десять мужчин. Од-

ним из них был незнакомец, занявший место Джереми. Встав около могилы, мужчины начали хором читать молитвы, но не по-немецки, а на иврите.

Грудная клетка Меер вошла в резонанс с этим богатым звуком, сердце замедлило удары, подстраиваясь под ритм молитвы. Это были отголоски вибраций поминального кадиша¹, звучавшие у нее внутри. Эту молитву на протяжении последних шести тысяч лет миллионы раз читали над умершими — она несла облегчение и придавала силы, а тем временем душа покидала эту жизнь и готовилась войти в следующую. Вот в чем заключалась суть того учения, которым отец пытался увлечь Меер, которое имело для него такое большое значение, в которое он верил всей своей душой. *Своей душой*. Разбилась ли она на те сотни осколков света, о которых говорил отец? Ищут ли эти осколки новый сосуд?

— Йитгадаш ве-йиткадаш шмей раба...²

Слова поднимались и окружали Меер подобно теплomu ветру.

— Ве-ямлих малхутей, бе-хайейхон у-ве-йомейхон...³

Она не знала их значение, однако они вибрировали у нее внутри так же, как «мелодия памяти», исполненная Себастьяном на флейте, но не вызывая страха и паники. Это были те самые вибрации, обволакивающие ее в подземном склепе, когда она сидела рядом с умирающим отцом. Те самые вибрации, ощущаемые девушкой, когда сын Себастьяна Николас снова и снова распевал в больничной палате свой гимн — вот этот самый гимн.

— Ве-ямлих малхутей, бе-хайейхон у-ве-йомейхон...

¹ Кадиш — еврейская поминальная молитва, прославляющая святость имени бога и его могущество.

² Да возвеличится и освятится великое имя Его... (*арамейский, в сефардском произношении*).

³ Да явит Он царствие Свое при жизни вашей и в ближайшее время... (*иврит*).

Молитва закончилась, а Меер продолжала думать о Николасе, девятилетнем мудреце, знающем эти слова. Видел ли он в тот летний день, как садовник выкопал из земли детский череп? Связаны ли между собой души двух детей — живого и мертвого — каким-то таким образом, что Николас посчитал своим долгом оплакивать этого давно умершего еврейского ребенка? И затерялся в скорби?

Раввин произнес в последний раз благословение.

Слушая его слова, Меер не отрывала взгляда от миньяна, размышляя о той бесполезной жертве, которую принес Себастьян, желающий облегчить страдания Николаса. О переросшей в одержимую манию решимости отца спасти своего сына, вернуть его из страны живых мертвецов.

ГЛАВА 111

Пятница, 2 мая, 13.30

Бывшая жена Себастьяна доктор Ребекка Кутхер сидела за столом, хмуро выслушивая просьбу Меер и стараясь изо всех сил не таращиться на девятерых мужчин, почти-точно застывших у окна. Члены миньяна в черных траурных костюмах и ермолках смотрели на Ребекку с такой добротой и состраданием, что той становилось не по себе.

— Нет, — решительно промолвила Ребекка, когда Меер закончила. — Я приложила столько сил, чтобы оградить Николаса от отца, одержимого этой бредовой идеей. Почему я должна пустить совершенно чужих людей в палату к своему сыну?

— Понимаю, что моя просьба кажется вам странной. Поверьте, такой же странной она кажется мне самой, — сказала Меер, тщетно пытаясь найти способ переубедить эту подавленную горем женщину.

За окном вдалеке солнце сверкало на водной глади озера, ровной как зеркало.

— Ребекка, а вы во что верите?

— В науку, — без колебаний ответила мать Николаса.

— А что насчет бреши между тем, где заканчивается наука, и тем, где начинается тайна?

— Какое отношение это имеет к моему сыну?

— Вы читали работы, посвященные изучению бинауральных ритмов?

Ребекка нетерпеливо покачала головой, и Меер поняла, что ее шансы завоевать доверие этой женщины ничтожны.

— Определенные молитвы и мистические ритуалы, уходящие в глубь тысячелетий, воздействуют на человека, способствуют его духовному и физическому исцелению. Как правило, это слова, обладающие конкретным смыслом, но это также звуки, вибрации. И в последние пятьдесят лет проводились различные исследования, показавшие, как различные виды вибраций воздействуют на сознание. — Меер чувствовала, что теряет Ребекку; она видела это по ее глазам. — Я сама в это не верила, но я испытала эти вибрации на себе... и они мне помогли. Я была там, Ребекка. Там, где сейчас Николас. Я прошу только о том, чтобы вы позволили этим людям пройти в палату к вашему сыну и присоединиться к его пению.

Мальчик даже не поднял взгляд, когда девять мужчин вошли к нему в палату. Николас рисовал, коробка с карандашами лежала рядом. Красный, желтый, ярко-синий и зеленый карандаши оставались в коробке, с остро отточенными, нетронутыми грифелями. На столе были раскиданы те, которыми пользовался мальчик: серый, коричневый, черный, бурый, — жалкие, стертые огрызки.

Николас в который раз рисовал мальчика в темном коридоре, и этот рисунок был в точности таким же, как те, что Меер видела во время предыдущего посещения. Она сама бродила по такому же темному коридору и в конце

концов вышла с противоположной стороны. И вот сейчас она хотела помочь этому незнакомому ей ребенку тоже выйти из коридора. Хотела ради мальчика. Ради него одного. Хотя Меер и понимала, какие причины двигали Себастьяном, она также чувствовала, что, вероятно, никогда не сможет его простить, однако она не могла наказывать мальчика за проступки его отца. Проступки, как в настоящем, так и в далеком прошлом.

Мальчик едва слышно напевал себе под нос, но друзья отца Меер узнали слова. Решение было принято мгновенно, без какого-либо сигнала. Вот звучал лишь тихий детский шепот, затем к нему присоединился один взрослый мужской голос, потом другой, третий, пока все девять голосов не присоединились к голосу Николаса, образовав миньян из десяти голосов, поющих вместе.

Меер опустила голову, не в силах смотреть. Именно сейчас — не в концертном зале, когда там разверзлась преисподняя, не в квартире Бетховена, когда она поняла, где спрятана флейта, не на кладбище, когда она опускала в могилу прах своего отца, а *сейчас*, — слушая вибрации торжественного пения, заполнившие больничную палату, молодая женщина впервые в жизни ощутила присутствие чего-то священного. Было ли это звуком мириад осколков разбитых, разломанных душ, наконец соединяющихся вместе?

Меер вспоминала, как описывал любовь ее отец: любовь — это то, что мы передаем друг другу, что поддерживает нашу жизнь, без чего мы становимся слабыми и уязвимыми, но именно она дает нам силы и душевный покой, когда мы понимаем, что в действительности ее никогда нельзя отнять, что она существует всегда, но только в преображенном виде.

Стоя у могилы отца и слушая эту же самую молитву, Меер думала о Николасе, гадая, не был ли он в прошлом отцом, дедушкой или братом, кому не удалось принять

участие в похоронах ребенка. И без него миньян не смог собраться в полном составе и прочитать надлежащим образом поминальную молитву. Этот отец, дедушка или брат умер или был убит, и у него в сознании осталось чувство невыполненного долга.

Стоявшая рядом Ребекка вздохнула, и Меер, посмотрев на нее, увидела на лице у матери Николаса слезы и выражение недоумения. В палате наступила тишина. Миньян перестал петь. Кадиш был произнесен. Николас умолк вместе с остальными. Мальчик сидел за столом, уставившись на рисунок, но он больше не распевал свою бесконечную песню, не качался из стороны в сторону, не брал в руку карандаш. Он сидел совершенно неподвижно.

Шагнув к нему, Ребекка опустила на колени.

— Николас? — прошептала она.

Мальчик обернулся и посмотрел на свою мать. Его глаза, бывшие минуту назад абсолютно безжизненными, зажглись ярким огнем, к которому примешивалось смущение. Он уже не был оторван от окружающего мира и от себя самого. Да, Николас был бледным и слабым, и ему, несомненно, понадобится помощь, но он впервые за много дней видел то, что находилось перед ним. Он увидел, как мать протянула к нему руки, заключая в объятия, и ответил ей тем же.

Через плечо сына Ребекка подняла взгляд на Меер.

— У вас есть дети? — спросила она.

— Нет.

— В таком случае вы не поймете всей глубины моей благодарности.

Меер захотелось узнать, что останется в памяти у Николаса. Что он сможет рассказать о последних шести месяцах своей жизни, когда станет старше, достигнет ее возраста и кто-нибудь спросит его о том, что с ним тогда произошло. Вспомнит ли он ощущение этих вибраций, звучавших сегодня в его теле, в крови, в костях?

Ее отец был бы счастлив увидеть то, что она сейчас видела. Он объяснил бы случившееся, прибегнув к теории об упругости человеческого духа и человеческой души, связав все с теорией о бинауральных ритмах и взглядами Пифагора на связь перевоплощения с математикой, числами, звуками и круговым временем. С присущим ему бесконечным оптимизмом использовал бы это как доказательство всего того, в чем он так долго пытался убедить Меер: она должна понять связь своего собственного прошлого и будущего.

«Ты видишь, как все просто? Достаточно только... — слышала Меер голос отца, — открыть себя космосу, который тебя окружает. Увидеть его во всех его таинственных измерениях. Без предвзятостей. Без предпосылок. Милая, тебя ждет музыка, которую тебе предстоит сочинить. И тебе был нужен лишь ключ, чтобы открыться для нее. И этот ключ является чудом вселенной. Все те мелодии, которые ты никак не могла вспомнить. Теперь ты их найдешь».

Замечание автора

Как и в первом романе серии, в данной книге смешиваются действительность и вымысел.

Погребальный обряд, музыкальные инструменты, культура, обычаи и растительность древней долины Инда детально изучены, и в их описании я старалась придерживаться известных фактов.

Практически все даты и описания исторических событий, таких, как Венский конгресс, соответствуют действительности, как и описания достопримечательностей этого прекрасного города, в котором я провела несколько месяцев. Под Веной действительно спрятан целый запутанный подземный мир, изобилующий тоннелями и археологическими сокровищами. И там действительно есть несколько подземных геотермальных озер, хотя, насколько известно, под главным концертным залом ничего такого нет. Склеп сердец, художественный салон «Доротеум», музеи, мемориальные квартиры Бетховена, Центральное кладбище и клиника Штейнхофа существуют на самом деле. К сожалению, то же самое относится и к чудовищным экспериментам, которые некогда проводили в клинике нацисты; полученными результатами пользовались долгие годы после войны.

Насколько мне известно, никакого Общества памяти нет, хотя в Австрии существовало множество тайных объединений, последователей масонов — некоторые из них, вероятно, продолжают свою деятельность до сих пор.

Фонд «Феникс» не существует. Однако описание его деятельности дано под впечатлением работ, проводимых в медицинском центре Университета штата Вирджинии доктором Яном Стивенсоном. Он на протяжении более тридцати лет наблюдал за детьми, страдающими воспоминаниями о прошлой жизни. В настоящее время работы Яна Стивенсона продолжают доктор Брюс Грейсон и доктор Джим Таккер. (Этих замечательных специалистов ни в коем случае нельзя винить за пороки и недостатки доктора Малахая Самюэlsa.)

В исследовании проблемы бинауральных ритмов получены поразительные результаты, в частности, позволяющие предположить, что эти колебания могут открывать канал к воспоминаниям из прошлой жизни. Доказано, что священные мелодии, песнопения и повторяющиеся звуки способны воздействовать на головной мозг и влиять на восприятие окружающей действительности.

Широкое распространение науки и знаний Востока в Европе произошло в конце XVIII века благодаря австрийскому востоковеду Йозефу фон Гаммер-Пургшталю, а также англичанину сэру Уильяму Джонсу и французу Сильвестру де Саси. В тот начальный период эпохи Просвещения стало очень популярным изучение восточной философии, и в том числе проблемы перевоплощения. Людвиг ван Бетховен действительно был в числе тех, кто интересовался этими вопросами. В его записных книжках содержится несколько выдержек из «Бхагавад-Гиты», а также цитата из работы Уильяма Джонса «Гимн Нараяне»: «Мы знаем только то, что мы ничего не знаем».

Оглавление

Глава 1.....	7
Глава 2.....	13
Глава 3.....	21
Глава 4.....	24
Глава 5.....	32
Глава 6.....	42
Глава 7.....	47
Глава 8.....	53
Глава 9.....	56
Глава 10.....	58
Глава 11.....	64
Глава 12.....	69
Глава 13.....	77
Глава 14.....	80
Глава 15.....	87
Глава 16.....	92
Глава 17.....	93
Глава 18.....	96
Глава 19.....	100
Глава 20.....	102
Глава 21.....	107
Глава 22.....	110
Глава 23.....	112
Глава 24.....	117

Глава 25.....	123
Глава 26.....	130
Глава 27.....	141
Глава 28.....	145
Глава 29.....	154
Глава 30.....	162
Глава 31.....	166
Глава 32.....	167
Глава 33.....	169
Глава 34.....	175
Глава 35.....	179
Глава 36.....	181
Глава 37.....	188
Глава 38.....	194
Глава 39.....	199
Глава 40.....	201
Глава 41.....	204
Глава 42.....	208
Глава 43.....	208
Глава 44.....	210
Глава 45.....	214
Глава 46.....	219
Глава 47.....	225
Глава 48.....	228
Глава 49.....	233
Глава 50.....	234
Глава 51.....	239
Глава 52.....	250
Глава 53.....	254
Глава 54.....	256
Глава 55.....	258
Глава 56.....	260

Глава 57.....	262
Глава 58.....	266
Глава 59.....	268
Глава 60.....	272
Глава 61.....	274
Глава 62.....	278
Глава 63.....	279
Глава 64.....	283
Глава 65.....	284
Глава 66.....	287
Глава 67.....	290
Глава 68.....	294
Глава 69.....	301
Глава 70.....	302
Глава 71.....	306
Глава 72.....	308
Глава 73.....	312
Глава 74.....	314
Глава 75.....	315
Глава 76.....	315
Глава 77.....	318
Глава 78.....	321
Глава 79.....	326
Глава 80.....	327
Глава 81.....	334
Глава 82.....	339
Глава 83.....	344
Глава 84.....	346
Глава 85.....	349
Глава 86.....	350
Глава 87.....	353
Глава 88.....	358

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 89.....	360
Глава 90.....	363
Глава 91.....	367
Глава 92.....	368
Глава 93.....	369
Глава 94.....	371
Глава 95.....	372
Глава 96.....	374
Глава 97.....	376
Глава 98.....	380
Глава 99.....	380
Глава 100.....	386
Глава 101.....	391
Глава 102.....	393
Глава 103.....	396
Глава 104.....	400
Глава 105.....	402
Глава 106.....	407
Глава 107.....	412
Глава 108.....	413
Глава 109.....	415
Глава 110.....	417
Глава 111.....	419
<i>Замечание автора</i>	424

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

М. Дж. Роуз

МЕМОРИСТ

Ответственный редактор *В. Хорос*
Редактор *Я. Златкис*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Г. Романова*
Компьютерная верстка *Т. Кирпичева*
Корректор *Т. Романова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 127299, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru. E-mail: info@eksmo.ru.
Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,
факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан
Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3«а», Б литері, 1 кеңсе.
Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Подписано в печать 22.03.2013. Формат 60×90¹/₁₆.
Гарнитура «SchoolBook». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,0.
Тираж 4000 экз. Заказ 2203.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-63683-9

9 785699 636839 >

Оптовая торговля книгами «ЭКСМО»:

ООО «ТД «ЭКСМО». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «ЭКСМО» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «ЭКСМО»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-ЭКСМО»:**

Компания «Канц-ЭКСМО»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «ЭКСМО» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «ЭКСМО» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «ЭКСМО» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ ЭКСМО-Украина», Московский пр-т, д. 6.

Тел./факс: (044) 498-15-70/71.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «ЭКСМО»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601

www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «ЭКСМО»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «ЭКСМО»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

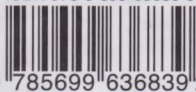

М. ДЖ.
РОУЗ

С раннего детства Меер Логан преследовали странные воспоминания и образы, возникающие из ниоткуда. И тем не менее Меер чувствовала, что они – часть ее прошлого. А еще она слышала музыку, причудливую и тревожащую, но никак не могла запомнить ее... И вот теперь Меер получила известие от своего отца, историка и антиквара, о том, что в Вене найден ключ к местонахождению древнего артефакта – «флейты памяти». Говорят, если сыграть на ней определенную мелодию, в тебе оживут воспоминания обо всех твоих предыдущих жизнях. Желая раскрыть тайны своего подсознания, Меер приехала в Вену. Теперь осталось лишь отыскать эту флейту, некогда скрытую от людей великим Бетховеном, испугавшимся ее мистической силы. Но желание «вспомнить все» грозит девушке смертью. Потому что есть вещи, которые лучше не вспоминать...

ISBN 978-5-699-63683-9

9 785699 636839 >

МЕМОРИСТ

ЭКСМО